

Илья Тё
Война для Господа Бога
Твердый Космос – 2

Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
«Война для Господа Бога»: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-9942-0378-1

Аннотация

Господь Гор, умерший много лет назад, воскрешен в клонированном теле в неизвестной ему вселенной Твердого Космоса. Перед ним встает выбор – влачить жалкое существование смертного или вернуть прошлую мощь.

В составе победоносной армии рабов-сервов, с которых он сумел снять электронные ошейники, Гор захватывает провинцию за провинцией, стремясь добраться до таинственных храмов Хепри, божества местного Мироздания, где кроются ответы на интересующие его вопросы.

Однако, вступив в войну, падший Бог вскоре понимает, что сражается не только с поработителями Твёрдого Космоса, но и с собственным эгоизмом Творца-одиночки, не знавшего ранее, что такое истинная дружба и мечта о высокой любви.

Пламя восстания по-прежнему бушует на просторах Искусственного Мироздания сокрушительной бурей, гоняя по древним трактам многоголовые армии, но Творец Гор уже мечтает о другом...

Илья Тё
Война для Господа Бога
Часть первая

Орудие заряжается

Пролог

Создателя звали Ра.

Ра сотворил пространство, настолько огромное, что оно не поддавалось описанию, – гигантскую, чудовищную бездну, раскинувшуюся по всем направлениям в бесконечность.

Ра заполнил это пространство каменной Твердью – скальной породой, железом и кремнием, гранитными плитами и пластами базальта, распределив гравитацию так, чтобы плоть новорожденного мира не стягивалась притяжением в клочующий ад из кипящих корпускулов, как в ядрах звезд и планет.

И не было верха здесь и не было низа, ибо повсюду, куда мог дотянуться разум Создателя, простирался лишь камень.

Внутри же каменной Тверди Ра поместил гигантские пузыри – вывернутые наизнанку планеты. Каждый пузырь напоминал пустой шар, заполненный кислородной атмосферой. Самый ничтожный из пузырей мог спорить размером с диаметром звездной системы, настолько он был огромен. И чтобы усилить сходство, внутри каждого из «пузырей» Ра зажег по звезде, чтоб освещать и согревать их. По воле Ра сотворенные звезды медленно пульсировали, освещая миры-пузыри тихим светом Луны в часы ночи, а днем вспыхивая ярким солнцем.

На внутренней поверхности планет-пузырей, со всех сторон ограниченных Твердью, Ра расселил своих клонов, как женщин, так и мужчин.

Клоны чтили его как «Ра», хотя милей ему было – «Хепри», ведь ему следовало отличаться от истинного бессмертного Божества!

Он нарек творение Твердым Космосом, и слово Его было верным, ибо в этой юной вселенной вместо мириад парсек холодного вакуума, что разделяют миры в обычных вселенных, простиралась Бесконечная Твердь.

Люди же называли новый дом Эшвеном, или Камнем, полагая свою необычную родину незыблемой и прочной, как неподъемная гранитная глыба...

Но они ошибались!

Убийца Ра уже шел по его следам...

Глава 1

Враг в логове Искусственное Мироздание. Континиум Твердого Космоса. Центральная планета-каверна

Пятнадцатого дня месяца Фармутин, едва только стало светать, жителей Бургоса – славной столицы Вселенского королевства – разбудили крики многочисленных разносчиков газет, наводнивших главные улицы города – от аллеи Львов до авентина Бориноса. Кардинал Амир, архиепископ Артошский и глава всей Бургосской курии пребывал этой ночью в Пашкот-паласе, в старом Ново-Апостольском дворце, и вышел на обширную лоджию, чтобы полюбоваться видом пробуждающейся столицы.

«Новизна» Ново-Апостольского дворца была, конечно, относительной, поскольку в таком виде он существовал уже без малого две с половиной тысячи лет и был основан, как известно, сразу после завершения Господом Хепри-Ра колониальных войн, объединивших не только эшвенские Великие королевства – Артош, Артону и Аран с Боссоном, но и почти весь известный на тот момент мир.

Тогда, после покорения мятежных стран Антийского каскада, Господь отпраздновал свой послед-ний триумф и провозгласил Бургос столицей всех объединенных под его дланью земель. До этого его резиденцией как Двенадцатого апостола и как Первого Единого короля Эшвена считался то ли Стеллополь – главный порт Эльбиники, то ли вообще тайный город храмовников в Сакральной долине.

Поговаривали, что бесноватый король Боринос Победоносный, наследник светской власти Хепри и нынешний правитель, собирается перенести свою столицу поближе к морю, в деревушку где-то недалеко от Литавры и отгрохать там крупнейший на внутреннем море порт и помпезный город, призванный поразить окружающие Эшвен покоренные варварские народы нетленным величием своего архитектурного гения.

Некоторые называли даже имя возможной столицы – ГрейтБориБерг – «Город Великого Бориноса», или КароБерг – «Город Короля», предоставив Бургосу оставаться только религиозной и церковной столицей мира. Однако его высокопреосвященство кардинал Амир относился к таким мечтам-проектам с известной долей скепсиса, если не сказать презрения.

На личность придурковатого Второго Единого короля, обязанного Господу Хепри и престолом, и богатством, и даже просто военной безопасностью своей вселенской державы, Амир смотрел безо всякого уважения. Уж больно мелкой являлась личность монарха. А если личность мелка и неудачно скроена, полагал Амир, то и мечты у личности будут неправильные и дурные. Как бы там ни было, к строительству новой королевской резиденции только приступили, дочерчивая первые «проекты» и насыпая первые дамбы на побережье, а столицей мира все еще оставался огромный, раскинувшийся перед кардиналом Бургос...

Древний Ново-Апостольский дворец расположился в самом центре знаменитого города. Его окружал небольшой сквер, огороженный решетчатым забором с замысловатым чугунным литьем и латунными декорами, изображающими эшвенских грифонов с кардинальскими гербами. Хотя забор был достаточно высок, он не закрывал резиденцию духовного владыки от городских улиц полностью, и с высоты четвертого этажа Амир мог без труда наблюдать за монотонной и суетливой жизнью той части «столицы мира», которая протекала бурлящим потоком мимо фасада его дворца.

Пашкот-палас действительно был *его* дворцом, а давно уже не апостольским. Собственно Апостол-Господь Хепри-Ра появлялся здесь лишь дважды. В первый раз – при выборе места для будущей резиденции, когда старый замок правителя этой земли передали во владение церкви, для перестройки под нужды священного обиталища, а во второй – непосредственно при торжественном открытии Пашкот-паласа вознесенным Апостолом Хепри уже после реконструкции.

С этого трогательного события прошло уже более двух тысяч лет, но Хепри так и не удосужился побывать здесь еще раз. Странно, но именно в столетия колониальных войн Его Божественность Единый Король-Господь Хепри пребывал на Эшвенском субконтиненте постоянно, лично руководя армиями и флотами, наблюдая за городским строительством, прокладывая дороги и основывая собственные храмы, однако сразу после наступления мира и утверждения власти церкви над бесчисленными странами и морями Невона-0143 он исчез, являясь исключительно редко, почти всегда ненадолго и только в Сакральную долину.

Церковь от этого, разумеется, не осиротела. Механизмы храмов работали исправно, торговля това-рами и людьми процветала, земли прирастали, богатства и влияние множились. Верховные иерархи церкви Хепри на эти годы стали почти самостоятельными правителями всех каверн Эшвена, лишь немного корректируя собственные амбиции с мнением короля Бориноса и скупыми указаниями Господа в зашифрованных электронных письмах.

Над каждой маркой Эшвена еще во время постоянного пребывания Господа в этом мире был поставлен свой архиепископ, а в каждой завоеванной Эшвенем колонии – свой епископ. Епископ и архиепископ были равны между собой по статусу и не подотчетны не то что друг другу, а вообще никому, кроме, разумеется, вечно отсутствующего Божества – их бывшего двенадцатого апостола. Земли, подчиненные как епископам, так и их коллегам с приставкой «архи», назывались епархиями, а вовсе не «архиепархиями».

Так что отличия между епископом и архиепископом состояли лишь в названии: являться архиепископом исконно эшвенской епархии, а не епархии колониальной было

почетней, в остальном же разницы никакой.

Почти.

Поскольку незадолго до своего первого отбытия Господь учредил особый совет, призванный координировать действия епископов и архиепископов во время его отсутствия. Совет этот назывался «Бургосская курия» и включал в себя не только всех епископов и архиепископов поголовно, но и по выбору уже включенных в совет клерикалов, любых других иерархов или видных деятелей храмов Хепри.

Каждый из включенных в курию членов именовался отныне кардинал, то есть член курии, вне зависимости от должности, занимаемой в иерархии церкви. А поскольку курия была бургосской, а не какой-то иной, то и руководить ей, исполняя роль секретаря и председателя заседаний, стал именно он, Амир, архиепископ Артоша и Бургоса, кардинал и куратор.

Мягко и ненавязчиво Амир переехал из затерянного в глуши столичных предместий Бургосского храма в великолепный апостольский дворец в самом центре города, перестроив под свои нужды и нужды своих подчиненных и гостей его многочисленные помещения. На случай внезапного прибытия Хепри в Бургос Амир оставил нетронутыми спланированные лично Господом Большую Спальню, любимый Овальный кабинет и Большой Приемный или Тронный покой – тронь он эти помещения, и можно было лишиться не то что сана, но и головы.

Подмяв под себя Бургосскую курию в отсутствие Высшего руководителя, кардинал Амир, по большому счету, стал фактическим властелином всей церковной иерархии для мира Невон. Ему не подчинялись только учреждения церкви, размещенные непосредственно в Сакральной долине, а также храмы, расположенные в султанате Эльбиника.

Приор долины назначался лично Господом и в Бургосскую курию не входил, а главой храмов в Эльбинике, как повелось издавна, являлся военный руководитель провинции – пресвитер и султан, сатрап Антиберий.

Размышления Амира между тем прервал звонкий голос разносчика газет.

– Внимание! Внимание! – вопил разносчик, побуждая горожан либо вылезти из кровати и прислушаться к новостям, либо посильнее уткнуться носом в подушку, если новости эти были не интересны. – Сокрушительный разгром королевского арсенала в Боссоне! Его величество посрамлен! Кровожадные сервы убили тысячу человек!

И с этими словами разносчик подбегал по очереди к каждому состоятельному дому и распахивал свернутые трубочкой газеты по почтовым ящикам, а затем бежал дальше. В мире без массмедиа, как сказал бы уроженец «Корпорации» Гордиан Оливиан Рэкс, разносчики совмещали функции почтовой доставки с утренним радио и ежедневной трансляцией новостей.

– Что орет этот ненормальный? – удивился Амир, обращаясь к камергеру, вошедшему в лоджию, чтобы вынести оставшиеся с вечера возле кровати пустой бокал из-под вина и недоеденные кардиналом фрукты. – Пусть наш король и идиот, но разве можно так орать об этом во всеуслышание! И я не понимаю, кто мог напасть на армейские склады в Боссоне? Там ведь нет ни разбойников, ни непокоренных соседей.

– Сервы, господин, – с каменным выражением лица одними губами прошелестел слуга. – Разносчик говорит, что сервы напали на арсенал и убили тысячу человек.

– Ч-черт-те что! – пробубнил себе под нос кардинал и, еще раз посмотрев на утренний, такой умиротворенный и светлый город, с хрустом потянулся: приступать к делам страсть как не хотелось.

Однако Боссон – его епархия. Он вернулся к кровати и покрутил ручку на неуклюжем телефонном аппарате.

– Кто там? Селена? Ну-ка викария ко мне, живо! – С этими словами кардинал кинул трубку. Телефон жалобно скрипнул от жестокого обращения, но выдержал.

Казалось, спустя всего пару мгновений в кардинальскую опочивальню вбежал бледный то ли от страха, то ли от вечного сидения в закрытом кабинете господин викарий –

начальник канцелярии кардинала, по совместительству мажордом, руководитель кадрового аппарата и начальник разведки. Викарий был высок, хорош, светел лицом и вообще имел облик даже как-то благородный, хотя являлся всего лишь сервом.

Выпалив «Ваше преосвященство!», он вытянулся в струну, ожидая от начальства взбучки неизвес-тно за что, но по полной программе.

– Ты, сукин кот, тварь! – с малых оборотов начал кардинал. – Какой Боссон? Какие сервы? И почему я узнаю об этом из газет? Отвечать!

Поняв, в чем дело, викарий позволил себе вздохнуть чуть свободней – взбучка будет, но, по крайней мере, известно за что.

– Все произошло слишком быстро и неожиданно, – отчеканил он. – Известие о нападении гонец привез ночью. И привез не нам, а сенешалю марки, генералу армии Бавену. Тот, разумеется, оформил все тихо, послал рапорт, но гонец при прохождении в Бургос сообщил новость габеларамна воротах. Оттуда известие попало на улицы и в газеты – видимо газетчики тираж сработали ночью. Мы не посмели будить вас, сэр!

– С гонца шкуру спустить, с подонка. Откуда гонец, кто прислал?

– Гонец из Атни, это селение в Боссоне рядом с Руцием. В Руции у Бориноса пограничный арсенал на случай войны. Точнее – был арсенал. А с гонца шкуру не спустить, сэр, он не служивый, а доброхот, из свободных мещан. У него в Атни хутор, а в Руции дружил с каптулярием, фураж туда поставлял. Человек небогатый – на хуторе по интендантским записям у него рабов двадцать имелось, не более. Один из немногих уцелевших мещан в Боссоне, все свободные подданные ведь оттуда посъезжали в города еще лет десять назад. Уникум в общем. Гнал всю ночь на одной своей лошади, потом на другой и, наоборот. Сейчас, по-моему, в одном из местных кабаков, делится впечатлениями.

Кардинал выругался. Черт! Все надо самому контролировать! Ну что за люди?!

– Из кабака гонца изъять! – рявкнул он. – И доставить сюда, пусть делится впечатлениями с тобой, а не с мещанами. И что значит это твое «по-моему»? Ты должен всё знать точно!.. Еще что? Кто налетел? Неужели и вправду сервы?

– Они. Сервы, точно!

– Значит, замешан хозяин. Кто у них там? Надо брать гада – и в королевский суд. А сервов – конфисковать на нужды епархии. Надеюсь, сенешаль уже разобрался. А если нет – сменю сенешаля на хрен. Обленились. И ты куда смотрел? Землю у меня жрать будете!

Викарий шаркнул ножкой.

– Простите, милорд, однако ситуация гораздо сложнее. Хозяина давно определили, это лорд Брегорт, потомственный шательен, известный писатель. Ну тот, знаете, что ужастики пишет. «Гнев Вампира» или там «Эй, люби меня и пей!». А еще стихи. Кстати, он является противником рабства. У него есть даже стихотворное эссе по этому поводу, называется... что-то вроде «Дитя Свободы, вдохновенье»...

Кардинал упер в викария злобный застывший взгляд. Начальник канцелярии понял, что несколько отвлекся от темы, а потому, оторвав глаза от готового к взрыву кардинала, кашлянул и продолжил:

– Однако Брегорт судя по всему ни при чем. Сервы напали на арсеналы сами, сэр. Известно, что они каким-то образом сняли ошейники и более не починаются не только ни чьим приказам, но и принуждающим сигналам из храмов. На сегодняшний день в ближайших к месту событий храмах зафиксировано почти пятнадцать тысяч вышедших из строя хомутов, отключившихся, но не убивших своих владельцев. И количество «освобожденных» увеличивается с катастрофической быстротой. Эпицентр этой эпидемии поломок – Дуэльная школа Рэя Брегорта, там уже свободны все поголовно. Однако процесс распространяется и на другие поместья. Боюсь, что ситуация выходит из-под контроля. Сенешаль Боссона в Бронвене, генерал Жернак, собирает полки. Сенешаль Артоша Бавен, префект Бургоса, главы силовых магистратов и представители курии ждут вас в холле, милорд. Мы ждем ваших указаний!

С этими словами викарий застыл, превратившись в немую статую ангела служебного

рвения и исполнительности, готовый внимать каждому слову и движению господина.

В немом ступоре застыл и кардинал. Спустя почти минуту, до сих пор не веря своим ушам, он выдавил из себя:

– Вам точно известно, что это не внутрихрамовая поломка? Они что действительно *сами* снимают ошейники?

– Я лично проверил аппаратуру в храмах, сэр. Снимают сами и вполне сознательно – в этом нет сомнений. Так же как шесть дней назад они сами и сознательно взяли Руций с его мушкетами и артиллерией.

– Боже! И для чего им артиллерия? Неужели для грабежа усадеб уже не хватает вил и топоров?

– Для войны, Ваша святость. Тот гонец говорит – оружие нужно сервам для войны. И, похоже, воевать рабы собрались серьезно, милорд. По некоторым данным, на севере Боссона они собирают настоящую армию.

Глава 2

Бунт начинается Боссонский край. Тот же день

Пятнадцатого дня месяца Фармутин, Господь Тринадцатимирья, акционер Корпорации Нулевого Синтеза и великий *Тшеди* по имени Гордиан Оливиан Рэкс проснулся поздно и с мрачным лицом выглянул в окно. Медиас Кордис светил ярче некуда, это значило – был уже полдень и он продрых в кровати почти одиннадцать часов. Г.О.Р. вяло ругнулся и помассировал сонное лицо.

Хотя с момента освобождения от хомутов всех сервов поместья лорда Брегорта прошла уже ровно неделя, вчера случилась первая ночь, когда бывший бог и демиург смог по-настоящему выспаться. До этого на отдых не оставалось и минуты. Последние дни напролет Гор с небольшим отрядом мотался по окрестностям Руция и Кербуля, утверждая власть виликов на освобожденных просторах Северного Боссона и набирая новых бойцов в ряды рабской армии. Каждые сутки из этой долгой недели его текущее расписание выглядело предельно простым: короткий сон – в седло, короткий сон – в седло.

Из последнего двухдневного похода Гордиан вернулся только вчера. От места предыдущей стоянки до Руция было почти двадцать километров, поэтому в ворота временной столицы сервского бунта они с Никием влетели уже поздно вечером. Быстро добрались до выделенной им казармы, скинули со спин мушкеты, поставили взмыленных антийцев в стойла на попечение грума и завалились спать. Сейчас, одиннадцать часов спустя, солнечные лучи пронзали стекло окна и пыльный тюль как копье пикинера – насквозь...

Гор тихо ругнулся и тревожно посмотрел на часы. До назначенного на сегодня Совета виликов осталось всего ничего, и можно сказать, он просто чудом не проспал эту важнейшую встречу. Павший демиург торопливо оделся, вышел на улицу и быстрым шагом направился в сторону центра Руцийского лагеря, где сейчас решалась судьба восстания и, по большому счету, его собственная судьба новорожденного клона и павшего божества...

Первое клонирование Гора произошло очень давно – ровно триста шестьдесят один год назад. Тогда, поступив на службу в Нуль-Корпорацию, юный клон Гордиан Рэкс получил новое, только что изготовленное тело, выглаженную, ладную униформу Нулевого Синтеза, с нашивками на плечах и сверкающий именной бластер, полагавшийся каждому военнотружущему Нуль-Корпорации. Впрочем, никаких «иных» служащих Корпорация не держала – только военных, и любой из ее менеджеров, коммивояджеров или дипломатов автоматически превращался в ее солдата.

Согласно туманным и редко открыто упоминавшимся легендам глобальной Сети, Нуль-Корпорацию основали необычные люди, впоследствии прозванными богами-акционерами. Изначальная вселенная, откуда явились эти ложные технобоги, родилась в пламени Большого Взрыва – так, по крайней мере, вещала одна из самых распространенных

естественнонаучных теорий. Из маленькой точки, вместившей всё пространство и вещество, грянул взрыв, создавший единственную известную на сегодня *естественную* вселенную. Именно там, под лучами «настоящих» звезд, на поверхности «нерукотворных» планет возникло и выросло оригинальное Человечество.

Однако у единственной когда-либо существовавшей Естественной Вселенной был навязчивый недостаток – однажды родившись, она должна была умереть...

Электронные легенды Сети, хранящиеся в неизменном виде более миллиарда лет на секретных сайтах Нуль-Корпорации, умалчивали, что именно послужило причиной гибели изначальной Естественной Вселенной. Однако логика подбирала для таких причин массу версий: от банальной тепловой энтропии до пожирания пространства черными дырами. Версий всегда было много, но факт оставался един. Естественная Вселенная погибла, но незадолго до ее краха будущие основатели Нуль-Корпорации сумели покинуть умирающую родину и создать для себя новое обиталище – первый в истории *Искусственный Мир*. После этого человечество продолжило свой путь в совершенно иной вселенной – рукотворной от начала и до конца...

Сначала уцелевших было немного – восемьсот, может быть, тысяча человек, солдат и пилотов, чиновников и ученых. Но недостаток своего числа беглецы компенсировали переизбытком силы. В их руках находились удивительные машины, даровавшие будущим богам человечества почти вселенскую мощь!

Техночудес имелось ровно четыре.

Первым являлся *нулевой синтез* – способность создания материи и пространства из пустоты, вернее, странной субстанции, которую ученые Корпорации называли впоследствии «Нуль». Гордиан Рэкс не был физиком-специалистом, но знал, что субстанция Нуля являет собой некий вариант протоматерии и отличается от простого отсутствия чего-либо. Именно благодаря нулевому синтезу основатели Корпорации могли создавать свои Искусственные Миры.

Вторым чудом являлись *нуль-порталы*, то есть внепространственные туннели, соединяющие первые рукотворные миры между собой. Собственно, нуль-синтез и нуль-портал являли собой одно целое, ибо всякий Искусственный Мир создавался с помощью нуль-портала, через который, как гелий в воздушный шарик, надувалось пространство и проникали машины для создания звезд и планет...

Третьим чудом стал *ишед*, невероятный, неразрушимый материал, из которого изготавливались ободы нуль-порталов и машины нуль-синтеза...

Наконец, четвертым, последним даром технобогов стало чудо *Хеб-седа* – искусственной реинкарнации. В голову каждого технобога встраивался ней-рошунт, соединенный с компьютерной Сетью. В случае смерти, шунт копировал и передавал матрицу умершего божества в специальное тело, заранее выбранное будущим владельцем из клонического каталога. Хеб-сед, таким образом, обеспечивал неуязвимость и бессмертие псевдобогов.

Благодаря четырем техническим чудесам, Искусственное Мироздание расширялось и множилось с момента сотворения своего первого *кластера* бесчисленные тысячи и миллионы лет.

Анналы Глобальной Сети умалчивали, откуда взялись четыре великих сокровища. Зато не умалчивали об их новых владельцах...

Как в насмешку, уцелевшие после гибели родины псевдобоги выбрали себе мифические имена, заимствованные ими из первобытных варварских пантеонов, – такие как Тот или Пта, Осирис или же Сет...

Однако самым могущественным из возрожденных таким образом языческих божеств был некто по имени Аннубис, именуемый также «Богом Смерти» и «Учредителем Корпорации». О причинах выбора подобной системы именований Гор ничего не знал, ибо, в отличие от большинства других демиургов, являлся относительно молодым богом-акционером.

Предложенная Аннубисом система устройства мира походила на огромное промышленное предприятие. В каком-то смысле это было логично, ведь главной функцией основанной Аннубисом Корпорации являлось производство Искусственных Миров – нового ареала обитания человечества. По сути, уцелевшие люди создали разветвленную систему гигантских заводов, занятых строительством пространств-кластеров. По мысли Аннубиса, созданная им система заводов, продолжала, таким образом, дело самого Творца – истинного божества, которое сотворило все сущее. А посему, новые владельцы этой «изготавливающей» мира промышленной структуры вполне могли именоваться богами.

Аннубис стал первым руководителем нового вселенского порядка. Искусственные Миры становились все больше и разнообразнее – Нуль-Корпорация непрерывно росла. А поскольку той тысячи человек, что сбежала из разрушенного Естественного Мироздания, уже не хватало для воистину космических целей, Бог Смерти, вопреки собственному имени, приступил к созданию новой жизни и возрождению Человечества. Гигантские клонические фабрики засеяли искусственные планеты. На фабриках в бесчисленных клонических колбах, распределенных по ярусам, линиям и этажам, произрастали и зрели искусственные тела.

И тогда был пройден еще один шаг, изменивший историю Искусственного Мироздания навсегда: чтобы не тратить времени на воспитание в искусственных телах полноценных личностей, Аннубис приказал создать виртуальные копии погибшей естественной вселенной – так называемые *программные миры*. Из них он велел черпать *прогов* – то есть матрицы памяти давно погибших людей. Эти матрицы в сотнях тысяч, в миллионах и даже в миллиардах повторений записывались в пустые головы клонов – и те оживали. Взрослыми, разумными, зрелыми людьми, но с «древней» памятью сгинувших в небытие мертвецов.

Это новое «клоническое» поколение стало первой волной работников Корпорации и первой партией искусственных людей. Затем ее сменила другая волна, затем третья, затем десятая – в бешеном темпе раса людей возрождалась в фабричных цехах.

Аннубис создавал разных людей – для своей армии он выращивал прирожденных бойцов, для своих кораблей – прирожденных пилотов. Прирожденные садовники поливали цветы в искусственных полисадах и прирожденные проститутки выходили на улицы искусственных городов...

Клон Гордиан Рэкс был выращен прирожденным *машинным Тшеди*, специалистом по компьютерам и сетям, экстрасенсом силиконовых линий и демоном серверов. Эта профессия стала для него великой удачей и высшим счастьем: благодаря своему удивительному и необычайно редкому даже для Искусственного Мироздания таланту, Гор быстро продвигался по службе, достиг вершины карьеры и, выйдя на пенсию, сколотил приличное состояние. Уже к двухсотому году своей насыщенной, но ныне достаточно обеспеченной жизни, Гор выкупил стандартный комплект акций Нуль-Корпорации, став, таким образом, демиургом-акционером, одним из бесчисленных собственников «Нулевого Синтеза» и его псевдобогов.

Деньги в Искусственном Мироздании всегда значили нечто большее, чем просто роскошь и независимость. Прежде всего деньги означали божественность и ... возможность творить миры. Воспользовавшись этим, Гор выстроил себе целый кластер – огромный карманный мир, где инженеры Нуль-Синтеза соорудили ему под заказ тринадцать удивительных, не похожих друг на друга планет. С двор-цами, гаремами и многочисленной прислугой.

А еще деньги в Нуль-Корпорации означали клоническое бессмертие.

В триста шестьдесят лет, устав от безделья и скуки – этих вечных спутников всемогущества, Гор решил освежиться, выбрав себе новое тело. В качестве будущей оболочки скучающий бог-мультимиллиардер изготовил могучего клона – высокого, с костями из стали и увитого мускулами как жгутами. Усаживаясь в колбу Хеб-седа, Гор приготовился очнуться в выбранном теле, чтобы изведать вторую жизнь во всем великолепии ее новых радостных ощущений...

Однако аппарат, видимо, выдал сбой.

Новизну ощущений, впрочем, это совсем не отменяло.

* * *

Проснувшись в неизвестном месте неизвестного времени, демиург Корпорации Гордиан Оливиан Рэкс осознал две простые вещи: не надо беситься с жиру и не нужно искать лучшее от хорошего. Это были умозрительные выводы, сделанные им после пробуждения. Более практические аспекты неудачной реинкарнации полубога выглядели еще более прозаически: трехсотшестидесятилетний разум владельца карманной вселенной находился в теле тощего клона-полуподростка и ... утратил дар *Тшеди*, то есть способность управлять компьютерами машин.

Биологический возраст новой оболочки составлял от силы шестнадцать, а быть может, пятнадцать лет, а само тело казалось тощим и недокормленным, как дохлая тушка сурка, открытого по весне растаявшим снегом. Однако этим поразительные откровения не исчерпывались. К своему вящему удивлению, Гордиан Рэкс вскоре понял, что оказался не только в новом теле, но и в новом мире, совершенно неизвестном на его старой искусственной родине! После выяснения общих подробностей Гор смог узнать только то, что в «кавернах Эшвена», а именно так именовали эту вселенную местные жители, никто никогда не слышал о кластерах и Нуль-Корпорации и весь окружающий его гигантский, почти бесконечный мир является творением Хепри-Ра – удивительного солнечного Божества. Учитывая, что Учредитель Нуль-Корпорации традиционно почитался своими менеджерами и инженерами как Бог Смерти и Тьмы, специализация местного Творца, мягко говоря, настораживала...

Вскоре выяснилось, что Эшвен существенно отличался от Корпорации *физически*, поскольку состоял не из кластеров-пространств, заполненных вакуумом с кружащимися планетами внутри, а являл собой единый Твердый Космос, заполненный грунтом, внутри которого вместо планет находились пустые воздушные шары. Однако в *нефизическом* смысле вселенная Хепри-Ра весьма напомнила Гору кластеры Ан-нубиса. Более того, чуть вникнув в подробности, Гор понял, что, несмотря на внешние различия, обе вселенные похожи как близнецы-братья. Нуль-Синтез, нуль-порталы, нейрошунт и Хеб-сед – были известны в Эшвене и активнейшим образом применялись. Правда, не промышленной структурой вроде родной Корпорации, а неким ее «религиозным» эрзацем в форме вселенской церкви, поклоняющейся Господу Света. Сообщение между мирами-кавернами осуществлялось посредством нуль-порталов, производство товаров велось с помощью нуль-синтеза, а наиболее богатые слои местного общества могли пользоваться Хеб-седом. Даже ишед – казалось бы, самый фантастический из даров основателей Корпорации – использовался в новом мире почти повсеместно. Но не для бронирования нуль-порталов, как можно было бы предположить, а ... для укрепления храмов!

Как и Корпорация, новый мир имел свои темные стороны. В средневековой земле планеты-каверны Эшвен ядовитым растением процветало рабство. Однако вопреки первым измышлениям Гора рабство в этом, примитивном на первый взгляд, мире имело под собой вполне научное основание. Рабами-сервами здесь становились не только пленники, захваченные Единым королем Эшвена во время военных походов, но и клоны, произведенные в храмах Хепри тем же массовым способом, что и в Корпорации – с созданием матриц внутри компьютерных программ.

Более того, власть господ-шательенов над своими рабами основывалась не на силе местной армии и отрядов полиции-«габелар», а на ничтожном компьютерном приспособлении. Аппарат этот имел форму ошейника с компьютером-бляхой, осуществлявшей связь между клонированным рабом и создавшим его тело храмом. Дьявольская вещица эта именовалась «койн», что означало «хомут», и каждый раб-серв носил его, не снимая. С момента «изготовления», до самого момента смерти койн был проклятием надевшего его невольника. Шательен всегда знал, где находится его

собственность, и мог наказать болевым разрядом из койна в случае непослушания и даже убить. Освобождением была только смерть...

Утраченные во время реинкарнации Гора способности *Тшеди* стали восстанавливаться по мере того, как разум реципиента «привыкал» к новому мозгу. Примерно месяц назад Гордиан Рэкс почувствовал, что вновь может управлять компьютерными приборами. Три недели назад, под покровительством Сабина и Трэйта он снял ошейники со всех сервов Лавзеи. А спустя еще сутки волна освобождения накрыла своим алым покрывалом весь Северный Боссон.

Восстание в Эшвене началось!

* * *

Еще две недели спустя, несмотря на сорванные с шей невольников «хомуты», душу Гордиана Рэкса по-прежнему тербило множество вопросов.

В эти дни, одновременно с интенсивной работой по «раскойновке» жителей близлежащих шато, Гор много размышлял и многое смог обдумать. Ужас, охвативший его в ту секунду, когда он впервые открыл глаза во вселенной Эшвена и осознал себя оторванным от привычного Мироздания Корпорации, как прежде ранил его душу острым кинжалом. При этом, хотя многие вещи на планете-каверне казались ему знакомыми, Гор совершенно не понимал, как соотносятся мир Корпорации и Твердый Космос во времени и пространстве. Возможно, размышлял он, его перенесло в другой мир, возможно – в далекое будущее, в котором уже забыли про Корпорацию.

Существовала, впрочем, и третья, наиболее страшная для павшего бога версия. Как бы Гор ни боялся, но вся его прошлая жизнь, вся память бессметного демиурга-акционера, экстрасенса и создателя миров могла оказаться всего лишь сном программного клона – безумной выдумкой талантливого программиста из местной церкви, занимающегося созданием виртуальных миров!

При этой мысли Гору становилось не по себе – вздрагивая как от озноба, он гнал жуткое видение прочь.

Связь между Твердым Космосом и Корпорацией, твердил он себе, существует. Пусть неуловимо, не явно, но все же она есть: ведь слишком уж сильно Гордиан Оливиан Рэкс отличался от других рабов-клонов! Может ли статься, чтобы его знания мира науки, его опыт правителя тринадцати планет и якобы трехсотлетний возраст являлись лишь выдумкой программиста из какого-то храма?.. Теоретически – возможно, но не слишком ли сложна эта выдумка для создания простого раба?

Как бы там ни было, ответов на это Гордиан не знал. Задать свои вопросы он мог только служителям церкви и только в таких местах огромной вселенной Эшвена, как внутренности храмов Хепри.

Остальные люди просто не поняли бы того, что он спрашивает. Саженноплечий консидорий Бранд – чемпион и рубака, с которым Гор когда-то дрался за титул лучшего лавзейского мечника; стремительный Дакер, с которым он стал чемпионом на последних Боссонских авеналиях; преданный Никий, толковый и шустрый кадет, ставший к этому времени личным секретарем Гора Рэкса; разумный и спокойный Самсон; добродушный Рашим, вместе с кем он проснулся в грязном бараке в первую ночь в этом мире; тучный вилик Сабин – управляющий лавзейским поместьем, гигантского роста с отвисшим брюхом и с бархатым голосом, и даже старший дацион Мишан Трэйт – его личный тренер и лидер восставших сервов – все они слабо разбирались в местной, а уж тем более в иномировой космогонии.

Впрочем, того, что Гордиан Рэкс уже знал об окружающем новом мире, ему пока вполне хватало для выживания. Гор знал, что к северу от земель восстания простираются варварские леса, к западу плещется огромный океан, а к востоку лежат бескрайние полупустыни. И только к югу к границам Боссона вплотную подступают густонаселенные

районы центральных марок Вселенского королевства.

Гордиан узнал почти все о местном оружии и порядках, поверхностно разбирался в утверждениях местной догматической религии и законах, сносно разбирался в существовавшей технике и, конечно, в организации армий, существующих на Невоне. А все остальное, размышлял он, пусть идет к черту. По крайней мере – пока, ибо если восстание сервов окончится неудачей, любые вопросы станут излишними: ведь на колу и на виселице не слишком поговоришь...

Вспомнив о смерти, Гордиан улыбнулся. Он жил очень долго и, пожалуй, в примитивном средневековом мире с глупым названием «Камень» у него имелся отличный шанс умереть.

Так, размышляя о прошлом и внимательно вглядываясь в настоящее, Гордиан Рэкс добрался до нужного здания. Он поднялся по ступенькам перед крытым порожком и многозначительно кивнул вестовому, морда которого застревала щеками в окошке.

Безусловно, кивки не предусматривались уставом молодой армии, однако Тринадцатого пророка в Руции знали все или почти все. Приняв белозубую улыбку «Освободителя» как знак благоволения, караульный тоже расплылся в улыбке. Затем, наплевав на устав, а также на прочие банальные формальности вроде пароля или бумажной метрики, выдавшейся в армии каждому служивому серву, ткнул большим пальцем за спину и отрывисто махнул туда же головой. Гордиан послушно вошел...

Первое после захвата Руция «стратегическое», как называл его Сабин, заседание Совета виликов проходило в просторном помещении *кербульского ландкапа* – зала для офицерских собраний, а точнее – балов и застолий. Здесь королевским офицерам вручали высшие награды и отмечали повышения в чине. Здесь традиционно офицеры должны были собираться, когда объявлялась война, а также перед любым дальним походом. Сегодня, однако, в ландкапе собрался совершенно иной контингент, при одной мысли о присутствии которого в столь «высоком» по армейскому статусу зале, у шательенов, которые составляли основную массу королевского офицерства, от негодования округлились бы глаза.

Поперек обширного зала и вдоль стен сидели *сервы*. Преимущественно – лидеры восстания, примерно две или три сотни человек. Собственно, все, кто что-то решал. И пусть это была не чернь из домашней obsługi, а вилики и дационы, для шательенов, сживавших недавно на тех же местах, на обитых парчою креслах, между сервами не существовало разницы. Собравшиеся меж тем вряд ли разделили бы подобные воззрения, так как большинство представителей рабской элиты по-своему презирали сервов «низших» категорий, полагая сердцем и душой рабского сообщества исключительно себя.

Председательствовал на заседании Циллий Абант, избранный главой восстания вследствие того, что представлял самый крупный земельный аллод Боссона – бывшие владения лорда Таргета, у которого только в Верхнем Боссоне проживало свыше ста тысяч сервов. Вилик Сабин был заместителем председателя. Он не мог похвастать численностью подчиненных, но соперничал с Циллием в другом – являлся самым популярным членом Совета.

Известность Каро Сабина обеспечивало множество факторов: например, то, что освобождение сервов от рабских ошейников впервые произошло именно в его землях и преимущественно именно его силами был взят Руций – первая база восставших, давшая им в руки современное оружие. Но главное – с ним был Гордиан Рэкс, непобедимый чемпион Боссонских авеналий, «Освободитель», «Апо-стол», «Тринадцатый пророк». Человек, благодаря которому освобождение от ошейников стало возможным в принципе.

Большинство виликов, впрочем, считало себя прагматичными людьми и не разделяло догматических верований своих подопечных. Для них Гор оставался всего лишь сервом с необычными способностями и орудием в предстоящей борьбе.

В ландкапе также присутствовали: Мишан Трэйт, командующий Армией Свободы и бывший дацион Гора; Астоний Фотий, бывший торговый старшина Кербуля, а ныне новоиспеченный глава города и «первый рабский префект», как его называли горожане;

Либер Рихмендер, полковник Кидонского пехотного полка; Вордрик Аймен, полковник Ормского артиллерийского полка; второй заместитель председателя Совета виликов Критий Ларго – бывший лавзейский провилик, а ныне – самый молодой из руководителей восстания; капитан отдельного Боссонского «железного» батальона Бранд Овальд – бывший лавзейский консидорий, а также свыше двух десятков виликов, провиликов, старшин и армейских командиров.

– У нас известия! – без лишних проволочек начал Каро Сабин. – Полчаса назад прибыл гонец из Бронвены. Новости удручают. Сенешаль Боссонской марки, известный всем присутствующим генерал Жернак, готов выступать. Согласно докладам наших друзей из Палаты равных в Бронвене, помимо собственных двух полков сенешаля, в которых около четырех тысяч человек в каждом, под его началом собраны остатки всех войсковых частей, недобитых нами в Верхнем Боссоне... – С этими словами он грозно, но излишне театрально посмотрел на Мишана Трэйта. При этом старый дацион хмыкнул, а вилик продолжил: – Общая численность этих сборных соединений уже не менее пяти тысяч. К этому количеству необходимо прибавить почти двадцать тысяч габеларов, собранных префектом Бронвены со всех южных провинций марки. Всего более тридцати двух тысяч солдат и офицеров, снаряженных в поход. Плюс, как минимум, сотня орудий. Как сообщил наш источник, позавчера вечером на конфиденциальной встрече с префектом сенешаль заявил, что готов выступить против нас немедленно. Возможно, он уже в походе. Признаюсь, мы готовились к решительной схватке за Боссон, но рассчитывали опередить противника в темпах подготовки к кампании.

– Вы пересажали на кол почти все боссонское дворянство, Сабин, чего вы ожидали? – сложив руки на животе, заявил Астоний Фотий. – Торговые сервы из Бронвены и Риона, заезжающие к нам для сбыта товаров, говорят, что шательены просто в бешенстве. Ничего удивительного, что они так усердствуют в желании поскорее добраться до вас, любезный Сабин.

– До нас, любезный Астоний. Что же касается настроений шательенов, то меня они не волнуют. Речь идет не об эмоциях, ибо я уверен, что ненависть рабовладельцев к восставшим рабам – ничто по сравнению с ненавистью нашей армии к бывшим хозяевам. Речь идет о готовности к предстоящей военной кампании. Вы, Трэйт, и вы, Рихмендер, и даже вы, Вордрик Аймен, неоднократно убеждали Совет в полной боевой готовности своих соединений к выступлению на Бронвену. Каким образом стало возможно опережение со стороны противника? Это саботаж! Как зажавшиеся королевские чиновники смогли подготовиться к выступлению раньше, чем наша Армия Свободы?

– Вы слишком усердствуете, Сабин, меньше громогласных обвинений. Не забывайте, вы не на плацу перед рядовыми сервами, а на Совете, – заметил Рихмендер. – И о каком опережении, собственно, идет речь? Да, возможно, сенешаль выступит против нас раньше, чем мы двинемся на него. Но кто сказал, что предстоящая кампания зависит от того, кто именно начнет атаку? Мы заверяли Совет в готовности всех трех полков к отражению возможного удара. И это – так!

– Это не так, Рихмендер! Речь шла о том, чтобы обеспечить на случай решительной военной кампании не менее чем трехкратный численный перевес в живой силе. Где этот перевес? Противник имеет армию, не уступающую по численности Армии Свободы и даже превышающую ее!

– Да бог с вами, Сабин, их больше на две тысячи!.. – снова вклинился старшина Кербуля. – Хотите, мы наберем недостающих за день?

– И кого мы наберем, Астоний? Подсобных рабочих с огородов и грузчиков из торговых домов? В королевской армии – профессиональные солдаты! Офицерский корпус набран из потомственных шательенов, поколениями, вы слышите, полковник, – он обратился уже к Рихмендеру, – поколениями, упражняющихся в военном ремесле! А вы хотите противопоставить им необученных рекрутов!

– По всей видимости, Сабин, этого хотите вы сами, – ответил Рихмендер. – И не орите

на меня! Именно потому что сервов необходимо тренировать и обучать владению оружием, мы и не имеем этого пресловутого численного перевеса. У нас не было офицеров, вообще не было сколько-нибудь опытных в военном деле людей! Никого, только горстка потешных ратоборцев, искусно владеющих холодным оружием. Из этой горстки за два месяца мы с Трэйтом и Вордрикком сделали армию! Пусть в чем-то она и уступает королевской, но это реальная военная сила, а не огромная масса пушечного мяса, бегающая по Боссону с мушкетами в руках и не имеющая представления, с какой стороны в него вкладывается пуля. Вы этого хотели, Сабин? Мы итак сократили тренировочный график, как могли. Численность каждого полка превышает штатную в два-три раза. У нас больше половины офицеров получили свою роту спустя пару недель после прибытия в армию! Генерал Жернак *собирает* солдат. Мы же – *делаем их с нуля*. Мы сколотили тридцать тысяч человек за два месяца буквально из толпы, а вы смеете обвинять нас в саботаже!

– Действительно, Сабин, вы сгущаете краски. Я думаю, мы вполне способны противостоять корпусу сенешаля, – заявил Циллий. – Вы-то что молчите, Трэйт?

Мишан Трэйт покачал головой.

– Сейчас, когда сформирован значительный офицерский контингент, – сказал самый признанный из военных руководителей бунта, – темпы комплектования новых полков можно будет ускорить. Думаю, через два-три месяца мы действительно сможем добиться решительного численного перевеса над армией короля при приемлемом качестве подготовки войск. Однако набор рекрутов и их под-готовку нужно проводить в спокойной обстановке. Если Жернак с его корпусом подойдет к Кербулю, то на комплектовании новых полков можно будет поставить большой могильный камень. Поэтому, если мы хотим нормально комплектовать армию здесь, в Верхнем Боссоне, нужно выступать навстречу сенешалю и попытаться связать его силы на юге. Наверняка он не решится выступить на Кербуль, если увидит, что мы можем спалить к черту новые усадьбы в нетронутой части марки. Да и шателъены порвут его на куски, если он уведет армию на север и оставит их добро без защиты.

– Значит, мы станем играть на опережение и выступаем на Бронвену?

– Несомненно, однако атаковать саму Бронвену мы не сможем – у нас нет осадных орудий, только кулеврины. Да и численного состава недостаточно, чтобы организовать штурм и осаду по всем правилам. Я понятно излагаю?

Все присутствующие согласно закивали.

– Отлично! – махнул рукой Трэйт. – В поле, я надеюсь, мы сможем противостоять корпусу сенешаля почти на равных, однако прямых столкновений я бы старался избегать. Все же у нас очень не-опытная армия. Впрочем, и у Жернака не сахар – пограницы и габелары. Так что, если прижмет, то дадим бой. Ни у него, ни у нас кавалерии практически нет. Дело должны решить пехота и артиллерия. В пушках же у нас перевес, все-таки оружейный парк большинства пограничных застав марки достался нам, а не ему.

Мишан повел могучими плечами, пригладил короткие седые волосы и решительно продолжал:

– Думаю так: идем на юг, быстрым маршем продвигаемся максимально в глубь вражеской территории, возможно, вообще до Риона. По ходу дела сжигаем усадьбы, освобождаем сервов, уничтожаем гарнизоны. В это же время формируем новые полки здесь, в Кербуле. Затем разворачиваемся и обходим Бронвену. Далее – по обстановке. Наше продвижение должно спровоцировать массовые выступления сервов по всему югу Боссонской марки. Секрет электрического тока и его воздействие на рабские хомуты, – при этом Трэйт посмотрел на Гордиана, – известен уже, наверное, по всему Эшвену. Южных сервов нам нужно только поддержать своим военным присутствием, и они сами поднимутся на восстание. Возможно, по крайней мере, я надеюсь на это, массовый бунт сервов на юге и решит исход этого похода. Но даже если и нет, то к этому времени мы сможем подготовить подкрепления в Кербуле и либо дать сенешалю генеральное сражение, либо действительно осадить Бронвену. В любом случае мы выиграем время.

Трэйт еще раз обвел взглядом всех собравшихся. Лидеры восстания напряженно слушали.

– Сейчас, пожалуй, важно одно, – произнес тренер Лавзеи тоном ниже. – Сенешаль готов выступать, и мы должны быть на юге марки *раньше*, чем он выйдет на север. Только в этом случае можно рассчитывать, что из страха потерять свою столицу, он запрется в Бронвене, а наша армия получит свободу маневра.

– План рискованный, – задумчиво пробормотал Рихмендер. – Если у сенешаля хватит ума, то он не останется в столице, а выступит на север и уничтожит наши с таким трудом созданные базы, лишённые поддержки армии. К тому же маневрировать с войском численностью тридцать тысяч человек, избегая при этом прямых столкновений с противником, – трудное дело. Под силу ли оно нашим неопытным полкам, Трэйт? Броски по пересеченной местности – это не марши на плацу. Мы можем терять бойцов, даже не вступая в схватки, а просто на марше.

– Все это так, Рихмендер, – согласился Трэйт. – Однако не забывайте: мы имеем дело не только с королевским генералом, но и с правителем богатой провинции. Его задача не просто разбить «зарвавшихся» сервов, но и сберечь королевское добро, а главное – свой город. Уверен, нам не придется убегать от его настигающих полков, поскольку большую часть армии сенешаль оставит для защиты Бронвены.

– Но это всего лишь ваши предположения, Трэйт. Риск остается, и не малый.

– Риск есть, и не малый, – вновь согласился Трэйт, – но на то и война. Мы можем лишь предполагать действия противника, а не знать их наверняка. В любом случае других вариантов я не вижу. Единственная альтернатива – оставаться здесь и просто дожидаться прихода Жернака, уступив ему стратегическую инициативу и лишив себя возможности комплектования новых полков. Победа в маневре, друзья, а не в обороне! Мое мнение – нужно выступать. И выступать немедленно!

– Итак, господа... – Циллий встал: – Голосуем!

* * *

За две тысячи километров от кербульского ланд-капа судьба будущей боссонской кампании обсуждалась и другими людьми. В Бургосе в здании для штаба гвардии находился Доминик Бавен, полный генерал, кавалер орденов и командующий королевскими силами в Артоше, иными словами – еще один сенешаль, но уже не Боссонской, а Артошской марки. С ним было несколько штабных офицеров и двое гвардейцев в алых плащах и с гербами церкви на тканых цветных щитках в левой части груди – прямо над сердцем.

Чуть левее гвардейцев, как бы в тени, располагался высокий, красивый, но бледный человек в темном плаще и мундире, без военных знаков отличия. Это был викарий кардинала. Все сидели на стульях за широким столом или на табуретах рядом. Стоял только викарий. Возможно, в силу рабского происхождения, ему по рангу не пристало сидеть при шательенах, а может, наоборот, для того чтобы смотреть на военных свысока.

– Кардинал в бешенстве, – начал Бавен, – он брызжет слюной и чуть не поубивал нас с префектом на совещании. Видимо, встал не с той ноги. Он требует организовать срочную высылку подкрепления этому тупице Жернаку и покончить с восста-нием.

– Я был на совещании, ваше превосходительство, и прекрасно помню, о чем шла речь, – ответил викарий, разглядывая ногти. – Это восстание позорит церковь и бросает тень на ее могущество. Кардинал прав – необходимо покончить с этими сервами, и немедленно.

– Но мне некого посылать! Вы же знаете, с весны почти все полки задействованы на строительных работах в новой столице. В этом проклятом ГрейтБориБерге! В Артоше итак было немного солдат. С тех пор как мы стали колониальной державой, все боеспособные части находятся на периферии – в колониях. А в Артоше, самом сердце метрополии, уже двести лет как отсутствовала какая-либо угроза и боевые действия вообще не велись. Даже в обычное время я располагаю максимум двумя полками стандартной численности, как и

Жернак у себя в Бронвене. И сейчас оба полка находятся в ГрейтБориБер-ге на закладке плотин, охраняют рабов. В лучшем случае, они прибудут сюда не ранее чем через две-три недели. Кого мне посылать, габеларов?! А если сервы восстанут здесь? С кем защищать дворянские шато? Я итак почти что гол!

– Приказы отдаю не я, а кардинал.

– Но вы, сударь, контролируете их выполнение! – воскликнул Бавен. – Кардинал сидит слишком высоко, чтобы все отслеживать. В вашем распоряжении, господин викарий, только в Артоше восемь клерикальных полков из церковного корпуса, я уже не говорю о других марках! В Бургосе расквартированы Священный легион и красногвардейцы. В ваших руках прямо здесь чудовищная сила, распоряжаясь которой, раздавить бунтовщиков – дело простого желания. Необходимо выступить с ними, а не собирать несчастных габеларов по удаленным гарнизонам.

– Вы поражаете меня своей осведомленностью, генерал, и при том совершенно напрасно, – возразил викарий. – Клерикальные полки, а тем более Гвардия кардинала и Священный легион – это стражи церкви. В конце концов, разве не на короле лежит ответственность за безопасность подданных? К тому же вы, сударь, лукавите: в вашем распоряжении как командующего войсками марки помимо армейских частей находятся еще и королевские гвардейцы – жандармерия Бориноса. Они, если я не ошибаюсь, расквартированы в Бургосе и никто на строительство дамб в новую столицу их не посылал.

– Но это немыслимо, сударь! Вы предлагаете мне послать гвардию короля, цвет нашего апостольско-го воинства, против кого – против сервов! Да меня разжалуют в рядовые!

– Ну-ну, Бавен, не перегибайте. Разжалуют не вас, а Жернака. Ведь, во-первых, вы отправляете гвардейцев по приказу кардинала, а, во-вторых, вы отправляете их в распоряжение вашего боссонского коллеги, не так ли? И посылать в бой их будет он, понимаете? Так чего вам бояться? К тому же конные жандармы будут куда лучшей подмогой бедному Жернаку, чем ваши пехотные полки. Ни у Жернака, ни у повстанцев практически нет кавалерии, и в предстоящих полевых баталиях именно она может решить исход битвы.

– Но, господин викарий, гвардейцы подчиняются мне лишь формально – и вы прекрасно знаете это. Да у них ротные лейтенанты по титулу выше, чем мои штабные полковники. Эти гвардейские хлыщи просто не подчинятся мне, если я пошлю их воевать с рабами!

– Составьте приказ, Бавен, я заверю его печатью кардинала. Никто не посмеет ослушаться веления церкви.

Бавен помолчал, что-то прикидывая в уме.

– Ну что ж, – произнес наконец он, – точно сказано. Власть церкви неоспорима, и приказ, заверенный кардиналом – это другое дело. Вот только, господин викарий, пусть в гвардейские казармы его передаст ваш адъютант – моего могут и вышвырнуть.

– Не вопрос, генерал. Присылайте бумаги.

– Сей же час, господин викарий, все сделаем, – бодро заявил Бавен, и было видно, что он заметно повеселел. – Надо же, мне даже нравится ваш план! В первый раз эти дворянские ублюдки будут отдуваться вместо моих солдатушек, а не наоборот. Пусть прогуляются!

С этими словами генерал встал, махнул рукой сопровождению и вышел из комнаты.

– Мерзкий тип, – сказал один из оставшихся церковных офицеров, поднимаясь со стула, – и гвардейцев не уважает.

– Королевских гвардейцев, а не вас! – ответил викарий. – Да и за что их уважать, уродов? За избыток солидов в кошельках и за длинный титул? Бавен – нормальный мужик, затюканный только. Кстати, в последнюю колониальную кампанию в Валькрике он показал себя отличным воякой. Просто в поле он лучше, чем в столице. Думаю, если кто и остановит сервов, это будет именно он.

– Да что вы, господин викарий! С гвардейской кавалерией их стопчет и Жернак, вы же сами сказали.

– Полагаю, что нет. Гвардейцы, конечно, отличные рубаки, однако гонору у них много.

Да и Жернак – не Бавен. Так что, как говорится, поживем – увидим. Умоются они там кровушкой все.

– Ого! Но если так, зачем же их в пекло посылать?

– А пусть прогуляются. Полезно!

Глава 3 По большому кербульскому тракту...

Три дня спустя, Армия Свободы уже маршировала по большому Кербульскому тракту. Впереди на расстоянии почти двух километров от основных сил двигались конные разъезды, осматривая дорогу и выискивая вражеских дозорных. За ними следовал авангард из большого конного эскадрона – почти всех наличных кавалерийских сил, которые с грехом пополам собрал Трэйт, посадив на крестьянских лошадок своих консидориев. Еще далее шествовали, выбивая тяжелой поступью пыль из дороги, два пехотных полка.

Всего с момента начала рабского бунта Советом виликов и, прежде всего, дационом Мишаном Трэйтом и стариком Рихмендером, непосредственно отвечавшим за комплектование армии, было сформировано *три пехотных полка* – в соответствии с тремя Дуэльными школами, составлявшими ядро охваченных восстанием территорий. Поскольку практически никто из сервов военным опытом не обладал, то принцип комплектования сформулировали предельно просто: из консидориев бойцовских школ набрали будущих офицеров, из кадетов – старшин и сержантов, основную же массу новообращенных борцов за свободу, вышедших в основном из аморфных масс сельхозрабочих, ремесленников и многочисленной шательенской прислуги, предполагалось обучать по ходу дела.

Причина подобного метода комплектования была предельно проста и абсолютно непререкаема: осознавая полную никчемность основной массы своей армии в смысле опыта и бойцовских навыков, Трэйт решил сделать упор не на индивидуальной подготовке бойца, а на дисциплине. Более же дисциплинированных людей, чем привыкшие к боли и смерти гладиаторы, в природе не существовало. По крайней мере Трэйт таковых не знал...

В итоге по Кербульском тракту маршировали полки: сначала любимый Трэйтом Лавзейский, – самый родной и близкий, затем Кидонский, набранный из консидориев Кидонской школы. Замыкал почти пятикилометровую колонну сборный отряд из рот Ормского полка – из поместья Орма, с артиллерией и обозом. Большая часть Ормского артиллерийского, впрочем, осталась в Кербуле, чтобы стать основой для будущего подкрепления и ядром дальнейшей мобилизации боссонских сервов...

Обоз Трэйта был большим, но груз, распределенный по его телегам, казался немного странным для обычного войскового запаса. Там почти отсутствовало продовольствие – его планировали брать в разоренных усадьбах, но было множество мушкетов, пик и пистолей, как минимум, на армию такой же численности. Совет рассчитывал, что, пройдя по югу марки, Трэйт сможет привлечь на сторону восстания множество новых рабов и либо пополнить ими свои полки, либо организовать независимые партизанские отряды. Отыскать же достаточный запас ручного вооружения на юге Боссона будет проблематично, учитывая, что все арсеналы Жернак свез в Бронвену.

Сам Трэйт считал это ошибкой, полагая, что партизанские отряды могут действовать, используя холодное оружие, а также охотничьи и габеларские мушкеты, взятые в усадьбах хозяев. По его мнению, для стремительных нападений на посты габеларов и одинокие усадьбы шательенов, учитывая значительное превосходство рабского населения в численности, вполне сгодились бы и луки с вилами, ведь взяли же когда-то лавзейцы Руций с одними секирами да мечами! А против регулярной армии неподготовленные массы сервов, даже имеющие в руках огнестрельное оружие, были все равно беспомощны. Кроме того, большой обоз значительно сдерживал воинство Трэйта в скорости, а ведь именно на маневр он делал ставку в этой первой полноценной военной кампании восставших.

Огорчало его и другое: при таком огромном обозе армии был выделен минимум

кулеврин. Сабин сказал, что если армия не собирается давать полевое сражение, то ей не понадобится и полевая артиллерия. Кулеврины же нужны для обороны Кербуля.

В итоге Трэйт шел, имея на руках только сорок орудий. Между тем это был единственный груз, который бы он с удовольствием потаскал за собой при любом маневре. Да, они не хотят встречаться с Жернаком в поле, однако хочет ли этого Жернак? И всегда ли будет возможность уклониться от боя? Вопрос. Но против Совета виликов не попрешь.

Таким образом, по дороге сейчас маршировало двадцать четыре тысячи человек, двигалось свыше тысячи повозок и сорок орудий в воловьих упряжках, с незначительным запасом ядер. Достаточно серьезная сила, если учесть поставленные Советом задачи.

Не встречаться с противником, не угрожать Бронвене. Продвинуться на юг Боссона, уклоняясь от решительных схваток, очистить территорию от шательенов, сжечь усадьбы. Вывезти продовольствие и запасы. Перебить гарнизоны шато. Работая на маневре, обойти столицу марки и снова занять позиции перед Кербулем. В общем – почти прогулка.

Разумеется, с армией шел и Гор Фехтовальщик, молчаливый Тринадцатый пророк, чемпион, апостол и прочая и прочая... На Совете он потребовал, чтобы ему был выделен отдельный отряд, причем не только для охраны собственной персоны, но и для реальных боевых операций.

Трэйт отказал, ссылаясь на слишком большую важность жизни Гора для дела восстания, чтобы позволить ему махать саблей в рукопашной, но Сабин выделил Фехтовальщику роту из ормских ребят, артиллеристов. С собой у них была даже дюжина пушек (из сорока), однако, по мнению Гордиана, сути дела это не меняло: тащиться пришлось все равно в обозе, а в случае возможных стычек – оставаться в лагере, охранять орудия. Впрочем, сейчас, когда кампания только начиналась и в округе наверняка не было ни единого королевского солдата, ему позволили ехать в голове колонны, сразу за арьергардом вместе с командованием похода.

Помимо ставшей уже привычной офицерской сабли, Гордиан прицепил к поясу пару тяжелых эшвенских пистолетов, а через плечо перекинул мушкет и патронташ. И все это – поверх мундира королевского лейтенанта с синей повязкой на рукаве и бантом на треуголке. Самому себе в подобной амуниции он иногда казался клоуном, однако никто не смеялся – уважали.

Рядом с Гордианом на гнедом антийском рогатом мерине ехал сам Трэйт. С ним Сабин, как наблюдатель от Совета виликов, а также Сардан Сато, Дакер, Бранд и еще несколько новоиспеченных лавзейских офицеров. Конная колонна двигалась шагом, рядами по четыре, поэтому Трэйт, Сабин, Гор и Бранд ехали впереди, а стальные держались сзади.

– Послушаете, Сабин, – сказал Трэйт, продолжая начатую еще утром тему, – мы служили с вами у Брегорта чертову уйму лет и всегда находили общий язык. Какого дьявола вы меня постоянно задираете? И сейчас, и на Совете!

– Я не вас задираю, Мишан. Вы – отличный человек и, смею надеяться, мой друг. Однако как член Совета я должен заботиться прежде всего о деле восстания, а не о дружбе. Когда речь идет о свободе для наших братьев, сервов по всему Эшвену, я не могу не быть принципиальным и...

– Демагогия, Сабин, опять демагогия. Рихмендер правильно сказал – вы слишком увлекаетесь. Мы не на Совете и не на собрании перед прочими сервами. Свобода и для меня не пустой звук. Но давайте не будем превращать войну за Свободу в болтовню о ней. Все мы сражаемся ради конкретных целей. И члены Совета и рядовые. Вот, например, ты Гордиан, как ты себе представляешь будущее, если мы победим?

Фехтовальщик пожал плечами.

– Да кто его знает, – уклончиво ответил он. – Я уже говорил вам, мастер Трэйт, что, как и большинство клонов, не являюсь уроженцем этого мира. По крайней мере, не телом, а душой, памятью. И если мы победим, я хотел бы задать пару вопросов храмовникам и узнать у них, могу ли вернуться.

– Тебя держит семья? Там, в другом мире у тебя есть ктонибудь?

– Да нет никого. Вроде ничто не держит. Просто там – мой родной мир, мое *дело* . Привык к нему, понимаете?

– А к этому не привык?

– К этому нет, не привык. Хотя климат у вас не плохой. Если победим, может, буду к вам заглядывать, в гости или на праздники. Например, на годовщину Победы.

Все негромко засмеялись.

– Понятно, – продолжил Трэйт, – то есть ты сражаешься, чтобы вернуться домой. Кстати, как и почти все клоны. А вот ты, Бранд? Ты отрезал в Руции головы как минимум десятку габеларов. За что ты пришел их, родимых, что тебе нужно от этой войны? Твой дом-то в Лавзее!

– Дом в Лавзее, мастер Трэйт, это точно, – пробасил Бранд. – Но хотелось бы кое-что поменять в этом доме. В принципе мне всегда нравилось в школе. Отличная еда, спать можно до одури, если ты – чемпион. Опять же драки. Где еще так оттянешься, как не на тренировочном ринге? Мечом помахать или секирой – забава. Люблю это. Однако я – серв. Все в Лавзее мне об этом напоминает. Почему я сражаюсь на ринге, а деньги от победы достаются моему лорду?..

При этих словах Гор косо посмотрел на товарища, вспомнив их давние беседы о рабстве, ранее не находившие в душе великана ни малейшего отклика. Надо же, подумал он, проняло!

– Нет, – продолжал Бранд, – вы не подумайте, я считаю, что Брегорт – отличный хозяин, не в пример большинству прочих. Однако ведь он – *хозяин* ! И он заставлял таких, как я, умирать, чтобы самому заработать. Почему он мой хозяин, а не я – его? Чем я хуже? Да ничем! Не должно быть так, мастер Трэйт, вот что я думаю. Почему мы должны спрашивать разрешения, чтобы поехать на авеналии, или чтобы жениться, чтобы родить сына? Опять же, женщины. Я – чемпион и в мужской школе мне живется неплохо. А как живется наложницам в женских школах? В школе у леди Трит – моя сестра. Почему она должна ложиться под каждого, на кого укажет хозяин? А он ведь ее желания не спрашивает. Опять же наказания. Если серв обидит свободного – его сажают на кол. Если свободный зверски убьет своего серва – даже штрафа не заплатит. Разве это справедливо? А шательены? Почти все – ублюдки, каких свет не видал, твари без совести и морали. Ненавижу!

– Вот-вот, – сказал Сабин, – это ненависть. Он сражается за свободу и ненавидит наших господ, Трэйт.

– Отнюдь, Сабин, отнюдь, – вновь возразил Трэйт. – Мы говорим об общих вещах. Давай о конкретном будущем. Вот, Бранд, ты ненавидишь шательенов. Допустим мы их всех перерезали. Ну, допустим. Остались только мы, бывшие сервы, и куча усадеб, куча бывших Школ для призовых бойцов и для наложниц, города, торговые дома купеческие, ремесленные мастерские. Ведь все мы – и купцы, и ремесленники, и призовые – тоже сервы, чьи-то рабы. Вот победили мы. Ты что будешь делать?

– Ну вы как спросите, мастер Трэйт. Откуда я знаю? Вон, мастер Сабин умный, пусть думает. Вернусь в Лавзею. Построю дом. А лучше усадьбу настоящую. Конюшню себе заведу. Скаунов антий-ских хороших, серебряную посуду, наложницу, но так чтобы я сам ей нравился. Ристалище себе построю. Будем с друзьями в охотку мечами махать. Ну, не до смерти, конечно, а так, для интереса. Вон, Гора хочется страсть как завалить с его рапирой, а то сделал меня в тот раз, до сих пор прийти в себя не могу, Фехтовальщик хренов.

Гор ухмыльнулся.

– Понятно, Бранд, понятно, – не отставал Трэйт. – Но ведь усадьба у тебя будет большая, кто станет за садом следить, дом убирать, готовить, смотреть за лошадьми антийскими? Опять же наложницы, сегодня ты им нравишься, а завтра другой нравится. Отпустишь? Да и усадьбу кто тебе построит, не сам ведь?

– А я скромный, я себе усадьбу небольшую организую. А построим вместе, вот всем батальоном моим организуемся и построим. Сначала – мне, как командиру, потом остальным, по заслугам. А чтобы убирать да за садом следить, я себе пару шательенов

поганных запрягу, вот что. Благо если победим, в плен их возьмем немеряно. Вот я парочке и предложу, мол, ну что, графья, мои, маркизы, либо меч в пузо, либо ко мне работать, благо, как бывший серв, хозяин я буду положительный, не злой совсем. Так что – согласятся.

– Вот то-то и оно, брат мой Бранд, что сражаемся мы с тобой не за Свободу как таковую, а за собственное благополучное будущее и безбедную жизнь. Вот побьем шательенов, отберем у них усадьбы, а самих заставим прислуживать. И ты, Бранд, не один такой. При производстве в офицеры беседы на эту тему я веду с каждым из наших. Если клон – то домой вернуться. Если местный – остаться да добра себе нажить, самому шательеном стать.

– Да ты что, командир, обижаешь меня! – удивленно возмутился великан. – Ты меня с шательенами не ровняй. Я кнутом спину драть никому почем зря не буду. И пытаться людей для удовольствия не буду. И гаремы заводить в тысячу наложниц по три штуки на каждый день, как графья наши, не буду. Мы – не они. Мы – другие. Сволочи они, а мы – люди!

– Так это мы, Бранд, другие. Мы – люди. А дети наши? А правнуки? Знаешь, что такое знатный род, которым каждый шательен так гордится? Это значит, что предок у них был достойный. Герой или полководец великий. Или просто уважаемый и мудрый человек. Понимаешь? Так что если победим мы и шательенов всех сервами сделаем, а сами господами станем, то лет через двести уже их детям придется ошейники снимать и на бунт против наших детей подниматься. А это значит – и сейчас, и тогда кровь будет литься напрасно. Не за Свободу святую, а за то, кому из волков наверху быть и другими волками помыкать, а кому сапоги им лизать и пресмыкаться.

– И что же ты предлагаешь? – спросил Сабин; взгляд его внезапно стал острым как бритва, а лицо – внимательным и напряженным.

– Не знаю, – вздохнул Трэйт. – Сражаться, конечно, надо. Хотя бы и за то чтобы усадьбы себе отстроить и шательенов в рабство обратить. Однако чтобы действительно победила свобода, а не очередная стая волчья, пусть даже стаей этой мы с вами будем, нужно иное. Свое государство, быть может, законы правильные. Республика, как в Тысячеградь, только без рабов и без навархов тоже. Наварх – тот же король, только богачами избранный. А может, к не государство, а вера другая, чистая, добрая, – не знаю. Думать надо, в общем. И когда говоришь – «за свободу воюю», нужно точно представлять, что ты имеешь в виду. Антийских скакунов на собственном выгуле или всеобщее счастье добра и справедливости. Пока что – мы за антийских скакунов сражаемся с наложницами и усадьбами, а вовсе не за всеобщее равенство и счастье. Вот так то.

– Ну ты загнул, командир, – восхитился Бранд. – Но так даже проще, хотя поразбойному как-то. Что, Гор, зверь наш полковник, может мыслить, да?

– А то! – подтвердил Гордиан и вспомнил собственных наложниц в дворцах Тринадцатимирья. Может, в чем-то и прав старый дацион. Надо не просто быть наверху, а человеком оставаться.

Сабин же промолчал. Чуть натянув поводья, он немного отстал и потом долго-долго сверлил спину Трэйта странным, настороженным взглядом под сумрачными бровями.

* * *

Приблизительно в одном километре от Сабина хмурил брови другой человек. Если, конечно, можно назвать человеком существо, прожившее без малого три тысячи лет и менявшее тела так же часто, как ящерка меняет хвосты. За эти годы кардинал Бургосской курии Амир впервые видел восставших сервов, собравшихся в организованную силу. По большому счету он вообще в первый раз видел восставших сервов. Еще совсем недавно Амир искренне и со всей убежденностью полагал, что такое понятие отсутствует в его лексиконе в принципе.

Серв не мог восстать, ибо хомут обеспечивал абсолютное послушание. Случившееся месяц назад настолько выбивалось из его представлений об устройстве мира, что кардинал

до сих пор пребывал в некоторой прострации. Сейчас он стоял на смотровой площадке одного из своих титанических храмов Хепри, ближайшем к месту, где должна была пройти армия рабов, и с недоумением разглядывал движущиеся мимо на большом расстоянии походные колонны. Зрачки и глазные яблоки у Амира были модифицированы, и он мог разглядывать мельчайшие детали на мундирах марширующих сервов-солдат без оптических приборов. В отличие, например, от стоящего рядом викария, пялившегося в подозрную трубу.

Амир тихо ругнулся. Он был не только удивлен, но и сильно раздосадован, если не сказать зол. А злость следовало на ком-то выместить.

– Ну что? – начал он как всегда с малых оборотов. – И как ты объяснишь, что такая прорва сервов шастает по тракту без ошейников?

Викарий оторвался от «подзорки».

– Сложно сказать, монсеньор, – осторожно ответил он и покачал головой. – Известно, что «хомут» можно дезактивировать сильным электрическим разрядом. Возможно, именно так и было отключено большинство ошейников. И в этом нет ничего удивительного. Среди миллионов рабов Эшвена вполне мог найтись один, обладающий специальными знаниями по электричеству. Кроме того, способность переменного электрического тока сбить настройку прибора могла быть обнаружена кем-то из рабов случайно. Странность в другом. Наши лазутчики докладывают, что освобожденные сервы ходят без ошейников. Без включенных и без отключенных. Вообще *без ошейников*, понимаете? Они их снимают! В сущности, это невозможно, ибо даже отключенный «хомут» нельзя не разрезать ни порвать, ведь сердцевина прибора имеет корпус из ишеда. Шнур можно только растянуть, раскрыв электронный замок, а для этого нужно знать церковный код. Поэтому есть две версии происхождения. Первая – ошейники снимает кто-то внутри храмов, один из высокопоставленных иерархов церкви, имеющий доступ к коду. Второй вариант – среди сервов нашелся человек, обладающий способностями *Тшеди*, такими, какими обладал когда-то наш Господь Хепри.

Кардинал опешил:

– Серв-экстрасенс?

– Можно так сказать.

– Ясно... – От удивления кардинал внезапно перестал злиться. – Ну и что? Надеюсь, вы успели проверить обе версии?

– Почти, монсеньор. По первому варианту проверка еще не завершена. Однако второй вариант уже можно считать подтвержденным. Ошейники снимает один из лидеров восстания – некий боец дуэльной школы.

– И нам известно, кто он?

– Так точно, монсеньор. Позвольте, я вам продемонстрирую. – Он показал рукой на лифт, ведущий внутрь храма, к мониторам наблюдения.

Кардинал кивнул, еще раз взглянул на ползущую по тракту ленту Армии Свободы, и они прошли к шахте.

Спустя несколько минут оба оказались в просторном помещении с экраном – комнате космического наблюдения. Несколько спутников – сателлитов Медиас Кордис, чьи орбиты были рассчитаны так, чтобы охватывать всю поверхность планеты-сферы, непрерывно передавали сюда (впрочем, как и любую другую из подобных комнат, имеющихся в каждом храме) информацию обо всем, что происходит на бескрайних просторах Невона-0143.

Спутниковое видеонаблюдение являлось исключительным достоянием церкви. Ни король, ни тем более его сенешали или провинциальные чиновники доступа к подобному уникальному для средневековой планеты техническому ресурсу не имели. Через широко раскрытые очи космических видеокамер на мир смотрели только клерики.

Кардинал уселся в роскошное кожаное кресло оператора, викарий остался стоять. Оба глядели на записи, сделанные со спутника над лагерем восставших почти неделю назад. Кардинал несколько раз прокрутил момент, где Гор снимал хомуты с очередной партии

сервов на плацу перед казарменной зоной руцийского лагеря. С тысячи человек разом!

Это впечатляло. Камера не передавала невидимые для человеческого глаза энергетические потоки, но необычность происходящего и взаимосвязь между тысячью растянувшихся хомутов и щуплым сервом в епанче консидория была очевидна.

Епанча особенно удивила Амира.

– Надо же, – сказал он, – сосунку от силы лет шестнадцать, а он уже консидорий. Или ему дали накидку бойца за снятие хомутов?

– Отнюдь, монсеньор. Это кажется невероятным, но подросток на экране перед вами – даже не просто консидорий. Он – чемпион Боссонских авеналий текущего года. Лучший боец в категории боев без доспехов.

– Действительно, занятно. Щенок не прост. Никогда не интересовался именами сервов, но видно сейчас настал момент. Как зовут нашего грозного малолетку?

– Его зовут Гор, монсеньор. Гор Фехтовальщик.

Кардинал покачал головой. Фех-то-валь-щик, подумал он, какое странное слово.

* * *

В это самое время, в столице марки сенешаль Боссона и командующий сборным корпусом возмездия, генерал Жернак держал совет в *Бронвенском ландкапе* Королевской армии.

– Итак, господа, – сказал он, – положение серьезное. Мы уже опозорились перед лицом Его величества, сдав весь Верхний Боссон, и не можем позволить ситуации усугубляться дальше. К сожалению, мы имеем весьма смутные представления о планах восставших сервов, поскольку, никому из посланных лазутчиков не удалось войти в самую верхушку так называемого Правительства равных. Как это ни смешно, эти несчастные ублюдки, проповедующие равенство людей перед Богом и королем, поставили над собой Совет бывших виликов – управляющих поместьями, ставленников своих прежних господ, дравших с них шкуру похлестче самих лордов-шательенов. Безмозглые сервы, они сервы и есть.

Он сделал паузу, внимательно осмотрел слушателей и продолжил свой доклад.

По словам сенешаля, хотя их информаторы и не имели доступа в Совет виликов, они имели доступ к армии повстанцев вообще. На сегодняшний день командование королевских войск располагало довольно точными данными о численности и подготовке так называемой Армии Свободы, согласно которым она насчитывала уже не менее тридцати тысяч человек в строю. Поступили сведения, что, используя типографию в Кербуле, предводители восстания даже издают для своих солдат Руководства по огневому и пиковому бою. Но как бы там ни было, теперь, когда армейские полки и габелары собраны в организованную силу, сомнений в скором усмирении зарвавшихся негодяев нет.

Немногочисленные поражения гарнизонов в прошлом, отметил Жернак, объяснялись исключительно внезапностью нападений и численным превосходством сервов над гарнизонными войсками. Сейчас это исключено. Численность подготовленного за последние месяцы корпуса возмездия не меньше численности восставших ублюдков, а качество же королевских войск не приходится даже с ними сравнивать.

В то же время лазутчики утверждали что вилики не посмеют выступить на юг до тех пор, пока не наберут по крайней мере двухкратного перевеса в численности войск, поэтому выступление их армии на Бронвену и полевые сражения, похоже, не грозят. Трусливые сервы, получившие из рук виликов свободу, бегут из поместий тысячами, не желая вступать в их армию. Даже по самым грубым подсчетам, чтобы добиться существенного перевеса над королевскими войсками в численности, виликам понадобится как минимум еще несколько месяцев.

– Задача состоит в том, чтобы не дать им этих месяцев! – попытожил сенешаль. – Хватит сидеть в Бронвене, как лев в клетке! Мы должны выступить на Кербуль!

Услышав известие о скором походе, офицеры оживились. Они начали активно

перешептываться, обмениваясь жестами и кивками. Жернак тем временем, не обращая внимания на активность своих подопечных, продолжал:

– К моему огромному сожалению, наши силы ограничены, а Его величество король Боринос воздерживается от того, чтобы присылать подкрепления. Мы ожидаем прибытия новых пехотных полков не ранее чем через две-три недели, а наш поход между тем не терпит отлагательств.

Жернак отметил два обстоятельства. Учитывая полный паритет в численности обеих армий и превосходство противника в полевой артиллерии, он считал нежелательным встречаться с противником в поле в открытом сражении. Но при этом, не имея артиллерии, корпус возмездия был не в состоянии приступить к осаде укрепленного лагеря повстанцев. Но сенешаль считал, что этого и не потребуется, так как, по его мнению, как только регулярные войска окажутся на севере, сервы мигом запрут в Кербуле и поневоле прекратят набор новых бойцов. Выйти же из крепости для генерального сражения трусливые управители поместий просто не решатся. Поэтому задача похода состояла в ином. Это должна быть настоящая карательная экспедиция, к которой необходимо подготовить людей.

– Установка проста: каждый серв, посмевший поднять голову против власти Эшвена и снять свой ошейник, должен умереть и умереть страшно, – завершил сенешаль свою речь, – мы затопим север марки в крови и будем вычищать заразу до тех пор, пока не прибдут свежие подкрепления, не подтянутся тяжелые осадные орудия из Бургоса и королевская армия не сможет приступить к правильной осаде Кербуля, чтобы покончить наконец с этим чертовым бунтом!

– А если все же вилики решатся выйти за стены своей крепости и дать вам бой? – подал голос префект Бронвены, гражданский правитель города, чьи полицейские габелары, как это ни прискорбно, составляли почти треть армии сенешаля.

Жернак кивнул, принимая вопрос.

– Я уже сказал, – ответил он, – что победу в открытом сражении считаю вполне достижимой, учитывая лучшую подготовку регулярной армии по сравнению с рабским сбродом, который собрали под своими подлыми знаменами взбесившиеся вилики. Однако генерального сражения следует избегать, ибо удача в битве при равенстве сил – капризная дева. Если мы встретим их в поле, то, конечно, дадим бой. Но до прибытия новых полков специально нарываться на открытое столкновение не будем.

Префект согласился, и Жернак продолжил:

– В целом, господа, диспозиция такова: нам необходима еще как минимум неделя на завершение укреплений Бронвены, конкретно – ее западной линии. И только эта неделя в вашем распоряжении, чтобы закончить личные дела и подготовку частей к большому походу. Затем, господа, по завершении этой недели наш корпус возмездия выступает на север...

С этими словами Жернак подошел к карте Боссона, висевшей на стене, намереваясь приступить к более подробному описанию предстоящей кампании.

В этот момент, резные двери Бронвенского ланд-капа, где проходил военный Совет, отворились настежь. Резко, как от удара. Вальяжным шагом в зал вошел высокий человек в роскошном камзоле из тех, что носят столичные хлыщи, и с расшитой золотом запяленной перевязью, на которой висел, касаясь пола золоченой оконцовкой ножен, великолепный кавалерийский палаш с драгоценным камнем на рукояти.

Не снимая шляпы и не кланяясь, что было проявлением крайнего неуважения к присутствующему офицерскому собранию, он оглядел собравшихся наглым взором из-под высокого лба, покрытого потом и пылью от долгой и утомительной скачки. Его оскорбительный для любого офицера взгляд обежал собравшихся одного за другим и остановился, наконец, на Жернаке, замершем перед картой.

– Генерал Жернак, если не ошибаюсь?

– Именно так! – чопорно отвечал сенешаль.

– Знаете, генерал, – тут же продолжил вошедший, – я слышал окончание вашей

вдохновенной речи и вынужден внести в нее коррективы. Хотите знать какие? – Он решительно подошел, приблизил свое лицо к генералу, и тот от неожиданности отвел глаза. – Мы выступаем *завтра*, а не через неделю!

– Простите, но с кем имею?..

– Полковник Роше, – ответил незнакомец, снимая перчатки и звонко швыряя их на генеральский стол. – Только что прибыл к вам из Бургоса с подкреплением.

Услышав воинское звание хама, Жернак вспыхнул.

– Какого черта! – заорал он, наливаясь краской. – Да я сгною вас в карцере, полковник! Почему обращаетесь не по форме? Я – полный генерал армии и сенешаль всех наличных сил в Боссоне и я не потерплю...

– Потёрпите, Жернак, потёрпите. И не смейте повышать голос, не то я обеспечу вам второе горло, чтобы воздух лучше выходил. Да, я – полковник. Но я *полковник гвардии*! – Последнее слово он почти прорычал. – И я – *герцог* де Роше, а не занюханный армеец, как эти ваши офицеришки! – Он кивнул в сторону сидящих за столами офицеров Жернака.

Те, переглянувшись, покачали головами, но промолчали. Связываться с владетельным шательеном никто не хотел.

– Этот идиот Бавен посмел отправить меня к вам, оторвав от важных дел в столице! – продолжил Роше: – и я не намерен торчать в этой дыре, пока вы не наберетесь храбрости, чтобы разогнать толпу очумевших сервов!

С этими словами полковник гвардии и герцог снял наконец шляпу, проследовал к ближайшему стулу и плюхнулся на него, принявшись обмахиваться широкими полями своего головного убора.

Цвет кожи на лице Жернака сменился с пунцово-красного на белый.

«Гвардия! – чуть ли не прорычал он про себя. – О, Святой апостол, я просил подкреплений, но не гвардию! На что мне этот ублюдочный наглец?» Вслух же он, подавив мгновенный порыв на замысловатую оскорбительную тираду, произнес немного дрожащим голосом, но вполне спокойно:

– Со всем уважением, герцог, но вы не владеете ситуацией. Чтобы сколотить армию, нам пришлось собрать в один кулак все сколько-нибудь значимые воинские контингенты со всей провинции. Мои земли голы. Именно поэтому необходимо закончить укрепления Бронвены. Мы не можем оставить столицу Боссона не только без войск, но и без укреплений.

– Да мне плевать на ваш поганый город, Жернак. Единственная столица Королевства, заслуживающая заботы, – это ГрейтБориБерг, который строит Его величество в устье Кобурна. А ваш провинциальный свинарник меня не волнует!

– Вы зарываетесь, де Роше! Пусть я не имею вашего титула и герцогского аллода, но по прибытии вашего полка в Боссон, я – ваш непосредственный и единственный военачальник! Подобное поведение – это прямое нарушение субординации.

– Черта с два. Кто вы, Жернак – всего лишь виконт, не так ли? Я – герцог и родственник короля. Так что, если вы не заткнетесь, субординация будет нарушена вами, а отнюдь не мной. – Он еще раз сверкнул глазами на Жернака. – Завтра я выступаю на Кербуль со своим полком. Вы идете со мной или катитесь к дьяволу с должности сенешаля. Надеюсь, я понятно излагаю?

Проглотив гордость командира, Жернак обреченно кивнул, склоняясь перед непреодолимым. «Непреодолимым» в данном случае были вошедшие в поговорку хамство и невероятная заносчивость королевской гвардии, которые, впрочем, всегда подкреплялись реальными возможностями гвардейских командиров, их связями при дворе и богатством их земельных аллодов.

Удовлетворенно пробежав по сторонам высокомерным взором, де Роше встал, развернулся на каблуках и вышел вон, оставив седого армейского генерала тихо скрипеть зубами в окружении своих униженных офицеров.

Впрочем, подумал Жернак, когда сошла первая волна гнева, возможно, в чем-то этот кретин прав. В данной ситуации нужно играть на опережение и выступить в поход раньше,

чем сервы перехватят инициативу.

Глава 4

Испытание боем

Спустя всего десять дней от заседания Бронвен-ского ландкапа передовые разъезды Армии Свободы вышли к правому берегу Кобурна, близ высохших ташских болот, к месту, где старинный кербульский тракт соединялся с большим трактом на столицу Боссона и далее, петляя, шел на юг.

Два всадника на немного разгоряченных, но бодрых скакунах внеслись на вершину очередного холма. Внизу простирался отличный вид на широкую полосу могучей реки, влекущей свои воды с севера на юг через весь Эшвенский континент. Вид был величествен и великолепен. Стоял чудесный солнечный полдень и казалось, что избалованная летним теплом природа пела, приветствуя еще один чудесный миг первого осеннего месяца. Однако всадников на холме взволновало отнюдь не мерное движение вод, а нечто совсем другое.

Не далее чем в лиге от них по тракту двигались кавалерийские эскадроны!

Дозорные развернули своих скакунов и, подстегивая могучих животных шипами шпор, стремительно помчались обратно.

Выслушав короткий доклад, Трэйт живо отдал приказы вестовым, и пехотные колонны Армии Сво-боды стали разворачиваться фронтом, перпендикулярно к тракту, перекрывая небольшую долину.

Сардан Сато, Дакер и Бранд отбыли к своим подразделениям руководить построением шеренг, и возле командующего походом остались только Сабин и Гор с незначительным сопровождением.

– Вы собираетесь встречать противника в низине? – со своей всегдашней бесцеремонностью спросил Сабин, отвлекая Трэйта от руководства построением центра войска. – Не лучше ли попытаться занять холмы?

– У нас едва хватит времени, чтобы развернуть шеренги, не говоря уже о том, чтобы выдвинуться вперед, – отвечал Трэйт, продолжая отдавать команды. – Кроме того, когда дозор увидел передовые королевские эскадроны, они были ближе к этим холмам, чем мы. Так что бросаться наверх нечего и пытаться.

– Святой Боже, но у них кавалерия?!

– Похоже на то. Судя по докладу, не менее трех тысяч сабель, точнее – палашей. Как я понимаю, это гвардейская жандармерия. Целый полк.

– Вы же заявляли, что мы беспрепятственно сможем дойти до Бронвены и даже обогнуть ее, избегая противника!

– Уверен, так и случилось бы, узнай наш враг о том, что мы вышли к незащищенной столице. Однако, похоже, мы передвигались слишком скрытно и быстро и Жернаку просто никто не успел донести о нашем продвижении. Вспомните, за пять дней похода мы ни разу не встретили разъездов противника. В любом случае причина нашей встречи уже не имеет значения. Я уже говорил, что в поле мы можем поспорить с ним почти на равных. Так вот, в ближайшие часы мы узнаем это наверняка. Как и предполагалось, их всего около двадцати семи – двадцати восемью тысяч, то есть почти столько же, сколько нас. Видимо, сенешаль оставил, как минимум, полный полк габеларов для защиты Бронвены.

– Но у них кавалерия, Трэйт! Вы принимаете это во внимание?

– Кавалерия, безусловно, сюрприз. Однако и наши пикинеры, я надеюсь, не подкачают.

– Я предупреждал вас, Трэйт, о необходимости формирования кавалерийского полка, по крайней мере нескольких эскадронов! Если с регулярной пехотой наши солдаты готовы героически сражаться, то с кавалерией им придется лишь героически умирать за свободу своих братьев. Нас растопчут! Это вы понимаете?

– Не каркайте, Сабин! Вы прекрасно знаете, что мы не могли сформировать кавалерийский отряд по множеству причин, в первую очередь из-за отсутствия в

необходимом количестве боевых скакунов. Крестьянские тяжеловозы, да будет вам известно, не годятся для лихих кавалерийских наскоков. Но главное мы не смогли создать кавалерию из-за отсутствия *наездников*. Увы, сударь, нет сервов, которые могут управляться с пикой, палашиом и карабином, галопируя на антийском скакуне! Если вы помните, я лично определил план боевой подготовки для учебных кавалерийских классов в Кербуле. Возможно, через полгода-год мы будем иметь несколько эскадронов относительно сносной кавалерии, но не раньше. И хватит об этом! Отправляйтесь в обоз и не мешайте мне заниматься работой, которую на меня возложил Совет. Вы стали донимать меня в последнее время!

С этими словами, нисколько не смущаясь, Трэйт в раздражении хлестнул лошадь Сабина – и та отпрянула, возмущенно заржав. Сабин поджал губы и дал шпоры сам в направлении, противоположном фронту, которым выстроились полки восставших.

Повинуясь кивку Мишана Трэйта, Гор тоже тронул поводья и вместе с вечно приставленным к нему Никием отправился вслед за Собином к повозкам.

Обоз пребывал в хаотичном движении. Сервы охраны суетились, спеша вывести свои телеги и лошадей в тыл выстраиваемой солдатами позиции, сервы, обслуживающие орудия, напротив устремились в другую сторону, чтобы вывести кулеврины и мортиры на поле, поставить перед фронтом изготовившейся к бою армии и первыми встретить огнем ненавистного противника.

Гордиан засмотрелся на эту активную деятельность в сущности совершенно далеких в прошлом от войны людей, с таким энтузиазмом готовящих себя и свое оружие к предстоящей войне.

Глазея по сторонам и стараясь при этом не слишком болтаться под ногами, они с Никием вскоре потеряли Сабина в поднявшейся беготне, ничуть, впрочем, не опечалившись этим фактом. Было видно, что Сабин крайне зол. Он следовал в глубь обоза, где располагались его личная повозка, сопровождение и незначительная охрана.

Задолго до сегодняшнего утра бывший демиург получил от Трэйта однозначное распоряжение – держаться подальше от передовой линии и беречь себя. В принципе Гор так и собирался поступить, ничуть не желая подставлять свою голову, драгоценную не только для дела восстания, но и для себя любимого, под пули мушкетов и картечь. Однако, как обычно, судьба распорядилась иначе.

Проходя мимо людей, в страшном цейтнотедвигающих орудия на передовую линию, он испытывал недюжинные угрызения совести, ведь, как ни крути и не держись за воспоминания о собственном полубожественном сытом прошлом, это были его това-рищи, с которыми последние месяцы он делил кров походной палатки и переламявал простой армейский хлеб. Поэтому, когда мимо проследовали расчеты из его собственной роты и одна из пушек застряла между кочек, он не смог удержаться.

Спрыгнув с лошади и тут же передав ее пробежавшему мимо гаврошу из обозной obsługi, Гордиан, повинуясь внезапному порыву, подбежал к влекомому расчетом орудия, немного растолкал взмысленных людей и изо всех сил приналег на колесо. Никий последовал за ним и вместе с парой бойцов прижался ко второму колесу с другой стороны.

– Взяли! Взяли! – кричал старшина расчета, подстегивая тягловое вола вожжами, а словами – людей. – Давай еще немного, давай!

Колесо выскочило из ямы, и команда расчета дружно потащила оружие дальше, однако Гор не отстал. Плечом к плечу вместе с ним давили на железную тушу порохового чудовища люди, каждого из которых он знал в лицо, каждому из которых он дал освобождение. Он не мог отойти, и пусть помощь его отнюдь не могучих юношеских рук была ничтожным вкладом в возможную победу, эта помощь была им нужна!

Теоретически пятая артиллерийская рота Орм-ского полка и дюжина орудий находилась под *его* командованием. Он следовал вместе с ней в обозе и ночевал в ее расположении во время ночных стоянок. Постоянная охрана выделялась ему Брандом из числа своих панцеров, в количестве двух или трех человек, а то и самого Бранда, однако,

согласно подписанному Сабином распоряжению, Гордиану Рэксу как офицеру Армии Свободы подчинялась именно пятая артиллерийская рота. Поэтому во время похода он привык командовать размещением роты во временном лагере, посылать вестовых из числа ее солдат, получать от Трэйта распоряжения относительно места роты в двигающейся колонне. Однако командование ротой *в бою* было поручено отнюдь не ему, а лейтенанту, натаскивавшему пятую роту во время учений и тренировок еще в Руции и Кербуле.

Лейтенантом этим оказался не кто иной, как под-мастерье самого Вордрика Аймена по имени Самсон, помогавший когда-то Гору выковать его первую «призовую» рапиру, поразившую тогда воображение всей Дуэльной школы. Тот самый, с которым в свой первый день в этом мире он брел из храма Хепри, скованный одной цепью с Никием и Рашимом. Самсон хоть и подчинялся Гордиану формально, но в боевой обстановке мог распоряжаться своими бойцами как угодно. Сейчас он носился вдоль линии заряженных картечью кулеврин, следя за расположением стволов и расчетов. Мельком он взглянул на Гора, но ничего не сказал, справедливо полагая, что никаких распоряжений относительно подобной оказии от Трэйта не получал и Тринадцатому пророку лучше знать, куда себя деть во время сражения. Впрочем, возможно, он просто не узнал знаменитого Фехтовальщика, успевшего заляпаться грязью, как и все бойцы, тащившие орудия по кочкам бывшего Ташского болота и через ручей.

Как бы там ни было, несколько минут и несколько метров спустя их пушка встала на свое место в линии перед шеренгами мушкетеров. Гор оказался на передовой.

* * *

В это же время в королевских рядах, уже вступивших на оставленную дозорными высотку, происходило спешное совещание сенешаля со своим полевым штабом. Точнее – спешная сходка с руганью и взаимными оскорблениями.

– Вы тупица, Жернак! – вскричал гвардейский полковник де Роше, указывая рукой в белой перчатке на длинные ряды сервов с пиками и мушкетами, которые выстраивались внизу на ровном поле в двухстах метрах от места, где заканчивался косогор. – Кто утверждал, что вилики еще не готовы к выступлению и не двинутся на юг без огромного перевеса? Их всего-то тысяч двадцать—двадцать пять! Так какого черта они делают в двух днях пути от вашей паршивой Бронвены?!

– Да откуда я знаю? – пробурчал в ответ генерал. – Уверен, если бы мы оказались на севере раньше, никто из виликов не рискнул бы и высунуть носа за стен своей крепости. А так... Вероятно, они рассчи-тывали на тот же эффект, что и мы. Если бы сервы оказались под стенами Бронвены раньше, чем мы выступили в поход, возможно, я бы и сам не вышел для боя до прихода подкреплений. Это ужасно, ведь мы так и не закончили укрепление города.

– Да к дьяволу ваш проклятый город, Жернак! Вот она, армия сервов, раздавим ее и дело с концом.

– Думаю, это не так просто. Числом мы равны. Качество подготовки у нас, несомненно, лучше, но не намного. Артиллерии у нас вовсе нет и местность для кавалерийских атак не самая идеальная – высохшие болота, кочки... Черт его знает! Не лучше ли отступить? Полагаю, преследовать нас они не станут. Наверняка сами ошарашены этой встречей.

– Да идите к черту, Жернак! Вы празднуете труса, и перед кем?! Перед скопищем вчерашних рабов? – Полковник презрительно расхохотался, глаза его смотрели на сенешаля с невероятной брезгливостью, словно он видел перед собой не умудренного опытом старого офицера, а некое мерзкое насекомое, внезапно обнаруженное им в салате. – Да я разметаю их одной жандармерией! Готовьте свою паршивую пехоту и смотрите, как нужно поступать с животными, не знающими своего места! – С этими словами де Роше резко развернулся и стремительно поскакал к конным рядам своих гвардейцев.

«Может, он и прав, – подумал Жернак. – Чего это я? Ведь это всего лишь сервы».

Сервы между тем закончили построение. Понукаемые офицерами Трэйта, пикинеры Армии Свободы встали в низине, где склон холма переходил в относительно ровную поверхность. Пикинеры расположились одиннадцатью большими квадратами, именуемыми также «терциос», в шахматном порядке – шесть терциос впереди, а пять – несколько приотстав.

Перед каждым таким квадратом имелось несколько прямоугольных построений мушкетеров, поставленных старинным строем «караколе», чтобы чередовать ряды с разряженными мушкетами на ряды с заряженными и вести по противнику непрерывный огонь. После очередного залпа передняя шеренга каждого квадрата оставалась на месте, заряжая оружие, а последняя шеренга устремлялась вперед, чтобы встать перед бывшей первой и дать новый залп. Так продолжалось раз за разом в течение боя, и отряд такими перебежками медленно продвигался вперед, как бы атакуя противника.

За караколе, обращенными узкой гранью к фронту, стояли прямыми рядами пикинеры в кирасах и рокантонах. Они предназначались для случая, если враг прорвется через огонь мушкетов.

А перед мушкетерами уже громоздились пушки, в ужасной спешке перевезенные вперед с конца походной колонны и изготовленные сейчас к огневому бою. Пятая рота встала именно *здесь*, на передовом рубеже самого центра позиций.

Расчет при каждой орудии имелся полный, и пока остальные бойцы подносили картечь, прочищали стволы и заряжали пушки, проверяли фитили и корректировали направление прицелов, Гордиану нечем было себя занять. Сняв со спины мушкет, который он совершенно без надобности таскал за собой уже свыше месяца, Гор решил, что наконец-то оружие пригодится и изготовился к стрельбе, зарядив «пукалку» и запалив фитиль. Никий, стоявший рядом, сделал то же.

– Не дрейфишь? – спросил его Гор, тщательно скрывая собственную дрожь в голосе.

– Есть немного, – отвечал его верный помощник, нимало не стесняясь.

Гор кивнул. Страх – естественный спутник в бою. Кто не испытывает страха перед смертью, тот либо псих, либо труп, третьего не дано.

В это время огромная пехотная масса королевских войск перевалила наконец через высотку пол-ночью и начала собственное построение.

Королевские пограничники и габелары, не привычные к бою в шеренгах и рядах, путались и суетились. Даже для постороннего глаза было ясно, что дисциплина и выучка у Трэйта оказалась куда лучше, чем в полках пресловутого корпуса возмездия, что бы там ни говорил по этому поводу Жернак. Сам сенешаль скакал вдоль рядов, попрекая неопытных офицеров и расставляя пехоту такими же большими квадратами, как у сервов. Однако диспозиция не клеилась.

Вестовой, посланный Жернаком к рядам жандармерии, вернулся ни с чем и выглядел словно побитая собака. Жернак вознамерился уже отправиться к зарвавшемуся де Роше сам, чтобы заставить того выстроить свои эскадроны на флангах общей позиции (для возможного охвата противника), как внезапно с холодающим сердце ужасом осознал, что надобность в подобном перестроении совершенно отпала, поскольку проклятый герцог выбрал свою диспозицию *сам* !

Не дожидаясь построения основных сил и презирая все каноны воинской дисциплины, поток закованной в сталь жандармерии, визжа и улюлюкая как на кабаньей охоте, устремился вниз прямо в центр позиций изготовившегося противника.

Признаться, за триста с лишним лет Гордиан многое видел, однако атака жандармов заставила затрепетать его сердце.

Первым, что заполнило ум, был ужас, однако затем, когда спазм первобытного страха немного отпустил, пришло восхищение! Говорят, красота есть синоним целесообразности и совершенства. В данном случае речь шла, безусловно, о смертоносной целесообразности и

смертельном совершенстве.

С развевающимися плюмажами, в алых гвардейских плащах и сверкающих полировкой золоченых кирасах, эти всадники казались демонами возмездия, явившимися, чтобы карать и разрушать. Они приближались к рядам кулеврин на огромной скорости, почти немыслимой для этого примитивного мира, не знавшего железных дорог и автомобилей, не говоря уже о воздушных судах. Они летели, воздев к небесам холодные, сверкающие клинки своих палашей, на каждом из которых притаилась смерть.

Впрочем, стремительность натиска гвардейской кавалерии была относительной. Конечно, на Гора, впервые оказавшегося на поле боя таких примитивных армий (до этого ему «счастливилось» участвовать только в космических баталиях, где лица противников ты видишь лишь на голографическом экране, и то, если во время дуэли линейных кораблей ведутся переговоры), потрясающий вид несущейся прямо на него кавалерийской массы не мог не произвести впечатления! Однако более опытный и бывалый рубака без труда заметил бы, что кочки, обильно покрывающие территорию бывшего обширного Ташского болота, так мешавшие тащить кулеврины, существенно замедляют гордый бег гвардейских лошадок и те выдают едва ли две трети от скорости своего знаменитого галопа.

К тому же всадникам мешали не только кочки. Поскольку жандармы атаковали строй своего врага в полном одиночестве, их могучее каре существенно растянулось и широкие ряды стали отличной мишенью для рабских мушкетов и орудий.

Лейтенант Самсон дал отмашку – и кулеврины плюнули картечью! Десятки тел, получив свинцовый подарок, вылетели из седел. Многих разорвало на части вместе с лошадьми, однако ряды гвардии не дрогнули. Состязаясь друг с другом в удали, они по-прежнему неудержимо неслись на сервов.

Гор и Никий выстрелили одновременно. Расстояние было подходящее, однако бешеный темп, в котором разворачивалась баталия и сказавшееся нервное напряжение не позволили им увидеть, поразило ли кого-то конкретно их выстрелами, поскольку вместе с ними, отлипнув от орудий, дали залп из пистолей и мушкетов артиллеристы ближайших расчетов.

А Самсон уже дал команду к следующему маневру. Как и полагалось после первого залпа, артиллерийская прислуга с центральных орудий побежала, понукаемая своими старшинами, и спешно укрылась за лесом из пик и мушкетов. Подхватив свое оружие, Гор и Никий устремились с организованной волной отступавших артиллеристов в промежуток между караколе мушкетеров, терциос пикинеров и далее, в резерв за вторую линию.

Боже! Ноги несли Гордиана так, как не носили никогда. Инстинкт самосохранения был в нем силен всю его долгую жизнь, как и у любого человеческого существа, умудрившегося прожить триста с лишним лет. Однако он не ожидал, что когда-нибудь будет спасаться от смерти бегством с таким животным энтузиазмом!

К физической гибели он всегда, даже когда у него еще не имелось прав и средств на Хеб-сед, относился достаточно спокойно. По крайней мере, он так думал до сегодняшнего дня. Видимо, есть в кавалерийских атаках что-то, что сильно пробуждает в атакуемых пронзительную жажду к существованию!

Наступая на пятки улепетывающих артиллеристов, кавалерия пролетела осиротевшие пушки и устремилась на нового врага – караколе мушкетеров.

Грянул залп. Затем еще. Атака кавалерии была необычайно стремительной, и стрелять долго не представлялось возможным. Однако от картечи и мушкетных пуль полегла едва ли не треть всадников!

Как и артиллеристы минуту тому назад, мушкетеры, отстрелявшись, похватили свое оружие и, сверкая подошвами ботфорт, организованно устремились в пространство между квадратами пикинеров. Гвардия наседала.

* * *

– Идиот! – заорал Жернак и дал сигнал к атаке своим солдатам.

Медлить было нельзя, иначе пехота противника просто раздавит гвардейцев всей своей нешуточной массой. И не выстроенные еще королевские пехотные полки двинулись вперед, дрожа неровными рядами и расстраивая шеренги.

Марш в раздрай! При грамотном использовании конная гвардия была решительной силой, в девяти из каждых десяти случаев обеспечивавшей победу в полевых баталиях, но сейчас... сейчас все происходило не так.

– Пикинерам – к бою! – скомандовал Трэйт, и команда его полетела вдоль рядов, повторяемая офицерами.

Частоколы пик опустились. Двухметровые пики, упертые в землю и прижатые правой ногой каждого бойца к влажной траве и кочкам, а обеими руками направленные на атакующего всадника, стали смертоносными жалами.

Слишком широко развернулось атакующее каре жандармерии, и потому, достигнув своего презренного противника, гвардейские эскадроны уже не имели необходимой силы и глубины.

На другом поле и при другом раскладе они смели бы и пикинеров, погнав их по вытоптанной земле и топча копытами. Но что за атака, когда четыре ряда, даже конных, атакуют сорок рядов? Не атака, а смех.

Смех?!

О, нет, господа.

Последовал страшный удар, отразившийся внутри каждого, кто стоял в тот день в пикинерских шеренгах! Удар грудью в грудь. Лошадиной грудью в грудь пехотинца и в острие его пики! Кураж гвардейцев был велик, и они смяли первые шеренги сервов, как человек сминает траву сапогами. Рухнул первый, второй и даже третий ряд, жандармы врубались в гущу пехоты!

И тут же их стаскивали с лошадей, забивали насмерть, затапывали ногами.

Видя избиение кавалерии, сенешаль велел пехоте ускорить движение. Захлебнувшись громогласным боевым ревом, королевские солдаты бросились на врага *бегом*.

Бежали с горки, однако даже и с горки бежать в кирасе, с двухметровой пикой да с болтающимся на бедре мечом – удовольствие ниже среднего, и дыхание сбивается очень быстро. Мушкетеры Жернака вообще отстали, да и что им было делать в такой толчее, когда из-за отсутствия строя и промежутков между построениями нет возможности после залпа отойти за спины защищенных доспехами пикинеров и предстоит рукопашная, в которой мушкетам – не место? Атакующая масса, ошестинившись тяжелыми пиками, окончательно смешала свои ряды и стремительно приближалась к противнику...

* * *

Гор остановился только у самого лагеря. Артиллеристы без потерь добежали туда же вместе с ним. Раньше остановились мушкетеры сервов. Они выстроились сразу за вторым рядом пикинерских квадратов, теми же вытянутыми прямоугольниками ка-раколей, восстанавливая дыхание и перезаряжая оружие. Как бы ни окончился бой пикинеров, мушкетерские роты были готовы прикрыть отступление своей армии или стать ее резервом в случае победы.

Однако пушки ормских рот остались на передовом рубеже и участие артиллерии, по крайней мере центра ее построения, на который пришлась атака конных кирасир, в дальнейшем ходе сражения было окончено. Как говорится, нечем воевать – нечего и пытаться.

Артиллеристы перезарядили немногочисленные имевшиеся в их распоряжении мушкеты, пистолы, приготовили сабли, протазаны и стали ждать. Гор вогнал по пуле в оба своих пистолета, подготовил мушкет. Потом махнул Никию, и они, как и большинство сервов охранения и обоза, залезли на возы, чтобы оттуда наблюдать за ходом уже не

огневой, а рукопашной битвы.

На глазах Гордиана происходило избиение гвардейской кавалерии. Но происходило оно лишь в центре батальной позиции. Фланги Армии Свободы оставались нетронутыми и были изготовлены к отражению новой атаки. Как только пехотные полки Жернака вышли на дистанцию выстрела, на флангах грянул залп артиллерии.

Затем мушкетный, мушкетный, мушкетный!

Дав в совокупности четыре залпа из пушек и свыше десятка – из ручного оружия, артиллеристы и мушкетеры армии сервов вновь хлынули врассыпную, уходя в резерв между построений пикинеров.

Увидев, что все его стрелки окончательно закончили ретирацию, Трэйт подал знак, и второй ряд ошетилившихся пиками квадратов двинулся вперед, становясь рядом с первым. Манипулярный строй превращался в фалангу, пикинеры сервов выравнивали ряды.

Атакующее железное море королевской пехоты наконец достигло линии одиноких орудий, и орудия эти разбивали ряды королевских солдат, как рифы в море разбивают волны, окончательно превращая их из военных построений в практически неуправляемую толпу. В центре же пикинеры Жернака столкнулись еще и с отступающими остатками жандармерии, с теми, что еще оставались в седлах, но большинство – на своих двоих и как могли спасались от наседающей ровной массы сервов, добивающих поверженную кавалерию выстрелами из пистолей, пиками и пехотными кошкодерами. Метавшиеся по полю кони и раненые гвардейцы сильно смешали ряды наступающих, но не задержали их.

Наконец, все преграды были преодолены, и обе армии столкнулись!

Пики сервов, упертые в землю, поднялись еще раз...

И снова прогнулись под тяжестью нанизанных на них тел!

Из сомнамбулического оцепенения, в которое поневоле впал Гордиан, наблюдая за разворачивающейся панорамой истребительной батальной драмы, его вывела медвежья ручища Бранда, захватившая по спине так, что Фехтовальщик от неожиданности судорожно втянул ртом воздух.

– Ну что, дружище, – хмыкнул закованный в латы великан, – не пора ли и нам на поле?

– Если ты не заметил, мы только что оттуда, – прохрипел низкорослый Гор, кивая на своих артиллеристов. – А ты мне так позвоночник сломаешь, оглобля мускулистая.

Однако фразу насчет позвоночника Бранд явно пропустил мимо ушей.

– Храбро драпать с поля, – заявил он, сверкая зубами, – это не резать на нем гадов! Мои парни застоялись в резерве без дела, и мы можем ударить по габеларам со стороны дороги. Трэйт сказал, что это будет самое то – Жернаку как нож в бок. Ты славный консидорий и вроде как жалел, что в боевых операциях участвовать не будешь, вот я тебе и предлагаю. Но если нет, так мне и не надо...

– Ладно, не сопи, – прервал речь боссонца новоявленный лейтенант артиллерии. Ему почему, то стало обидно за упрек в отступлении ормских пушкарей – в конце концов, то был приказ Трэйта. – Сейчас кирасу нацеплю и двинем!

Гордиан быстро накинул и закрепил панцирь, нахлобучил обычный пикинерский шлем-рокантон, заткнул за пояс пару только что перезаряженных пистолетов и кивнул, подавая знак готовности. Они помчались к боссонцам, строившимся бронированным клином на фланге. Вместе с Гордианом к боевому порядку боссонцев присоединились успевшие облачиться в пикинерский доспех Никий, Рашим и еще почти три сотни артиллеристов. Все произошло слишком быстро, поэтому, только встав в строй, Гордиан получил возможность снова обратить внимание на панораму событий и оценить идею Бранда о внезапной атаке.

В центре схватки противоборствующие ряды стояли плотно, правое крыло королевских солдат и противостоящих им позиций сервов оказалось прижато к сопке, и люди здесь резали друг друга в ужасной тесноте. Однако левый фланг, развернутый боком к дороге, рассеивал свои рваные шеренги по обширному открытому участку.

Именно здесь, скрывшись за спинами пикинеров, и строил свой броневой клин консидорий Бранд Овальд. В распоряжении великана имелось всего восемьсот воинов –

батальон специального назначения, как их именовал про себя Гор, плюс три сотни вооружившихся мечами и пиками артиллеристов. На поле топтались и умирали тысяч человек, поэтому атака Бранда вряд ли могла стать судьбоносным финалом баталии и принести победу. Задача, как понял бывший демиург, была значительно уже – немного поджечь массу противника слева, чтобы не допускать их рассеивания в сторону тракта, превратив Ташское поле в своеобразный мешок, а также, разумеется, не дать простаивать брандовским головорезам и лишний раз пощипать врага.

Ставка делалась при этом не на численность нападавших и даже не на неожиданность атаки, поскольку все приготовления генерал Жернак мог легко наблюдать со своего поста на вершине высоты, а на само направление флангового удара и бешеный натиск великолепно подготовленных именно к *рукопашной схватке* рослых и страшных боссонских консидориев.

Гор не относил себя к «рослым и страшным», а потому встал в строй за линией брандовских воинов вместе со своими артиллеристами и наскоро проверил личную амуницию.

Два пистолета, кинжал с короткой и простой защитной гардой («призовую» дагу он оставил в Кербуле) и длинный меч. Учитывая, что бой будет преимущественно рукопашным, мушкет он решил оставить. Однако возникал вопрос о мече.

Гор отлично отдавал себе отчет, что в сражении, в тесном порядке строевого боя его фехтовальный навык в обращении с рапирой не стоит практически ничего. В таких условиях удар может прийти к тебе не от фронтального противника, а от стоящего сбоку и слева и справа. Здесь, нанеся смертельную рану, необходимо быстро вытащить оружие и быть готовым к следующей короткой схватке, когда нет места для длинных выпадов, а к концу сражения (если ты выжил) рука слишком устает, чтобы в необходимом темпе выполнять элегантные фехтовальные финты. Да и сама рапира – не оружие, а легкая никчемная игрушка до «первого заколотого», поскольку второй, вооруженный элементарным тесаком, тебя немедленно угробит. Поэтому еще в Кербуле, перед началом похода на Бронвену, Гор долго думал, какое оружие будет для него наиболее эффективным не на призовом ристалище, а в условиях полевого боя.

Кавалерия современных эшвенских армий использовала палаши и длинные сабли, отлично приспособленные для конной схватки, когда удар наносится преимущественно сверху вниз. Именно такой длинной саблей Гор часто опоясывался во время похода. Именно с такими палашами насакивали на ряды сервских пикинеров гвардейские кирасиры. В конном бою были важны длина оружия и его вес, чтобы придать инерцию и ускорение удару, доставая противника на расстоянии. Но для фехтования на земле такое оружие было слишком тяжело.

Пехота эшвенских армий всю пользовалась пиками, применяемыми только для боя в строю. Специфика такого боя основывалась на том, что эффективные удары можно было проводить лишь в плоскости, перпендикулярной к своей шеренге. Держать оружие под другим углом, не мешая рядом стоящим бойцам, оказывалось попросту невозможно. Кроме того, пехотинцы применяли короткие пехотные мечи-«кошкодеры», которые по сути представляли собой гибрид «полуторки» по исполнению эфеса и примитивного гладия – по длине.

Более короткое, но при этом более широкое и массивное, такое оружие предназначалось не для «правильного» поединка, а скорее для кровавой резни в хаосе ближнего боя, когда шеренги спутаны и бойцы дерутся в тесноте и давке, нанося друг другу удары как дикие звери. Не мастерство, а только сила, выносливость и удача служили здесь оружием!

Нужно признать, что в такой ситуации кацбальгер действительно являлся самым лучшим из всего, что только можно вообразить для схваток в тесноте полевой баталии. Однако если происходила индивидуальная схватка, боец, вооруженный кошкодером и вставший лицом к лицу с другим, вооруженным, например, рапирой или кавалерийской

саблей, попросту обрекал себя на смерть, ибо для *фехтования*, а не резни в толпе, этот предмет никоим образом не годился.

Исходя из всех этих соображений Гордиан отвергнул специально изготовленные перед этим колише-мард, рапиру, палаш и остановился (как и в случае с налетом на отель Хавьера) на двуручном мече-бастарде, правда, с облегченным и более узким лезвием. Оружие как всегда изготовил для него сам Вордрик Аймен, отвлекшийся от своих полковничьих обязанностей на двое суток, понадобившихся на сотворение и доведение клинка до ума.

Технически превосходство «модифицированно-го бастарда» сводилось к следующему. Меч обладал достаточной длиной, не уступая кавалерийскому палашу или сабле, но при этом имел увеличенную рукоять, чтобы им можно было работать двумя руками. Использование при рубке обеих рук компенсировало возросшую из-за длины тяжесть клинка и делало меч более маневренным и быстрым оружием для наземного поединка, чем сабля или палаш, что позволяло использовать его не только в лихой кавалерийской атаке, но и в пешем бою.

В то же время клинок в отличие от сабли или палаша был прямой и с обоюдной заточкой, а это значит, он позволял не только рубить с плеча, но и наносить прямые колющие удары, нацеленные «на пробой» доспеха (как эсток), что в ситуации схватки с бронированными жандармами было чрезвычайно важно. Таким образом, при индивидуальном поединке Гору оставался доступен столь любимый им длинный выпад и финты, хотя, конечно, тяжесть оружия несколько замедляла их выполнение.

В полевом бою при столкновении одной воинской массы с другой, в тесноте рукопашного боя излишняя по сравнению с кошкодером длина клинка станет немного мешать, однако этот недостаток Гор был намерен компенсировать, используя двуручный хват. Пехотные кошкодеры были одноручными, поэтому он мог смело надеяться на большую силу атакующих ударов, ударов-отражений и большую скорость их выполнения. Щитов в современном бою никто не использовал, поэтому левая рука оставалась свободной и могла применяться для приемов с бастардом. Каждый пикинер или кавалерист, правда, брал с собой в бой вместо щита заряженный пулей или картечью пистоль. Последний, конечно, не мог защитить от удара мечом, но зато мог прихватить с собой на тот свет одного, а то и двух-трех (если удачно выпалить картечью) вражеских бойцов.

По-видимому, этот размен вполне устраивал всех потенциальных участников батальи, а тем более полководцев, так что щит-рондаш повсеместно был вытеснен пистолем. Гор, пользуясь своим недавно приобретенным офицерским достоинством, имел, как уже говорилось, целых две заряженные пистолы, поэтому отсутствие щита у него компенсировалось в достаточной мере.

Модифицированный Вордриком бастард Фехтовальщика получился оружием уникальным и единственным в своем роде, как, впрочем, и почти все, что делалось кузнецами по его заказу. Поэтому не мудрствуя лукаво Гор решил придать смертоносному новому клинку еще большую индивидуальность, придумав ему название. С Кербуля прошло немного времени, и время это было необычайно плотно забито, поэтому у Гордиана не оставалось шанса в спокойной обстановке придумать имя своему оружию. Идти же в бой с безымянным мечом не хотелось.

Сейчас, глядя, как клин боссонцев медленно выдвигается на позицию для атаки, а расстояние до рядов врага постепенно сокращается, Гор понял что назовет свой бастард «Равенством», коль скоро предназначался он для борьбы сервов против угнетения и за равенство всех людей в этом забытом современной цивилизацией мире. А лучше — «Уравнитель», ибо как для восстановления поправленной справедливости, так и для отсекования голов и конечностей (двумя руками сечь голову легче, чем одной, да и заточка позволяет), он годился одинаково хорошо.

С такими вот человеконенавистническими мыслями Гордиан Рэкс, демиург и бизнесмен, трехсотшестидесятилетний старик и шестнадцатилетний юноша, презренный раб и непревзойденный чемпион делал в составе бронированного клина боссонцев последние шаги к смерти или к победе сервов.

В принципе, он мог вернуться в обоз и поберечь свою жизнь.

Собственно, Трэйт так и приказал. Однако впереди всех, на самом острие клина, мрачно сжимая чудовищный фламберг, шагал Бранд, а рядом с Гором справа и слева с суровыми лицами двигались кадеты Рашим и Никий. Мог ли он вернуться в резерв, уйти от них – людей, с которыми соединила его судьба? Пожалуй, нет. И если бы смог – не вернулся.

Сомненья прочь, вперед, вперед!

От места, где стояли возы с обозом и мушкетеры резерва, от места, где строился их панцерный клин, и до передовых шеренг противника от силы было двести метров. Казалось, не прошло и нескольких минут, когда они быстрым шагом плотного строя преодолели это расстояние. Однако для Гордиана, так же как и почти для всех, кто стоял рядом с ним, эти минуты казались вечностью.

Сердца лихорадочно стучали, колени предательски подрагивали под краями мундиров. Почти все, кто стоял рядом, включая именитых консидориев типа Бранда Овальда, шли в такой бой впервые.

Это на ристалищах и аренах они были львами, стяжателями славы и ласковых взоров восхищенных матрон и их не менее восхищенных рабынь, это там, в своих школах и шато, они считались ветеранами. Здесь, когда тысяча человек атаковала многотысячную массу, вгрызаясь в нее как клещ в человеческое мясо, расклад получался иной.

Каждый из стоящих в строю был всего лишь пылинкой по сравнению с неукротимой мощью громадного человеческого моря, топтавшегося на поле и планомерно пожиравшего самое себя, превращая живых существ в холмы, в сопки и в горы из трупов.

И они врезались в строй вражеских пикинеров! Не так резко и споро, как гвардейская кавалерия в строй рабов тридцать минут назад, но последствия, пожалуй, оказались даже страшнее. С противным выдохом Бранд первым врубился в строй копьеносцев, разметал их своим огромным телом и со смачным звуком погрузил чудовищных размеров клинок в голову ближайшего офицера, расколов ее вместе с рокантоном.

Чва-кк! Бранд вытащил фламберг, и измазанное в серой густеющей массе оружие вновь взмыло в воздух, чтобы найти новую жертву. Клин тяжеловооруженных консидориев вошел в плоть бесформенной и не готовой к отражению их натиска тучи королевских пикинеров, стаптывая ряды своего врага один за другим!

Брызгами разлетелись в стороны одинокие фигуры королевских солдат, вытесненных из строя на открытое поле. Некоторые из «расплесканных» жернаковских бойцов, не видя возможности сражаться в таком хаотическом море, совершенно лишенном даже подобия построения, стали уходить из боя, бросая свои неуклюжие в тесноте пики, и начинали подниматься к высотке, где за ходом почти решенного поединка двух армий наблюдал с горестным выражением лица их полководец.

Постепенно, под давлением плотных вражеских толп, лишенных строя, но слишком сжатых, чтобы проворно отступать перед боссонцами, броненосный клин распался, тупоугольный треугольник превратился в линию. Линия эта немного изогнулась вперед где-то в середине, где продолжал героически превращать в трупы все живое старина Бранд.

В результате Гордиан и его «артиллерия», то есть три сотни пушкарей-ормцев, оказались вновь на передовой. Выхватив оба пистолета, Гор выстрелил через голову рубящегося впереди консидория сначала в одного из королевских пикинеров второго ряда, затем в другого. Один свалился замертво, второй, бросив оружие, схватился обеими руками за лицо, зацепленное пулей и, сотрясаясь всем телом, дико завыл. При этом он оставался на ногах, а значит, был только ранен, причем не слишком тяжело. Это, впрочем, не имело значения, ибо в ужасающей давке несчастного тут же свалили свои же сражающиеся товарищи и он оказался затоптан отступающими пикинерами и наседающими консидориями.

В этот момент чьи-то жестокие руки вогнали пику в живот стоявшего впереди Гордиана бронированного бойца. Неизвестно, каким образом эта пика еще оставалась в руках своего хозяина, ведь в такой тесноте орудовать копьем было просто невозможно, однако Гор увидел окованное железом острие, торчащее из спины прикрывавшего его

товарища. Пика проткнула кирасу как спереди, так и сзади.

Бросив быстрый взгляд вперед, Гор понял, что удар такой силы был возможен только благодаря тому, что направили его сразу два пикинера. Один из них держал свое оружие двумя руками в середине древка, а второй, навалившись облаченной в кирасу грудью и вцепившись в древко двумя побелевшими от напряжения кулаками, давил на основание этого двухметрового копья сзади.

Консидорий медленно осел наземь, и Гордиан отчетливо понял, что сейчас окажется в первой шеренге! И ничто кроме его оружия и Господа Бога, если тот существует, не сможет защитить брненное существование Гордиана Рэкса от танцующей по всему полю Госпожи Смерти. Нисколько не раздумывая, ибо думать просто не оставалось времени, он двинулся вперед и в нелепом пируэте козлино-барашечьего прыжка взмахом «Уравнителя» вскрыл горло первому пикинеру. Усилий это практически не потребовало, поскольку тот был слишком поглощен вдавливанием своего излишне длинного оружия в живот поверженного консидория!

Второй пикинер оказался несомненно проворней. Живо отпрыгнув назад, он выпустил из рук уже не нужное древко и выхватил из ножен кацбальгер. Сделав по инерции еще шаг назад, он уперся в другой оседающий труп, но уже не лавзейского консидория, а королевского солдата.

Затем, с неестественным для человеческого горла криком, пикинер метнулся к Гордиану, надеясь поразить его своим коротким оружием, вращая им какими-то невероятными, судорожными движениями.

Почти неосознанно Гор выставил вперед свой более длинный меч и напряг кисти. Пикинер, по-видимому, находился в аффекте и практически не уклонялся, а возможно, просто был неумел и надеялся компенсировать отсутствие умения отвагой. Клинок «Уравнителя» пропорол пикинеру горло и вышел через затылок, попутно распоров щеку и сломав челюсть. Отработанным на тренировках движением, Гор вытащил лезвие из того, что секунду назад было человеческой головой, однако тело осело слишком быстро и меч оказался невольно увлечен падающим трупом к земле.

И в это время к Гордиану подлетел третий! Фехтовальщик понял, что не успевает разогнуться, чтобы отбить атаку, и приготовился уже принять на шею ужасный рассекающий удар, как выстрел, прогремевший из стоящего за его спиной ряда, снес атакующему полгрудины вместе с рукой, порвав кирасу как тряпку.

– Картечь! – проорал Никий. – Нужно заряжать картечью, а не пулей, сэр. Больше площадь поражения.

С этими словами Никий отбросил пистоль и, широко шагнув, встал рядом со спасенным им Фехтовальщиком, вытаскивая меч.

Сражение на фланге окончательно потеряло форму. Клин распался на несколько отдельных частей продолжавших упорно пробиваться вперед – сказывался класс рукопашной подготовки консидориев. Однако бойцовский навык не позволял полностью компенсировать их малочисленность – и батальон Бранда таял.

Впрочем, задача была выполнена. Потрясенная коротким, но яростным ударом панцирного клина, бесформенная масса королевских пикинеров перестала рассыпаться в сторону дороги и старалась сплотить ряды для отражения бешеной атаки консидориев. Трэйту только это и требовалось. Зжатые как в мешке, сбитые в плотную кучу, королевские солдаты оказались не в состоянии противостоять стройным рядам сервских полков и батальонов, продолжающих насаждать на них смертоносными ежами окованных металлом пик.

В центре стояли пикинерские батальоны сервов. Двумя батальонами командовали чемпионы Сардан Сато и Люкс Дакер.

Дакер был опытным рубакой и более всего предпочитал в бою импровизацию и возможность самовыражения. Вот для кого убийство воистину являлось искусством, а не работой и спортом! Он всегда сражался как заново, используя новые приемы, подсечки и

если возможно – незнакомое оппоненту оружие. Его стилем было ошеломить противника, удивить его неожиданным приемом или финтом, насесть на изумленного врага и, не давая опомниться, подавить его своей скоростью и разнообразием ударов! Однако это был стиль поединка на ристалище, куда он выходил, чтобы встретиться со своим противником один на один, оставаясь уверенным в своей силе, скорости и профессионализме.

Сейчас же Дакер командовал батальоном, набранным, безусловно, из средних, если не сказать посредственных бойцов, и не мог быть уверен ни в чем, кроме привитой им самим на полигонах Кербуля привычки своих солдат к действиям в строю.

Если строй разойдется, они побегут.

Если строй разойдется, они будут беспомощны, ибо обучены владению оружием только стоя плечом к плечу, когда враг – впереди тебя, а с боков – лишь твои товарищи.

Колоть пикой в строю нужно исключительно вперед и влево, если ты стоишь в первом ряду.

Либо исключительно вперед и вниз, через плечо товарища, если стоишь во втором. А значит, здесь нет места импровизации – только отработанная технология.

Шаг вперед – укол! Шаг вперед – укол! Коли врага чуть левее себя, а стоящий справа позаботится о том, кто стоит перед тобой. Стоящий за спиной держит пику так, чтобы защитить вас обоих, а если ты упадешь, займет твоё место.

Раз, раз, раз.

Мечи и даги с изогнутыми гардами, краса и гордость «призовых» схваток, болтаются в ножнах. В руке – либо пика, либо пистоль.

Такова дань цивилизации – лить кровь технично. Ты не боец, а звено в боевой машине. Споткнулся, упал – смерть. Тебя затопчут свои, ибо остановить тысяченогую машину невозможно.

Шаг вперед – укол. Раз! Раз! Раз!

Сардан был менее склонен к импровизации и механистическая работа его батальона – такого же комбайна смерти, как и у Дакера, – заворачивала опытного рубаку меньше, чем его старого товарища.

Как и Дакер, Сардан был прежде всего консидорием, опытным бойцом, спортсменом и лишь потом – рабом, а значит, с детства был приучен в первую очередь к суровой дисциплине. Эту дисциплину за несколько месяцев усиленной подготовки в Кербуле он привил и своим бойцам. Пикинеры Сардана буквально чеканили шаг и выплевывали острия своих пик вперед, как дикобраз одновременно всем телом ошетиливается шипами. Подобно единому живому организму, батальон Сардана полз по полю, с каждым шагом собирая с него обильную кровавую жатву.

Шаг вперед, укол. Раз, раз, раз.

Жернак смотрел с высоты на избиение своей армии, которую и армией-то в этот момент назвать было нельзя. Огромная масса войск, зажата фалангой пикинеров и холмами в небольшой долине с высохшим Ташским болотом, разбивалась о ряды вражеских пик как волны о камень, оставляя на этих орудиях смерти кровавую пену.

Он видел, как в нелепой попытке небольшой отряд рабских латников, судя по доспехам бывших гладиаторов, построившись клином, попытался атаковать его фланг. Отряд был слишком незначителен, чтобы его потуги могли отразиться на общем течении сражения, но атака латников оказалась яростной и имела несомненный напор. Клин впился в бок его армии, не позволив рядам королевских солдат растечься в сторону тракта, словно пинком заставив его правофланговые батальоны сбиться плотнее и не уходить из-под удара основной массы сервских пикинеров.

Это, впрочем, не сильно усугубило дело, поскольку усугубить его сильнее, чем это сделал де Роше, по мнению Жернака, уже было нельзя. Спустя еще пять минут поражение стало очевидным, причем не только для него. Мушкетерские роты, внимательно наблюдавшие за баталией, вместо того чтобы изготавиться к огневому бою в случае прорыва противника, стали заметно таять, исчезая за холмами высоты по группам и по одному.

Жернак выругался и хотел послать штабного офицера, чтобы вернуть подонков, но воздержался – офицера могли просто пристрелить. Да и было это, похоже, уже ни к чему. Линия его пехоты дрогнула окончательно. Невидимая судорога прошла по ней как по живой плоти, мучимой сильной болью, и в следующее мгновение королевские солдаты бросились наутек, теряя остатки мужества, оружие и стаптывая неловких товарищей. Бежать в гору было значительно труднее, чем сбегать с нее получасом раньше, а догонять и настигать в организованном порядке – значительно проще, но уже не для королевских солдат, а для победителей-сервов. Чтобы преследовать и избивать своего поверженного врага, рабам даже не требовалась кавалерия! Воистину крутой склон высоты стал для выдохшихся королевских солдат «фатальным» препятствием и капканом: сражение окончательно превращалось в резню!

В центре и справа эта резня кипела как вода в котелке, лопааясь кровавыми пузырями. Наступая друг другу на пятки, королевские солдаты отступали в горку, и поскольку их бегство было крайне не организованным, бойцы сталкивались, сбивали друг друга с ног, путались в оружии и амуниции. В результате общая скорость ретирации королевского войска была в целом крайне незначительной.

Сервы же наступали аккуратно и строем. Хотя они также выдохлись и им также тяжело было идти в гору, соблюдая порядок, неся на себе кирасы и рокантоны, их шествие выглядело иначе.

Батальоны шагали ровно, настолько, насколько это было возможно при неровном подъеме, и с каждым очередным криком командира руки выбрасывали вперед острия пик, а перезаряженные в задних рядах пистолеты давали очередной залп. Постепенно подъем к высоте покрывался слоем трупов, а трава с зеленого меняла свой цвет на багровый.

«День смерти, – подумал Жернак. – Это день смерти, другого названия не подберешь».

Ситуация слева между тем была иной. Линия боссонцев оказалась все же слишком короткой, а значит, не могла полностью перекрыть путь к отступлению королевских солдат в сторону дороги. Отдельные небольшие отряды и солдаты-одиночки просачивались то там, то здесь и, отшвыривая оружие, сдирая на ходу кирасы и шлемы улепетывали к тракту и роще, стоящей за ним.

В конце концов всякое подобие строевого боя окончательно исчезло. Боссонцы прижались к левому крылу трэйтловских пикинеров и, подобно легкой кавалерии, принялись истреблять пробегающих мимо отступающих, большая часть которых старалась покинуть поле битвы как можно дальше от рядов боссонского отряда. И все же, в начале бегства теснота была просто неимоверной, поэтому значительной группе королевских пикинеров пришлось бежать, прорываясь через консидориев Бранда и ормских артиллеристов. Оставшееся подобие брандовских шеренг оказалось тут же разбрызгано по полю, и прорыв превратился, по сути, в нескончаемую серию сумасшедших, лишенных всякой тактической логики поединков.

Гор был чемпионом авеналий и старался драться, показывая высший класс. Понимая, что противостоят ему отнюдь не мастера, и будучи не в силах отражать ослабленной рукой многочисленные удары, он стремился не столько отбивать атаки мечом, сколько уклоняться от них. И не пробивать латы, а наносить короткие уколы и рассечения в незащищенные части тела и головы противников.

Несколько бешеных минут ему это удавалось, он поражал глаза и горла, отсекал кисти и вспарывал бедра, однако вскоре понял, что более не в состоянии выдерживать подобный темп, и пику следующего противника встретил простым боковым парированием, принимая на свой меч всю силу удара.

Солдат с пикой был явно крупнее его. То, что он сохранил в бою свое оружие, говорило об одном: большую часть сражения ему пришлось топтаться в страшной давке в задних рядах. Возможно, он вообще еще не успел принять участия в рукопашной, а только давил кирасой на спины впереди стоящих товарищей, чтобы усилить натиск.

Гор же после почти сорока минут интенсивной рубки в первых рядах измотался

практически до полного изнеможения и вообще не понимал, как держится на ногах. Тело было покрыто ушибами и порезами, а ладони представляли собой сплошной синяк – столько ему за этот день пришлось принять на меч жестоких ударов. Однако место и время явно не подходили для того, чтобы раскисать. Краешком сознания Гордиан понимал, что битва Жернаком проиграна, поскольку враг бежит, и возможно осталось выдержать всего несколько минут.

Но их еще нужно было *выдержать* ! Лишиться головы в такое время казалось обидно до коликов, и хотя эта самая голова уже практически ничего не соображала, Гор продолжал сражаться.

Пикинер держал свое оружие двумя руками, к тому же пика была тяжелее, чем меч, а сам ее носитель – существенно здоровее бывшего серва. Поэтому он легко и совершенно молча (экономил дыхание, тварь) откинул оружие Гора и попытался еще раз нанизать того на древко. Пика значительно длиннее любого меча, и подступить к пикинеру у Гордиана не было возможности. В «призовом» поединке Гор завалил бы такого детину с копьем играючи, поскольку в нормальном состоянии наверняка превосходил того в скорости движений, однако сейчас в полуобморочном состоянии тягаться с кем бы то ни было в реакции и мобильности Гор не мог. Поэтому приходилось пользоваться теми преимуществами, которые у него оставались.

Пика не имеет гарды, а руки его противника – кольчужных перчаток. Уйдя корпусом с вектора укола, Гор еще раз отразил выпад боковым ударом, немного вывернул свой меч, чтобы заточка не впивалась в дерево, и затем резко провел оружием вдоль древка копья, пока клинок не уперся во что-то мягкое. Теперь – лезвие на себя! Пика свалилась на землю!

Гор поднял глаза и увидел лицо пикинера, тупо уставившегося на кисти рук с окровавленными обрубками пальцев. Дико и как-то придавленно заорав, несчастный бросился вперед и рванул мимо Гора в сторону дороги, подстегиваемый ужасом и безумием. Но Гор уже не смотрел на него. Из последних сил сжимая в руках забрызганный кровью по самую гарду бастард, он озверело озирался по сторонам в поисках очередного врага. Вокруг еще пробегали люди, но они находились слишком далеко, чтобы достать их мечом, а гоняться за отступающими по полю уже не оставалось никаких сил.

В нескольких метрах от него, также озираясь по сторонам и тяжело вздымая могучую грудь в иссе-ченном доспехе, стоял Бранд. Где-то в толпе оставшихся в живых консидориев и ормских артиллеристов на земле сидел Рашим, положив свой меч на колени и отирая усталой ладонью с потемневшего лица свою или чужую кровь.

Никия видно не было. Но, возможно, он просто оставался скрыт рядами солдат. Метрах в пятистах правее этой картины по-прежнему маршировала фаланга сервов и тысячи вражеских бойцов, бросая оружие, вздымали руки кверху, сдаваясь на милость Армии Рабов. Задрав голову к небу и воздев вверх свое гигантское оружие, Бранд заорал что есть мочи:

– Победа! – надрываясь, хрипел он. – Победа!

И этот зов единым порывом подхватили сначала его латники, а затем и все огромное живое поле рабской армии. Потрясая мечом, в каком-то диком исступлении, также раздирая глотку и легкие, Гор скакал на месте и, забыв о порезах и ушибах, вместе с обезумевшей от эмоций толпой, кричал самое сладкое слово из всех, что ему когда-либо доводилось произносить.

– Победа!!! – кричали они.

Жернак печальным взором осмотрел высохшее болотце и долинку, где наверняка заканчивалась его военная карьера, а возможно, и жизнь. Такого поражения, да еще и сопряженного с гибелью целого гвардейского полка, король не простит. В лучшем случае – отставка, а в худшем... О худшем лучше не думать.

Он подозвал адъютанта со своим любимым скакуном и велел трубить общий отбой, впрочем, совершенно не нужный, ибо настоящий отбой его воинству был дан несколькими минутами ранее пиками и мушкетами сервов.

– Соберите кого можно, – крикнул он вестовым. – Отступаем в Бронвену!

Глава 5 Абонент Хепри

После блистательной победы сервы ликовали. Однако составлявшие львиную долю армии восставших рабов жители Верхнего Боссона понятия не имели о реальных пределах вселенского государства, против которого поднялись на войну, и величии церкви, которая им противостояла.

Единое королевство по праву называлось именно «вселенским», а не каким-либо иным, например «всемирным» или «материковым», ибо охватывало своими весьма размытыми границами практически все цивилизованные территории Твердого Космоса. «Размытыми» его границы являлись потому, что у Единого королевства, вопреки воодушевляющему названию, на самом деле отсутствовала целостная структура управления этими воистину «космическими» территориями.

Большую часть земель Единого королевства занимали относительно независимые политически государства, связанные с метрополией после тысячелетий колониальных войн вассальными, а также данническими обязательствами. Распространены были «протектораты» и «доминионы», и только в очень редком количестве случаев, в пропорции примерно один к ста, в побежденной стране устанавливалось «прямое» правление Единого короля в форме «оккупированной территории» или «колонии».

«Данью», которую выплачивали покоренные народы, являлись вовсе не деньги и золото, а так называемый «налог кровью», состоявший в обязательстве побежденного государства ежегодно поставлять Его величеству королю рабынь, рабов и солдат в некоем фиксированном количестве. Зачем это нужно было Его величеству, учитывая наличие клонических машин в храмах Хепри, никто не знал. Возможно, монарх-победитель пытался таким образом унижить поверженного противника, а возможно – просто экономить, ведь клоны в храмах доставались ему не бесплатно...

Как бы там ни было, земли вассальных монархий и республик-протекторатов составляли ничтожную долю территории, подчиненной власти вселенского государства. Твердый Космос включал миллионы планет-каверн. И большая часть из них оставалась пуста и необитаема.

За исключением трех сотен изначальных миров, согласно легенде сотворенных самим Богом Света за четырнадцать дней, планеты-каверны обычно создавались кем-нибудь из кардиналов. Церковные техники в храме Хепри собирали из заготовок нуль-портал, подключали питание и активировали внепространственный туннель в произвольную точку каменной Тверди. Туда переносился сначала нуль-генератор будущей звезды, затем силовое поле медленно раздвигало Твердь, создавая таким образом, будущую планету-каверну. Под ужасным давлением силового поля камень Твердого Космоса накалялся на границе с пустотой и растекался жидкой магмой. Однако постепенно давление на границе выравнивалось – Твердь отступала, как вода под днищем многотонного корабля, и плотное давление близких к силовому полю слоев растекалось и распределялось по всему Твердому Космосу. В результате температура на поверхности нового мира становилась стабильной. Чтобы удержать на поверхности планеты-каверны почву и грунт, клерики включали второе силовое поле, проходящее уже по самой границе образовавшейся твердой «коры» и расплавленной в глубине «магмы». Средняя глубина такой «границы» составляла обычно сорок—пятьдесят километров – вполне достаточно для рытья солдатских окопов и фундаментов для строительства домов. Глубинным бурением же в Твердом Космосе никто пока не увлекался...

После этого первое поле отключалось. В каменной Тверди образовывался силовой «пузырь», покрытый изнутри слоем «коры каверны». С этой минуты новорожденный «подземный» мир начинал свое обыденное существование.

Церковные клерики проносили сквозь нуль-портал споры и семена, рассеивали их по земле и очень скоро, на гигантских окружностях вокруг храмов появлялась обширная зеленая зона, куда чуть позже священнослужители выпускали диких животных и птиц. Простейшая технология была отработана богатой практикой, и уже через сотню лет, в новом мире повсюду властвовала природа, а непуганные животные бродили по девственным просторам неисчислимыми многоголовыми стадами...

И все же, несмотря на буйное биение жизни и огромный возраст большинства таких «новых» или «кардинальских» миров, почти все из них оставались дикими и необжитыми, а человеческая стопа не касалась их плодородного грунта. Число планет-каверн, освоенных человеком и изученных храмовыми учеными за тысячи лет с момента явления Хепри, оставалось просто ничтожным. Число это колебалось где-то в от десяти до двенадцати тысяч каверн – не слишком много для бескрайнего Мироздания.

В большей части указанных миров проживало от силы несколько сотен тысяч колонистов, поселяв-шихся в непосредственной близости от храма Хепри, через который осуществлялась связь между не-освоенным миром и метрополией. Несколько городков, сотня деревень – вот и все население. На урбанизированный мегаполис, таким образом, вселенная Твердого Космоса совершенно не походила.

Иную картину можно было видеть в «изначальных» трехстах мирах. В отличие от миллионов миров «кардинальских», старые каверны существовали значительно дольше, и это значило, что почти вся их поверхность к моменту явления Хепри уже была освоена и заселена. Именно в «трехстах изначальных» кавернах располагалось большинство государств-вассалов, колоний и протекторатов Единого короля.

Впрочем, низкая плотность населения имела место и здесь. Если перейти к абсолютным цифрам, как сказал бы Гордиан Рэкс, население каждой из «трехсот изначальных» планет-каверн достигало всего двадцати—тридцати миллиардов человеческих особей на каждый мир-пузырь. То есть ничтожно мало, учитывая огромные размеры любой планеты-каверны. Диаметр самой маленькой из них, насколько Гор понял из прочитанного когда-то Большого Атласа Географии, найденного им в библиотеке Лавзеи, составлял не менее одной, принятой в Корпорации, астрономической единицы. И для такого потрясающего размера население, измеряемое всего лишь *миллиардами*, казалось ускользающе малым.

С другой стороны, число жителей вполне соответствовало примитивному укладу и средневековым декорациям, в которых неизвестный творец выполнил Твердый Космос. И какого-нибудь доисторического чиновника, подсчитывающего землепашцев для сбора податей, количество лапотников на одну квадратную милю площади, вполне бы удовлетворило.

На плодородных землях планетарных сфер ютились деревеньки и города, однако соседние с «населенными» территории могли оставаться дикими и заселяться варварами или зверьем. Повсеместно, на огромных участках суши гигантских планет-каверн, покрытых лесами, прореженных горными хребтами, захваченных пустыней или океаном со множеством островов, численность посадок и сел то соскальзывала к нулю, то, на маленьких плотно заселенных участках, стремилась вверх, составляя из объединенных человеческих поселений настоящие средневековые мегаполисы!

Государства и процветающие торговые порты перемежались в Эшвене с океанами диких степей и лесными чащобами. Тайга и джунгли часто подступали прямо к стенам великих столиц, а широкие реки влекли купеческие корабли меж колоссящихся хлебных полей и меж горных круч, никогда не видевших человека...

Самым крупным миром Твердого Космоса, а потому и самым заселенным считалась Центральная планета-каверна, самый первый мир, созданный Богом Света. В соответствии с возрастом, в самом старом мире проживало значительно больше людей – около сорока миллиардов. «Миллиарды» эти концентрировались в основном на относительно небольшой группе континентов, расположенных чуть севернее экватора, образовавшихся на самом стыке колоссальных тектонических плит. Соединение плит и разломов между ними объясняло

замысловатый рисунок берега и серию обширных внутренних морей и пресных водоемов (так называемый «Антийский озерный каскад»), омывающих этот своеобразный демографический и религиозный центр огромной «твердой» вселенной. Именно здесь, на стыке геологических плит и морей-разломов, размещался Эшвен-Камень – небольшой субконтинент, давший название существующей ныне безграничной державе и целому Мирозданию. Именно здесь когда-то впервые спустился на планету в своем «корабле из металла» апостол Хепри – будущий господь и король всего космоса. Именно здесь стоял Бургос – столица Единого государства и оплот веры церкви. Именно здесь раскинулся пылающий бунтом Боссон и рабские полки под гортанные марши-песни вышагивали по утоптанному грунту континентальных дорог.

В отличие от вселенского Королевства, признаваемого Гором всего лишь очень большим государством, соответствующим по уровню развития классическому «позднему средневековью», Всеэшвен-ская апостольская церковь представляла собой более оригинальную организацию. Основой социальной культуры Эшвена (и всего Твердого Космоса соответственно) на протяжении более трех тысяч лет являлась догматическая религия, основанная на вере в Божество Света Ра и его последнего наиболее значимого пророка – Хепри.

При этом главными достоинствами Апостольской церкви признавались три вещи: наличие клонического оборудования, обеспечивавшего поддержку церкви со стороны шательенов; рабских ошейников, обеспечивавших подчинение сервов; а также работа машин нуль-синтеза, составлявшая фундамент планетарной экономики.

Главным же недостатком Апостольской церкви признавалось единственное обстоятельство – абсолютное отсутствие веры!

Настоящее преклонение перед Хепри на протяжении тысячелетий оставалось не более чем данью традиции. Читая молитву Двенадцатому пророку, шательен поклонялся прежде всего своему бессмертию, серв поклонялся своему хомуту, а любой другой человек – парче и золоту, которые он купил при посещении храма.

Настоящим Богом, светочем мудрости и дарителем благодати, Хепри никто не считал, во всяком случае – не относился к нему как к чему-то личному или близкому.

Кризис веры с течением времени стал настолько велик, что накрыл свои серым крылом даже высшие эшелоны церковной иерархии. Более того, кардиналы Бургосской курии, те самые «пастыри», что должны были пробуждать в людских душах пламя веры и благоговения, верили менее всех, ведь именно им приходилось общаться с Хепри при помощи банальных видеофонов, управлять машинами нуль-синтеза и аппаратами, штампующими рабов. А значит, то, что делает всякую церковь сильной, являлось главной слабостью местных Апостольских храмов.

Как бы там ни было, кардинал Амир, глава Бургосской курии и глава всей эшвенской церковной системы, старался над этим не задумываться и концентрировал свое внимание на вопросах более насущных. Вера, как он полагал, не влияла на работу технических аппаратов.

Разумеется, кардинал заблуждался...

В момент, когда на кочках Ташского поля Фехтовальщик вытаскивал меч из одного из противников, Его Высокопреосвященство вздрогнул и посмотрел на свой пояс. Там вибрировал пейджер – маленькое устройство для приема текстовых сообщений.

Внезапно побледнев, Амир бросил викария в комнате видеонаблюдения и быстро спустился вниз. Далее глава курии немедленно прошел в личный молельный зал, предназначенный для секретных переговоров. Несгораемый водонепроницаемый пейджер в стальной оболочке, который Его Высокопреосвященство носил, не снимая, даже в бане и в постелях гарема, вибрировал всего раз или два раза в год, вызывая священника на сеанс необычной связи. И ужасающий абонент, пославший Амиру короткое сообщение, уже с нетерпением ожидал...

Как и все помещения внутри храмов Хепри, личный молельный зал – святая святых всякой церковной твердыни, доступный только высшим иерархам курии, – имел

потрясающие размеры. Тридцать метров в ширину и почти сотня в длину.

Впечатление бездонности зала усиливал уходящий ввысь потолок, сводчатый, с готическими по-луарками и устрашающими барельефами колоннад. Освещение также было подобрано оригинально, ибо подсвечивалась только центральная линия, протянувшаяся от входа к самому концу зала. Сводчатый потолок, края и углы помещения, напротив, оставались укутаны в тѐни и тьму.

В глубине зала, там, куда указывала освещенная софитами полоска пола, висел, раскинувшись на всю стену, огромный плоский монитор, на который сейчас и пялился, воздев очи-горе, глава Бургосской курии.

С монитора на него глядело грозное лицо непосредственного начальства – экс-короля, экс-полководца, экс-апостола, а ныне Его Божественности Единого Господа Эшвенской церкви Хепри-Ра. Творца мира. Если бы Гор Фехтовальщик каким-то неизвестным образом оказался в данный момент в зале, он бы без особого труда назвал еще одно имя и, как минимум, должность амировского визави в «Нулевом Синтезе». Ибо лицо на мониторе, несомненно, принадлежало одному из известных ему акционеров Нуля.

– Ваша Божественность, приветствую! – подобострастно начал Амир. Его напыщенность и гордость, столь очевидные при общении с подчиненными, волшебным образом в одно мгновение улетучивались пред ликом обожеествленного в Эшвене чиновника Корпорации. – Простите меня за задержку... Как я сообщал вам в электронном письме, вести из Боссона ужасны. Поэтому я просил вас перезвонить... Мощь обнаруженного нами медиума чудовищна! Восстанием охвачена огромная провинция, сервы сжигают шато и вешают шательенов... Позвольте, мой господин, применить ваше божественное оружие, и мы раздавим этот безбожный бунт! Спасения нет. Только на вас мы и уповаем...

Господь нахмурился. В принципе, он всего лишь чуть сдвинул брови, однако каждая бровь на огромном мониторе тянулась метров на десять. И общий эффект впечатлял – Амир, что-то невнятно проямлив, бухнулся на колени.

Господь улыбнулся. Да, именно на это и были рассчитаны размеры экрана-видеофона и всей «святая святых».

– Сильный медиум – это хорошо, – сказал он, и голос его прогремел под сводами храма раскатами грозного грома. – Но плоха твоя тупость!!! Бунт сервов не интересует меня, глупец, и божественной мощи ты от меня не получишь! Возможности Храмов итак огромны, подавить с твоими силами любое восстание – это даже не дело, а пустяк, не стоящий обсуждения! Прижми Бориноса, используй кардинальский спецназ, и покончите с этим! НЕМЕДЛЕННО!!! А медиума взять... Я коллекционирую качественных экстрасенсов, и появление человека, способного снять электронный хомут сразу с тысячи человек, – это удача, которая не имеет цены... Ты слышишь меня, червь?!

– О да, владыка!!! – заверещал Амир, чувствуя, что у него вот-вот лопнут перепонки. Если апостол еще раз так крикнет, Амир похоже уже ничего не будет слышать. Никогда. По крайней мере до смены очередного тела.

– Так внимай! Этот медиум нужен мне! Но сейчас я занят и все мои силы направлены на другое. И потому – плевать на восстание. Разбирайся с ним сам. **НО ДОБУДЬ МНЕ МЕДИУМА. ЖИВЫМ!**

Кардинал склонился в поклоне.

Глава 6

Ищите женщину

Забавная это вещь – человеческие взаимоотношения, подумал Гордиан. Особенно если речь идет не о дружбе мужской, а о любви между женщиной и мужчиной. Месяц назад в Бронвене, практически недалеко от этих мест, Гор решился на отчаянный побег, ворвался в отель к Хавьеру и готов был голову отдать за свою Лисию и единственный взгляд ее чудесных бирюзовых глаз... Боже, как давно это было, кажется очередной Хеб-сед отделил

те роковые дни от сегодняшнего утра... Но вот заискрилось пламя восстания и девушка каким-то незримым образом выпала из списка его насущных жизненных интересов, сместившись с первого места в его пирамиде ценностей на... он уже и не знал на какое.

Всю эту длинную нескончаемую череду дней, до отказа забитых снятием рабских оков, военными тренировками и подготовкой к походу, он думал о разном, но думы эти были далеки от женщины, свобода и жизнь которой по сути дали толчок всей этой кровавой войне.

Гор часто расспрашивал Никию о судьбе краса-вицы, но тот лишь отвечал, что события того далекого дня – последнего дня Боссонских авеналий – неслись какой-то бешеной каруселью, и судьба девушки, подхваченная этим водоворотом, осталась в его памяти лишь одним из многочисленных цветных мазков, слившихся в картину поспешного бегства лавзейцев и их возвращения домой.

После того как стало известно об убийствах, совершенных в отеле лорда Хавьера, Бранда с Трэйтом схватили. В тот день Никию чудом удалось избежать на несколько часов внимания городских габеларов. Он и Лисия, собрав вещи и деньги, данные тогда Фехтовальщиком, прошли через черный ход и смогли добраться до речного порта. Там, представившись сервом, провожавшим в дальнюю дорогу свою небогатую госпожу из дочерей посадских мас-теровых, ему удалось посадить Лисию на корабль, отплывавший в Бургос.

Они практически не разговаривали с Лисией о ее планах, да и о каких планах могла идти речь – она была в шоке просто от того, что осталась в живых. Все мысли сконцентрировались на насущных вопросах – что взять с собой, как поскорее выбраться из города, что врать корабельщикам и портовым габеларам, поэтому для обсуждения общих тем времени не оставалось. А потом они расстались, поскольку Никию итак грозила порка за сокрытие подготовки побега товарища и долгое отсутствие в отеле.

Никий проводил ее взглядом, глядя на удаляющийся паром. Она стояла на палубе, в плотной толпе других отъезжающих, одетая в скромную серую шаль, скрывая наполовину свое лицо, которое могли узнать стоящие в толпе люди. Лица профессиональных наложниц знают хуже, чем тело, но все равно в человеческой массе мог отыскаться знакомый клиент или просто серв, видевший ее в Лавзее или на многочисленных прошлых авеналиях.

И все же, по словам Никия, выходило, что на самом деле Лисия могла отправиться не в Бургос. Перед отплытием они зашли к ее подруге, также бывшей Брегортовой наложнице, но не беглой, а отпущенной литератором на свободу лет восемь назад. Причины подобной благотворительности были известны...

Наложницу звали Мия, и она носила, разумеется, фамилию бывшего господина. Мия Брегорт была удивлена визитом и, похоже, вполне поняла, что дело тут нечисто, но виду не показала и вряд ли побежала после их ухода докладывать о беглянке. Похоже, в прошлом они были знакомы. Никий решил даже, что в отношении мадам Мии Брегорт к Лисии проявляются некие материнские нотки. Что было вряд ли возможно, поскольку доходные наложницы-клоны обычно были стерильны и иметь детей не могли.

Тем не менее Мия долго говорила с Лисией, и та, по всей видимости, получила от нее какие-то указания и советы, поскольку сразу после этого решительно сказала Никию, что они следуют в порт. Кроме того, насколько понял Никий, Лисия в благодарность оставила Мие крупную сумму, хотя та и не просила. А возможно, деньги были оставлены и на хранение.

Выслушав Никия (а было это еще в Кербуле перед походом), Гор твердо решил сразу же, как армия подойдет к Бронвене, немедленно отыскать мадам Брегорт и задать ей вопросы, по возможности также подкрепленные золотом. А если не подействует – то подкрепленные мечом. Ах, молодость, молодость, подумал он, инстинктивно потирая свое безбородое лицо – к чему я качусь? Вместо того чтобы думать о возвращении в Нуль, собираюсь носиться по всей стране во время войны за практически незнакомой мне (ну спали несколько раз) девушкой.

С другой стороны, если не за девицами, то за чем еще можно носиться нормальному

мужику? Как ни крути, все же любовь – это самая стоящая из целей.

* * *

Трэйт остановил свои части, пытавшиеся организовать преследование разгромленного противника.

И без того все подступы к высотке были завалены телами в королевских мундирах. Множество бронвенских пикинеров, не успевших перевалить за высотку и лишившихся сил от неудачного сражения и хаотической ретирации, сдались. Бросив оружие и воздев руки, они стояли повсюду, сколько видел глаз. С них сдирали кирасы, шлемы, отбирали мечи и пистолы, а затем сгоняли в одну огромную кучу посреди долины, ставшей местом ужасного побоища для регулярной королевской армии и полем первой серьезной победы восставших.

Остаток дня провели в работе. Хоронили своих соратников и в огромные кучи складывали трупы павших врагов. Собирали оружие и амуницию. Выкатывали с линии сражения неповрежденные орудия и волоком вытаскивали поврежденные. Подбирали знамена.

Собственно, знамен было три. Первое и второе оказались знаменами Бронвенских пехотных полков, которые находились в подчинении сенешаля постоянно, еще до начала формирования им корпуса возмездия. Составленным позднее сборным полкам габеларов и погранцов настоящие боевые знамена не полагались по статусу, они имели только значки-вексилумы, коих было взято сегодня множество и которые были не столь восторженно оценены Сарданом и другими старшими офицерами, проводившими инвентаризацию военной добычи.

Главным же трофеем по праву считалось третье знамя – штандарт полка королевских кирасир, практически полностью легших костями на позорном для них поле битвы с презренными сервами. Когда работы были завершены и поставлен ночной лагерь, все три знамени вынесли пред очи уставшей армии, что вызвало восторженный рев.

Ожидая, что враг, ошеломленный страшным и позорным поражением, бежит со всех ног и наверняка не решится на внезапную ночную атаку, Трэйт ослабил посты и велел выкатить из скудных обозных запасов пузатые бочки с густым и терпким напитком – тинзой.

Армия ликовала! И хотя большинство уже валилось с ног от усталости после долгого перехода, суровой битвы и тяжелых работ, настроение в рядах восставших сервов было просто великолепным.

Однако на утро в просторной палатке, выделенной Трэйту не только в качестве индивидуального походного жилища, но и в качестве полевого *ландкапа*, в которой собрались ни свет ни заря старшие офицеры, атмосфера была несколько иной. Общее упоение победой они, безусловно, разделяли, однако необходимость принимать решения относительно дальнейшей судьбы их военного предприятия требовала делового подхода. К тому же на часах было всего шесть утра, и скороспелые лейтенанты и капитаны, поднятые вестовыми прямо со своих лежаков в палатках, были не слишком довольны.

Извинившись за столь раннее приглашение, Трэйт начал совещание как обычно без долгих вступлений и предисловий. Резко.

– Как удалось узнать у пленных офицеров, – сказал он, – Бронвена плохо укреплена. Незакончена значительная часть оборонительной линии, не хватает орудий. Нормальных стен вокруг Бронвены, как вы помните, нет вовсе. Однако там остается еще почти четыре тысячи солдат регулярной армии и свыше ста тысяч человек гражданского населения. Конечно, это – ничто по сравнению с теми силами, которые противостояли нам до вчерашнего дня. И все же...

– А известно ли вам, господин командующий, как много рабов среди гражданского населения города? – холодно перебил его Сабин. – Я знаю, что девяносто пять из названных вами ста тысяч – наши братья сервы, а значит, большая часть из проживающих в Бронвене – это потенциальные союзники.

– Имеет ли значение названное обстоятельство, господин советник, учитывая, что все они носят койны? – еще более холодно возразил Трэйт. После довольно бесцеремонного обращения командующего армией к Сабину перед началом миновавшего сражения оба бывших лидера Лавзеи обращались друг с другом подчеркнуто официально. – В любом случае нам следует рассчитывать только на свои силы. Более того, в ближайшие недели Бронвена ожидает прибытия королевских подкреплений.

Поэтому мое мнение такое. Вопреки первоначальному плану мы теперь не будем обходить Бронвену, ибо нам больше некого там запирать, чтобы оттянуть время для мобилизации подкреплений в Кербуле. Нужно бросать обоз и скорым маршем выдвигаться к городу. До Бронвены два дневных перехода. Если мы выступим немедленно, то можем взять город тепленьким, не подготовленным ни к осаде, ни к штурму.

– Весть о поражении сенешаля вместе с остатками королевской армии наверняка достигнет города раньше, чем мы окажемся под его стенами.

– Несомненно, однако помните, что отступающие жернаковские части опережают нас всего лишь на одну ночь. Этого недостаточно, чтобы серьезно подготовить город. С армией сенешаля в поход выступили и префект Бронвены, и бригадир габелар, чьи трупы вы можете лицезреть всего в ста метрах отсюда. Там просто некому возглавить работы по организации обороны. Я думаю, все решит скорость нашего марша.

– Если все решит скорость, нужно было выступать вчера, а не затевать ночные гулянья, – заметил лавзейский вилик.

– Вы говорите ерунду, Сабин! – теперь уже просто грубо отвечал Трэйт. – Армия после выматывающего сражения и заботы о погребении погибших товарищей была не в состоянии двигаться дальше. Кроме того, не забывайте, это была наша первая крупная победа над сильным противником и вообще первое боевое крещение в поле. Мы прошли его отлично, но люди испытали сильнейшее потрясение. Нужно было дать выход их стрессу и их ликованию. В такой ситуации я не мог отдать приказ выступать немедленно. Однако сегодня такой приказ прозвучит прямо после того, как мы закончим это совещание. У кого-нибудь еще есть соображения?

Поднялся Рихмендер.

– Разрешите? – спросил он и после кивка Трэйта продолжил. – Бойцы отлично показали себя во время вчерашней баталии. Мы взяли хорошие трофеи, однако осадных орудий победа нам не прибавила. Вы считаете, Трэйт, нам хватит сил, чтобы взять крупно населенную Бронвену с нашей относительно небольшой армией и без достойного артиллерийского усиления?

– Как я уже сказал, город слишком большой, почти сто тысяч населения. Бронвена не имеет постоянных крепостных стен уже более двухсот лет, а линия валов и окопов готова лишь частично. Известно, что западная часть не построена вообще, а северная – едва начата. К артиллерийским бастионам для прикрытия трактов также никто не приступал. И вообще, протяженность готовых укреплений такова, что имеющихся в распоряжении защитников города сил регулярной армии будет явно недостаточно даже для того, чтобы просто разместить в каждом секторе хоть сколько-то бойцов, не говоря уже об организации эффективной обороны. Это означает, что мы можем зайти в город практически по любой из дорог, ведущих в Бронвену с запада и со стороны правого берега Кобурна. Четыре тысячи габеларов вряд ли окажут нам достойное сопротивление.

Кроме того, я намерен предложить городу сдачу на почетных условиях. Габеларам нечего там защищать, кроме собственных жизней. К тому же они наверняка будут поражены известием о вчерашнем поражении сенешаля. При приемлемых условиях, с сохранением оружия, знамен и вексилумов, они сдадут город. Таким образом, артиллерия нам не понадобится. А если все-таки габелары не сдадутся, то мы просто войдем в город несколькими колоннами и с разных направлений. Сражения за Бронвену в этих условиях также не будет. Будет *ввод войск*. В лучшем случае, я имею в виду – в лучшем случае для противника, гарнизонные войска засядут в нескольких укрепленных пунктах. Вот оттуда их

и придется выкуривать, но опять же при условии, если они не примут сдачу. Главное сейчас – подойти к городу раньше, чем придут новые королевские полки.

– И все же, что насчет населения города? Как велика вероятность того, что горожане заставят сервов взять в руки оружие и присоединиться к обороне? Можно ли заставить их сделать это с помощью ошейников? Девяносто пять тысяч сервов – это колоссальная масса.

– Полагаю, вероятность такого развития событий минимальна. Габелар может подгонять раба импульсом боли или этим импульсом убить. Если раб попытается напасть на габелара первым, ошейник выдаст превентивный импульс, чтобы пресечь попытку. Однако превентивный импульс хоть и ужасен, но все же терпим. Так что, как только наша армия подойдет к стенам, практически ничто не мешает рабу, получившему в руки мушкет, просто пристрелить своего габелара и присоединиться к нам. При большом желании и надлежащем подходе, особенно если дать сервам обещание свободы, такую армию можно было бы организовать для боя в поле, привить ей дисциплину и внутреннюю устойчивость. Но за два дня это вряд ли реально. Думаю, защитники города понимают это и не станут даже пытаться. Еще есть вопросы?

Вопросов не было. Трэйт удовлетворенно кивнул и, не спрашивая мнения Сабина, приступил к раздаче указаний каждому из командиров подразделений. Дав команды конкретным исполнителям и назначив ответственных за выполнение отдельных задач, Трэйт определил порядок выступления для частей, объявил совещание закрытым и велел офицерам разойтись. Как всегда в таких случаях, после совещания в палатке остались два человека – Сабин и Гор. Первый – как гражданский наблюдатель от Совета виликов, не имевший военных обязанностей, второй – по схожим причинам. Два бездельника.

Сабин подождал, не уберется ли Гордиан, но у того был вопрос к Трэйту и он продолжал сидеть, ожидая, пока командующий оторвется от карты, которую напряженно изучал. Не дождавшись, Сабин отвернулся от Гора, неприязненно посмотрел на Трэйта и начал.

– Пожалуй, нам надо объясниться, – произнес он. – Мне кажется, вы слишком много себе позволяете, Мишан. И как бы нас не связывала прошлая дружба, я намерен открыто заявить вам, что сносить оскорбления в дальнейшем я не намерен.

– Боже правый! – вздохнул Трэйт – Какие оскорбления, Каро? Вчера перед сражением я делал свою работу, а вы мне, извините, банально мешали своими вопросами. Битва выиграна, а это значит, что работа, которую мне поручил Совет виликов сделана хорошо. Вы же понимаете – есть время говорить людям, а есть время, когда говорить должны мечи и мушкеты. Вчера был именно такой случай. А если я чем и обидел, то извините.

– Извинений недостаточно, Мишан. Я говорю не только о вчерашней бесцеремонности с моим скакуном. Я говорю вообще о вашем поведении на совещаниях с офицерами. Вы просто игнорируете мое мнение. И вы завершили сегодняшний совет, не спрашивая моего согласия, хотя именно я – назначенный советом руководитель нашей миссии, а вы, я напомню, отвечаете только за ее военное обеспечение.

– Военное обеспечение! – вскричал бывший дацион. – О чем вы говорите, Сабин? Наш поход или, как вы говорите, наша миссия, есть не что иное, как обычная военная экспедиция. Она сама по себе и есть *военное обеспечение* существования освобожденных сервов в Кербуле и на всем севере Боссона. Вы в армии, Сабин, а не на Совете. Здесь все вопросы – военные, других нет!

– И тем не менее за успех или неуспех нашего, как вы выразились, похода мы отвечаем перед Советом вместе. И я требую, чтобы к моему мнению относились с уважением и обращались как к равному с вами руководителю армии.

Трэйт снова покачал головой.

– Это глупый спор, – сказал он, – и совершенно бессмысленный. Хотите, чтобы я посыпал голову пеплом, я посыпаю. С этого момента я постараюсь не открывать и не закрывать собрания, не обсудив перед этим вопросы с вами, клянусь. Вы удовлетворены?

– Более чем, – отвечивал советник и с видом уязвленной гордости удалился.

Теперь Трэйт с Гором остались вдвоем. После ухода Сабина в воздухе повисла пауза. Трэйт пребывал в раздумье, а Гор молчал, не решаясь тревожить командира.

– Чего тебе? – не выдержал наконец, Трэйт.

– У меня предложение.

– Ага, перед совещаниями я должен обсуждать вопросы стратегии еще и с тобой? – сверкнул глазами старый дацион.

– Никак нет, сэр, у меня другое. Мы на марше уже много дней. Я иду вместе с армией, и раскойновка сервов приостановлена. На пройденных землях остались сотни тысяч рабов. А впереди, ближе к Бронвене – еще больше. Сейчас, когда крупных сил противника нет в Боссонской марке, я хочу предложить следующее: мне незачем тащиться с вами на штурм Бронвены. Дайте мне сопровождение, и пока вы будете брать город, мы прогуляемся по округе, будем освобождать усадьбы и школы, снимать ошейники, освобождать людей. А после взятия города я присоединюсь к основным силам и начнем раскойновку горожан.

Трэйт немного подумал, потом хлопнул Гордиана по плечу.

– Это дело, – согласился он. – Только будь осторожен. Для нашей борьбы ты дорог как никто другой. Пойдешь с Брандом. Можешь взять кого-то из своей роты, только смотри, чтобы и для пушек люди остались. Да, и пусть Бранд зайдет ко мне. Дам ему пару указаний насчет вашей прогулки. Это все?

– Почти, – помялся Гордиан. – У меня есть еще один вопрос – о Лисии. Во время авеналий, когда я выкрал ее из дома лорда Хавьера, Никий отвел ее к бывшей лавзейской фаворитке, госпоже Мие. Вы должны помнить эту женщину, она вольноотпущенница лорда Брегорта. Я знаю, что у Палат равных в городе есть глаза и уши, и я хотел спросить, можно ли узнать что-нибудь об их судьбе?

– Тебя кто больше интересует, старая фаворитка нашего лорда или твоя Лисия? – усмехнулся командир. – Ладно, понимаю, но сказать я мало что могу. Известно, что после начала восстания самого Брегорта арестовали в столице как хозяина мятежного поместья за недосмотр. Как у нас водится, могли арестовать и его вольноотпущенников, и его вассалов, и приближенных сервов, что находились в этот момент в городе. Мия также должна была попасть под гребенку. Однако узнать это точно мы сможем только через несколько дней, когда окажемся в Бронвене.

С другой стороны, я знаю, что у Брегорта под Бронвеной есть еще одно поместье. Скорее даже загородный дом, вилла, которую он купил именно для своей вольноотпущенницы – госпожи Мии. Бранд знает где это, он покажет. Отправляйся туда, а я попробую найти ее в городе, обещаю. Только не очень-то обольщайся. Время смутное, мало ли что могло случиться как с арестованным шательеном, так и с его бывшей фавориткой. Еще пожелания есть? – Гор помотал головой. – Тогда топай, у меня много работы.

* * *

Гор настоял, чтобы его небольшой отряд двигался по возможности скрытно и быстро, дабы вести об их продвижении дошли до места следования по возможности позже. Местом этим была названная Трэйтом небольшая загородная вилла лорда Брегорта, а целью, несомненно, его фаворитка Лисия. Чтобы Гордиан не говорил Трэйту о необходимости освобождения сервов на юге Боссонской марки, лично Гора интересовало сейчас совсем другое.

Да, избиение шательенов, пылающие усадьбы и школы, разорванные и сброшенные хомуты – все это будет, но только после того, как он сможет коснуться своими руками ее нежной кожи и прижать ее милое лицо к своей груди. А все остальное пусть идет к черту!

Безусловно, отчаянная попытка отыскать девушку в пылающем горниле сервской войны, захлестнувшей Боссон, была сродни безумию. В своем прошлом – сытом прошлом могущественного демиурга, создателя миров и владельца сотен обширных гаремов, великий *Тшеди* Гордиан Рэкс никогда бы не решился на подобную авантюру всего лишь из-за

женщины... Рискнуть своим бессмертием из-за женского тела и взгляда прекрасных глаз? Увольте!

Однако сейчас – все было по-другому. Тот старый, обернутый в ассигнации кредитных билетов и глянцевую бумагу мир канул в прошлое вместе с последним писком клонической машины, и его новая жизнь – единственная настоящая жизнь смертного существа – требовала иных стандартов и иных ценностей!

Впервые в жизни он был готов сказать другому человеку: «Люблю!» и... почувствовать любимым себя. Почувствовать любимым не как демиург, технобог и рабский «хозяин», а просто как Гор, как мужчина, как смертный, как человек...

Как бы там ни было, по всему выходило, что Фехтовальщик опять солгал своему командиру, поскольку бросить армию и мчаться по пыльным дорогам Южного Боссона с маленьким отрядом его заставило вовсе не желание снимать ошеники и освобождать рабов. По крайней мере, не только оно. Самому себе Гор честно признавался: он едет – за Лисией!

По словам Бранда до загородной резиденции лорда Брегорта от Ташской долины, где они расстались с основными силами Армии Свободы, было почти столько же, сколько и до Бронвены – один-два дня пути. Отряд ехал уже целый день, сделав лишь остановку на небольшой привал четыре часа назад. Скакали по узкой грунтовой дороге, не обращая внимания на бредущих навстречу путников и купеческие подвозы. Для большей конспирации Гор приказал даже снять с предплечий синие повязки, а с треуголок и шлемов – банты, которыми щеголяли повстанцы. Не отвечая на вопросы и оттесняя грудью своих скакунов полицейские разъезды к обочине и в канавы (не причиняя, впрочем, никому вреда), они мчались вперед.

Еще оставаясь в лагере, Гор отобрал из пятой артиллерийской роты двадцать человек, которые должны были стать ядром его собственного отряда. Что ни говори, а ормская рота пушкарей, выделенная ему Советом виликов, подчинялась новоявленному пророку чисто формально, а звание лейтенанта было простой фикцией. Пока Гор оставался с Армией Свободы, он продолжал зависеть от руководства восстанием во всем, причем не только в своих действиях, но даже в собственном материальном обеспечении и охране.

Поэтому еще в Кербуле Гор четко определил для себя, что для реализации собственных планов вне зависимости от того, будут ли они связаны с делом восстания или нет, ему необходима личная независимая вооруженная сила. По крайней мере свой собственный небольшой, но преданный и хорошо подготовленный отряд.

Ему не дали его добровольно? Что ж, он сколотит такой отряд сам.

Самсон, узнав, что Тринадцатый пророк отправляется очищать поместья и школы Южного Боссона от ненавистных ошейников и, таким образом, освобождает его от своего присутствия в роте, наверняка обрадовался, но виду не подал. Гор знал, что является в некоторой степени обузой молчаливому, но дисциплинированному офицеру и потому был даже рад тому, что избавляет человека от лишних хлопот. Молча подписав все бумаги, Самсон отрядил два десятка бойцов в свиту Гора, и тот пожал ему руку. Коротко попрощавшись таким образом, Гор в сопровождении своего небольшого эскорта, возглавляемого неразлучными Никием и Рашимом, отправился в часть лагеря, где разместились Бранд и его железнобокие головорезы.

Для сопровождения Гора из своего «спецназов-ского» батальона Бранд выделил сто пятьдесят человек, которых возглавил сам, оставив в лагере в качестве предводителя боссонского отряда старину Карума. Ребята Бранда при этом в дополнение к своим знаменитым лукам-юми прихватили еще и мушкеты, ведь прогулка могла быть чревата открытыми столкновениями, а не только лихими ночными налетами, для которых предназначались боссонцы.

Сборы были скорыми, однако в центре лагеря, на небольшой открытой площадке, где размещались также палатки Трэйта, Рихмендера и других старших командиров, Фехтовальщика неожиданно встретил Сабин. Увидев вышедшего навстречу вилика, Гор натянул поводья, остановился и из уважения к старшему по званию командиру, спрыгнул с

лошади.

– Советник? – произнес он, когда вилик приблизился.

– Да, Гор – хмуро ответил тот своим хорошо поставленным и как всегда глубоким, проникновенным голосом. – Я только что узнал, что ты не идешь с армией на Бронвену. И как всегда, никто не счел необходимым поставить в известность об этом меня, как представителя Совета. Итак, куда направляешься?

Гордиан в нерешительности покачал головой. Чтож, подумал он, придется врать еще и Сабину.

– По усадьбам, – неопределенно ответил Фехтовальщик, – по школам, по маленьким городкам и хуторам, где есть сервы. Мы едем снимать ошейники и убеждать людей присоединиться к армии. Я ведь новый Пророк, если вы помните, «Освободитель». Нужно поддерживать репутацию.

– Да, да, – согласился вилик. – Однако не следует забывать, что религиозному догматизму подвержены в основном сервы местного, эшвенского, происхождения. Множество рабов из числа клонов воспринимают тебя не как божественного посланника, а просто как необычного человека, способного дать шанс на освобождение, без религиозной или мистической подоплеки этого акта. Так что тебе следует быть осторожным. И не нестишь сломя голову неизвестно куда, поставив под угрозу все дело восстания всего лишь из-за наложницы, пусть и прекрасной. Лисия хороша, но лучше ли она, чем свобода для миллионов страждущих? Думал ли ты об этом, хм, «Освободитель»?

– Лисия? – немного смутившись, Гор покачал головой. – Похоже, мои скрытые желания известны всем в нашем лагере.

– А чего ты ожидал? Половина офицеров Лавзейского полка – бывшие дационы и консидории нашей школы. И они прекрасно осведомлены о твоём отношении к Лисии Лавзейской. То, что рядом находится загородный дом Брегорта, также общеизвестно. Ты уезжаешь. Остальное не трудно додумать.

– Тяжелый случай. Надеюсь, поиск девушки не бросает тень на мой авторитет освободителя рабов?

– Думаю, не настолько, чтобы люди перестали оставаться благодарны тебе за снятые ошейники. И все же... все же тебе следует быть осмотрительнее. Твои способности для дела восстания – это дар, который невозможно переоценить. Об отъезде Гора Фехтовальщика знает слишком много людей. А вдалеке от лагеря может случиться всякое. Один удачный пистолетный выстрел или удар шпаги может положить конец всем нашим надеждам.

– Вы напрасно беспокоитесь, советник, – возразил Гор. – Моя жизнь, прежде всего, дорога мне самому. И... Вы ведь не собираетесь запретить мне выход из лагеря? Трэйт сказал...

– Да плевать мне, что сказал твой Трэйт! – внезапно резко вспыхнул Сабин. – Трэйт, Трэйт, со вчерашнего дня все носятся с его именем как с писаной торбой. Совет виликов правит Армией и освобожденным Боссоном, помни это. Этот факт – единственная реальность, в которую мы должны верить и которой должны отдавать свои силы в служении нашему правому делу!

Сабин пересел на своего любимого конька – блистательную демагогию, и Гордиан невольно скривился, ведь время поджимало. За спиной бывшего демиурга, на некотором отдалении, лошади его спутников нетерпеливо били подковами по утопанной земле. Заметив невольное выражение лица у своего собеседника, Сабин раздраженно примолк, но затем снова улыбнулся и продолжил:

– Послушайте, Гор, – советник неожиданно перешел на «вы», что удивило Гордиана, поскольку до этого Сабин «выкал» только виликам, – Трэйт оскорбил меня своей невнимательностью к моему рангу и своим неуважением. Думаю, мне незачем более оставаться с нашей Армией, по крайней мере до тех пор, пока она возглавляется этим человеком. Дружбе конец! К тому же основные силы врага в Боссоне разгромлены, и взятие Бронвены – дело предрешенное. Думаю наш гениальный «полководец» справиться с этой

чисто военной задачей и сам, без поддержки Совета в моем лице. В общем и целом, если говорить коротко, сейчас я хотел бы отправиться с вами.

Гордиан смутился: иметь в качестве провожатого Сабина было последним, чего он жаждал при обдελывании личных делишек.

— Вам известно, что я отправляюсь не только снимать ошейники и жечь усадьбы, — возразил он, — но и вернуть Лисию. Неужели вам не жалко тратить свое время на погоню, как вы сами сказали, «всего лишь за наложницей», гетерой.

— Я прекрасно знаю, на что мне жалко тратить свое время, а на что нет — несколько холодно заметил Сабин. — Если вы нуждаетесь в этой наложнице, что ж побегаем и за наложницей. Необходимость моего пребывания в настоящий момент именно с вашим отрядом, а не с вояками этого грубияна я вижу в другом. Вы станете снимать ошейники, и освобожденным сервам понадобится слово Совета, чтобы определиться с тем, что им следует делать с обретенной свободой. Мое слово, вы слышите, Гордиан? Слово о нашей борьбе и о нашем будущем! Я обеспечу поддержку этому рейду и заставлю сервов из освобожденных поместий присоединяться к восстанию. Лишним не буду, поверьте на слово. Что же касается ваших личных дел, то у меня нет к ним претензий. Учитывая важность вашей персоны для общего дела восстания, на многое, думаю, можно закрыть глаза. Я смогу убедить Совет виликов, что ваша привязанность к Лисии несколько не вредит войне за свободу сервов Эшвена. Вы даже сможете оставить девушку при себе, если, конечно, мы сумеем ее отыскать. Я предлагаю вам свою помощь и свою поддержку. Вот моя рука — что скажете?

Гор протянул руку в ответ и пожал своей узкой юношеской ладонью пухлую кисть вилика. Обалдеть можно, какая честь.

— Ну что ж, — сказал он, понимая, что уж кому, кому, а лично ему советника не переубедить. Да и нужно ли, если тот не против помочь отыскать Лисию. — Тогда собирайтесь. Вместе с Брандом я жду вас у западной стражи.

Сабин кивнул, показывая, что разговор окончен, и быстрым шагом направился к своей палатке. Спустя полчаса они уже бок о бок с Сабином скакали по узкой проселочной дороге и мило беседовали. Пожалуй, и в голову бы никому не пришло, что еще совсем недавно один из них заправлял огромным поместьем, а другой корчился в этом поместье в карцере, страдая от побоев. Перемена, произошедшая в отношении Сабина к его, Гордиана, скромной персоне не переставала удивлять последнего своей внезапностью и кардинальным характером.

Весь период с начала восстания Сабин, считая себя одним из его несомненных лидеров, обращался к Гору точно так же, как и ко всем сервам, вышедшим из Лавзейского поместья и школы, то есть вежливо, но с чувством невыразимого внутреннего превосходства, доходящего порой до плохо скрытого презрения. По отношению к Фехтовальщику это чувство скрашивалось лишь осознанием уникальной одаренности этого раба, его нужности делу восстания и потенциальной незаменимости.

При этом Сабин, в отличие большинства сервов более низкого ранга, был лишен каких-либо иллюзий мистического характера относительно способностей Гордиана уничтожать энергетический заряд и сжигать начинку койнов, поскольку, как и большинство виликов, был человеком образованным, свято верил в науку и прекрасно знал, как устроен электронный ошейник.

Даже великий Двенадцатый апостол, он же Господь Хепри, он же первый Его Величество Единый Король Эшвена, предшественник Бориноса на бургосском престоле, являлся для Сабина не богом и не демоном, а представителем какой-то более высокой цивилизации и обладателем неизвестных Эшвену технологий — не более того. Тем более контрастной казалась перемена, произошедшая с бывшим виликом при обращении с Гором. Он теперь не только «выкал», обращаясь к нему, но и вообще относился со всяческим пиитетом, вплоть до пожатия руки и отдачи чести при прилюдной встрече или публичном прощании.

Единственный раз, когда они удосужились перекусить на привале, Сабин даже снизошел до того, чтобы разделить с Гордианом и его офицерами скудный походный стол,

чего ранее никогда не случалось.

Прогресс одним словом! Пропагандируемые свобода и равенство в действии – ни больше, ни меньше. Тем не менее Гор не обольщался и старался не думать о Сабине как о друге. Все-таки вилик – он вилик и есть, хоть и бывший. Вертухай, одним словом.

Все три дня скачки они подъезжали к поместьям, лихо влетали в широко распахнутые ворота, не слезая с коней сгоняли из бараков людей на площади и провозглашали их свободными. Затем Фехтовальщик снимал ошейники и сервы учиняли пир в честь освободителей, выкатывая бочки с вином, пивом и особо ценным Брандом зеленым брендинзой, который Гордиан на дух не переносил.

Да, повсюду их встречали с ликованием. И практически нигде они не видели ни шательенов, ни мало-мальского сопротивления. Благоразумные собственники поместий и школ заблаговременно предупрежденные о приближающейся войне с сервами резво сваливали на юг, подальше от ареала восстания. А оставшимся без присмотра сервам незачем было сопротивляться вестникам свободы, каковыми чувствовали сейчас себя Гор со товарищи. Более того, в нескольких местах, наслышанные о магических способностях электричества по деактивации хомутов, Гора и его отряд встречали люди с уже «сожженными» ошейниками и с самопровозглашенной свободой. Гору оставалось только расстегнуть бездействующие, но неразрушимые оковы и позволить людям сорвать их с шеи. Казалось бы, мелочь, однако, когда он уезжал, люди валились наземь пачками, как трава от ветра и, что греха таить, было приятно осознавать свою значимость и свою способность делать людей счастливыми в таких огромных количествах.

В общем, пока все шло славно. А на десятый день пути пришло известие, что Бронвена пала, и Сабин, считая свою миссию исполненной, отправился с незначительным сопровождением в сторону боссонской столицы.

– До свиданья, мой друг, – сказал он Гордиану на прощанье и горячо обнял его. – Заканчивайте свои дела и приезжайте в нашу новую столицу. Я буду вас ждать.

Фехтовальщик кивнул. Неистовое уважение и столь откровенно демонстрируемая дружба такого известного лидера Партии равных, как Сабин, по-прежнему удивляли его, но за эти дни он успел к ним привыкнуть.

– Я тоже, – просто ответил Гор.

– Да здравствует Республика Равных! – Сабин сжал кулак.

– Да здравствует Свобода. – И Гор сжал свой.

Сабин уехал, а утром одиннадцатого дня отряд Гордиана и Бранда выехал к вилле Рэя Брегорга.

Глава 7

Боже, храни Короля!

Трэйт ошибся. Гарнизон Бронвены не стал запираяться ни в укрепленных частях центра города, ни занимать позиции на готовых бастионах оборонительной линии. Узнав о страшном поражении своего сенешаля, габелары оставили казармы и в полном составе отбыли на юг, к Риону, где Боссон заканчивался и начинались земли Артошской марки.

Вести о неудачном для королевских войск сражении благодаря конной почте достигли города раньше, чем туда прибыли сами незначительные остатки корпуса возмездия и лично генерал Жернак. Воспользовавшись этим, габелары тихо ушли, не желая умирать на стенах боссонской столицы и не дожидаясь однозначного приказа к обороне города от своего сенешаля.

Жернак пребывал в ярости, однако крыть ему было нечем. В отсутствие сенешаля командир гарнизона мог сам принимать решения, а никаких инструкций на случай поражения генерал ему не оставлял. Да и кому всего несколько дней назад даже в самом кошмарном бреду могла прийти в голову сама мысль о поражении от сервов?

Однако после ухода гарнизонных войск ситуация стала катастрофической. Работая в

бешеном темпе, Жернак собрал всех солдат, кто после сражения вернулся в Бронвену, а не отправился домой, а также всех годных к военной службе свободных граждан. Исключая разве что шательенов, для которых его указы мало что значили. В результате несчастный сенешаль «наскреб» от силы тысячи две никуда не годных вояк. Они были либо слишком подавлены морально (как собранные им с поля Ташской битвы солдаты), либо совершенно не имели представления о воинской выучке и дисциплине, как рекрутированные горожане.

Трэйт подошел к городу всего через восемь часов после прибытия Жернака и спустя всего сутки после ухода гарнизонных войск и сразу выслал парламентаров.

В своих мечтах Жернак множество раз обыгрывал эту ситуацию и был уверен, что немедленно вздернет сервов, посмевших обращаться к нему с требованием о сдаче *его* столицы. Однако после бессонной ночи, бешеной скачки и, как выяснилось, бесплодной работы по подготовке обороны такое вызывающее поведение по отношению к представителям победителя уже не казалось ему столь дерзким и показательным поступком, как еще совсем недавно. С двумя тысячами никуда не годных бойцов оборонять крупнейший город северной части эшвенского континента представлялось просто не невозможным. Жернак не был идиотом и прекрасно понимал бессмысленность подобной попытки.

После недолгих переговоров город был сдан. С огромным караваном из свободных жителей Бронвены, взявших с собой пожитки и наиболее преданных рабов, согласившихся уйти с хозяевами, прихватив золотую казну марки, но оставив нетронутыми военные арсеналы, Жернак покинул столицу.

Мимо тракта, по которому двигался караван беженцев, стройными рядами стояли сервы, держа наизготовку мушкеты и пики, а перед их строем, гарцуя на белом жеребце победителя, беглецов провожал взглядом рабский полководец. Жернак осмелился остановиться и посмотреть на него. Внимательным взором теперь уже бывший сенешаль obeжал могучую фигуру своего противника. Закрытую золоченой кирасой широкую грудь, простое крестьянское лицо и мудрые, суровые глаза. Сильный враг. Боже, храни короля!

И старый эшвенский генерал, подняв правую руку... отдал честь. Затем круто развернулся и поскакал догонять свою немногочисленную пехоту.

Трэйт мысленно посочувствовал генералу. Несмотря на всеобщее упоение победой, дацион признавался самому себе, что блистательной викторией на Ташских болотах он обязан не собственному военному гению и не бездарности сенешаля как полководца, а невероятному стечению обстоятельств и идиотизму гвардии.

Армия Свободы оказалась более дисциплинированной, отлично выполнила тактические маневры и проявила взаимодействие различных родов войск, но – не более того. Если бы Жернак наплевал на гвардейцев и не бросился сломя голову спасать свою кавалерию, он имел бы время выстроить пехоту надлежащим порядком, и кто знает, чем бы обернулся тот день. Припоминая крутой нрав кардинала и бесноватый темперамент Его величества, старика Жернака вряд ли теперь ждет в Бургосе горячий прием. Хотя, может быть, и горячий, учитывая традиционную привычку нашей Апостольской церкви не просто рубить нарушителям своей священной воли головы, а делать из них горелое барбекю, публично прожаривая на костре.

Ладно, к черту генерала, на войне как на войне!

Пропустив вперед только небольшой кавалерийский авангард, Трэйт возглавил торжественное вступление Армии Свободы в город и первым въехал в широко распахнутые ворота.

Глава 8

Ищейка наблюдает

Викарий оторвался от экрана монитора и потер глаза. Вот уже третий день по заданию кардинала он наблюдал со спутника за перемещениями небольшого отряда во главе с пресловутым Фехтовальщиком.

«Добудь мне медиума. Живым!» – так сказал кардинал. Однако, подумал викарий, о таких вещах легко говорить, а вот выполнить куда как сложнее. При всех технических возможностях Эшвенской церкви, которые потрясали воображение современников, все эти возможности имели существенные ограничения.

Охота на пресловутого Фехтовальщика, открытая Амиром три дня назад, после традиционных переговоров с Господом Хепри, которые проводились примерно один раз в полгода-год, шла вовсю. И, как полагается в таких случаях, по известному закону об обратной пропорциональности эффективности и усилий – совершенно безрезультатно.

Множество раз викарий рассматривал лицо Фехтовальщика с космической высоты и с легкостью мог бы посчитать морщинки на его лбу, когда тот хмурился, или родинки на юной щербатой роже, однако подойти к врагу церкви, опираясь исключительно на те силы, что были в его распоряжении, – не решался.

Клерикальный спецназ, обычно используемый в подобных ситуациях, был в некотором смысле бесполезен. Автоматчики хороши для внезапных налетов на виллы, замки и королевские дворцы с относительно немногочисленными защитниками, однако для похищения одного из лидеров восстания из лагеря вооруженной и готовой к нападению многотысячной сервской армии они, пожалуй, совсем не годились. Во всяком случае викарий решительно сомневался в способности своих автоматчиков, пусть даже и вооруженных современным пулевым оружием, пробиться сквозь строй из десятков тысяч пикинеров и мушкетеров, пусть и имеющих на руках простые гладкоствольные пугачи.

Смешная на первый взгляд задача – поймать единственного человека – в условиях массовой войны превращалась в дело, не просто сопряженное с огромными потерями, но и вообще едва ли разрешимое.

Однако сегодня утром ситуация изменилась. Фехтовальщик покинул армию и рыскал теперь во главе небольшого отряда по Южному Боссону в окрестностях Бронвены, не подходя к ней ближе чем на один дневной переход. От виллы к вилле. От поместья к поместью.

Узнав об этом, викарий уже приготовился отдать приказ о выступлении спецназа, однако, оценив диспозицию более внимательно, вновь призадумался.

Сила кардинальского спецназа состояла вовсе не в мобильности его подразделений и не в подготовке бойцов, а в наличии автоматического оружия. Спецназовцы легко перемещались из региона в регион, из континента на континент через порталы храмов. Однако, выйдя из храма, добирались до места операции, так же как и обычные солдаты этого мира, – то есть на своих двоих или на лошадях-антийцах. Викарий мог бы мгновенно переместить через портал своих лучших воинов в ближайший (Бронвенский) храм. Но послышать своих автоматчиков в догонку за конным отрядом Гордиана было бы глупо.

Тут нужно другое, подумал он. Место, где можно устроить засаду. Конкретно – место, куда прибудет сам Фехтовальщик.

Впившись глазами в электронную карту, викарий погрузился в раздумья.

Фехтовальщик снимал с рабов ошейники и хлебал в поместьях бесплатную тинзу, обильно выставляемую освобожденными сервами. Казалось бы, все понятно и разумно. Пока основная часть армии идет на Бронвену, пророк-освободитель, не способный сыграть существенной роли в собственно военной части кампании, осуществляет свою основную функцию – снимает хомуты с рабов в отдаленных от города поместьях. И все же что-то настораживало викария.

Фехтовальщик не петлял, стараясь охватить в своем походе максимальное количество усадеб с сервами, но двигался прямым, как стрела, маршрутом, зачастую минуя крупные поместья, визит в которые, по логике, был для него обязательным. У этого похода имелась некая подоплека, которую викарий пока уловить не мог. Что это может быть в принципе?

Деньги, оружие? Может быть, поиск отдельных сервов, скажем, особо важных для движения бунтовщиков? Он свернул на мониторе окно с картинкой движущегося по тракту отряда и развернул укрупненную карту местности с указанием названий вилл и шато.

Мысленно прочертил линию между объектами по направлению движения отряда. Так-так. Похоже, ответ находился рядом.

Одна из ничтожных точек на карте Боссона была отмечена, как загородная вилла Мии Брегорт. Минувя все прочее, отряд Фехтовальщика упорно шел прямо туда!

Викарий свернул карту и вновь вызвал на монитор видеозапись со спутника. Поднял камеру вверх, за облака, на высоту почти сто киломеров, «пролетел» с десятков миль на запад и снова опустил камеру к земле. Изображение распластанной на холмах виллы теперь было прямо перед ним.

Покачав головой, викарий пощелкал в менюшке, подбирая нужный формат для сквозного наблюдения.

Выбрал, нажал.

Изображение на экране мигнуло, и картинка превратилась из обычной в контрастно-красную с изображением объектов в температурном диапазоне. Крыши строений сразу стали прозрачными, и храмовник без труда смог различить перемещающихся внутри зданий людей и животных. Одновременно, ориентируясь по индивидуальному свечению, а также по кодировке активированных «хомутов» на шеях невольников, компьютер выводил на экран зарегистрированные в реестре имена находящихся внутри здания людей.

Викарий быстро обежал камерой всех сервов на вилле и остановился на одной из фигур, сверкающей в инфракрасном диапазоне всеми оттенками алого – от розового до темно-бордового. Надпись над ее головой гласила: «Мия Брегорт. Код такой-то».

Вот она, вольноотпущенница, понял викарий. Бывшая фаворитка, освобожденная хозяином, или, напротив, старая нянечка, любимая служанка, друг детства. Да кто угодно!

Могла ли эта женщина, являвшаяся в отсутствие лорда хозяйкой виллы, быть целью Фехтовальщика? Логика молчала.

Но предчувствие говорило – да!

Глава 9

Госпожа Мия Брегорт

Первым, что насторожило Гордиана, была тишина. Солнечный летний полдень, шум листвы, пение цикад и ...неподвижность. Вокруг виллы не было людей. Никого.

Не раздавались голоса, не было ржания животных и мерного цоканья копыт по окружающей поместье брусчатке. Ничего из сотен обычных звуков, окружающих любое человеческое обиталище в любом мире и в любую эпоху. Гор понял это внезапно, как только они выехали за поворот, развернувший неширокую дорогу от тракта прямо к главным воротам виллы. Однако Бранд понял это раньше. Он поднял руку, и движение колонны резко остановилось. Все замерли.

Вилла Брегорта была относительно небольшим комплексом, поскольку представляла собой не шато, предназначенное для проживания сотен или даже тысяч рабов, а именно виллу, то есть загородный дом шательена, своего рода пригородную дачу недалеко от Бронвены, где господин мог проводить летние выходные, не выезжая из столичного округа к себе в далекую северную Лавзею.

Гор видел перед собой невысокий забор (метра два всего) из чугунных прутьев, совершенно прозрачный и несший на себе скорее декоративные функции, поскольку считать его реальной защитой от нападения было, конечно, невозможно. За забором стоял большой дом белого кирпича с красной черепицей и несколько хозяйственных построек в одной из которых без труда угадывалась баня, а в другой – конюшня.

– Что-то не так, – заявил Бранд, повторяя собственные мысли Фехтовальщика. – Хрень какая-то. Днем здесь должно быть полно народу. По крайней мере, габелар при воротах и пара служек при конюшне.

– А может, все на юг вместе с Брегортом свалили? – подал голос Никий. – Подальше от восстания?

– Ну может, конечно. – Бранд почесал свой могучий затылок. – Хотя вряд ли. Ведь кто-то должен был остаться. За хозяйством там присмотреть и вообще.

– Ладно. Значит, так, – внезапно прервал их Гордиан, сам удивившись своему командному тону. – Хватит болтать! Давайте людей врассыпную вдоль периметра. Попробуем зайти в здание одновременно и с разных концов. И тихо. А основной отряд вон туда за деревья, нечего нам на открытом месте торчать, да еще плотной толпой и конными. Там спешимся и подождем.

– Ты че это раскомандовался? – добродушно улыбнулся Бранд и как-то сразу расслабился. – Не дрейфь, прорвемся!

– Но ты же сам сказал, что все выглядит странно. Вдруг там засада?

– Чья засада? Гор, ты что?!

– Да мало ли чья! Габеларов бронвенских, например. А может, после сражения из королевских солдат кто уцелел?

– Да плевать я хотел и на габеларов и на солдат, парень. Мечи наголо, ворвемся толпой. Даже если там есть мушкетеры, больше нескольких выстрелов им не сделать – дом небольшой, коридоры короткие. Перережем!

Гордиан покачал головой. Возможно, Бранд прав и нечего заморачиваться. Ворваться быстро, если будет сопротивление – подавить. Мушкет – не бластер и в замкнутом пространстве от меча даже больше толку, чем от стрелялок. И все же... Предчувствие говорило ему, что шаг неверный. Нужно что-то другое.

Бранд в это время уже отпустил поводья и медленно двинулся к воротам. Гор направил коня к товарищу и тронул командира за плечо.

– Постой, – сказал он.

Бранд скинул руку и воскликнул:

– Отстань! Я старший в отряде – мне решать.

– Ты веришь, что я пророк?

– Что?

– Я – Тринадцатый пророк. Ты веришь в это?

– При чем здесь...

– Что-то не так, Бранд. Я чувствую.

Бранд помолчал.

– И что делать? – спросил он наконец.

– Как я и сказал. Спешиться. Рассредоточиться. Приготовить луки, а не мечи. Окружить виллу. Потом с разных концов зайти по два-три человека. Там посмотрим.

После некоторого раздумья Бранд кивнул, затем знаками и короткими командами повторил для бойцов указания Гора. Когда вилла была окружена, девять человек (три тройки) с разных концов полезли через забор.

Препятствие было преодолено без особых за-труднений, несмотря на то, что бойцы троек были в тяжелых доспехах. Затем все три команды скрылись в глубине дома.

Тишина. Прошла минута, две, три. Когда спустя пятнадцать минут никто не появился, Гор и Бранд переглянулись.

– Похоже, ты прав, брат, – сказал великан. – Засада. И что теперь? Послать следующих? Или будем делать по-моему и ворвемся всей толпой?

– Толпой не стоит, – произнес Гордиан, и внутри него почему-то похолодело. Он вспомнил турели современных лазерных излучателей, которые видел на стенах храма Хепри в первый день своего появления в этом мире. Такие излучатели работали совершенно бесшумно, и их смертоносные лучи могли быть невидимы. К тому же в храмах наверняка было и ручное оружие такого же уровня.

– Толпой наверняка не стоит, – повторил он. – Поверь мне, брат.

Гор задумался. Конечно, представить себе автоматическое лучевое оружие на вилле средневекового помещика было затруднительно. Но как еще можно совершенно бесшумно вырубить девять подготовленных бойцов в доспехах? Да еще и мастеров-консидориев? С

удавкой сзади к таким не подберешься. Гор обратился к Бранду.

– Ну-ка подумай, – предложил он, – что могло там произойти? Выстрелов ведь не было, рукопашной тоже – мы бы слышали и то и другое. Мистика, а?

Бранд попытался развеять его сомнения.

– Возможно, это арбалеты. – сказал он. – И очень хорошие стрелки. И много.

Гор покачал головой.

– Это невозможно. Представь, чтобы выбить трех человек одновременно, должны выстрелить сразу три арбалетчика. А они там просто не поместятся в одном коридоре, бронебойный арбалет – штука здоровая, нужно место, чтобы развернуться. Да и твои воины что, ходят по дому строем, по сторонам не смотрят?

Бранд мотнул башкой в том смысле, что, мол, нет, не ходят и, мол, да, смотрят.

Гор же лихорадочно соображал.

– Я думаю, они поняли, что в дом вошла только разведывательная партия, – вслух размышлял он. – Это значит – их засада провалилась. Следовательно, есть два варианта. Они могут ждать, пока мы сунемся туда всеми силами, чтобы перестрелять нас в здании. Или, напротив, будут атаковать сами, прямо здесь, на подступах к вилле.

– Да ну, брось. Нас же здесь почти две сотни, а в доме их наверняка меньше. Ну два, может быть, три десятка. Какой им смысл на нас кидаться?

– Если вражеская группа вооружена современным оружием, то эти два-три десятка перестреляют нас как мух.

Бранд покосился на свой кремневый пистоль на боку. «Современным?» – подумал он. Да что этот сосунок понимает в оружии!

Тем временем «сосунок» продолжал:

– Если у них командир не дурак и у него действительно есть что-то покруче кремневых пукалок, он наверняка будет атаковать нас здесь – мы ведь можем и вообще не войти в дом и тогда он прождет напрасно. Предлагаю так. Расставим стрелков с луками за деревьями, вразброс по всему периметру. Внутри больше не сунемся, ждем их атаки. И у нас почти три десятка мушкетеров, верно? – Бранд кивнул. – Пусть лягут напротив центрального входа с мушкетами наизготовку. Обязательно *лягут*, Бранд! На землю в траву под деревьями.

– Ты хочешь, чтобы твои стрелки валялись в грязи?

– Я хочу, чтобы их побольше уцелело в перестрелке с лучше вооруженным противником.

Бранд открыл рот, чтобы возразить, но в этот момент в одном из окон внезапно мелькнула тень. Бранд замолчал, а Гор, вперившись в фасад здания, сузил глаза. Сердце застучало быстрее.

– Похоже, у нас нет времени для споров, дружище, – тихо проговорил он, – и мы слишком много болтаем. Давай-ка за дело. Просто поверь мне!

Бранд обиженно засопел, затем кивнул и, вы-прямившись во весь свой немаленький рост, зашагал к сидящим в отдалении мушкетерам. Вот же балда! Если у засевших в доме бойцов есть хороший лучевик, да что там – просто винтовка с оптикой, то снести ему сейчас голову – дело простого желания. Пригнувшись, Гор подбежал к мушкетерам сам, а Бранда отослал к его лучникам-консидориям. Через пару минут ругани и объяснений все бойцы заняли диспозицию и изготовились к стрельбе.

Теперь, когда они были готовы, оставалось только ждать, однако Гор решил ускорить события, не дожидаясь, пока к атаке приготовится враг. Прячась за кустами, он опять подкрался к Бранду и ткнул его локтем в бок.

– Слушай, – спросил он, – у твоих лучников есть ветошь? Для полировки доспехов там или для смазки оружия?

– Ну есть, конечно.

– А виски?

– До полно. А зачем тебе?

– Ты не понял? Нужно ускорить процесс...

Боссонцы вскинули свои огромные луки, и почти сотня стрел с обмотанной вокруг наконечников горящей паклей и ветошью устремилась к крыше и стенам строений. Стрелы со стуком вгрызались в дерево и влетали в окна, со звоном вышибая стекло.

Хозяйственные постройки внутри двора, сделанные целиком из кругляка, вспыхнули быстро, как по мановению волшебной палочки. Центральное же здание виллы, с белыми кирпичными стенами, напротив, пока держалось. Однако вскоре густой темный дым повалил и из его окон.

Гордиан сидел в кустах рядом с мушкетерами прямо напротив центрального входа и смотрел, как весело искрит и обугливается сухое дерево ближайших строений.

Могла ли Мия Брегорт сейчас быть там, в огненном аду подожженной им виллы?

Во-первых, бывшая фаворитка их лорда вполне могла оставаться в Бронвене.

Во-вторых, если она там, то, вероятнее всего, уже мертва, поскольку засевшим в здании гипотетическим стрелкам с чудо-оружием местные сервы не нужны.

А в-третьих... что вообще он знает о мотивах неизвестного врага? Практически ничего. Это значит, что и предугадать их действия в отношении захваченных местных рабов он просто не в состоянии. И если Мия там – она обречена на ужасную и мучительную смерть.

Гор скрипнул зубами и только сильнее сжал мушкет. Ему на самом деле нужно было выкурить врага пораньше, до того, как тот решится на вылазку сам. Если противник на самом деле вооружен чем-то получше их кремневых мушкетов, да еще и имеет соответствующую подготовку, то его две сотни могли не выдержать организованной атаки. И тут ему с Брандом нужно было использовать любое, даже самое маленькое преимущество.

Опять же психологический эффект. Когда ты выбегаешь из здания, задыхаясь от дыма, – это совсем не то, когда ты выходишь сам.

В это время огонь перекинулся уже на крышу главного строения. От хозяйственных построек оставались по большому счету лишь остовы и головешки. Дым же стоял столбом и валил из всех щелей, очень густой и темный. «М-да, если у них нет кислородных масок (а ведь могут быть!), должны уже ползть», – подумал Гордиан...

Кислородных масок у засадных не было. Дверь в здание резко распахнулась от сильного удара, и Гор с товарищами сквозь дым и пламя увидели быстрые фигуры, выпрыгивающие из дома. Одновременно, вышибая телом разбитые стрелами стекла, из окон первого этажа на улицу выскакивала еще одна партия контратакующих.

Три, шесть, девять, пятнадцать человек!

Вражеские бойцы прыгали, выбегали из дымного столба и тут же падали на землю. Однако и такой короткой пробежки было достаточно, чтобы рассмотреть внимательно и самих противников и их амуницию. Тут глаза Гордиана полезли из орбит. Все засадные были *в камуфляже*, в просторных пятнистых штанах и комбинезонах грязно-зеленого цвета палой листвы. В руках атакующих было современное оружие, но не лучевики, а пороховые ружья, более совершенной, по сравнению с мушкетами конструкции.

«Автоматы!» – всплыло в памяти Гордиана нужное слово. Короткие, с откидными прикладами, компактные орудия убийства с потрясающей скорострельностью, барабанным магазином под патроны и... здоровыми рылами глушителей на стволах. Вот тебе батюшка и бесшумные арбалеты!

Гор вскинул мушкет и заорал, что есть мочи: «Ого-онь!» Собственный мушкет оглушительно рывкнул и смертоносный свинцовый плевок его примитивного оружия унесся в сторону контратакующих.

Ба-бац! Бац-бац-бац! Бац-бац-бац! Затрещали в ответ короткие и злые очереди врага.

Однако ответом на них был дружный залп сразу тридцати мушкетных стволов и почти пяти десятков луков, находившихся в руках воинов стоявших за деревьями в прямой видимости по направлению атаки!

Тринадцать из пятнадцати автоматчиков упали сразу. Только те, кто выбежал раньше и успел вжаться в землю еще до залпа, остались в живых и огрызались из своего оружия,

щедро поливая пулями укрывшихся за кустами, камнями и деревьями лучников и мушкетеров.

И в это же время из дома полезла вторая партия, а мысли Гора галопом понеслись вскачь! «Молодцы, – подумал он тогда про врага, – догадались разделить и дождались, пока мы разрядим мушкеты!» Теперь автоматчики выбегали из дверного проема и окон так же настырно и открыто, как и в первый раз, однако сервы уже не могли палить по ним картечью из ружей, поскольку те следовало сначала перезарядить. Луков же было явно не достаточно, чтобы подавить всех выбегавших!

Гор напряженно оглянулся – его мушкетеры, спинами откинувшись на землю, судорожно перезаряжали свое оружие. Он посмотрел на собственный бесполезный теперь мушкет и просто откинул его в сторону, не став возиться с зарядом. В любом случае один выстрел ничего не решит, подумал он и, вытащив из-за пояса заряженный картечью пистоль, устремил свой взор на горящее здание.

Там тем временем перед глазами разворачивалась весьма забавная в другой ситуации картинка. С закопченными лицами, отхаркиваясь и кашляя, бойцы противника выбегали из здания группами и по одному, валились на землю и большими глотками вдыхали воздух. Внутри здания, по всей видимости, уже оставаться было просто невозможно, и последние минуты в здании автоматчики выдержали что называется «на издыхании». Они выпрыгивали на улицу, толкаясь и закрывая руками лица, зачастую, даже не держа автоматы наизготовку, а просто повесив их на шею на ремешке.

Три, шесть, девять, двенадцать, пятнадцать... больше! Почти три десятка насчитал Гор. Наверняка это все. Теперь уже никто не смог бы остаться в доме, из которого отовсюду валил не только густой черный дым, но и огромные языки открытого пламени.

То тут, то там стрелы настигали автоматчиков с темными от копоти лицами. Они пронзали их насквозь и прищипливали к земле или друг к другу. Автоматчики огрызались как могли, однако стрелки сервов расположились вокруг виллы слишком рассредоточенно, разили из укрытий – и автоматные очереди проходили мимо. По крайней мере Гор не видел среди своих ни раненых, ни убитых. Впро-чем, паники среди избиваемых автоматчиков Гордиан не наблюдал. Оказавшись на открытом пространстве, солдаты противника тут же сбивались в небольшие группы по трое-четверо человек и кидались в направлении, откуда летели стрелы, поливая свинцом дерево или куст, за которым укрывался стрелок. Почти всех при этом сшибали соседние лучники, однако решимость, с которой обреченные на смерть автоматчики кидались в эти короткие атаки, была, безусловно, достойна уважения.

Другие бойцы противника, напротив, в обреченные атаки не кидались, а падали на землю и прикрывали своих сосредоточенным автоматным огнем, заставляя лучников прижиматься к стволам и камням, служившим тем укрытием.

За это время мушкетеры Гора подготовили свои ружья ко второму залпу и дружно пальнули картечью по оставшимся бойцам противника.

Второй залп картечи имел катастрофические последствия даже для тех, кто укрывался от огня лежа на земле: картечины легко доставали их распластанные по траве тела, раздирая несчастных на кровавые ошметки!

Внезапно оставшиеся в живых автоматчики поднялись с земли разом и как один кинулись в сторону вторично перезаряжавших свое оружие мушкетеров.

«Прорыв! – понял Гор. – Решили либо все сдохнуть, либо вырваться из капкана». Попытка, впрочем, была обречена, поскольку в сторону его стрелков неслись всего шесть человек. Трех тут же вышибли стрелы, прилетевшие откуда-то сбоку. Остальным же оставалось всего несколько шагов до того, как они смогут открыть огонь по укрывшимся в кустах мушкетерам. Гор достал из портупеи гранату, поджег фитиль практически у самого запала и метнул снаряд в сторону атакующих. Взрыв грянул, и когда дым рассеялся, все трое лежали на земле, раскидав руки и ноги в разные стороны и на разном расстоянии от туловищ и голов.

«Вот и все», – сказал сам себе Гордиан и крикнул Бранду, чтобы тот, как

договаривались, зачистил участок. Десяток консидориев, убрав за спину луки и обнажив мечи, вышли на открытое пространство, в течение нескольких минут бывшее местом бойни. Остальные бойцы, держа пальцы на спусковых крючках и тетивах остались на местах, застыли немymi статуями, выискивая признаки движения.

Консидории же прошли по ковру из тел, работая мечами. Короткие тычки в горло или сердце, и труп становился трупом, даже если его владелец просто притворялся мертвым, а не был им в действительности.

Процедура была простой и очень действенной. Живые либо подавали недвусмысленные признаки жизни и становились пленными, а тяжело раненные избавлялись от необходимости долго умирать мучительной смертью от истощения и боли. Сработало и на этот раз.

– Тут живой! – проорал один из консидориев и поднял руку с вытянутым вверх пальцем, показывая, что сдавшийся имеется в единственном числе. Сжимая правой рукой меч, боец левой резким рывком поднял автоматчика на ноги, но тут же подсек его и тот рухнул на четвереньки. Сдерживая резкое падение, консидорий грубо схватил человека за волосы, оттянул голову и приставил к дрожащему кадыку свой обнаженный клинок.

Вилла к этому времени уже догорела, и в заваленном обуглившимися досками подвале мушкетеры без труда обнаружили сваленные в кучу трупы рабов с горемычной виллы – рабы были расстреляны до того, как Гор с отрядом прибыл на место будущего пожарища. Женщин среди трупов было много, но определить, есть ли среди них Мия Брегорт, было невозможно. Но если была, то теперь она мертва и единственная нить, связывающая его с Лисией, потеряна навсегда. Гор скрипнул зубами. Дьявол!

Однако теперь у них был «язык».

Гор внимательно посмотрел на пленного, изучая недавнего и очень необычного врага. На коленях перед ним стоял высокий плечистый мужчина в камуфляже, туго затянутый ремнем. Мужчина был рыжим.

Гор присел перед ним на корточки.

– Итак, – тихо произнес он, – времени у нас мало. Как зовут? Что делали здесь? Кто сюда послал? Зачем?

Рыжий скривился.

– Я не поперся со всеми в последний бросок только с одной целью – посмотреть на тебя. Ты ведь и есть знаменитый Фехтовальщик, да?

Гор поднял бровь.

– Слава идет впереди меня, – усмехнулся он вполне дружелюбно. – Однако у нас действительно мало времени и впредь советую тебе не отвлекаться от темы. Если я задаю вопрос, нужно отвечать.

С этими словами Гор привстал и с короткого размаха врезал подкованным сапогом прямо в рожу рыжему наглецу. Клац! – подкова лязгнула о челюсть.

Автоматчик от удара резко откинулся назад и поперхнулся собственной кровью. Затем, по-прежнему стоя на коленях, выпрямился, плюнул зубами и... отвлекся снова.

– Ты не понял, дурачок, – отчеканил он тоном, слишком вызывающим для его положения и ставшей немного беззубой челюсти. – Посмотри сюда, ты ведь знаешь, что это?

И он повернул голову.

Гор, готовый уже вклепить зарвавшегося храбрецу новую крепкую затрещину, остановился и взглянул на развернутый к нему висок. Чуть выше ушной раковины немного закрытый огненно-рыжей прядью красовался совершенно обычный НС-совский шунт, такой же как и у большинства виденных им до этого шательенов, оплативших себе бессмертие.

Гордиан вздохнул. Странно, и почему он не удивлен?

Гор дал знак стоящим рядом бойцам, те живо подхватили рыжика за локти, обыскали с головы до ног и даже осмотрели рот на предмет капсул с ядом – наученные опытом обращения с пленными шательенами консидории знали, где искать подвох. После этого пленника вернули обратно в коленопреклоненное положение перед командиром.

Однако рыжий был человеком упорным.

– Я бессмертен! – брызгая кровавой слюной, выдохнул он. – В отличие от вас, поганых сервов. Бессмертен! И когда ты сдохнешь, я приду на твою могилу посрать! Ха!

Фехтовальщик покачал головой.

– Самомнение, – сказал он четко и с расстановкой, – это худшая черта бессмертных, поверь мне. Допустим, ты действительно подключен к храмовой системе воскрешения. И если тебя убить, ты воскреснешь где-нибудь и когда-нибудь. Однако кто тебе сказал, что тебя убьют? Напротив, я заинтересован в том, чтобы ты жил долго. И долго говорил со мной.

– Ты червь! Презренный червь! – заорал рыжий в ответ. – С чего ты взял, что я стану с тобой говорить, дерьмо?

– Да так, – произнес Гор, практически не разлепляя челюсти. Этот рыжий олух похоже начинал по-настоящему его злить. – Да так.

Он кивнул стоящим вокруг ребятам, и те схватили пленника за руки, не давая ни двинуться, ни подняться.

Гор даже не стал вытаскивать нож. Левой рукой он изо всех сил своих жилистых пальцев оттянул ухо пленника, а большим пальцем правой резко провел вдоль его основания.

Рыжий дико заорал. Гор разжал кулак, в котором плавала в крови оторванная с мясом и кожей ушная раковина, а затем раскрытой ладонью вбил ее в распахнутый в крике рот пленника. Потом двумя руками сжал ему челюсти и нос. Рыжий стал задыхаться, дрыгать кадыком, заглывая и давясь собственным ухом.

Гор же тем временем продолжал:

– Ты будешь или говорить со мной, или давиться собственными ушами, пальцами, членом и всем остальным, что можно отрезать или оторвать. Это понятно?

Рыжий проглотил свое ухо и захрипел – видимо, было понятно. Гор разжал ладони.

– Итак, – сказал он, – я повторю свои вопросы. А ты будь внимательней.

Уже через пятнадцать минут бывший «седанский палач» и полусотня лучших консидориев из его отряда с луками и трофейными автоматами сидели в седле и неслись по проселочной дороге в сторону ближайшего храма Хепри. Вопросов к рыжему, который, как выяснилось, звался Омар Ратмир по прозвищу Рыжий Пес, у Гора имелось, конечно, много, но за целым фасадом из них он задал один, самый главный для него в этот день.

Мия Брегорт, женщина, вольноотпущенница, управляющая поместьем, где она?

На этом вопросе рыжий (или лучше сказать Рыжий Пес?), несмотря на то, что, казалось бы, был полностью подавлен болью и унижением, почему-то запнулся и внимательно посмотрел на своего мучителя. Затем рассказал, что женщину увезли – единственную из всех обитателей загородной виллы. А всех остальных... Ну, мол, сами видели – с этими словами Пес кивнул в направлении сгоревшего дома, где дымились обугленные трупы сервов с простреленными черепами. Мию же повезли в сторону ближайшего храма Хепри двое бойцов. Женщиной почему-то заинтересовался сам викарий кардинала, Али Юсуф.

Личная заинтересованность наложницей? Нет, вряд ли, викарий вообще мало интересуется женщинами. По крайней мере...

Гор не стал слушать дальше. Крикнув Бранда и быстро разяснив тому ситуацию, он вскочил на коня и бросился в погоню.

Насколько Гордиан понял из рассказа Рыжего Та, автоматчики были личным и тайным подразделением кардинала для специальных силовых операций. «Темные арбалетчики» из прочитанных им в лавзейской библиотеке книг – это были именно они. Только вот вместо арбалетов были короткоствольные автоматы с барабанными магазинами, а вместо стрел – пистолетная пуля в стальной рубашке. Они перемещались через внепространственные порталы внутри храмов Хепри, закрытые для всех, кроме высших иерархов церкви. Таким образом, спецназовцы могли практически мгновенно оказаться в любой части Эшвена, где требовалась их помощь в кардинальном разрешении тех или иных проблем.

Подразделение было своего рода «последним аргументом» кардинала в решении

любых вопросов и пользовалось мистической славой по всему Эшвенскому континенту. Про автоматчиков и их священное оружие, про их внезапные появления среди ночи то в одной части мира, то в другой, про неотразимость и ужас их нападений слагались настоящие легенды, если не сказать сказки. Неудивительно, что спецназовцы в этом потоке всеобщего преклонения так сказать «расслабились». Гор чуть подробнее расспросил Пса о методах подготовки бойцов подразделения и понял, что «спецназом» в полном смысле слова автоматчики не были. Говоря грубо, это была обычная строевая пехота с автоматическим оружием, рациями, приборами ночного видения и прочими прибабасами, которые при всей своей «полезности» никогда не заменят бойцу ни думающую голову, ни хороший тренинг.

Местный спецназ обучали, разумеется, стрельбе из автомата, рукопашному бою и, как это ни странно, обращению с лошадьми. Последний факт более всего удивил Гордиана. Действительно, уж если вы дали людям в руки автоматы, дайте им и флаеры. Или, на худой конец, – колесные джипы, чтобы передвигаться. Методики выживания в экстремальных условиях автоматически не проходили и даже примитивно не ознакамливались с пехотной тактикой в огневом бою. Вот и результат: бывшие сервы во главе с человеком, мало-мальски имеющим представление об автоматическом оружии, без большого труда разделили почти полусотню лучших «тайных» бойцов этого мира.

Ну да бог с ним, с кардинальским спецназом, вопрос для Гора сейчас состоял в другом. Для чего этим сволочам понадобилась Мия? Как там сказал Пес? «Ей заинтересовался сам викарий Его высокопреосвященства».

К сожалению, Гор слабо разбирался в иерархии местной богадельни, претендующей на звание Церкви, однако знал, что викарий является чем-то вроде секретаря-референта или адъютанта высшего должностного лица. Кстати, нынешний викарий вообще был рабом. Невеликая, в общем, шишка, а так, канцелярский работник. Хотя, конечно, смотря где. Быть может, местная кардинальская должность – это своего рода почетная синекура, а делами реально заправляет секретарь. Типа «генеральный секретарь». Хоть и помощник, но главный.

Так какова могла быть его заинтересованность? К сожалению, пленный автоматчик не мог этого разъяснить, ибо выполнял полученный приказ и не спрашивал, зачем именно начальству понадобилась вольноотпущенница. Самое простое – господин викарий элементарно заинтересовался красивой женщиной как сексуальным объектом. Гор нигде и никогда не видел Мию, но понимал, что женщина, ставшая фавориткой одного из пресыщенных роскошью лордов-шательенов, должна быть не просто хороша или прелестна. Она должна быть *божественно прекрасна* в полном смысле этого выражения! В гареме даже рядового лорда могли быть сотни женщин. Великолепных, если не сказать штучных. И для того чтобы одна из них смогла уговорить хозяина подарить ей свободу и выделить отдельный загородный дом, она должна быть... должна быть просто звездой.

Но это – самый простой вариант, не подкрепленный ничем кроме самой вероятности такого развития событий. А если копнуть глубже?

Он, Гор Фехтовальщик, одна из безусловно важных фигур боссонского бунта, ищет Мию, вольноотпущенницу лорда Брегорта в окрестностях Бронвены. Допустим, викарий ничего не знает о Мие, но специально охотится за Гором и выслал за этим команду автоматчиков. Команда случайно выбирает виллу по пути следования отряда сервов и устраивает засаду. Мию же просто вывозят, потому что она приглянулась господину викарию, а всех сервов на вилле все равно придется убить. Типа зачем пропадать добру, да еще такому симпатичному?

Логично? В общем да. Но есть одно «но». Предположить, что Гор заедет именно на эту виллу, минуя несколько крупных поместий с большим количеством сервов, было невозможно. Значит ли это, что викарий и сам кардинал знают о тайной цели Фехтовальщика, о его страсти к Лисии и связи между Мией Брегорт и девушкой, первой получившей свободу из его рук?

Получается, да.

Гор замотал головой. Бедная Лиси! Где бы она ни была, она находится на территории, не подконтрольной Палатам Равных, а значит – на территории, подвластной церкви и королю. В этих условиях ее поимка – это вопрос времени и усилий. Особенно, если они взяли Мию, которая, вероятно, является единственным человеком, осведомленным о том, где может находиться беглянка.

Гордиан со злостью прищипорил коня: он должен вернуть мадам Брегорт, чего бы это ни стоило! А если не вернуть, то хотя бы ... нет, лучше не думать об этом.

* * *

Через четыре часа бешеной скачки отряд взлетел на вершину очередного холма, на который поднималась дорога, и консидории увидели свою цель. Три всадника, одним из которых была женщина со связанными впереди руками, неспешно ехали по дороге в сторону огромного храма Хепри, чей мрачный монолит возвышался уже всего в паре километров от них. Гор дал знак.

Каждый боец в его отряде вел заводную лошадь, которая не была изнурена долгой скачкой по пыльной дороге с тяжелым всадником на спине. По сигналу Гордиана все боссонцы дружно пересели на свежих, не уставших коней. Затем, прищипорив новых скакунов, бросились вниз. Еще минут пять они скакали незамеченными, поскольку автоматчики, расслабленные близостью храма, ехали неспешно и назад не оглядывались, однако когда стук копыт стал отчетливо различим и пыльный столб от пятидесяти мчащихся во весь апор всадников приблизился, автоматчики по неволе взглянули назад, и что есть мочи прищипорили лошадей!

На ходу один из них сорвал с плеча свое оружие и в полуразвороте открыл огонь по преследователям. Дурак! Расстояние было еще слишком велико для прицельного огня, особенно с седла над несущейся галопом лошадью. Гор усмехнулся. Летящие на свежих конях боссонцы быстро сокращали расстояние, и скоро очень скоро он покажет этому «лжеспецназу», как надо брать цель и упреждение.

Пятьсот метров. Триста. Двести. Сто. Дорога тут делала изгиб, и Гор дал знак своим ребятам преследовать только по дороге, не рассыпаясь широким строем по полю и не срезая углов. Сам же он вылетел на обочину, где быстро спешился. Выпрямился во весь рост и вскинул автомат к плечу, крутя оптику. Спокойно. В этом деле главное – не волноваться.

Упор на выставленную вперед левую ногу. Торс чуть наклонить. Правую ногу чуть расслабить. Правая щека – плотно к прикладу. Самый кончик пальца – на спусковой крючок. Легко! Еще легче!

Он поймал ближайшего к нему автоматчика в перекрестье прицела, чуть сдвинулся на упреждение и плавно нажал на спуск. Автомат треснул дуплетом – и всадник, нелепо всплеснув руками, вылетел из седла как тряпичная кукла.

Вот так, кавалеристы, блин! Так по вам еще не стреляли?! Ладно, не отвлекаемся.

Гор снова прижал щеку к прикладу и прицелился еще раз. Сейчас снять второго, забрать Мию и ходу назад. Храм слишком близко – мало ли что, вдруг к камуфляжникам выйдет подмога?

Но пока он целил, ситуация изменилась. Второй автоматчик, видимо, поняв, что еще секунда-две и его снимут, как и первого, выстрелом в спину, немного притормозил и перестал нахлестывать лошадь со связанной по рукам женщиной. А просто подхватил невольницу одной рукой и перекинул себе через седло. Его конь чуть присел под новой тяжестью, но тут же выпрямился и помчался дальше, давясь пеной. Гор чертыхнулся. Теперь он не мог стрелять. И хотя конь улепетывающего всадника скакал с двойной ношей почти в два раза медленнее, чем настигающие его консидории, стрелять без риска попасть в Мию Фехтовальщик не мог. Ну и к черту! Еще несколько минут – и боссонцы настигнут придурка и зарубят мечами. Гор взлетел в седло и помчался вдогонку умчавшейся вперед погони.

Копыта стучали по утопанной дорожной глине, кровь била в виски. И постепенно до

Фехтовальщика начал доходить *смысл* поступка убежавшего автоматчика. Тот не просто хотел продлить свою жизнь на минуты, совсем наоборот, он выигрывал эту скачку! Вокруг храма сплошным черным кругом была выжжена земля. Круг был очень ровным, и сейчас, по мере приближения отряда к этой пепельной границе, становилось очевидно, что этот круг – не просто подпаленная от сорняков трава, а нечто другое.

Вот всадник со связанной девушкой пересек эту границу. Вот он скачет по выгоревшей траве, постепенно замедляя ход. Вот первые консидории, уже вынимая из ножен свои мечи и сабли влетают в «черную зону», чтобы через несколько мгновений обрушить их на голову убегающего автоматчика. Всего несколько бешеных секунд – и они настигнут его!

На крыше храма блеснула кровавая вспышка. Огромный толстый луч, выпаривая из немного влажной земли серый дым, прошелся вокруг храма по кругу. Луч ловко обогнул конного автоматчика с телом Мии, лежащим поперек седла, и уперся полыхающим огненным «зайчиком» во въехавших в «зону» преследователей.

Консидории закричали! В одно мгновение жгущий оранжевый огонь охватил их тела, и у Гора, продолжавшего что есть мочи скакать к черному кругу, перехватило дыхание.

Люди обугливались прямо на глазах, превращаясь из сочных сильных мужчин в сухие остовы скелетов со сморщившейся и обугленной плотью! К счастью, в «зону» въехало немного консидориев, около десятка, не более, однако остальные, мчавшиеся прямо за ними, не успевали осадить коней. Дергая за уздцы и валясь с животными наземь, они «тормозили» как могли, и все же еще один или два ряда всадников были заброшены инерцией прямо на пепельную траву и пропеченные трупы товарищей. Луч дернулся еще раз и сухие остовы новых тел попадали наземь!

Гор открыл рот. Видимо, он что-то кричал своим товарищам, однако те и сами поняли, что дело дрянь. Пешком и конными консидории врассыпную отхлынули от «выжженной зоны», подальше от храма, спасаясь от страшной, невиданной смерти.

В это время смертоносный луч, пройдя несколько раз туда-сюда по самой кромке черного круга, погас так же внезапно, как и появился несколько мгновений назад. Видимо, дальше темной границы (а это был почти километр от стен храма) техника церковников не действовала.

Гор остановил лошадь, поднял автомат, холодно-кровно прицелился. И дал длинную очередь по едущему уже вразвалочку всаднику с Мией. В душе было пусто, как в высохшем колодце.

Бац-бац-бац. Бац-бац.

Попал, конечно. Два свежих трупа упали на землю чуть дальше обожженных сухарей, которыми стали его товарищи.

Прости, Мия. Прощай.

Закинув автомат за спину, он дал шпоры и помчался вместе с остатками отряда прочь от гибельного храма.

Трупы Мии и ее похитителя остались лежать на выжженной траве.

Глава 10

Размышления о патентах и «хомутах»

Отряд Гора, измызганный и избитый, поредевший числом, неспешной рысью шел по направлению к столице Боссонской марки. Торопя коней, они скакали всю ночь, но к городу подъехали только под утро третьего дня, почти одновременно с первыми предрассветными лучами. Купаясь в этих розовых лучах, прекрасная Бронвена дышала свежестью чистого утреннего воздуха и влагой от бесконечных полей и рощ, протянувшихся на сотни километров вокруг роскошной Боссонской столицы.

От встречных разъездов Гордиан уже знал, что город сдали без боя. Здесь не было ни штурма, ни жестокой артиллерийской дуэли, а потому ухоженные городские дома, защищенные незаконченной линией современных земляных укреплений, а также башни и

ворота внутреннего города, огороженного средневековой стеной с витражами на бойницах, не пострадали от пожаров и бесчинств озверевшей после долгой осады армии.

В результате в этот рассветный час пригородный пейзаж, открывавшийся перед глазами уставших консидориев, выглядел тихим и мирным, как вода в спокойном озере, а сама Бронвена казалась сладко дремлющей старушкой, досматривавшей остатки теплых ночных снов.

Казалось бы, пока ни единая деталь не пробуждала в Фехтовальщике осознания долгой и жестокой войны, бушующей в Боссоне уже второй месяц. И все же на душе у него, несмотря на царившую вокруг идиллию, скребли кошки. И причины для этого определенно были. Впрочем, беседовать на эту тему Гор ни с кем не хотел, а потому, как для большинства бойцов, участвующих в рейде, так и для дозорных из встречавшихся им разъездов источник черной меланхолии у обожаемого всеми Тринадцатого пророка оставался неизвестен. Хотя догадки по этому поводу у его спутников, конечно, были.

Апостол восставших ехал медленно, молчаливо и задумчиво, чуть отдалившись от товарищей, и собственно, уже почти сутки ни с кем не говорил. То Бранд, то кто-нибудь другой из близких товарищей-консидориев время от времени нагонял Гордиана и безрезультатно пытался развеселить того беседами на отвлеченные темы, однако совершенно безрезультатно. И все же приближение столицы Боссона всколыхнуло в бывшем демиурге некое подобие жизни: он стал чуть активнее, и, когда стены города оказались уже совсем близко, Бранд решился на очередную попытку растормошить поникшего от грустных мыслей товарища. Он пришпорил коня и подскочил к Гору.

– Ну что, брат, – сказал великан, – вот и Бронвена.

– Я вижу, брат...

– Я вижу, что ты видишь, однако ты даже не смотришь на нее! Посмотри, какая красотища вокруг. Что за дома, что за стены – чудо! Вспомни, как ты восторгался этим городом в наш первый приезд.

Гор поморщился.

– Я помню, Бранд, и в этом вся соль.

С этими словами Фехтовальщик довольно грубо пришпорил коня и вырвался вперед. Бранд осекся на полуслове и застыл в седле с раскрытым ртом. «М-да, – подумал он, – разговорчик-то не клеится...»

В итоге к городу они подъехали молча. Но попасть внутрь в этот день так и не смогли.

По крайней мере, не все.

Их ждали. Видимо, передовые разъезды, сновавшие вокруг города, давно сообщили командованию Армии о скором прибытии в Бронвену «самого» Фехтовальщика, и под стенами города, прямо на дороге, их отряд встретил старина Крисс почти с сотней всадников. Бывший габелар очень искренне поприветствовал товарищей, но заявил, что в город они не войдут, поскольку Совет виликов велел разместить их в одном из пригородных поместий, используемом сейчас в качестве временной казармы для некоторых частей Лавзейского полка. Куда он и сопроводил их самолично без спешки и возражений.

Доехали до места быстро, расседлали лошадей, разнесли по комнатам простой походный скраб. А спустя всего час или два Крисс, разместившийся со своими бойцами в соседних зданиях и выполнявший сегодня обязанности гостеприимного хозяина, позвал старших офицеров новоприбывшего отряда в местный ландкап, где были накрыты столы и выставлено пиво.

Боссонцы Бранда и «горские» мушкетеры против пива не возражали, быстро расселись и с удовольствием принялись дуть пенный напиток из таких любимых Брандом огромных деревянных кружек, а также вдыхать умопомрачительные ароматы готовившейся снеди из расположенной рядом кухни.

Гордиан тем временем осмотрелся. Столы в отнюдь не маленьком помещении были расставлены огромной буквой «П» и заняты офицерами Армии Свободы.

Исключительно офицерами – ни сержантского, ни тем более рядового состава в

ландкапе не было. Не было и свободных мест. За их широченным столом, поставленным почти в центре композиции, сидело, например, сразу пятнадцать человек, среди которых находились принимавший их Крисс, а также Никий, Рашим, Люкс Дакер, Сардан Сато, косматый Карум, сам Гор и конечно же гроза пивных бочек и свиных окороков, саженноплечий Бранд.

Великан уже выдул почти три литра пенистого напитка и, похоже, только раздухарился. Он шумел, стучал кружкой по столу и громко орал на весь зал, хлопая товарищей по плечу.

– А что, – в очередной раз начал он, обращаясь к Гору, – нравится мне она, свобода! Хорошо. Сам себе голова. Захотел – в Бронвену поехал, захотел – в Лавзею вернулся. Везде пиво – рекой! Да что там! Что бы ты ни говорил, но единственное, за что стоит драться, это оно – пиво! – Тут он с жадностью отхлебнул из кружки и с наслаждением выдохнул. – Ей-богу, за такую жизнь и жизнь отдать не жалко!

Все расхохотались.

– Ты вообще подумал, что сказал? – спросил Дакер. – Жизнь за пиво?

– А что такого? Все лучше, чем за дрянной портвейн или поганый хайранский самогон.

Все расхохотались снова и дружно закивали головами. Да уж в Хайране самогон – дерьмо, это точно.

Гор смотрел на товарищей, тихо посасывал пиво из своей кружки и чувствовал, как «отходит». На душе заметно потеплело. «Вот оно, – подумал он, – химия, блин! Девушку свою потерял, пол-отряда своего возле храма просрал, как в мир свой вернуться, понятия не имею, но пива хлебнул – и хорошо».

Тут появились местные повара и еще больше усугубили ситуацию, развернув на столе огромные подносы, на которых тесно разместились горшки с тушеной свиной, печеный картофель, квашеная капуста с брусникой и много-много других замечательных для оголодавших с дороги бойцов вещей. В таких обстоятельствах предаваться горестным размышлениям было уже просто невозможно, и Гор активно набросился на еду вместе с другими офицерами. В итоге на следующие несколько минут дружное стуканье деревянных кружек с золотистым пойлом сменилось не менее дружным чавканьем крепких челюстей консидориев.

Беседа возобновилась только когда блюда оказались ополовинены, пиво повыветрилось из голов, а первая радость от встречи со старыми товарищами прошла. Сытые и немного протрезвевшие мужчины перестали ржать и заговорили о делах невеселых, но насущных. О войне. О взятом городе. О павших товарищах. О будущих проблемах.

Первым в состоянии открыть рот для разговора оказался, разумеется, Бранд, поскольку быстрее всех уничтожил свою порцию горячего. Он смачно рыгнул, откинулся на спинку большого деревянного стула и вперил взгляд в сидевшего напротив Крисса.

– Ну что, голова габеларская, – спросил он как всегда громко и как всегда немного несерьезно, – скучно было небось в город без боя входить? Ни тебе рубки, ни тебе пальбы, ни девок пощупать, пока по улицам носишься, ни за шательенами поохотиться?

– Нет, не скучно, – рассудительно ответил Крисс. – И вообще, если тебе весело лезть на стены под пули и картечь – изволь, а по мне – все бы города так сдавались. К тому же дерьма мы тут с вами и так, без штурма, хлебом, вот увидишь.

Народ за столом чуть притих.

– В смысле? – спросил Гор. – Ты что имеешь в виду?

– Да что есть, то и имею, – вздохнул габелар. – Обстановка в городе, знаешь ли, такая... интересная, скажем. Сабин объявил взятие Бронвены величайшей победой восставших, но на деле оно может стать самым страшным поражением.

С этими словами он полуобернулся и немного укоризненно посмотрел на Гордиана.

– Тебя не было, мой друг, почти две недели, и Совет виликов, въехавший в город вместе с войсками, не мог снимать ошейники с сервов города *без тебя*. Более того, Совет запретил сервам обесточивать оковы самим с помощью электричества! Представьте себе.

– Да ну? – сказал Бранд.

– Вот те и «ну». Совет объявил, что нужно готовить город к обороне и достроить таки пресловутую стену на западном рубеже. И мы сделали это! Наихудшим образом из возможных, хотя и наиболее эффективным, вилики заставили сервов Бронвены трудиться над достройкой линии обороны с помощью храмовых ошейников, обращаясь с ними так же, как обращались до этого их хозяева! Более того, используя хомуты, вилики стали принудительно зачислять местных сервов в Армию Свободы.

Сидящие за столом замолкли все, как один.

– Вот это да, – подал наконец голос Никий. – А что же Трэйт? А Вордрик, а Рихмендер? Неужели они согласились?

– А что они могли сделать? Аргументы у Совета были железные. Во-первых, высокие темпы комплектования армии невозможно было обеспечить иным способом. Если вы помните, в Кербуле большинство освобожденных не вступали в полки, а с энтузиазмом драпали на север. Еще хуже дело обстояло с желающими махать киркой на строительных работах по восстановлению укреплений. Труд-то тяжелый! Кто-то согласился бы, а кто-то нет. Что же, тех, кто отказался, надо вешать? Нет, лучше использовать ошейник!

– А лучше ли? Так бы расстреляли предателя и саботажника. А так – Совет просто проявил себя таким же рабовладельцем, как церковь и шательены.

– Да это хуже чем предательство!

– Вот уроды!

– Точно!

Крисс крикнул, поерзал на стуле и взгромоздился на стол локтями.

– Ладно, – продолжил он, не обращая внимания на возгласы и оглядев товарищей исподлобья. – Уроды, не уроды, не мне решать. Но сервы города возмущены. Да и солдаты в старых кербульских полках ропщут не меньше. Все недоумевают – чем новая власть лучше прежней? И почему всем заправляют вилики? Но самое страшное не в этом, а в том, что Бронвена сегодня похожа на пороховую бочку, ребята. Городские сервы кипят возмущением и ждут одного – прихода Святого Фехтовальщика. Твоего возвращения, мастер Гордиан.

Гор зыркнул вбок на Крисса и слегка удивился.

Бывший габелар первый раз в жизни назвал его «мастером», признавая равным не только формально, как любого из освобожденных рабов, но и фактически – в среде бойцов-консидориев, в иерархии которых Крисс, безусловно, был VIP как дацион по верховой езде и лучший борец без оружия.

Габелар между тем продолжал, и надо же, всегда смешливый Крисс сегодня был серьезен как никогда.

– Теперь, когда Фехтовальщик под стенами Бронвены, Совет виликов более не может оттягивать снятие хомутов, иначе городские сервы восстанут. В Бронвене почти сотня тысяч рабов – страшная сила. И подавлять ее в случае восстания против Совета придется с помощью ошейников – другого способа нет, поскольку Армия Свободы, набранная из таких же сервов, для подавления бунтов не годится.

– Так и в чем вопрос, я не пойму? – зарычал Бранд, в очередной раз оторвавшись от кружки. – Если нельзя больше тянуть со снятием ошейников – значит, их надо снять и дело с концом!

– Все не так просто, – Крисс хмыкнул. – По крайней мере для виликов. Если ошейники будут сняты, в городе немедленно воцарится хаос, ибо местные сервы ненавидят своих виликов не меньше господ-шательенов. Уверен, все местные управляющие будут перерезаны меньше чем за пару часов. Совет уверен в том же.

– Бред, – покачал головой Сардан. – Я, Бранд, Дакер, да все мы жили в Лавзее много лет и думаю, что большинство было не в восторге от Сабина. Каждого били кнутом, а сколько раз дационы «резиной» по шее лупили – так и перечислить нельзя. Каждый был обижен и каждый с удовольствием съездил бы Сабину по роже. Но ведь надо понимать – мы делаем общее дело и без виликов восстание вообще бы не началось.

Крисс положил руку мечнику на плечо:

– Ты путаешь нашу деревню с Бронвеной, мой друг. Здесь – столица Боссонской марки и нравы тут другие. Смею напомнить, что в Верхнем Боссоне все сервы распределены по учреждениям – торговым домам, усадьбам, мануфактурам, организованным по типу нашей Дуэльной школы. Если раб оказывается в одном из таких заведений, то в нем же он обычно проживает всю жизнь и в нем же он умирает. У нас почти не продают сервов. К нам почти не заезжают господа. И большинство тех сервов, кого ты увидел в первый день своего рабства, проживут с тобой всю твою жизнь. Ну если не сдохнут на арене, конечно. А наши вилики? В основном это такие же сервы, жившие когда-то в таком же бараке, как ты, и, возможно, выросшие с тобой в одной храмовой колбе. И Сабин, и все его приближенные, когда-то были в Лавзее рядовыми сервами и продвинулись благодаря личным качествам, организаторскому таланту, способности к болтовне или чему угодно другому – но они из нашей среды, из «просто сервов».

А теперь посмотри на Бронвену. Почти все местные – это сервы городских мануфактур. Это рабы, не имеющие семьи и работающие в цехах по двадцать часов в сутки. Под кнутом. Под резиновой дубинкой. Как и мы, но куда больше и жестче.

Вилики и габелары на мануфактурах – это не бывшие рабочие. Их присылают из Бургоса, из Силломариса из специальных школ для менеджеров, где хорошо готовят и хорошо промывают мозги, чтобы производство было эффективным. Даже у нас габелары и вилики – вспомни хоть Гаврина – часто страдают «залетами» на голову и становятся чрезмерно жестоки к товарищам по несчастью. Но у нас – это исключение, а здесь – почти закон. И вот результат этого закона: городские ремесленники в отличие от сельских сервов из поместий и консидориев из школ презируют своих виликов, ненавидят габеларов и не станут им подчиняться без принуждения. Бронвена, как и все большие города, – это пороховая бочка, которая вот-вот взорвется. И взорвется она, как только ты, Гордиан, войдешь за ее стены.

Фехтовальщик сжал губы.

– Понятно, – сказал он. – Вот почему нас не пустили в город, а послали сюда, подальше от греха. Совет нашего восстания боится другого восстания.

– Именно так!

– А ты, Крисс? Ты боишься вместе с виликами за их безопасность или ты вместе с «просто сервами» за снятие хомутов?

– Плохой вопрос, Гор. Ты сам-то можешь на него ответить?

Гор задумался. Посмотрел на товарищей. Все молча глядели на него.

– Не знаю, – сказал он наконец. – Я обязан Сабину жизнью. Если бы не он и подобные ему вилики из Партии Равных, восстания бы вообще не было. С другой стороны, местные сервы наверняка имеют право поквитаться со своими виликами за обиды. Я не знаю. Прости, Крисс.

Крисс ухмыльнулся, на мгновение напомнив Гору вечно веселого габелара из Лавзеи.

– Да не бери в голову, – махнул он рукой, растянув губы в улыбке. – Чай, ты не наложница, чтобы в голову брать. Пойдем-ка прогуляемся на воздух. А вы ребят, пейте. Наговоритесь еще.

Они встали и немного растолкав товарищей, тут же расслабившихся после завершения довольно напряженной дискуссии, вышли на улицу.

Крисс, впрочем, «просто» дышать воздухом не стал. Он расстегнул верхнюю пуговицу мундира и вытащил из-за пазухи плотный конверт.

– У меня к тебе отдельный разговор, мастер Гордиан. Точнее не только у меня, а у Совета виликов. Как я уже сказал, моя позиция в этом вопросе довольно неопределенная, как и у тебя. Я не знаю, кто прав, и не знаю, что с этим делать. Но мне велено передать вот это, и я передаю.

Он вручил конверт Гору.

– Кем велено? – спросил тот, срывая сургуч.

– Лично Сабином. Он ведь теперь твой близкий друг, не так ли? За женщинами с тобой ездит.

– Да как тебе сказать... – замялся Гор.

– Понятно, – Крисс хмыкнул. Было не понятно, улыбается он или язвит. – Кстати, конверт был мне вручен в присутствии всех членов Совета.

– Ого!

– Да ты открывай, не «огокай».

Гор развернул бумагу и достал из конверта роскошный документ на плотной тисненой бумаге.

– Красотища-то какая, – съязвил он. – А это что?

– Это приказ о твоём назначении и офицерский патент одновременно, – терпеливо ответил Крисс. – Поздравляю, теперь ты полковник. Произведен прямо из лейтенантов. Кстати, Трэйту за Ташскую викторию Совет присвоил звание маршала и верховного командующего Армией Свободы. Причем на том же заседании, одновременно с тобой. Круто звучит, правда?

– И Сабин не возражал?

– Да, говорят, пеной весь изошелся, так был против. Но Трэйт после победы слишком уж популярен. Так что все остальные проголосовали «за», и он стал маршалом. Да вот еще что, совсем забыл. В тридцати километрах отсюда маршал Трэйт собирает большую армию для вторжения на юг. И завтра поутру ты вместе со своими мушкетерами отправляешься туда и принимаешь новое подразделение. А я возвращаюсь в город на усиление гарнизона.

Гор крикнул.

– То есть в Бронвену я не войду?

– Да ты на лету схватываешь!

– А как же сервы с мануфактур?

– Они дождутся окончательной победы над королем и твоего возвращения. Как и было обещано.

Гор зло взглянул на Крисса, потом на шикарную бумагу.

– Да я порву ее сейчас и заставлю Сабина сожрать обрывки. Вот же скот! Всю дорогу ко мне примазывался, а я все думал – с чего бы?

Крисс только пожал плечами.

– Да брось. Война не закончена, мы можем проиграть, верно? Тогда все усилия, потраченные тобой на жителей Бронвены, будут напрасны. Давай выиграем, а потом будем кормить виликов тисненым картоном. К тому же без «хомутов» мы не собрали бы армию такой численности. В лагере у Трэйта почти семьдесят тысяч штыков, представляешь? Поверь, без ошейников мы не набрали бы такой силищи. К тому же, после завершения подготовки, койны будут сниматься. С дисциплинированных солдат Армии Свободы, заметь, а не с бешеных заводских сервов, готовых поубивать своих виликов. Так что заткнись, держи бумагу и пойдем обратно. Пива не так много, как ты думаешь!

Гор заткнулся, повертел патент так и сяк. Прочитал, перечитал, подумал. Действительно, пока война не закончена – думать нужно о ней, о войне, то бишь. Все остальное – потом. К тому же назначение на столь серьезный пост решительно приближало его к собственным целям. Иметь под началом четыре тысячи мечей – целый полк – об этом он не мог даже мечтать еще вчера. С такой силой он может строить собственные планы и действовать независимо от воли Совета.

– Пойду я спать, – сказал он, засовывая патент за пазуху. – Завтра ведь вставать рано.

Глава 11

Тактика для начинающих, или В ожидании бури

Утром Гор быстро собрался и снова запыхал по дорогам Боссона, болтаясь в седле. Но только теперь не на восток, а на юг, в сторону от Бронвены, в военный лагерь

новоиспеченного маршала Трэйта. С ним шли лавзейцы Дакер, Бранд, Сардан Сато и конечно же неразлучник Никий. Крисс остался в столице Боссона, видимо, наводить порядок, помогать виликам и просвещать местных сервов насчет дисциплины и прочих ценных понятий, без которых замечательное слово «свобода» незаметно изменяет буквы и превращается в «лабуду».

Время от времени Гор доставал из-за пазухи патент и смотрел на загогулистые вензеля и печати. Полковник!

«Круто, елки-палки», – с усмешкой думал он. Особенно для того, кто когда-то был диадохом Нуль-Синтеза и командовал огромными космическими флотами. Но каков карьерный рост! Едва ли два месяца прошло с момента, когда он стал лейтенантом, а вот теперь – уже полковник. Не стесняясь, он показал патент друзьям. Те, конечно, порадовались, когда узнали о повышении, и нахмурились, когда узнали о его обстоятельствах. Но в целом прореагировали без эксцессов, ровно. Все-таки Сабин был им близок, а о том, что он сволочь, все и так давно знали. Да какой ни есть, но ведь свой, лавзейский, родной почти...

Весь переход от окрестностей Бронвены до главного лагеря общепризнанного после Ташской баталии военного вождя Равных занял всего несколько дней. А на их исходе, под усталый перестук подкованных копыт, отряд вступил за стены этой новой обители войны. Там поели, помылись, разместились, а вскоре к новоиспеченному полковнику зашел и сам Трэйт.

Маршал посмотрел на патент, повертел, крикнул.

– Сабин, я смотрю, совсем из ума выжил, – сказал он наконец довольно раздраженно. – Ты, сынок, не обижайся, конечно. Консидорий из тебя славный, спору нет. Однако людей на смерть вести – это не самому до смерти драться. Тут разница есть, и она немалая. Кабы ты хоть на вид был постарше немного, а так... Ладно. Давай высыпайся, завтра проедем по полкам, посмотрим, что тебе доверить.

Он помолчал.

– И доверять ли вообще... – с этими словами Трэйт грозно зыркнул и вышел из казармы.

«Вот и вся карьера», – в который раз, усмехаясь, подумал Гор, снял ботфорты и завалился спать.

* * *

В восемь пятнадцать, сразу после подъема знамени, Гордиан Оливиан Рэкс и Мишан Трэйт пролетели через весь лагерь и осадил коней на холме, венчавшем середину развернутой к реке равнины.

Трэйт был на любимом вороном жеребце-антийце, Гор – на чудесном гнедом, подаренном в одном из поместий во время рейда на виллу Брегорта. Великолепные животные, покрытые испариной от стремительного взлета почти на сотню метров от уровня прибрежной полосы, теребили зубами удила и били копытом. Гор похлопал своего скакуна по шее, успокаивая его.

Внизу отдельными отрядами топтались по полю тысячи бойцов обновленной Армии Свободы. Трэйт приучал своих офицеров и, особенно, офицеров немногочисленной кавалерии, выполнявшей в основном разведывательные и курьерские функции, определять количество воинских масс, что называется «на глазок», и не зря.

Охватив быстрым взглядом серое море мундиров и кирас, Гор прикинул, что на равнине, потяя пред своими дационами, осваивают воинскую науку по крайней мере пятьдесят—шестьдесят тысяч человек.

Крупные колонны из бывших ремесленников и мастеровых, призванные из Бронвены еще месяц назад и успевшие за это время приобрести хоть какую-то армейскую выправку, отрабатывали на естественном плацу броски и маневры в сомкнутом строю.

Новобранцы, рекрутированные с сельских поместий и вилл совсем недавно и военной стати не имевшие вовсе, взводами и ротами размещались по краю плаца. Под рев офицеров и старшин они обучались простейшим приемам с пикой и стрельбе из мушкетов.

Гордиан смотрел на все это с восторгом, искренне восхищаясь организаторским талантом Трэйта не только как полководца, но и как военного администратора. Тренировочный лагерь под Бронвеной существовал всего месяц, и за этот месяц бывший лавзейский дацион сумел собрать под свои знамена контингент, вдвое превышающий его старую армию, сформировать людей в новые полки, подготовить офицеров, вооружить и обмундировать всю эту колоссальную человеческую массу, обеспечив своей армии не только отличное снабжение продовольствием, но и сносный быт в огромном полевом лагере. Но Трэйт, между тем, его дилетантских восторгов не разделял и осматривал свое воинство мрачным взглядом из-под темных бровей.

– Что за ухмылки? – спросил он, теперь уже маршал Армии. – Толпа лапотников в количестве шестидесяти четырех тысяч пар ног мнет дерьмо на травке! Из КароБерга наш король приведет отборные полки, во главе с генералами, покорявшими для Эшвена целые империи и континенты! Там будут ветераны колониальных войн – не чета Жернаку. Так что нам придется не сладко, сынок. Половина из них, – Трэйт кивнул подбородком на свою армию, – ляжет костями еще до конца года.

– Не чета Жернаку? Это кто, например? – задал вопрос Гордиан, изумленный пессимистическим настроением своего командира.

– Да вот хоть Бавен, сенешаль Артоша, – отвечал ему Трэйт, – или герцог Оттон из Веты. Или Анри Сардис, или Иммануил Фрост. Дьявол, да я могу битый час их имена перечислять! Бавен, например, за неделю разделал в Валькрике армию этой великой военной державы, считавшейся тогда самой мощной на западном континенте. Говорят, океан тогда покраснел от крови, столько мертвых было свалено на прибрежные пляжи, а в бухты из-за тел не могли войти корабли, столько трупов плавало в водах.

– Думаю, байки все это, – ответил Гордиан. – Нереально. Я имею в виду покрасневший океан и бухты, затопленные трупами.

– Возможно. Но в любом случае Бавен – молодец. Валькрика была покорена одним молниеносным ударом. Эта кампания считается классическим примером блицкрига и преподается во всех учебниках по военной тактике и стратегии.

– Вы льстите своему врагу, мастер Трэйт. И забываете, чему легендарные королевские генералы обязаны своей славой. Три тысячи лет назад Господь Хепри дал в руки своих солдат *порох*. И ведь до сих пор ни одна армия мира, кроме Эшвенской, не пользуется огнестрельным оружием! Всем известны рассказы, когда бесстрашные сыны Эшвена ротами и батальонами разгоняют целые полчища, выставленные против них варварскими народами. Но нигде не разъясняется, отступали ли эти варварские армии, вооруженные одними луками и мечами, перед мужеством эшвенцов или же перед огнем их мушкетов и орудий? Я имею лишь очень смутные воспоминания о своем прошлом, но в первом мире, в котором я родился и вырос как обычный человек, а не как клон, ситуация была схожей. Крохотные метрополии с крохотными армиями, владея огнестрельным оружием, так же как и здесь, покоряли целые континенты. Потом секрет пороха стал доступен покоренным народам и колониальные империи рассыпались...

– Так ты полагаешь, что секрет блестящих побед эшвенской тирании заключается только в применении кулеврин и ружей? Не смей меня! Огневой бой всегда служил лишь прелюдией для битвы или венчал ее окончание. Осады – вот место для применения артиллерии! А в поле пушки и мушкеты – это дань военной моде, не более того. Ты же сам был на Ташских болотах и видел все – сражения выигрываются не пальбой, а рубкой!

Словно демонстрируя основной способ выигрывания битв, Трэйт махнул рукой и продолжил:

– Пика и меч, алебарда и кавалерийский палаш – вот оружие победителя, а вовсе не мушкет. Что же касается рассказов про роты, разгоняющие армии, то такое, конечно, было,

но только единственный раз, который и вошел во все учебники. В году примерно две тысячи четырехсотом Господь Хепри захватил таким образом крупный город в Антий-ском каскаде. Местные варвары были совершенно не знакомы с огнестрельным оружием, и гром орудий вызвал у них мистический ужас. В итоге все разбежались, и Король-Бог вступил в город. Однако, как ты сам понимаешь, рассчитывать на подобный эффект можно только в очень редком числе случаев и против совсем уж примитивных дикарей.

– То есть вы считаете, что все значение огневого боя состоит в воздействии на психику противника? Я не согласен! Кроме психологического аспекта, артиллерия и мушкеты обладают вполне конкретной убойной силой. В том же сражении на Ташских болотах ружейным огнем и картечью кулеврин мы положили немало врагов.

– А сколько? Конкретно ты считал? Я скажу тебе. Посчитано, что хороший мушкетер после годовой подготовки, работая в строю и постоянно тренируя свой навык, может поддерживать темп один выстрел за шесть минут. Одна минута на прицеливание и залп. Пять – на зарядание и перемещение в караколе. Теперь учти, что пехотная колонна за пять минут проходит почти триста метров, а дальность выстрела из мушкета составляет едва ли метров двести. Улавливаешь суть? Но главное даже не в этом. Как бы ни был эффективен ружейный огонь, мушкетер, отстрелявшись, должен бежать от наступающего врага сломя голову, поскольку мушкет – не оружие против пики и алебарды. Это значит – мушкетеры и артиллеристы не способны удерживать позиции в бою и постоянно вынуждены отступать перед атакующим их плотным строем панцеров. А потеря линии, сдача позиций – это поражение в любом полевым сражении. Такие дела, сынок! Так что ты зря уповаешь на силу пушек и мушкетов. Они – всего лишь пугачи, устрашающие громом. Другое дело – осады городов и морские битвы. Вот там да – без пушек никуда.

Гор, признаться, слегка обалдел от проповеди Трэйта. Дитя современной цивилизации он всегда полагал, что только возможность убийства на расстоянии обеспечивает современным армиям преимущество перед «рукопашными» воинствами менее развитых народов. Оказалось – отнюдь. Но что-то в рассуждениях старшего товарища смущало его. Что-то было не так.

– Тогда я не понимаю, – продолжил он спор, – ведь если порох не является решающим фактором, то что обеспечило эшвенам их сокрушительные победы над народами этого мира? Насколько я понимаю, сейчас Королевству подчинены практически все территории планеты-каверны, за исключением нескольких дальних, затерянных уголков. Неужели действительно военный гений их полководцев?

– Ну нет, конечно. Бавен, Оттон, Сардис и им подобные бывалые вояки – это хорошие профессионалы, но и у других народов светлые головы среди воевод находились всегда. Да и сейчас найдутся, не спору.

– И в чем же дело? А-а, кажется, я начинаю догадываться. Решающий фактор – это сила Господа, он сжигал вражеские полчища своим знаменитым небесным огнем.

– И здесь не в точку, сынок. Господь применял свое сверхоружие в очень ограниченном числе сражений и только в начале экспансии, почти три тысячи лет назад. Все остальное время эшвенские армии, даже находившиеся под его личным предводительством, справлялись сами, без сверхъестественных сил. Видишь ли, тут все сложнее... и как-то проще одновременно. Дело в тактических приемах и в построениях, а также, разумеется, в способах снабжения и формирования армий. В методике подготовки офицеров и в боевом духе – во многом. Ты знаешь, еще в Лавзее, когда я был дационом и даже не помышлял, что когда-нибудь стану командовать армией бунтующих сервов, у меня было хобби – увлекался чтением. Читал преимущественно литературу по военной тактике, благо в Лавзее наш лорд имел ее в избытке. И, если желаешь, я могу попробовать объяснить тебе, в чем тут суть.

Гордиан согласно кивнул, поскольку как военного офицера «Нуль-Синтеза» его действительно интересовали подобные вещи. И вот, уста маршала разверзлись, погрузив бывшего диадоха Седана в настоящий океан новых знаний.

– В Эшвене на данный момент времени существует несколько распространенных

тактических систем, – начал маршал. – Для действий пехоты на равнине лучшим из возможных способов построения считается фаланга, властвовавшая над миром задолго до пришествия первого из апостолов. Это – *первая тактическая система*.

Фаланга представляет собой плотный строй тяжеловооруженных пехотинцев с длинными копьями в руках, глубиной в шестнадцать рядов. У некоторых народов фаланга была тоньше – рядов в пять-шесть, как у нас караколы, у некоторых больше – до 24 рядов, но идеальная глубина, как принято считать – это *шестнадцать бойцов* в шеренге.

Первые шесть рядов обычно вооружались невообразимо длинными копьями, длиной иногда до шести метров, каждое копьё держали по два-три человека, стоящих один за другим. Второй ряд клал свои копья на плечи первому ряду, так что фаланга оказывалась живой стеной, прикрытой колючим ежом смертоносных пик, каждый удар которой направлялся несколькими руками и имел необычайную пробивную силу, взламывающую любой доспех!

Во время сражения фаланга являлась основой боевого порядка, вокруг которой могла маневрировать конница и легкая пехота, обычно начинавшая сражения подобно нашим мушкетерам, расстреливая ряды приближающегося противника, а затем уходя из битвы. Фаланга несокрушима при лобовой атаке противника и нет такой силы, которая могла бы на ровной местности прямым ударом пробить строй фалангистов. И наоборот, если фаланга атакует, то обладает бешеным натиском, ее удар накоротке способен сломать любой другой строй!

Однако у фаланги имеются и слабые стороны. Прежде всего – неспособность действовать на пересеченной местности, легко уязвимые фланги и тыл, а также ограниченная маневренность. Бросок фаланги несокрушим и ужасен, однако это короткий бросок и только на ровном поле.

Второй тактической системой, считающейся более эффективной по сравнению с фалангой, является манипулярный строй, или легион.

В этой системе армия при построении для боя разбивается на отдельные отряды-манипулы, выстроенные наподобие наших пикинерских бригад в *шахматном порядке*. Пехотинцы, составляющие манипулу, так же как и фалангисты, имеют тяжелое вооружение, но не имеют длинных многометровых копий, которыми так славится фаланга.

Манипулы легиона строятся в три линии. Таким образом, их боевой порядок имеет в отличие от фаланги так называемое «эшелонирование», то есть возможность поэтапно вводить в бой свежие резервы очередной линии. Кроме того, легион, разбитый на манипулы, может строиться и вести бой на пересеченной местности, совершать более сложные перестроения и маневры, перераспределять отдельные манипулы со второстепенного направления на решающее и так далее, в общем – этот порядок построения пехоты является более гибким, живучим и дает большую свободу полководцу.

При столкновении с фалангой, легионеры подбегают к ее рядам, метают дротики, застревающие в щитах фалангистов, и неравномерный, «шахматный» строй линии манипул вгрызается в фалангу как острые зубы хищника в ровную плоть. Строй рвется, и фаланга распадается, превращаясь в неуправляемую толпу, а длинные копья фалангистов становятся бесполезны. Вооруженные короткими мечами, такими удобными для драки в плотных строях, легионеры просто вырезают лишившихся своего основного оружия копьеносцев.

Манипулярный строй властвовал над миром более трехсот лет, пока его слабые стороны не стали очевидны противникам государств, чьи солдаты строились легионами. При несомненных достоинствах у легиона оказалось и много недостатков.

Прежде всего манипулярный строй все же менее плотный по сравнению с монолитом фаланги, а кроме того, легионеры лишены длиннодревкового оружия. Поэтому сокрушающие фалангистов манипулы шахматного порядка пасуют и перед тяжелой кавалерией с длинными пиками и перед легкой кавалерией с луками.

В результате для борьбы с манипулярным строем была создана новая, *третья тактическая система* – условно назовем ее «жандармерия», то есть тяжеловооруженная

конница, рыцари.

Эта система основана на ударной силе бронированных всадников. Новые властители полей были относительно малочисленны по сравнению с пехотными армиями древности, поскольку боевой конь и полный доспех, защищающий бойца с головы до пят, стоит значительно дороже, чем относительно простое по технике снаряжение фалангиста и легионера. Всадников было меньше, но они с лихвой компенсировали недостаток числа переизбытком мощи!

Имея тяжелое защитное вооружение, гигантские щиты, огромные пики и длинные кавалерийские мечи, железнобокие конные армии были недоступны коротким мечам легионеров и тем более их дротикам. Тяжелая кавалерия сносила с полей манипулы пехотинцев, как ветер сметает пыль! Но и власть конных латников была недолгой.

Из гордой Валькрики, покоренной ныне Бавеном, явились люди Запада под знаменами своих морских королей. В те годы валькинги были славными вояками – они создали первый в мире *арбалет* и выковали первую *алебарду*.

Валькинги покорили побережья и вооружили крестьян и рыбаков, дав им в руки вместо мечей и щитов, с которыми нужно было долго обучаться, алебарды и протазаны, которые не требовали большого умения, но практически сравнивали вчерашнего лапотника с опытным конным мечником. Этим валькинги быстро добились численного превосходства над тогдашними конными владыками Эшвена и сумели их одолеть.

Арбалетчики в плотных рядах, стреляя поверх голов друг друга, выкашивали конных панцирников, несущихся на них с пиками, а пешие алебардчики в плотном строю на равных сражались с ними в рукопашную. Кстати, валькинги первыми из народов стали строиться для боя квадратными колоннами, называемыми ныне «бригадами», или «терциями». Валькинги называли их «баталиями». Но в отличие от Эшвена на поле сражения валькинги выстраивались одной огромной квадратной массой (а не несколькими, как у нас), по периметру которой, как с фронта, так и с боков, становились алебардчики в латах, а в центре, часто без всяких лат – арбалетчики.

При атаке тяжелой кавалерии алебардчики первых рядов опускались на колени и упирали свое оружие древком в землю, придавая ему устойчивость, второй ряд становился во весь рост, держа алебарды вертикально, для нанесения рубящих ударов, а третий ряд клал им алебарды на плечи, чтобы колоть.

Такой строй – непроходим для кавалерии! Конечно, при сшибке рыцари сносят первые ряды, однако «баталия» строится в сто—двести шеренг и более. Такую массу с наскока не возьмешь, какими бы прекрасными не были бронированные наездники!

Кавалерийская атака теряет натиск и темп, увязая в первых рядах, и вскоре превращается в рубку на месте, когда всадники отбиваются от наседающей на них пехоты. Нужно ли говорить, что пехотинец, держащий в руках длинную алебарду, без труда остановит гарцующего на месте кавалериста, вооруженного всего лишь мечом?

Алебардой орудуют обеими руками, и вес ее таков, что при ударе она рассекает любой панцирь и даже щит. Поэтому, когда первый стремительный наскок кавалерии ослабевает, дальнейшее сражение превращается в резню, в которой пехота рубит рыцарей на куски своим страшным двуручным оружием!

Квадратная «баталия» валькингов – это *четвертая тактическая система*. Пользуясь своим превосходством, валькинги без труда покорили прибрежные страны Эшвена – и только нежелание удаляться от морских путей остановило их жестокую экспансию в глубь континента.

Но вот, когда казалось, что слава кавалерии совсем увяла и дети морей окончательно взяли верх, с востока пришли хайранцы – дикие обитатели пустынь. У них не было тяжелого доспеха – только кольчуга или же панцирь из буйволиной кожи, но были злые дальнобойные луки, которыми хайранцы разили врагов прямо с седел своих лошадей. Эти знаменитые луки делались из отдельных полос и покрывались специальным лаком, предохранявшим грозное оружие от высыхания и сырости. В прямом столкновении хайранцы не выдерживали

упорной рубки с конными латниками или хорошо организованной пехотой, но их ужасные луки сеяли смерть не хуже, чем пики и алебарды!

Закованная в железо квадратная «баталия» валькингов, сокрушавшая конных латников, была по летучей хайранской коннице, как меч бьет по воде. Хайранцы на легких своих лошадях и в легких доспехах легко уклонялись от жесткой рубки и расстреливали своих врагов с расстояния, совершая быстрые маневры, являясь там, где никто их не ждал.

В решающем сражении с Валькингом Хайран встретил своего врага на марше и в течение нескольких дней расстреливал его, не ввязываясь в сечу. Плотная «баталия» представляет собой великолепную цель, метя в которую невозможно промахнуться, а хайранский многослойный лаковый лук бьет латный доспех алебардщика, лишенного щита, навывлет!

После того как баталия была окончательно измотана дорогой, жаждой, жарой и переизбытком раненых, конница пустынь атаковала ее с нескольких направлений и сровняла со степным ковылем. Вальк пал, побежденный усталостью и бессилием!

Таким образом, хайранцы принесли с собой *пятую тактическую систему* – тактику молниеносных ударов и битв на расстоянии. Каждый хайранский воин имел на приводе двух лошадей, что позволяло их кавалерии совершать стремительные переходы, поражая коммуникации и базы своего врага. А во время сражений основным тактическим приемом, который применяли хайранцы, стал охват флангов и внезапные удары в тыл, которым, разумеется, ни одна из четырех первых систем противиться не могла, поскольку такой свободой маневра и такой скоростью ни одна из них не обладала.

– Значит ли это, что тактика легкой кавалерии является наилучшей из всех систем? – спросил Гордиан.

– Да несколько! – ответил Трэйт. – Все пять систем имеют и недостатки и преимущества друг перед другом. Например, недостатком *легкой кавалерии*, так же как и у мушкетеров, является неустойчивость в прямом столкновении. Тяжеловесные жандармы легко стаптывают хайранцев, если, конечно, им удастся настичь последних. Не хороша она и в нападении. Когда Хайран фронтально атакует фалангу, у него нет и полшанса. Если у фаланги прикрыты бока и тыл (например, естественными препятствиями, рекой или лесом) и хайранцы атакуют фалангистов в лоб, то они просто насаживают себя на копья, не причиняя вреда противнику!

Таким образом, *лучшей* системы нет, есть лишь общие постулаты, исходя из которых надлежит делать систему *смешанной*, чтобы использовать преимущества каждой из пяти тактических доктрин в каждом конкретном случае.

На самом деле вопрос градации полевых построений укладывается не столько в проблему их применимости против друг друга, сколько в проблему комплектования и обеспечения армии. Решающим фактором в любом сражении вне зависимости от тактики является *численность* армии. Можно сражаться умением, но зачем, если можно числом? Собрать и прокормить во время войны огромную массу кавалерии нереально. Поэтому современные армии все как одна – это армии пехотинцев, а значит, наиболее применимыми являются *первая, вторая и четвертая* тактические системы. А *третья и пятая* служат дополнением.

Экономика большинства государств основана на тяжелом крестьянском труде. Неважно, является ли этот труд трудом раба-серва, закрепощенного крестьянина или свободного фермера, но факт остается – большая часть здорового населения во всякой стране должна день и ночь трудиться в поле, чтобы обеспечить пропитание себе и налог государю. При таком раскладе постоянные армии могут быть только очень, крайне немногочисленными, поскольку отправить пахаря на войну – значит сгубить урожай и умереть с голоду вернее, чем пасть от меча завоевателя.

А теперь взгляни мысленно на Эшвен, – Трэйт развел руками, как бы разворачивая пред Гордианом воображаемую карту континента. – Экономика этой обширнейшей державы целиком основана на синтезе материи в храмах Хепри. Почти все товары синтезируются

церковью, а не производятся населением. И что сие означает? Да то, что Эшвен – это единственное государство, которое может поставить под ружье и пику практически все население страны без риска сгубить свою экономику!

Отсюда следует другой факт, с которым ты знаком. Армия Эшвена даже в мирное время насчитывает пятьсот тысяч бойцов, раскиданных по всем ее бесчисленным колониям. На случай же войны Эшвен готов выставить два миллиона подготовленных солдат и офицеров, поскольку все свободные граждане Эшвена – это резервисты, получающие от короля пособие именно на такой случай. Если же все-таки кто-нибудь сможет сокрушить и эту армию, то король призовет сервов, пообещав им свободу. Это значит, что в критической для страны ситуации мобилизационные способности Королевства будут измеряться даже не десятками, а сотнями миллионов бойцов. Для примера – максимум, на что был способен Вальк во время последней войны, это армия численностью семьдесят тысяч, и то ценой предельного напряжения всех сил. О каком сопротивлении тут можно говорить? Но даже экономика и численность бойцов – это еще не все!

Посмотри сюда, – с этими словами Трэйт поднял руку и с гордостью указал Фехтовальщику на собственную армию, копошащуюся на равнине под ними. – Современная эшвенская бригадная тактика боя, а мы применяем именно эшвенскую тактику, – это *шестая тактическая система*, вобравшая в себя достоинства всех прочих. Многие считают ее совершенной!

Во-первых, это пехотная армия, а значит, численно она больше любой кавалерийской!

Во-вторых, пехотинцы в эшвенской системе строятся крупными колоннами, в шахматном порядке и в три линии, повторяя главное достоинство легиона – расчленение боевого порядка по фронту и в глубину. Значит, как и легион, мы можем вести бой на пересеченной местности и вступать в бой «эшелонами», последовательно вводя в сражение «свежих» бойцов!

В-третьих, каждая пехотная бригада в первых рядах имеет длинные пики, для отражения натиска кавалерии, причем второй ряд пик кладется на плечи первому. Таким образом наш бригадный строй впитывает главное достоинство фаланги – устойчивость в обороне и необычайную силу в атаке при ударе «накоротке». Бросок бригады, ошестинившейся стеной из пик, так же ужасен, как и удар фаланги, поскольку длиннодревковое оружие, направляемое несколькими руками, сокрушает любой доспех и взламывает любой строй!

В-четвертых, бригада – это квадратное построение, как и «баталия» валькинггов. Она имеет столько же рядов по фронту, сколько и в глубину. Это значит – ее напор мощнее! При столкновении с обычной фалангой, растянутой по полю и имеющей меньшее число шеренг, наша бригада просто раздавит врага своей тяжестью. Пятьдесят сплоченных рядов – это не шестнадцать! Глубина позволяет бригаде быть относительно устойчивой и при атаке тяжелой жандармерии. Та может растоптать первые ряды бригады, но пробить ее строй – никогда!

В-пятых, внутри бригада устроена как баталия и как легион одновременно. Пиками вооружены только бойцы передовых шеренг, а все следующие – алебардами и протазанами для боя против тяжелой кавалерии и короткими тесаками-кошкодерами, заменившими мечи легионеров, – для резни пехоты в тесном строю.

Таким образом, *шестая, или эшвенская, система боя* – это идеальный пехотный порядок. Он впитал в себя все преимущества трех пехотных тактических систем и практически лишен их недостатков. Мы сомнем фалангистов, вгрызаясь в них своими бригадами, как «зубчатые» манипулы легиона! Мы изрубим закованных в доспехи тяжелых всадников своими алебардами, пробивающими железо как картон! Мы сокрушим баталию Валька, окружив ее своими более подвижными бригадами со всех сторон! И остановим атаку Хайрана длинными пиками фалангистов!

При этом, сочетая все достоинства пехотных построений, Эшвен не забывает и про кавалерию. В рядах современной королевской армии есть и легкая конница – *рейтары* –

подобная хайранской, правда с мушкетами вместо лакированных луков, и тяжелые всадники в рыцарских доспехах – *жандармы*, – которым пику заменяет обрезанный мушкет, называемый карабином. Атакуя противника, современный тяжелый кавалерист не всаживает пику в торс врагу, а разит его пулей из карабина, который хоть и короток, но при выстреле в упор пробивает и щит и панцирь. При этом нужно учесть, что эшвенская кавалерия обычно всегда более многочисленна, чем кавалерия противника, благодаря тем же экономическим и мобилизационным возможностям. Качественно же подготовлена не хуже. Поэтому на полях сражений эшвенская конница обычно сметает вражеских всадников своей массой!

Добавь к этому экономические ресурсы храмов Хепри, обеспечивающих Эшвену неограниченное снабжение военным инвентарем и продовольствием. Добавь к этому фантастические мобилизационные возможности Эшвена и его осадную артиллерию, которая сокрушает стены вражеских крепостей и которой лишены наши противники. Добавь также флот, который, благодаря пороховым пушкам, господствует на море, разрушая коммуникации противника, но обеспечивая собственные. И ты проникнешься абсолютным великолепием этой простейшей и невообразимо эффективной *формулы победы* !

Так что дело тут вовсе не в простом освоении пороха!

Наши мушкеты и пистолы – это музыкальный инструмент, который в полевых баталиях лишь обеспечивает звуковое сопровождение битве, как труба или барабан, а по практическим результатам мало в чем опережает старые добрые рыцарские пики, хайранские луки и арбалеты Валька. Пушки же, мортиры и кулеврины – это действительно достижения, но только не в поле, для которого они слишком медлительны и неповоротливы, а при осадах крепостей и в морских баталиях.

Ну, я убедил тебя? – воскликнул Трэйт, закончив свою «лекцию».

– Отчасти, – согласился Гор, по-прежнему обуреваемый сомнениями. – И все же сдается мне, что ружьям и артиллерии следует уделять больше внимания, чем уделяет им Эшвен. Я, разумеется, не буду спорить с вами о достоинствах существующих на Невоне тактических систем, поскольку нисколько в них не разбираюсь, однако как человек, рожденный и проживший жизнь в другом, более передовом, мире, я заявляю, что будущее полевых баталий будет за огнестрельным оружием. А доспехи, пики и алебарды – это прах и седая древность. От них нужно отказаться и вооружить армию мушкетами!

– Забавно, – Трэйт даже снял шляпу и задумчиво потер затылок. – Похоже апостольское предназначение ударило тебе в голову, сынок. Мы во-оружим армию мушкетами, а ты сожжешь солдат короля небесным огнем, не так ли? Ладно, Гор, не дури. Ты всегда казался мне трезвомыслящим человеком, откуда такая блажь?

– Послушайте, Трэйт, я говорю серьезно! – воскликнул Фехтовальщик. – Современная тактика эшвенских армий, по образцу которой строится наша Армия Свободы, может, и считается лучшей из возможных, однако я хочу напомнить, что эта тактика предназначена для сражений с армиями, не имеющими огнестрельного оружия и обычно меньшими по численности.

Возможно, как вы утверждаете, эшвенская бригада разорвет фалангу, стопчет манипулы легиона, сожмет в тисках окружения «баталию» валькинга. Но мы должны помнить, что Армии Свободы придется сражаться именно с эшвенским бригадным строем, а вовсе не с фалангой, легионами или баталией. Королевская армия все же лучше вооружена, чем мы, поскольку снабжается из храмов Хепри, чьи ресурсы не ограничены, а мы – довольствуемся тем, что взято с захваченных арсеналов. Королевские солдаты все же лучше подготовлены, чем мы, поскольку большинство наших бойцов – новобранцы, не нюхавшие пороха. В конце концов наши офицеры менее опытные, поскольку ни один не имеет специальной подготовки и произведен в командиры совсем недавно. Таким образом, на стороне короля – больше плюсов, а на нашей – больше минусов, кроме разве что численности нашей армии, которая по идее должна быть постоянно больше, чем армия короля в силу преобладания количества сервов над свободными. Но численность – не всегда панацея от поражения. Согласны?

Трэйт нахмурился.

– Ну и что ты предлагаешь?

Гор втянул воздух в легкие, понимая, что сейчас может показаться или полным идиотом, или...

– Бригадная тактика построения пехоты большими квадратами, – начал он, – рассчитана на противодействие врагу, не имеющему огнестрельного оружия. Нужно использовать эту особенность! Ваши пехотные колонны – отличная мишень для орудий, по ним невозможно промахнуться. Они будто специально построены для ударов артиллерии! Представьте, по эшвенам никто никогда не стрелял из пушек, всегда стреляли только они. Эшвены не имеют понятия, насколько убийственным может быть мушкетный или пушечный огонь по таким плотным колоннам. Я думаю, даже Ташское поле показало, насколько уязвимы бригады перед артиллерией. Поверьте, я стоял в первых рядах: ядра валили по десятку бойцов за раз!

А мушкеты? Караколе – отживший себя боевой строй, бессмысленные перемещения шеренг изматывают стрелков. Для большего огневого урона мушкетеров следует располагать по всему фронту боевого порядка, а не только перед или между бригадами латников!

Хотелось бы сказать и о латах. Вес кирасы очень приличный, он существенно затрудняет перестроения в бою и просто изматывает в походе. Пуля же пробивает кирасу навывлет, алебарда разрубает его пополам, а длинное копье пикинера прокалывает насквозь. Так нужен ли такой доспех вообще? Не проще ли избавиться от него для того чтобы придать пехоте большую подвижность в бою или скорость в походе?

И, наконец, главное. Мы можем расстреливать вражеские бригады из своих орудий, но очень скоро и орудия врага станут расстреливать наши. Бригада в огневом бою – это ходячее коллективное кладбище. Нужно уменьшить число рядов, пусть и в ущерб ее пробивной силе и устойчивости. Сделайте бригаду тоньше и шире. Тогда каждое попадание будет приносить меньший урон. А лучше – вообще построить бойцов в линию, а не колоннами.

– Забавно, – повторился Трэйт, – я даже не могу представить себе, как будет протекать бой, если на поле не будет этих незыблемых железных квадратов. Что, одни только мушкетеры, вытянутые в линию толщиной в шесть стрелков, как в караколе?

– Именно! Но только не в одну линию, а в три и более. Противник приближается, мы обрушиваем на него огонь орудий и мушкетов. Он несет потери, пробивает линию, но тут же оказывается под огнем второй. И так далее.

– Да ты представляешь, что сделают алебардчики, когда добегут до мушкетеров? Это же будет просто резня!

– Если добегут!

– Добегут, не сомневайся!

Гор пожал плечами.

– Вы забываете, мастер Трэйт, что я все-таки пришелец из более развитого мира, чем Эшвен. Я не предполагаю некоторые вещи, я знаю о них. И надеюсь, что смог бы сформулировать ряд вполне разумных предложений по организационной структуре армии и способам ведения боя. Даже помимо названных только что. Вот, например, штык. Вы слышали что-нибудь об этом?

– Stick? Палка? Ты предлагаешь нашим бойцам драться на палках?

Гор вздохнул.

– Отнюдь, мастер Трэйт. Совсем нет. «Штык» – это подобие острия пики или шипа алебарды, вот только крепится он не на древке, а на стволе мушкета.

Трэйт внезапно расхохотался и хлопнул себя по бедрам.

– Ну ты даешь, дружище. Сколько пафоса! «Я из другого мира!» «Более развитого, чем Эшвен!» Сынок, ты только что описал банальнейший охотничий багинет, который не используется в армиях вот уже лет пятьсот. Мушкетер стреляет, а затем, чтобы не оставаться беззащитным перед лицом атакующих (если он не успел убежать, конечно), втыкает в дуло своего ружья нож с круглой ручкой, подходящей по размеру к дулу и колет им врага. Ты это

имеешь в виду?

– Нисколько. Ваш так называемый багинет, действительно, в условиях реального боя вещь практически бесполезная. Пробить им доспех нельзя, поскольку он плоский, а значит, хрупкий. Стрелять – мешает. Прикрепить до выстрела невозможно. Это значит, что после выстрела багинет потребует времени для установки, причем именно в тот момент, когда времени совсем нет и тебя вот-вот коснется атакующий враг. Штык – это то же самое, но только на первый взгляд. А по сути – совсем иная штука.

Гор начал загибать пальцы:

– Во-первых, штык трехгранный, как моя шпага, а не плоский как меч. Это значит, что он очень прочный и не ломается на изгиб так легко, как это делает двухгранное лезвие охотничьего ножа, сабли или любого другого режущего оружия. А если железо каленое, то штык с легкостью пробивает и нагрудник пикинера, и кирасу всадника. Во-вторых, штык не вставляется в дуло, он крепится на стволе, а значит, не мешает стрелять и не требует времени на установку *во время боя*. Вы всегда готовы как для выстрела, так и для рукопашной!

Дальше. Вы используете артиллерию, но очень плохо. Один раз поставленная на поле, она никуда и никогда не перемещается! В итоге каждое орудие, в которое вложено столько сил, чтобы просто дотащить его до места битвы, за время сражения делает два-три, а то и вообще один выстрел. Это же глупость! Нужно сделать колесные лафеты так, чтобы орудия могли стрелять, не распрягая волов. Да и вообще, следовало бы заменить волов на лошадей, они мобильней. Выпалил – ушел на другое место. Снова выпалил – ушел. Представьте, какой может быть эффект!

Трэйт задумался. Потер подбородок, помолчал.

– Знаешь, – сказал он наконец, – про пехоту ты ерунду говоришь. Бригады латников должны остаться на поле. Без них позиция не будет иметь устойчивости, просто рухнет при атаке. А вот насчет артиллерии ты прав. Действительно, нужно создать отдельный конный корпус на мобильных лафетах. Вот что, вот что. Ты самый молодой из наших полковников, и я не вполне уверен, что могу доверить тебе полк пикинеров в десять тысяч душ. Однако стрелки – другое дело. Да и идеи у тебя интересные. Коль скоро по прихоти Сабина ты отхватил этот несчастный патент, так и быть, мушкетеров с пушками я тебе доверю.

Ну-ка, прикинь: тут недалеко, под Тиронни, мы взяли большой королевский цейхгауз, а в нем почти восемь тысяч мушкетов и всего около тысячи латных доспехов с пиками да сотни две алебард. Я вот ума не мог приложить, куда их приспособить – оставить для обороны Бронвены вроде бы жалко, все-таки восемь тысяч мушкетов – это сила. А с другой стороны, что могут мушкетеры без латников? Ни хрена, что бы ты там не говорил. Вот и проверим. Я передам тебе полсотни тяжелых кулеврин, выделю плотников, чтобы лафеты мастерили. Коней вместо волов. Немного кавалерии для разведки и передачи сообщений, а также кузнецов для твоих (как говоришь?) штыков трехгранных. Вот и готов сводный мушкетерско-артиллерийский полк к патентованному полковнику. Как тебе название?

– Мушкетерско-артиллерийский? Да так, ничего... – Гор почесал затылок и вздохнул.

Теория теорией, а командовать одними бездеспешными стрелками в мире, где на полях традиционно господствовала панцирная пехота было, как бы это сказали в мире Каталауна... «не в жилу», что ли? С другой стороны, настроение у командующего было такое, что он вообще мог порвать патент и отослать Гора на хрен обратно лейтенантом под охрану Самсона. Так что жировать не приходилось.

– А знаете, что, мастер Трэйт? – произнес он вслух. – Я согласен. Только добавьте мне побольше артиллерии и возможность самому набирать мушкетеров из вновь освобожденных сервов без ограничений. И пусть будет не полк, а корпус. Допустим, «Стрелковый корпус Апостола». Как вам название?

– Стрелковый? А что, не плохо. Только «корпус» как-то необычно звучит. Странно, я бы даже сказал, почти как «торс» или «бюст». Корпус – это что?

– Да та же бригада по числу душ, только со стволами вместо алебард.

– Не слышал такого.

– Не сомневаюсь, что вы быстро привыкните, мастер Трэйт, – улыбнулся Гор.
Оба прищипорили лошадей и, довольные каждый собою, неспешной рысью тронулись обратно в лагерь.

Глава 12 В ожидании бури

Следующие недели пролетели быстро. Гордиан получил новую офицерскую саблю с позолоченной гардой, лакированный нагрудник и мундир полковника. Надобно сказать, что в мире Невона воинская иерархия существенно отличалась от привычной Гору иерархии в мирах Корпораций, и хотя язык и названия воинских чинов, должностей и званий звучали одинаково, суть была разной. В частности, местные полковники командовали отнюдь не полками в обычном смысле этого термина, а «региментами», или «батальными колоннами», то есть *построениями* во время полевых сражений.

Обычно – построениями бригад или построениями караколей (традиционно в полку было три бригады). Нередко поэтому вместо «полковника» то тут, то там употреблялось непривычное для уха Гордиана слово «колонель» (начальник колонны) или, искаженное, «коронёр». Следовательно, если вы были полковником, например, *пикинеров*, то и руководить вам предстояло тремя огромными квадратами пехоты по шестьдесят человек в ряду и в шеренге, а иначе говоря – примерно десятью—двенадцатью тысячами человек.

Напротив, если вы являлись полковником *кавалерии*, то и командовать вам пришлось бы конным полком-колонной, то есть примерно одной тысячей человек. Разница с пехотными полками была, таким образом, на лицо.

Однако сформированный Гордианом первый и единственный в этом мире стрелковый корпус от старых пехотных полков отличался еще более кардинально, чем кавалерийские полки.

Корпус по численности был равен обычному полку (примерно десять тысяч человек), но структурно делился на целых четыре *мушкетерских полка* по 3200 человек в каждом. Каждый полк делился на четыре батальона, а батальон, соответственно, – на четыре роты, состоящие в свою очередь из четырех plutonгов. Никаких караколей, таким образом, в структуре корпуса не существовало.

Кроме мушкетерских полков, в составе стрелкового корпуса Гор организовал также постоянные артиллерийские полки, каждый из которых делился на шесть рот. Четыре из них были канонирскими (кулеврины), одна бомбардирской (картауны) и еще одну составляли саперы, инженеры и подрывники. Таким образом, артиллерия превратилась в регулярный род войск, укомплектованный преимущественно технически более грамотными сервами – в первую очередь таргитариями и кадетами оружейных мастерских. Настоящая революция при этом была совершена в маневренности орудий в бою и в походе. Всех волов Фехтовальщик послал к черту, отправив в обоз. В орудийные упряжки отныне полагалось запрягать только антийцев! Легкие кулеврины и мортиры теперь перевозились в специальных «мортирных» седлах, и даже прислуга пушек была посажена в седло для большей мобильности.

И мушкетеры и артиллеристы нацепили на стволы своих ружей специально сконструированный Гором втулочный штык. «Stick» отныне не вставлялся в дуло, а надевался цилиндрической основой на ствол, закрепляясь специально припаянной к мушкету втулкой. Работы для переделки ружей и изготовления штыков потребовалось много, однако отныне мушкетер мог одновременно вести огонь и обороняться. Очевидное для всех и незыблемое до этого момента утверждение о неспособности мушкетеров к удержанию позиций при рукопашной атаке кануло в лету. Каждый стрелок армии стал бойцом.

Изменения коснулись меж тем не только корпуса. Все долгие осенние, а затем и зимние месяцы, пока традиционно боевые действия не велись, Армия Свободы претерпевала решительные и смелые перемены.

Прежде всего Трэйт, следуя совету Сабина, данному перед Ташской баталией, решил

компенсировать отсутствие кавалерии простейшим и, пожалуй, единственным доступным ему способом.

Набирать жандармов ему было не из кого, тренировать рейтар не было времени, и маршал не мудрствуя лукаво посадил «в седло» имевшихся у него в избытке «лишних» мушкетеров. Возникшее в результате незамысловатого эксперимента подобие кавалерии с легкой руки Гордиана Рэкса получило название драгуны, то есть дословно «конная пехота» – мушкетеры, севшие на коней. Никакого сравнения с великолепными всадниками Его величества означенный новый вид конных полков не выдерживал, однако для разведки, рейдов и просто для стремительной переброски стрелков с одного места на другое – годился.

Дальнейшие изменения коснулись пехоты. Наслушавшись Гордиана и с полной серьезностью оценив идею о том, что драться рабской армии придется не с фалангой и легионами, а с точно таким же эшвенским бригадным построением, Трэйт рискнул изменить структуру войска и создать *смешанные полки*. Базовым тактическим подразделением в них стали не железный квадрат пикинеров и не сверхлегкие мушкетерские «караколы», а «смешанный батальон», состоящий как из панцеров, так и из стрелков.

По мысли Гора, сочетая в своих батальонах мушкетеров с копейщиками, Армия Свободы могла теперь сделать упор именно на смертоносную эффективность ружейного залпа. В новом построении огневую мощь предполагалось удвоить и даже утроить: стреляли сразу два или три ряда мушкетеров. Это были уже не просто залпы, а настоящий огневой вал – заградительный огонь, способный при отстрелке в упор перемолоть всю линию наступающего противника.

В поле новые «смешанные» батальоны выстраивались в несколько линий. Как минимум – в две. Эшелонирование позволяло увеличить возможности для «расстрела» врага из мушкетов. «Квадратных» бригад более не существовало. Только линии, тонкие и хрупкие как шелковые ленты, смертоносные огнем своих мушкетов, как наполненная ядом змея!

При поддержке «смешанных» полков, «рабской» кавалерии и конной артиллерии территория Равных стремительно расширялась. Уже к концу осени, беззащитные перед лицом военного могущества сервов и не имеющие никакой поддержки со стороны центральных властей, к ногам Трэйта и Совета виликов пал весь Нижний Боссон. Следовало признать, что вне зависимости от результатов войны их бунт уже стал крупнейшим восстанием против королевской власти в истории Эшвенского континента, да, пожалуй, и всей планеты-каверны! Подавляющее превосходство рабского населения в численности позволило повстанческой армии одна за другой уничтожать гарнизоны городов и незначительные королевские отряды. Наличие многочисленных военных складов и арсеналов, обусловленное близостью границы с подконтрольными воролю, но варварскими территориями, давало в руки повстанцев не только современное огнестрельное вооружение и боеприпасы, но даже в избытке продовольствие и обмундирование. Впервые за три тысячи лет регулярные армии Эшвена были лишены того постоянного технического и тактического превосходства, которым они пользовались в колониальных войнах с другим противником!

Спустя еще два месяца за исключением твердынь храмов Хепри перед повстанцами пали уже все северные провинции. От растерзания храмы спасли лишь техника, недоступная обычным армиям – силовые поля вокруг стен и лучевые установки на вершинах донжонов. Теперь продвижение повстанцев по всем направлениям кроме юга (там, за стенами городов, переживали зиму остатки Королевской армии) ограничивали только горы Великого Костяного хребта и северный океан Валька.

Большой Костяной хребет, отделяющий центральные провинции Эшвена (Артош и Боссон) от обоих Марли (Артонская и Аданская марка соответственно), издавна считался труднопроходимым. Тем более для массовых армий. Зимой же горные тропы Костяного хребта считались непроходимыми *вообще* даже для небольших купеческих караванов. Также издавна никто и никогда не вел боевых действий зимой.

Никто, кроме Трэйта!

В последний месяц этого сурового 4380 года, снежными перевалами и ледяными

душу краткими зимними днями, невзирая на жестокий мороз и угрозу обвалов, Армия Свободы взойшла на Костяной хребет и внезапно для наместников Бориноса обрушилась на беззащитные пределы Северного Марли.

Герцоги и графы Артонской марки – вассалы Бориноса, обязанные ему военной службой, дремали со своими отрядами в теплых шато, а части регулярной армии спали на зимних квартирах, раскиданных по всем обширнейшим префектурам этой огромной провинции. И Трэйт взял их голыми руками, спросонья. Практически без боев и потерь, только совершив головокружительный переход через горы! Маршал получил в свои руки богатейшую и густонаселенную часть Королевства с огромными запасами продовольствия и вооружений, золота и людей. К первым числам месяца Месори Трэйт уже занял Озерный город, столицу Восточной Артоны, затем Утрику, объединенную столицу Южного и Северного Марли. Таким образом уже к празднику Рождества Хепри Мишан Трэйт вышел со своими полками к крупнейшему городу планеты-сферы и древней столице обеих Марли – великолепному Солимбриону, что был в два раза крупнее Бургоса. Через систему храмов мэр Солимбриона был своевременно извещен о грозящей городу опасности и подготовился к осаде.

Между тем полчища Трэйта в процессе продвижения по Южной марке размазывались по городам и провинциям этой огромной страны. Для несения гарнизонной службы, для подавления мелких очагов противодействия, которыми в большинстве своем были ничтожные дворянские дружины. Крупные соединения Трэйт оставлял в столицах, кроме того, три полка целиком ушли на захват и последующее охранение так называемых «Больших Братьев» – гигантского проема в горном хребте, через который проходил единственный тракт, соединяющий Артону с Северной маркой, огромной и дикой страной под гордым названием Шимбо («Медвежья»). В итоге Трэйт вышел к побережью океана с незначительными силами, большую часть из которых оставил в ближайшем к океану крупном порту. Порт располагался в дельте главного водного тракта Марли, реке Тайрот, и назывался Тайр.

К Солимбриону Трэйт отправился с преимущественно кавалерийским отрядом численностью всего двадцать тысяч человек. Рассчитывать взять с такими силами четырехмиллионный город было, конечно, нелепо. Но Трэйт рассчитывал не на свои силы, а на почти мистический ужас, который вызывало его появление у власть имущих в любой части королевства Бориноса. Он прибыл к Солимбриону не брать город, а, так сказать, взять на испуг.

Переговоры были недолгими. Уже на следующий день Солимбрион выплатил Трэйту огромный выкуп за свою безопасность и поклялся отпустить всех рабов города, кроме тех, кто пожелает остаться с хозяевами. Вечером Трэйт оставил в Солимбрии одного из своих старших офицеров и отбыл летучими эскадронами на Восток. А в течение следующих трех недель из Солимбриона под контролем Партии Равных было выпущено более трех миллионов человек, впервые в своей жизни вдохнувших воздух свободы!

В Эшвен спешил Новый год. Зима засыпала долины и покрытые ледяным панцирем реки снежной порошей. Кампания 4380 года подходила к концу.

ГрейтБориБерг. Стройка новой столицы. Королевский дворец «Флёри»

Два дюжих молодца живо подскочили к Жернаку и отработанными движениями заломали убеленному сединой генералу руки за спину. Скрутили веревкой кисти, затем сбили с ног, поставив в позорную позу на четвереньки, повалив носом в холодный осенний дерн.

Тот не сопротивлялся. Орать начал только тогда, когда третий розовощекий детина все теми же до отвращения отработанными движениями начал стаскивать с него портки, а потом с размаху воткнул внутрь генерала грубый сосновый кол.

Жернак дернулся, заверещал как девка, напрягаясь изо всех сил в отчаянной и

безумной попытке, решив порвать свои путы и вырваться из рук палачей, но конечно же не смог. Грубо обтесанный деревянный ствол вошел в прямую кишку, раздирая внутренности и выдавливая через лопнувшую кожу их содержимое. Дитина навалился всем телом, прокручивая свое позорное орудие по оси и с каждым таким вращением вдавливая его все дальше в потроха бывшему генералу.

Раз, и р-раз, и р-раз. Когда кол вошел почти на двадцать сантиметров, Жернак уже не кричал, а только мелко-мелко подрагивал в руках мучителей, как от сильного мороза. Тогда его осторожно подхватили за локти и, поддерживая болтающийся из зада длинный (почти двухметровый) кол, лицом вниз протащили к специально укрепленному в земле металлическому пазу, глубоко уходящему в землю. Там, поддерживая тело тремя парами рук, воткнули кол в паз. Затем сильные руки палачей отпустили локти несчастного, и под собственной тяжестью он рухнул вниз, насаживая сам себя на острый кол все глубже и глубже!

От резкой, нечеловеческой боли Жернак пришел в себя, дернулся и попытался закричать, но, видимо, каждое движение легких и диафрагмы приводило к очередному болевому спазму, и он только захрипел, вибрируя кадыком и издавая звук, похожий то ли на скрип телеги, то ли на жалкие завывания шакала. Один из палачей, встав на табуретку, неторопливо разрезал веревку, стягивавшую несчастному кисти, и отошел в сторону. Руки генерала повисли вдоль тела плетями, болтаясь как у эпилептика в момент приступа. Сильно запахло фекалиями.

Волна мерзости и ужаса, исходившая в этот момент от мелкодрожащего полутрупа, казалось, была материальной и буквально захлестывала стоящих рядом невольных свидетелей казни. Бывший сенешаль и генерал был насажен на кол как огородное пугало, с той лишь разницей, что еще оставался жив. Палачи потеряли натруженные руки и отошли в сторону – готово. Очередное творение изуверского хобби короля Бориноса было завершено.

Сам его величество король Артоша, Артоны и Арана Боринос Первый Победоносный, Единый король Эшвена и абсолютный властелин планеты-каверны Невон, законнорожденный сын Господа Хепри, сидел при всем при этом на широкой «восточной» тахте, жрал виноград и с интересом наблюдал за знакомой «до боли» процедурой.

Боринос был молод (внешне), высок и уверен в себе. Довольно красивое лицо портила излишне бледная от сидения за компьютерным монитором кожа и по-детски розовые веснушки, усыпавшие нос. Веснушки можно было удалить, кожу – «отемнить» в геносолярии, однако Его величество, правивший этим грешным миром уже более тысячелетия, заботился о «естественности» и все искусственное не любил.

Жизнь должна быть натуральной! Настоящее лицо, настоящая пища. Настоящие чувства, настоящая боль!

Он улыбался и причмокивал от удовольствия с каждой отправляемой в рот натуральной виноградиной и с каждой естественной ужимкой умирающего Жернака. Природа! Однако через пару минут сенешаль окончательно затих, и только дергающиеся веки над закатившимися зрачками показывали окружающим, что несчастный уже скорее мертв, чем жив. По опыту король знал, что Жернак будет жить еще достаточно долго – как минимум несколько часов, а то и все сутки, но основная часть живодерского шоу, которая должна была усладить его измученную скукой жизнь, была закончена. Несчастный сидел на колу без сознания.

Ничто не вечно под Медиас Кордис, даже такое скромное удовольствие, как изуверская казнь подданных! – подумал Боринос. Он отбросил в сторону, прямо на пол, недоеденную виноградную кисть и повернулся к сидевшему на соседней тахте кардиналу.

– Слабак, – сказал он, показывая виноградинкой на пронзенного колом Жернака и выплевывая косточки. – Плохо держался, весь в слюнях и в дерьме. И вот такие, извините за слово, «засранцы» управляют у нас провинциями, Ваше преосвященство, представьте себе!

Амир дернул щекой. Он в принципе и сам был горазд наказывать подчиненных, но чтобы вот так...

– А что, есть такие, кто держится на колу хорошо? – поинтересовался он.

Король фыркнул: это был его конек.

– Разумеется! – воскликнул он с жаром. – На моей памяти как минимум трое оставались в сознании более двенадцати часов. Один вообще умудрился слезть с кола. Сам. Уж не представляю как. Мы, правда, потом подкололи его мечами, но факт зафиксирован. Так что мне есть, чем гордиться! В моем королевстве встречаются героические личности! Кстати, подобные казни очень положительно влияют на резвость подчиненных. Полагаю, вам следует взять эту меру на заметку и применять почаще. Хм (тут король не смог удержаться от шпильки), тогда бы и сервы в вашей епархии меньше баламутили.

Кардинал пожал плечами.

– У церкви другие методы, Ваше величество, – возразил он. – К тому же по всему Эшвену с сервами и так обращаются достаточно жестоко. Между прочим, именно жестокость обращения со стороны шательенов является важнейшей причиной ненависти сервов к своим господам. Сервы, как известно, не голодают, они хорошо одеты и живут в относительно сносных условиях. Так что единственным источником проблем, с которыми мы столкнулись сейчас в Боссоне, можно назвать жестокость и унижения.

– Вы путаете суть явления, мой милейший друг, и его форму, – возразил король. – Неважно, что стало причиной ненависти сервов, важно, почему они добились таких разрушительных успехов на пути реализации этой ненависти. Если бы вы были бдительней и живей среагировали на отключение хомутов, восстание было бы подавлено еще в зародыше. Да и сейчас ситуация может быть решена простейшим образом. Почему бы вам просто не умертвить всех сервов, кто еще не снял хомуты? Допустим, армия восставших приближается к какому-нибудь городу. Активируйте хомуты, убейте электричеством всех сервов в городе – и бунтовщикам некого будет освобождать.

Кардинал посмотрел на Бориноса как на умалишенного, расширенными от удивления глазами:

– О чем вы, Ваше величество? Рабы составляют девяносто девять и девять десятых населения вашей державы. Если мы будем сжигать хомуты всех сервов при приближении армии восставших, вы скоро лишитесь жителей.

– О, неважно! Сервы производятся в храмах так же, как сахар и кирпичи. Наделаете еще.

– Да, но мы производим их не бесплатно. Шательены, в течение десятков лет приобретающие сервов для личных нужд, в школы и в поместья, платили за них! Миллионы рабов Эшвена – это миллиарды золотых солидов, это собственность дворянства. А какие затраты энергии! А сколько синтетической массы! К тому же возможность производства клонов внутри храмов весьма ограничены. И если мы уничтожим всех рабов в том же Боссоне, понадобятся десятки лет, чтобы восстановить их прежнюю численность.

– И вы считаете, что для шательенов лучше, когда их вешают на деревьях, чем когда их лишают собственности?

– Именно! Большинство шательенов могут воспользоваться страховкой на воскрешение. Смерть для них означает лишь возможность очнуться в одном из храмов Господа в новом молодом теле.

– И заплатить за такое воскрешение нашей любимой церкви?

– Именно так.

– То есть для вас это бизнес?

– Для нас это разумная экономия, сир. И минимизация затрат... – Кардинал поерзал на ложе и поменял положение тела. – Поверьте мне, Ваше величество, это самый разумный вариант действий. Сервы не организованы и, если мы сможем добиться военного поражения их армии, то без труда наденем новые ошейники на тех рабов, кто снял их к этому моменту. Положение будет восстановлено, казненные восставшими шательены – воскрешены, а потери церкви и Королевства – минимальны.

Король помолчал, обдумывая сказанное Амиром. М-да, в этом было разумное зерно.

Ни к чему уничтожать население целой марки, если достаточно покончить с относительно небольшой и плохообученной армией сервов. И статус-кво будет восстановлен! А уж с этим-то делом он справиться. Все-таки дворяне – это потомственные вояки, не чета грязномордым невольникам. К тому же почти все шательены будут воскрешены, а значит – в битве они практически бессмертны.

Достаточно собрать карательную армию нужной численности и поставить во главе нее командира, более достойного, чем предыдущий (тут он с презрением посмотрел на постепенно сползавшего по колу Жернака), и вопрос будет решен. Разумно. И все же поучительный тон Амира раздражал его.

– А чем же станет заниматься церковь, пока мои солдаты будут умирять рабов? – спросил король едко.

– Главным, сир, – отвечал кардинал. – Тем, кто снимает с них ошейники. Так называемым «Тринадцатым пророком». Кстати, у него есть прозвище. Вы будете удивлены, но бунтовщики зовут его «Фех-то-валь-щик». Странное слово, не правда ли?

Король перестал жевать. Очередная виноградина застряла у него в горле. Дернулся кадык, и она прошла дальше, пустив воздух в легкие подавившегося монарха.

– Вы уверены? – на выдохе спросил он.

– Ну конечно, сир, – поклонился Амир, не вставая.

Король медленно вытер холодный пот с широкого лба. Испуг?

– Более чем странное имя для этого мира, – произнес он хрипло. – И совсем не странное для некоторых других. Господь Хепри в курсе?

– Я отсылал доклад, но вы знаете, Его Божественность не всегда знакомится с письменными посланиями. Вы находите это важным?

Боринос выругался.

– Это, сударь, может иметь отношение к нашей с вами *главной проблеме*!

Амир лишь покачал головой.

– Коды Пшент и Атеф слишком далеки от Невона, – ответил он умиротворенно, – так же как их ужасный Творец. Я не думаю, что все это как-то связано.

– Не думаете? – Король фыркнул. – Что ж, как всегда, сударь, вы не поражаете меня догадливостью. Если Бог Смерти играет в дурака, жонглируя душами мертвых, Бог Света должен бы знать об этом первым. Свяжитесь с Хепри и немедленно, слышите, немедленно, сударь, сообщите ему обо всем! Он не читает письменных посланий? Так сообщите ему об этом устно, дьявол вас заберет!

Амир поежился. После красочного шоу-представления с колом и Жернаком гнев монарха действовал на него как-то особенно живо.

– Потоки времени различны в разных мирах, сир, вам это известно, – мрачно ответил он. – Господь выходит со мной на связь не чаще, чем один раз в год. Очень редко – раз в полгода. И это не прихоть, а техническое ограничение, которое мы не можем игнорировать. Но в следующий сеанс я обязательно ему сообщу. И не нужно так горячиться, – тут он с некоторым вызовом посмотрел на своего коронованного собеседника. – Надеюсь, ваше высказывание насчет дьявола носит фигуральный характер?

Но король-изверг лишь хрипло рассмеялся.

– Смерть и дьявол, – воскликнул он с внезапным жаром, – суть отражение одной сущности! И в этом смысле, мое высказывание, сударь, вряд ли можно считать фигуральным. Если дело будет проиграно, то ублюдочный Аннубис заберет наши души вполне по-настоящему. Это единственное, в чем вы можете не сомневаться!

Часть вторая Орудие дает залп

Глава 13

Враги сближаются Искусственное Мироздание. Центральная планета-каверна Невон-0143. Большой тракт на Бургос, первое Мехира 4381 года

Спустя шесть месяцев льдов и холода, шесть месяцев стрельб по мишеням и рубки на ипподромах, шесть месяцев многокилометровых учебных переходов и штыковых тренировок на казарменном плацу Трэйт вывел свое обновленное войско в поле.

Все это время в тренировочном лагере под Бронвеной, не останавливаясь ни на день, ни на минуту, ковалась новая Армия Свободы. С драгунской кавалерией. Со штыками на мушкетах. И со стрелковым корпусом, влекущим орудия не на мулах, а на лошадях.

Захваченные сервами Боссон и Северный Марли были огромными землями. Однако сердцем королевства рабовладельцев оставались по-прежнему Бургос и Рион – главные города центральной марки Эшвена.

Король и кардинал ждали сервов здесь, готовя новую армию возмездия и лелея мечты о мести в бордово-красных тонах.

И с первым весенним днем, как только спал снег на больших континентальных трактах, обе армии выступили навстречу друг другу.

Правда, сейчас в отличие от разномастной толпы, облаченной в мундиры солдат, остающихся бывшими гончарами и свинопасами, таргитариями кузнечных мастерских и каменотесами штолен, кадетами и консидориями бойцовских школ и топтавших по кочкам Ташских болот в шикарных «спортивных» доспехах, за Трэйтом уже шагали совершенно иные люди. Их лица не изменились, не увеличился рост и не расширились плечи, не выросла их воля к победе, и не стала крепче ненависть к шательенам. Однако некая невидимая, но почти осязаемая для каждого мыслящего субстанция, сквозящая в коротких криках старшин и командах суровых капралов, витала вокруг бойцов. Субстанцией этой стала выучка и военная дисциплина – незыблемый и непоколебимый фундамент, на котором покоится сложнейший организм любой могучей военной силы...

Армия Свободы перла на юг двумя чудовищными колоннами.

Первая развернулась широкой лентой по Артошскому тракту, выбивая пыль из древней дороги. Вторая двигалась параллельно, немного дальше от двухкилометровой ленты великой реки по широким полям, окаймляющим побережье.

Первая колонна включала в себя основную массу пехоты (46 полков), всю артиллерию (четыре сотни стволов) и огромный обоз, составленный из двадцати пяти тысяч повозок.

Вторая, состоявшая из половины легкой кавалерии и бесчисленных мушкетерских фирфенлейнов, рот смешанного состава, двигалась отдельными отрядами, как бы окаймляя первую и выступая перед ней уступом вперед почти на километр.

Оставшаяся половина легкой конницы шла на значительном удалении перед обеими колоннами в качестве арьергарда и осматривала местность. От арьергарда во все стороны от направления движения армии на пятнадцать—двадцать километров высылались летучие отряды, опережая основные силы ровно на один дневной переход.

Всего армия насчитывала сто восемьдесят тысяч бойцов полевого корпуса. Громадный обоз и силы артиллерийской поддержки составляли так называемый корпус сопровождения, включающий в себя два артиллерийских соединения общей численностью двенадцать тысяч бойцов и, по меньшей мере, еще двадцать семь тысяч человек обслуживающего персонала, в том числе шлюх и гаврошей. Таким образом, общее количество людей, призванных маршалом Трэйтом для Артошской кампании в совокупности достигало почти двести двадцать тысяч человек.

По мнению маршала Трэйта, главным недостатком Армии Свободы являлась необходимость в постоянном движении. Снабжение такой массы войск требовало уйму ресурсов ежедневно. И если король мог их получать от храмов Хепри неограниченно, то знаменитому маршалу рабов приходилось сильно напрягаться, чтобы обеспечивать свое воинство всем необходимым. От участи грозного, но вечно голодного волка его спасала только организованная в Эшвене служба армейских «магазинов».

Давным-давно, чтобы постоянно не обращаться в храмы за «подпиткой» и быть относительно независимым от их своеволия, Его Величество Единый король Эшвена Боринос Вечный распорядился создать склады для обеспечения армии. Склады эти были разбросаны на расстоянии трехдневных переходов друг от друга вдоль крупных дорог по всем континентам. К сожалению (к сожалению Вечного Короля, разумеется), Эшвен не ведал войн в течение более чем тридцати лет и магазинная система к настоящему времени мучилась одним существенным недугом – полной не востребованностью и сильным затовариванием складов.

При этом в полном соответствии с воинским уставом и соответствующей инструкцией каждые два года происходила замена старых запасов на новые. Впрочем, годные к использованию старые запасы не списывались, а сохранялись на складе. В результате ко времени рабской революции армейские магазины по всей стране оказались завалены мушкетами и разнообразной амуницией. А, как известно, то, что не нужно одному, обязательно пригодится другому! В результате, с огромным внутренним удовлетворением маршал Трэйт присвоил для обеспечения своей армии все старательно собираемое и хранимое в течение многих лет королевское добро. В Боссоне в изобилии были взяты и орудия, и боезапас, и шанцевый инструмент, и многое другое из длинного списка вещей, обеспечивающих жестокие нужды и надобности войны. Провианта, предусмотрительно запасенного не только магазинами, но и интендантами захваченных военных гарнизонов, также хватало с лихвой.

Но было одно «но»! Пользоваться всем этим изобилием Армия Свободы могла только в границах подконтрольного ей Боссона.

Как только Трэйт вышел за пределы молодой Республики, ситуация резко изменилась. Сенешаль Артошской марки и прославленный в прошлом полководец Доминик Бавен заранее приготовился к возможному вторжению презируемого, но, несомненно, грозного врага. Бавен опустошил все армейские магазины от границы Боссона до Риона.

Впрочем, Трэйт был прекрасно осведомлен об этой тотальной чистке и принял надлежащие меры. Огромный обоз, следовавший вместе с армией, должен был обеспечить ее боеприпасами, а возможных рекрутов из освобожденных в южных землях рабов – оружием и униформой.

Продукты обоз вез с собой по минимуму из расчета на один-два дневных перехода. При этом большая часть хлеба и сушеного мяса находилась не в походных телегах, а в ранцах за плечами бойцов. В дальнейшем пропитание армии предполагалось добывать непосредственно по ходу продвижения, в поместьях шательенов и купеческих складах, поскольку разоривший государственные склады Бавен не мог проделать то же самое с частными зерновыми складами.

В итоге вокруг марширующей армии как мухи кружили фуражиры, собирающие продовольствие для солдат маршала и по ходу пьесы приводящие к Гордиану Рэксу рабов для замены рабского ошейника на ружье повстанца.

Три сотни километров южнее. Тот же день

Всего на три сотни километров южнее Армии Свободы, навстречу ей по тому же Кербульскому тракту выступало другое воинство.

Но это воинство шло на север.

Бавен, сенешаль Артоша, дождавшись прибытия подкреплений из приморских провинций, шел навстречу своему необычному врагу, чтобы сровнять с землей и прахом полчища обезумевших сервов.

Полки для карательной армии были собраны со всего континента – из Литавры и Эльбиники, из Тысячеградья и Карабана, с грандиозной столичной стройки Кароберга и из провинций западной Артонской марки. Даже из далекого Силломариса прибыл десантный корпус морпехов.

Да, думал Бавен, понадобилось сдать сервам целую страну – огромный и цветущий Боссонский край, чтобы наш король поверил в силу бунтовщиков и наконец-то зашевелился. Тысячи сгоревших усадеб, сотни вздернутых шательенов и великолепная Бронвена, один из крупнейших древних городов континента – вот цена за монаршью недалёковидность.

Но с этим покончено! Сейчас, когда подавление восстания названо Его Величеством целью номер один, когда под его, Бавена, знаменами собрана крупнейшая со времен Валькингговской кампании армия, он не даст зарвавшимся сервам ни шанса.

Бавен был стар, и хотя его тело, пятьдесят лет назад обновленное в храмах Хепри, оставалось еще физически достаточно молодым и здоровым, он уже не ехал верхом, гарцуя перед своей армией, как когда-то, а тихонько сидел в кибитке, поглядывая на марширующие ряды через дверное оконце.

Старость духа и старость тела – разные вещи. Он многого добился в жизни, но очень устал от постоянной необходимости проталкивать свое мнение опытного военачальника через ряды дворцовых интриганов. Он бы уже давным-давно с удовольствием оставил карьеру и сделался обычным шательеном, прожигающим жизнь в своем поместье в окружении наложниц, но не смел. Церковь обещала продление жизни потомственным дворянам из очень ограниченного списка древних фамилий, либо людям, заслужившим бессмертие службой. Бавен дважды реинкарнировался и боялся, что в случае отставки ему откажут в третий раз.

Однако оставаться на службе уже не было никаких сил! Большую часть последних тридцати с лишним лет он пресмыкался перед придворными хлыщами, занимавшими посты в Генеральном штабе, и заискивал перед королем. Сейчас он впервые за три десятилетия вел армию в поле.

Рука оставалась твердой, ум – трезвым, однако дамоклов меч придворного страха кружился над ним. Если поход окончится неудачей, с ним поступят так же, как и с Жернаком – сомнений не было. Но даже если он добьется победы, то что это означает? Еще несколько десятилетий бессмысленного пребывания на посту сенешаля? Тупое подобоострастие перед владетельными шательенами? Война с дураками!

Бавен тихо выругался и покачал головой. К чему всё это?

Карательная армия ползла по тракту одной могучей змеиной тушей. Сначала шла тяжелая кавалерия – жандармы, составлявшие треть всего воинства, затем длинными цепями, расползаясь сотнями изогнутых толстых нитей, маршировала в плотных строях инфантерия. Впереди – гигантские колонны тяжелых пехотных бригад, состоящих из закованных в латы пикинеров и алебардчиков, а за ними – малочисленные мушкетерские фирфинлейны. Замыкали грандиозное шествие обоз и артиллерия в триста двадцать стволов.

Бавен, желая придать своей армии максимальную маневренность, постарался сократить походные запасы насколько возможно. Из этих же соображений был сильно урезан и орудийный парк, составленный Бавеном практически исключительно из кулеврин и вдвое меньших полукулеврин. Мортир не было взято вовсе, не говоря уже о тяжелой осадной технике – картаунах. В случае успеха все это должно было подтянуться к стенам Бронвены и Кербуля позже. В случае же неудачи и вовсе нечего было таскать по лугам и пыльным дорогам эти массивные огнедышащие чудовища.

Впереди карательной армии, опережая главную колонну километров на двадцать, также неслись летучие отряды разведчиков и рейтар.

Оба воинства медленно, но неуклонно приближались друг к другу и к роковому финалу для одной из армий.

Внешне обе армии очень походили одна на другую. Равные по численности и идентично вооруженные, для не внимательного наблюдателя они не имели различий. И все же множество деталей отличало воинство сервов от выдвигающейся ей навстречу армии короля.

Почти половину бойцов Трэйта теперь составляли мушкетеры, вооруженные ружьями с примкнутым к стволу штыком. И почти каждый из них вместе с оружием нес с собой

маленькую лопатку и ранец с запасом продовольствия. В обозе помимо обычного для всякой армии груза, во множестве тащились замысловатые рогатки, напоминающие те, с которыми обычно отправляются на охоту на дикого и опасного зверя. Кроме того, большинство алебардчиков в армии сервов шагали без лат и рокантонов, шлемов особой формы, но зато – также с лопаткой и с ранцем за спиной. Совсем уж профессиональный наблюдатель заметил бы, что стрелки с мушкетами (легкие пехотинцы) и солдаты с пиками или алебардами (тяжелые пехотинцы) у сервов не разделяются более на обособленные полки, а составляют полки смешанные. В каждом таком подразделении отныне находилось 1600 бойцов с мушкетами, 400 с пиками и ровно 1200 бойцов с алебардами.

Кавалерия сервов также изменилась. У Трэйта по-прежнему отсутствовала возможность набирать опытных рубак для своей армии, и чтобы компенсировать недостаток в коннице, он просто посадил на коней своих стрелков. Они носились по полям, в качестве разведчиков и вестовых, а в случае столкновения с противником, должны были соскакать с коня и палить по врагу из мушкета.

Таким образом, несмотря на наличие лошади, бойцы рабской кавалерии по сути своей оставались пехотинцами и по совету Гора – признанного всеми Тринадцатым пророком и великим колдуном, способным снимать с рабов электронные ошейники, получили название «драгун», то есть «конных стрелков», не способных драться мечом на коне, не имеющих кирасы и шлема, но великолепных мушкетеров. В кавалерии же Бавена, напротив, господствовали отличные наездники-шательены, жандармы, мастера сабельной рубки, покрытые доспехами с головы до пят...

Гордиан Рэкс, бывший демиург Корпорации и бывший диадох Седана, бывший раб, бывший бог и бывший чемпион «авеналий», следовал во второй колонне, рядом с шеренгами своих бойцов.

Его «стрелковый корпус» единственный во всей Армии Свободы не имел смешанного состава и состоял исключительно из мушкетеров. Впервые в истории войн на планете Невон было организовано крупное армейское подразделение, вообще не имевшее латников! Гор считал это безусловным прогрессом в военной тактике, однако тревожные мысли все же время от времени бередили ему душу. Прогресс прогрессом и порох порохов, однако в рукопашной схватке против удара закованной в сталь классической эшвенской бригады пикинеров его бойцы не продержатся и нескольких минут.

Отгоняя никчемные мысли, Гордиан таращился по сторонам и предавался философским размышлениям о будущем. Вокруг шумела весна. Пролегающие широким ковром по краю тракта бесконечные леса уже были прорежены нежно, зеленой парчой, а повесенному свежий, немного прохладный ветер будоражил молодую листву и играл на кронах деревьев великую симфонию пробуждения. Природа медленно отходила от сна, являя внимательному взгляду всю прелесть своей не увядающей красоты, а окружающие Гора люди, включая и его самого, упорно маршировали навстречу госпоже смерти.

И эта мрачная госпожа, как обычно, не заставила себя ждать.

Глава 14

В ожидании мрачной госпожи

Утром шестнадцатого дня после выступления Армии Свободы из Бронвены, а карательной армии из Бургоса передовые разъезды противоборствующих сил встретились.

Легкий отряд трэйтовских драгун, числом в пятьдесят штыков (один полуэскадрон), облаченных в пехотный мундир и вооруженных мушкетами пехотного же образца вместо традиционных для кавалерии обреза, легким галопом покрывал километры по пыльному тракту. За небольшой рощей тракт уходил правее, отклоняясь от великой реки к западу и огибая поросший васильками холм, где дорога скрывалась за деревьями.

Внезапно из-за поворота навстречу их летучему отряду тем же легким галопом вылетел разъезд королевских рейтар в шестьдесят четыре клинка (два полных корнета).

Рейтары были облачены в полудоспех со шлемом-морионом, а в луках их седел покачивались приклады карабинов. Бавен торопил своих солдат как мог, его армия неслась на север ускоренным маршем, соответственно и рейтары были нацелены на более энергичное движение, нежели их оппоненты. Неудивительно, что и реакция королевских солдат оказалась живей. Лихие латные кавалеристы взметнули обрезы своих карабинов, сабли и бросились на врага, вздымая пыль.

Драгуны Трэйта были классом пониже, конную выучку имели хуже, но стреляли хорошо. Быстро спешившись, они изготовились к огню. Полуэскадрон делился на капральства по десять драгун в каждом. От каждого капральства молча отделился один боец, чтобы взять под уздцы коней своих товарищей. Остальные девять также молча перекрыли дорогу двумя шеренгами, по двадцать два стрелка в каждом. Первый ряд упал на колено, второй стоял во весь рост.

Дождавшись оптимальной дистанции, драгуны дали залп! Перезарядили мушкеты. Когда пороховой дым, смешавшийся с дорожной пылью, рассеялся, картина, открывшаяся их взору, была впечатляющей. Залп сорока четырех мушкетов, данный картечью в упор по плотной толпе рейтар, вынес из седел почти половину всадников. Остальные сбавили шаг и гарцевали на месте, натыкаясь на трупы товарищей и мечась между ранеными лошадьми.

– Товсь! – проорал, надрывая горло, командир драгун. И с его словами сорок четыре ствола поднялись снова. Первая шеренга, поднимавшаяся для перезарядки, снова упала на колено.

– Цель! – продолжал драгунский лейтенант. Внутри толпы замешкавшихся рейтар возникло движение. Один порыв хаотичной массы был направлен на продолжение атаки, второй – на поспешное бегство.

– Пли! – С этим криком, последние колебавшиеся рейтары окончательно определились в своих интересах и, как напуганные зайцы, хлынули назад. Однако мушкетная смерть была неумолима.

Грянул залп, и свинцовые пчелы настигли королевских кавалеристов. Еще двадцать человек выпали из седел. Оставшаяся горстка, прищпоривая коней, со всей мочи спешно скрылась за рощей. Драгуны их не преследовали.

Прицепив штыки, они прошли по стонущему покрову, бывшему пять минут назад здоровыми людьми на конях, и добили одинаково короткими уколами и несчастных животных, и их горемычных наездников.

Закончив привычную работу, полуэскадрон сел верхом, развернул лошадей и тем же галопом помчался обратно на север к Трэйту! С линии недалекого горизонта им была отчетливо видна широкая колонна королевской армии, сползающей вниз как громадный голодный питон.

Трэйт внимательно выслушал очередное донесение. К сожалению, доклады разъездов были отрывочны, поскольку приблизиться к армии противника на достаточное расстояние ни одному из разъездов не удалось. Рейтары плотно держали местность вокруг своей армии, прочесывая рощицы и высоты и не давая всадникам повстанцев подобраться к походным колоннам врага вплотную.

Впрочем, главное было ясно и так. Король напряг силы и смог выставить против Армии Свободы почти то же количество бойцов, что и сами восставшие сервы. Сопоставляя разные донесения, выходило, что численность карательной армии составляет не менее двухсот тысяч человек, причем почти треть из них (пятьдесят восемь тысяч) – кавалерия. Такого количества конных масс Эшвен не видел, пожалуй, со времен последнего нашествия кочевых хайранцев из восточных полупустынь триста лет назад. Боринос, очевидно, очистил конюшни не только по всему континенту, но и в колониях.

Все это очень удручало, ведь главная ставка в новом походе делалась именно на численное превосходство рабов над силами короля. Однако Трэйт оставался спокоен. Прикинув время движения разведывательных полуэскадронов до места соприкосновения и обратно, он без труда рассчитал, что оба противника уже находятся всего в двадцати

километрах друг от друга – в одном дневном переходе. Это означало, что не позднее, чем завтра, обе армии войдут в боевой контакт. Трэйт помусолил карту, затем разогнал подошедших, было, к нему офицеров по полкам и велел продвинуться вперед еще на три километра. А там – становиться лагерем в единственном ближайшем и относительно неудобном для кавалерийских маневров месте. Этим местом стала деревенька Шерн, где поросшие кустарником каменистые холмы прилегли довольно близко к Кобурну, создавая между собой и течением великой реки сравнительно узкое пространство.

Судьба Республики и королевства должна была решиться именно здесь!

Гордиан Рэкс сидел возле дороги среди своих бойцов, грызя травинку, когда Трэйт и несколько адъютантов подъехали к походному строю его стрелковой дивизии. Увидев всадников, Гор выплюнул изрядно пожеванный стебелек, закинул за спину мушкет, до этого сжимаемый в руках, и шагнул навстречу командиру.

– Господин маршал, – начал он, согласно уставу, – стрелковый корпус...

– Да ладно тебе, – махнул рукой Трэйт. – Давай на коня, проедем вдоль линии.

Гордиан кивнул, свистнул своего вестового, и тот живо подвел скакуна. Придерживая шляпу, Гор лихо взлетел в седло. Трэйт дождался, пока Тринадцатый пророк поравняется с ним, встав корпус в корпус, и спросил:

– Ну что думаешь?

– Насчет чего?

Трэйт раздраженно обвел рукой поле.

– Вот на этот счет, разумеется. Если ты не в курсе, сынок, нам предстоит самое масштабное сражение за всю историю Эшвена. Никогда до сегодняшнего дня на поле не сходились армии подобной численности. Завтра здесь будут драться и умирать почти полмиллиона человек! Судьба Республики, да и наша с тобой судьба, судьба каждого лавзейского кадета и консидория, судьба каждого боссонца, каждого жителя Бронвены зависит от итогов завтрашней схватки. В некотором смысле завтрашний бой – это не просто сражение, мастер Рэкс. Это Священная Битва, ибо завтра решится все. Ты это понимаешь?

Бывший бог учтиво склонил голову перед бывшим тренером гладиаторов.

– Разумеется, сэр, – уверенно произнес он, – но разве не к этому мы стремились, покидая Бронвену? Совет грезил о генеральном сражении – и вот оно!

Трэйт грозно зыркнул на него.

– Похоже, сынок, ты забыл, о чем мы толковали с тобой всю прошлую зиму. Я говорю тебе о численности врага! – маршал ткнул пальцем в холмы, за которыми петляя, прятался тракт. – Их двести тысяч, столько же сколько нас! Уразумел?! Наши солдаты в среднем подготовлены хуже, чем профессиональные наемники короля, а ведь мы надеялись переиграть их числом! Кроме того, у них кавалерия – пятьдесят тысяч сабель – жандармы! Такого мы не ждали, верно? Они прибыли через храмы к самому моменту похода, ведь Бургос полон наших лазутчиков и никто из них, слышишь, никто из них не видел в столице ни единого служивого шательена. Церковники опять подставили нас со своими порталами!

Трэйт вздохнул.

– Завтра мы будем драться, – произнес он, – мы отдохнем этой ночью, расставим орудия и рогатки, прочтем молитвы и повторим свои клятвы, которые давали в Бронвене женам, любовницам и матерям. Место узкое и, построив армию в несколько эшелонов, мы сможем выдержать атаку жандармов и удар пикинерских бригад! Видит Ра, я готовил своих солдат к войне так, как не готовил еще никто! Быстро! Крепко! Дух наш силен, а подготовка уступит врагу лишь немногим! Но все же при равных силах ручаться в победе я не могу. При столь значительном перевесе в коннице нет практически ничего, что могло бы дать нам хороший шанс, кроме вала или рва перед обороняющимися полками. Ни уклон местности, ни глубина наших позиций не остановят натиска жандармерии. А вал и ров через все огромное поле нам уже не выкопать, просто не успеть!

– Но на Ташских болотах мы справились и без рва!

Трэйт в ответ лишь покачал головой.

– На Ташских болотах, сынок, нам, можно сказать, повезло. Кирасиры наступали неорганизованно, отдельно от своей пехоты, без поддержки орудий. Но главное – их было не много, закованных в латы кавалеристов, всего один полк. Здесь же – почти треть армии. Весь цвет эшвенской нации! Даже если мы построим нашу армию очень глубоким строем, Бавен наверняка пробьет его, поскольку кирасир у него слишком много. К тому же для большинства наших бойцов это первый бой, и никто из новобранцев не видел настоящей кавалерийской атаки. Они могут не выстоять против наседающих профессионалов! Вспомни ташскую рубку, ты ведь стоял там в первых рядах! – Старик помотал головой и взмахнул рукой, сжав кулак. – Завтра я построю полки, и мы будем драться, – повторил он затем, – но кроме пик и мечей, мне нужно кое-что еще. Уверенность, господин Апостол, и если хочешь – откровение, чудо! Когда-то ты предложил мне создать смешанные полки и драгунскую конницу. И я хочу услышать твое мнение по поводу будущей схватки. Не предсказание, нет! Быть может, в мирах демиургов есть ответ на мои вопросы? Нечто такое, что завтра даст нам шанс на победу более верный, чем сильный дух солдата, его штык и картечь кулеврин?

Гордиан понял. Он медленно покивал и задумался, перебирая в памяти все, что ему было известно о полевых сражениях древних армий. Несколько минут вслед за этим они ехали молча, проплывая на своих скакунах вдоль бесконечных солдатских рядов, мимо изготовившихся к сражению алебардчиков, стрелков с мушкетами и пикинеров. Затем бывший бог чуть-чуть осадил коня и повернулся к Трэйту:

– Скажите, мастер Трэйт, вы слышали что-нибудь о редутах и вагенбурге?

– Нет, абсолютно ничего. Что это такое?

Гордиан пожал плечами.

– Тогда велите бойцам подниматься, – усмехнулся он, – не знаю, нужен ли будет завтра нашей армии Тринадцатый пророк, но вот военный инженер и множество землекопов ей понадобятся точно!

* * *

В следующие часы бойцы Армии Свободы отложили мечи и алебарды, сложили аккуратными пирамидками свои мушкеты и пики и, поплевав на ладони, дружно взялись за лопаты.

Работа велась без сна и перекуров. За несколько часов сервы спешно возвели на узком перешейке, образованном холмами и великой рекой, пять странных земляных укреплений, названных Гором «редутами». Каждый редут представлял собой маленькую смешную крепость ромбовидной формы, со рвом и валом всего метр-полтора высотой. Вместо традиционных для настоящих крепостей бойниц, на земляной насыпи, служившей для редутных стен, были сделаны углубления, куда Гор поставил не только кулеврины и мортиры для навесной стрельбы, но и тяжелые осадные картауны.

Обычно использовать картауны в поле невозможно, поскольку они не имеют колесных лафетов, ведь те просто не выдерживают выстрелов этих чудовищ! Картауны стреляют лежа на огромных деревянных колодах, укрепленных на валах вокруг осаждаемой крепости. В поле же валы никто не копал. Однако в редутах, валы определенно имелись, а значит, ограничение на использование тяжелых орудий отсутствовало.

– Странная штука, – сказал Трэйт, глядя на растущую прямо на его глазах линию земляных ромбов, протянувшихся поперек поля, – их размещение напоминает мне сухопутный таран!

Действительно, редуты стояли параллельно дороге и реке, а значит, перпендикулярно к предполагаемой линии сражения. Не вдоль оборонительной линии, а поперек нее!

– Никогда не видел подобного расположения укреплений, – продолжил Трэйт, – эта линия должна разрезать атакующие порядки противника как корабельный таран – борт вражеского корабля. Интересно, но необычно. Непонятно!

Гордиан сдержанно усмехнулся.

– Видите ли, сэр, – сказал он, – суть редутов на самом деле не в том, как они расположены, а в том для чего.

– И для чего же? – прищурился Трэйт. – Это же очевидно. Для пассивного разрыва наступающих колонн, для обороны. Для того чтобы защищающие насыпь слабосильные мушкетеры смогли противостоять атакующим латникам, используя преимущество высоты?

Гордиан помотал головой.

– Не совсем, мастер Трэйт. – Он посмотрел сквозь насыщенный влагой воздух куда-то в туманную даль. – Редуты – это не укрепления для защиты пехоты, сэр. Прежде всего это позиция для удара артиллерии. Мы не станем здесь защищаться, сэр. Мы атакуем отсюда чугунными ядрами и огнем!

Между тем, пока сервы копали, королевские солдаты спешили по тракту, навстречу к ним. Делая ставку на мобильность своих полков, Бавен, как мог, погонял бойцов, рассчитывая настигнуть противника до конца светового дня. Карательная армия имела больше кавалерии и тащила за собой более компактный обоз. Однако обоз у Бавена все же имелся, и это означало, что средняя скорость марша королевского воинства равнялась скорости телеги на грунтовой дороге, а вовсе не летучего рейтара на добром скакуне.

В результате королевская разведывательная кавалерия, не имевшая возможности отрываться от основных сил более чем на несколько километров, вышла к позициям повстанцев уже под вечер и была встречена редким мушкетным огнем из ближайшего редута. От скорого ночного марша и тяжелых земельных работ сервы сильно устали, а потому постреливали вяло. Кавалеристы, впрочем, измотанные скачкой, также не горели желанием брать странную земельную насыпь приступом и отошли.

Спустя еще пять часов подтянулась остальная королевская армия. Бавен с легким удивлением посмотрел в трубу на странные сооружения посреди поля и затем, не насилуя более свой мозг, велел становиться на ночлег, поскольку ввязываться в непредсказуемую ночную схватку пеших полков, имея столь значительное превосходство в кавалерии, представлялось бессмысленным.

Весь день Гор руководил работами непосредственно на редутах. Предполагалось, что завтра здесь встанут смешанные полки, а не его стрелковая дивизия, поскольку укрепления предстояло не только стрелять, но и защищать свои валы в рукопашную против королевских латников – алебардчиков и пикинеров. Однако контролировать строительство насыпей и рытье валов мог только он, ибо ни один из инженеров Эшвена никогда не строил ничего подобного на полях сражений. Конечно, и сам Гордиан никогда не видел ничего подобного в реальности и был вынужден опираться в процессе сооружения укреплений лишь на свои весьма скудные теоретические знания по военной истории и личную смекалку. По счастью, их вроде бы пока хватало.

Отметив плашками ромбовидный силуэт всех пяти редутов, Гор следил, как в земле появляется сначала ромбовидный ров, а затем, сразу за рвом, укрепленная камнями, глиной, палками и широкими лентами из разрезанных плетеных корзин, насыпь-вал с углублениями для орудий. Затем неподъемные картауны, длинноствольные и узкие кулеврины расставлялись по фронту укреплений, а бочкообразные мортиры с картечью – немного в глубине, поскольку били навесом.

Копать было трудно. Не раз и не два Гордиан сам брался за лопату, пока тот или иной офицер не срывал его с места, чтобы получить указания по работе в другом редуте. И хотя непосредственно рытьем земли он занимался меньше любого из своих солдат, к вечеру у него практически не разгибались руки и спина.

Бессонная ночь и марш по пересеченной местности измотали людей, а возведение насыпей и рытье рвов – просто добили измученных сервов. Однако все старались, и приказы выполняли беспрекословно. Несмотря на пропаганду свободы, дисциплина в армии была как в дуэльной школе – сурова и крепка. Тех, кто роптал, ждали серьезные наказания.

Ситуация с наказаниями вообще-то сложилась тут довольно странная. Известно, что еще в Кербуле, когда новая армия только начала создаваться, Совет виликов запретил

традиционные для школ и шато наказания рабов кнутом и розгой.

«Не для того мы боремся за свободу, – вещал на митингах Каро Сабин, пытавшийся усилить свою популярность за счет понятных всем лозунгов, – чтобы терпеть унижительные наказания». В результате должности «приводящих» габеларов были в Боссоне повсеместно отменены, а многие занимавшие эти сомнительные синекуры люди преданы жестокой и самоуправной смерти.

Но, в отличие от склонного к эффектам и позам Сабина, Трэйт понимал, что армия без дисциплины – это толпа. И очень скоро суровый лавзейский дацион нашел альтернативу работе шательеновских палачей. Телесные наказания ввели снова, однако присуждал к ним теперь не вилик или старший габелар поместья, а специально созданный военный трибунал, в котором работали представители из солдатской массы. По мысли Трэйта, эти новые наказания являлись не актами произвола, а волей народной, поскольку назначались на основании Устава армии, а сам Устав как известно был принят Советом виликов, а не изуверами шательенами.

Наказания назначались трибуналом почти ежедневно за малейшие нарушения и многообразием не отличались. В гарнизонах и крепостях это было в основном посадение в карцер на скудный паек, наряды вне очереди и дежурства, а в походе – наказание шомполами от мушкетов. Били провинившегося свои братья-солдаты, поскольку терпеть руку палача для воина Армии Свободы было действием унижительным, роняющим так сказать воинскую честь и солдатское же достоинство.

То, что после такой достойной «братской» обработки наказуемый с трудом ходил и не мог натянуть на спину одежду, поскольку та сразу же промокала кровью, похоже, не волновало никого. В результате, приказ командира в армии молодой Республики стал безоговорочным законом для подчиненного и выполнялся молча и беспрекословно. Командиры, правда также не зверствовали, поскольку в большинстве своем являлись выходцами из той же солдатской среды, а чуть раньше – из массы бесправных сервов. А значит, иметь замашки самодуров-помещиков по отношению к бывшим товарищам по несчастью не могли по определению.

И вот сейчас изнуренные бойцы заканчивали последний редут. Люди были измотаны до невозможности, и Гордиан подумал, что если бы сейчас пришлось атаковать или защищаться, бойцы Армии Свободы не то что кулеврину не развернут – мушкет не поднимут, не говоря уже о рукопашной.

Но к счастью, пока боевые действия не начинались. Трэйт разослал по округе засады да секреты, расставил дежурные посты и велел трубить отбой. Накрывшись шинелью и положив под голову походный мешок, господь Тринадцатимирья завалился спать прямо в редуте рядом с рядовыми стрелками и пикинерами.

От «священной» битвы их отделяла одна только ночь.

Глава 15

Священная битва

Утро этого памятного дня началось рано. В предрассветном тумане усиленной темнотой отходящей, но пока еще царствующей ночи в редут ворвался вестовой. Гор выслушал приказ командующего, отпустил гонца и обеими руками помассировал лицо. Эх, сейчас бы хоть умыться как следует! Однако бежать к реке за новыми ведрами воды он никому не позволил. Со вчерашнего дня остался запас для питья, так что глаза продрать и горло промочить хватит. А большее сегодня – лишняя роскошь. Вестовой доложил, что в лагере Бавена идет медленное шевеление, не как иначе будут строиться для боя через час или два.

Гор нахлобучил шляпу и отправил Никия к своим вестовым поднимать из редутов полки стрелкового корпуса, который сегодня должен был по общему замыслу оборонять земляные укрепления, находясь в самом центре полевой позиции. Сам же он, взяв только

пару сопровождающих, пошел по редутам пешком.

Всего за вчерашний день было выстроено пять редутов. Причем самый дальний ромб, с которого вчера палили по рейтарам королевского авангарда, остался немного не достроенным, низким и практически лишенным рва. Все пять земляных укреплений встали, как уже говорилось, перпендикулярно к линии развернувшихся армий и значительно впереди общего фронта сервов.

Планировалось, что остальная масса восставших построится за редутами двумя широкими крыльями без центра. Центром этим станет последний редут. Оба фланга будут расчленены Трэйтом в глубину на три линии, составленные из смешанных полков – стоящих попеременно пикинеров, мушкетеров и алебардчиков. Армия Свободы при таком построении будет напоминать дагу – кинжал для левой руки, использовавшийся Гордианом в его недавнем поединке с Хавьером. Редуты, как лезвие, рассекут вражескую армию, а фланги, как боковая оплетка эфеса, остановят их натиск.

Вот только Бавен – не живот, в который дага воткнется легко, по самую рукоять, а тяжелый кавалерийский палаш, – не сломать бы такое оружие!

Стрелки поднялись споро, зарядили картауны и кулеврины, забили картечными шариками в общей холщовой рубашке жерла мортир. Прочистили и проверили мушкеты. Почти все, кто сегодня должен был оборонять редуты, вчера легли спать прямо в укреплениях, как и сам Гор, не отходя от своих орудий.

Бывший демиург, бывший чемпион авеналий, а ныне полковник и командующий единственным стрелковым корпусом Армии Свободы еще раз прошел по валам и в целом остался доволен: стрелки и артиллерия к бою готовы! Гор дал последние консультации офицерам редутов и послал вестового к Трэйту с докладом. Посмотрел, как тот бежит, перепрыгивая через кочки, и глянул дальше, по направлению его бега на основной лагерь сервов: отсюда ему было хорошо видно, как за линией укреплений его подразделения резво строились полки пикинеров, согласно вчерашнему «дагоподобному» плану.

Гордиан развернулся и посмотрел вперед.

На другом, еле видимом пока краю поля выстраивал свои порядки старина Бавен, которые выползали из тумана серыми мутноватыми сгустками на пространство перед редутами. Неподвижно висящее в центре неба солнце только-только зарделось нежным румянцем, и его первые лучи заиграли на остриях бесчисленных пик и алебард, поскакали дикими солнечными зайцами по рокантонам и кирасам, превращая свой слабый свет в ослепляющие жала. Мгновение, другое – вот солнце вспыхнуло ярче и огромное поле залило кроваво-розовым светом, как бы говоря всем стоящим сейчас среди влажного от росы ковыля: сегодня влага на листьях сменится кровью, которая напитает и воды в Кобурне. Наступает рассвет кровавого дня!

Гор посмотрел направо.

Там, в быстро рассеивающейся туманной дымке величественно тек Кобурн – величайшая река Эшвенского континента. Он уже был свидетелем их ташской виктории. Что увидит король-река сегодня – их поражение или победу?

Река безмолвствовала. Но воды величественного потока озарялись восходящим солнцем и так же, как поле, казались почти что алыми, как будто от человеческой крови. В груди Гора защемило.

Жить... Как хочется жить! Он обернулся и посмотрел на стоящие за ним артиллерийские расчеты первого редута. Уподобляясь своему Апостолу и Пророку, солдаты и офицеры задумчиво глядели на кровавые воды великой реки и луговые травы, сияющие в лучах восходящего светила.

Им тоже хотелось жить.

Так же как миллионам невольников на всей планете-каверне.

– За работу! – громко воскликнул Гордиан, вырывая стоящих вокруг бойцов из тревожной задумчивости. – Расчехлить кулеврины! Зарядные ящики – к орудиям! Нам нужно многое сделать, ребята, если не хотим сдохнуть сегодня. Шевелись!

Отбросив мысли о вечном, бойцы принялись за нудный военный труд.

* * *

В это время в палатке Бавена, наспех поставленной вчера вечером, когда все силы подтянувшейся армии были брошены на сооружение и укрепление полевого лагеря, штаб карательной армии проводил последние совещания перед боем. Все офицеры подразделений находились уже на позициях, расставляя полки и роты согласно одобренному вчера плану.

В палатке расположился сам Бавен, его адъютанты, офицеры штаба, офицеры незначительного оставленного на «пожарный случай» резерва и лорд Хавьер, называемый при Дворе (по непонятным для Бавена причинам) лордом Хавьером Великолепным.

«Великолепный, как же! – подумал Бавен. – Такое отребье, каких свет не видел». Старый генерал видывал много полоумных хлыщей из молодежи, мнивших себя великими стратегами. Даже сам Господь Хепри не называл себя Великолепным, хотя уж он точно был достоин такого прозвища. Краем уха Бавен слышал на великосветских тусовках, что красочный эпитет к имени Хавьер приобрел за свое фантастическое везение в азартных играх (не иначе как мухлевал, шулерская рожа), а в особенности – на «призовых боях», в которых даже сам участвовал, насаживая на меч несчастных сервов-консидориев.

Бавен поморщился. Будучи профессиональным военным, он относился к смерти спокойно, однако бессмысленных убийств не одобрял, поскольку со скамьи офицерского училища знал: главная заповедь для хорошего воеводы – береги жизнь солдата и его здоровье. Тот, кто убивает для удовольствия – подонок, неважно, шателъен он там или кто. Однако Хавьера приставил к Бавену сам кардинал, а это значило, что избавиться от этого навязчивого присутствия выйдет себе дороже. И Бавен с усилием вслушался в затянувшееся словоизлияние лорда-консидория, поскольку обращено оно было именно к нему.

– Вы не слушаете, генерал. А я не стану повторять, будьте внимательнее!

Бавен мысленно вздохнул и покачал головой: все же наглеет молодежь, а этот – так просто хам.

– Со всем уважением, милорд, – ответил он, – но мне нужно наблюдать за построением обеих армий, а вы отрываете меня. К тому же этот бывший дацион начинает раздражать меня своей изобретательностью, – Бавен показал на редуты. – Я участвую в войнах с семнадцати годков, а мне уже, дай бог, почти пятьсот девяносто, но такого не видывал.

Хавьер поднялся с кресла, в котором сидел, и блуждающим взглядом еще раз посмотрел на поле.

– По мне так сущие пустяки, – заявил он после осмотра. – В этих земляных насыпях от силы метра полтора высоты, а судя по размерам укрепления, там может уместиться даже по самым нескромным подсчетам не более пяти-шести сотен человек. Вы видели Замок Сгорающего Дракона в Бургосе? Вот это крепость! А тут – тьфу... Мы посылаем в атаку почти двести тысяч. Полагаю, мы сметем эти ничтожные укрепления первым же атакующим эшелоном.

– Полагаю, вы ошибаетесь, милорд, – в тон Хавьеру ехидно заметил Бавен. – Полтора метра – это высота самой насыпи, плюс еще метр-полтора – глубина рва прямо перед ней. Итого как минимум три метра. Алебардщик, стоящий на такой высоте, сможет весьма успешно отражать натиск наших солдат, которым придется сначала прыгать в ров, а затем карабкаться на вал. Следует упомянуть еще и о том, что само наличие подобного укрепления на поле сражения должно разрушать наши боевые порядки. Через него невозможно пройти строем, не так ли? Пикинерская бригада, пройдя через это подобие крепости, может, и не понесет больших потерь, но превратится в толпу. Кавалерия же вообще не сможет их атаковать. К тому же я прошу обратить внимание на возможность флангового огня. Даже если часть наших полков проследует *мимо* этого укрепления, чтобы атаковать основные силы сервов, она будет обстрелена сбоку и с близкого расстояния.

– Тем не менее укрепления не серьезные, да и стоят они только по центру поля. И

справа и слева, слава Хепри, достаточно места для развертывания кавалерии. Так что давайте отбросим лишние мысли и будем действовать согласно диспозиции, которая определена Генеральным штабом Его Величества. Место для сражения выбрано удачно, ровное без ручьев и оврагов. Враг перед нами – нужно атаковать!

– Вы ведь знаете, сударь, что меня не устраивает ваша так называемая «диспозиция», – спокойно возразил Бавен. – Кстати, это не слишком сложное слово для придворного? Вам следовало бы изъясняться проще. К тому же место для сражения, я считаю, вовсе не столь удачно, как вы выразились. Ибо оно слишком узкое для широкого маневра кавалерии, которую Его Величество с таким трудом собрал по всему континенту. И делает совершенно невозможным охват противника. Кроме того, эти странные сооружения посреди поля несколько раздражают меня. По-хорошему, нам следовало бы отказаться от предложенного противником места баталии и попытаться маневром вынудить его принять бой в более пригодных для нас условиях.

– Да вы со своим маневром совершенно измотали армию и офицеров! Раз враг перед нами, нужно атаковать. Вы военный или кролик, бегающий по полям?

Бавен взъярился – вот ведь идиот свалился на его голову!

– Кролик?! – со скрытым рычанием процедил он. – Бегающий по полям? Милорд, по поводу измотанных солдат и офицеров я могу заявить только одно. От солдат я не услышал пока ни одной жалобы по поводу переходов, а для изнеженных придворных, которые *называются* офицерами, у меня есть единственное предложение – не ходить в походы с действующей армией вообще. Тогда изматываться будет некому!

Хавьер залился краской и хотел, было, вспылить, но сдержался. Как ни крути, Бавен все же являлся командующим. Да и не тот был случай. Он откинулся на спинке стула, обмахнул себя несколько раз длинным веером и уже спокойно продолжил:

– Не хамите мне, генерал. Здесь вы – командующий армией, но от моего мнения зависит, останетесь ли вы им на следующую кампанию, или составите пару Жернаку. Согласитесь, ваше кресло сенешаля куда как удобнее его заточенного кола, – он нагло рассмеялся. – Ладно, идите, расставляйте людей.

Бавен задохнулся от гнева. Больше всего его возмутило упоминание о Жернаке. Боссонский сенешаль, по его мнению, был не плохим служакой и в любом случае не заслуживал той подлой смерти, на которую его обрек король Боринос. Красный, как помидор, Бавен изо всех сил хлопнул по столу рукой, выбранился и вышел.

Вчерашний план сражения, принятый большинством его штаба, Бавен не одобрял. Ряд высокопоставленных придворных, назначенных наблюдателями от Его Святейшества кардинала и Его Величества короля, потребовали на заседании штаба немедленно атаковать и растоптать сервов. И виноват в этом был, в принципе, сам Бавен. Во время аудиенции у Бориноса он дал завышенную оценку карательной армии, заявив, что тотальное преимущество в кавалерии делает победу в возможном генеральном сражении фактически делом решенным.

Безусловно, так оно и было. При прочих равных условиях, у неопытной армии бунтовщиков, состоявшей на девяносто процентов из пехоты и на сто процентов – из новобранцев, не было ни малейшего шанса в полевой баталии. Однако командующий армией сервов, похоже, не собирался давать Бавену именно этих «прочих равных условий».

Бавен ни разу не видел редутов раньше, но он был опытным военным и почти подсознательно понял, что наличие пяти странных укреплений по центру поля практически сводит на нет его преимущество в коннице, поскольку атаковать земляные крепости, следовало исключительно пехотным порядком, да и то весьма осторожно. Конной лавой тут не погрешь!

До владетельных шательенов это просто не доходило, однако же они имели в штабе голоса, равные с боевыми офицерами, что собственно и отразилось на итогах вчерашнего заседания. Штаб решил дать генеральное сражение утром и атаковать сервов на укрепленной позиции.

Бавен сплюнул – идиоты!

Ну да ладно, диспозиция тяжелая, но не проигрышная. Шансы есть. Он посмотрел по сторонам с высокого холма, на котором стояла палатка, на то, как строится его армия. Офицеры подразделений работали четко. К счастью, общий план построения он выдал им еще рано утром, до того, как придворные выскочки успели проснуться и вмешаться в процесс.

Армия встала тремя эшелонами, огромными полосами, протянувшимися вдоль всего поля от великой реки до лесной опушки. Каждый эшелон состоял из двадцати квадратов. По четыре слева – состояли из кавалерии, шестнадцать справа – из пикинеров и алебардчиков в латном полудоспехе. А перед оставленным армией лагерем, сразу под палаткой главнокомандующего, разместился мощный конный резерв – рейтары.

Бавен планировал проводить атаку в три этапа, последовательными накатами. Кстати, на более широком поле королевская армия и не смогла бы построиться в три линии, перекрыв при этом весь фронт. Так что в некотором смысле его враг поставил себя в неудобное положение, выбрав для битвы относительно узкое пространство. Да, Бавен не может развернуть кавалерию широко, но теперь он может атаковать армию противника частями, наращивая давление из глубины.

Господь Хепри, считавшийся непревзойденным тактиком, говаривал, бывало, во времена, когда Бавен был еще безусым вестовым при его штабе: «Битвы чаще выигрываются не талантом полководцев, а ошибками их противников». Вот уж верно подмечено! Впрочем, будущее покажет, кто из них двоих – он или предводитель сервов – ошибается больше.

Роль Бавена на этом этапе была исчерпана. Оставалось ждать результатов.

– Начинайте, – тихо сказал он, и штабной офицер дал отмашку капитану горнистов. Десятки горнов выдули из своих медных глубин короткий и будоражащий кровь любому понимающему в военных мелодиях человеку сигнал.

«К атаке!» – кричали горны.

Барабаны в стоящих на поле «квадратах» забили дробь, задавая такт и меру марширующим подразделениям. Взметнулись вексилумы и знамена, развернули по ветру полотнища, блеснули значками на солнце.

Конные полки первой линии, идущие на фланге, рассеяли свой строй, превратив его в газообразное облако, прикрывающее бока прущим вперед колоннам пеших алебардчиков.

Шестнадцать центральных пехотных квадратов раскрылись, захватывая первый редут, как клешни краба захватывают свою жертву.

Медленно, медленно алебардчики приближались к редуту на расстояние выстрела. Еще пять сотен шагов – и клешни сомкнутся.

Громадная масса первой линии двигалась навстречу смерти или победе...

Глава 16

Победа или смерть!

Гордиан смотрел на плотные ряды наступающей пехоты со страхом и одновременно с презрением. Смысла в подобном наступлении густым строем не было никакого. Алебардчики шли плотными рядами не по необходимости, а потому что так «было принято». Шагая по полю плечом к плечу, бойцы чувствовали свою сплоченность и силу боевого порядка, хотя теоретически обязаны были понимать, что для артиллерийского огня их строй представляет идеальную мишень. Впрочем, по эшвенским бригадам никто и никогда не стрелял из пушек, ибо порох всегда был исключительным достоянием армии королевства.

Ну что ж, если люди не доверяют теории, нужно убедить их в собственных ошибках, так сказать, эмпирически. Гор сделал знак лейтенантам, и команды пошли по расчетам. Кулеврины тяжело заворачивали своими стволами, корректируя вертикаль и горизонт. Картауны, заранее нацеленные на определенные метки на местности, лежали неподвижно –

ворочать такими махинами было невозможно.

И все же первыми собрали свою кровавую жатву именно они.

«Огонь! Огонь!» – выкрикнули один за другим капралы артиллерийских расчетов. Повинуясь их воле, железные чудовища, предназначенные для осад крепостей, впервые в истории Эшвена дали залп по марширующим пехотным порядкам, а не по каменной кладке бастионов.

Адские стволы гулко ухнули, и десятки огромных чугунных ядер, каждое из которых могло снести башню или обрушить дом, ринулись вперед. Как всегда после залпа, поле заволочло густым пороховым дымом, а когда дым рассеялся, взору предстала ужасающая картина.

Чугунные шары прошли по рядам наступающей пехоты жестоким гребнем, проредившим плотный строй колонны широкой кровавой межей. Казалось, колонна состоит из полос. В одних полосах по-прежнему маршировали люди, в других – лежало месиво из мяса в алой подливке!

Некоторые из ядер-великанов пролетали далеко внутрь глубокого строя, пока не вонзались в землю, и валили сразу по несколько десятков человек. Гор видел, как один из шарообразных снарядов врезался в пехотный квадрат, пролетел почти двадцать метров, ударился в землю, отскочил и пропрыгал еще столько же, прошив пехотную бригаду насквозь!

Глубина пикинерской колонны составляла не менее пятидесяти шеренг, и значит, как минимум сорок—пятьдесят человек было сшиблено сейчас единственным выстрелом.

Зрелище было страшным! Но прозвучала команда, и бригада сплотила ряды, маршируя по трупам собственных товарищей. Шеренги сомкнулись, строй выровнялся, вексилумы батальонов по-прежнему колыхались в такт чеканному шагу, полковые знамена реяли на ветру.

«Ну хорошо», – подумал Гордиан и вновь дал отмашку.

Вздروгнули кулеврины.

Пламя! Смерть...

Пока расчеты перезаряжали стволы орудий, заработали мортиры. «Огонь! Огонь!» – вновь прозвучали команды капралов, и жерла коротких приземистых гаубиц дружно рыгнули картечью.

Свинцовая рвота метнулась вверх, вперед и по параболе вниз, упав на ряды смертоносным дождем. Это походило на шлепки ладонью по густой массе суесящихся муравьев. После каждого такого шлепка в терциях образовывались компактные пятна из раздавленных невидимой дланью тел.

В это время перезарядили кулеврины и дали еще один залп.

Затем вновь повторили свой выход мортиры!

Марширующие колонны вышли на дистанцию ружейного огня, и свободные от обслуживания орудий мушкетеры, укрывшись за земляными насыпями, стали поливать наступающих свинцом из мушкетов.

Гром орудий и ружейный треск, грохот ложащихся в землю ядер, свист пуль, визжание картечи, крики умирающих в плотных строях людей, стоны раненых, надрывные команды капралов – все слилось в невыносимый, протяжный гул.

Гордиан покачал головой.

Обстрел длился не более десяти минут, и за это время шеренги наступающих в ближайших двух терциях заметно поредели. И все же в первом редуте уместилось не так много орудий и не так много стрелков с мушкетами. Каждая же терция вмещала в себя больше трех тысяч человек. Превосходство над защитниками редутов было подавляющим. Прогремел последний залп, и алебардчики, рассеяв свой строй, врассыпную бросились на земляные валы.

Дистанция до редутов составляла уже не более десятка метров. В секунды латники преодолели их, перелезли через неглубокий ров, выкопанный перед валами, и полезли на

насыпь. Последняя была не высока, а местами вообще представляла собой только подобие укрепления, однако влезать на нее в кирасе и тяжелом рокантоне да еще с алебардой в обеих руках оказалось делом не легким.

В рядах нападавших возникла секундная заминка. Защитники же ждать не стали. Они закинули мушкеты за спины, дали последний залп из заранее приготовленных пистолей, похватали алебарды и протазаны и встретили атакующую массу на вершине насыпи ошетилившимся сталью ежом.

После пробежки и преодоления рва большинство из нападавших дышали тяжело, пот заливал глаза, кираса давила на грудь. К тому же стоящие на насыпи мушкетеры с протазанами оказались почти в полтора раза выше атакующих алебардщиков. В результате первые из взбежавших на насыпь королевских солдат попадали вниз к ногам товарищей с проломленными черепами. Ожесточенная рубка продолжалась несколько секунд, затем алебардщики, усеяв мертвыми и ранеными телами ров и насыпь, откатились назад, и атакующие терции окончательно смешали ряды в ужасной давке, топчась перед редутом.

Огнедышащие глотки мортир гремели не переставая, без устали поливая беспомощных королевских солдат свинцом. На этом фоне совсем негромко, казалось, стреляли мушкеты, и с каждой минутой растерянные бригады Бавена таяли как снег в пламени.

В этот момент кто-то тронул Гордиана за плечо. Он обернулся и увидел вестового с черным от копоти и пота лицом. Тот надрывался и кричал, показывая рукой в сторону. Судя по всему – уже довольно давно, но Гор ничего не слышал. Адская музыка сражения заглушала все звуки. Вестовой наклонился наконец к самому уху демиурга и проорал что есть мочи, маша рукой куда-то левее. Гор посмотрел в этом направлении.

Левый фланг обороняющихся сервов возглавлял сам старый дацион Мишан Трэйт, Верховный маршал. Перед боем он прошел вдоль линии своей обороны, контролируя построение.

По идее, на левом фланге должна была быть вырыта глубокая траншея. Однако вчера все силы восставших были брошены на сооружение редутов – и ни времени, ни сил для рытья рвов перед основными позициями не осталось. Здесь сделали другое. По совету Гордиана Рэкса, все четырнадцать тысяч возов, на которых сервы волочили с собой запасы и оружие, были освобождены от груза. Груз огромными кучами свалили в лагере, а возы вытащили на поле.

Рабы переворачивали телеги колесами вверх и расставляли их сплошной линией вдоль своих оборонительных позиций, составляя, таким образом, из совершенно мирных транспортных средств весьма своеобразное, но грозное препятствие, непреодолимое для организованных пехотных рядов и превращавшее любой преодолевающий эту линию боевой порядок в толпу.

Чтобы придать линии обороны устойчивость, Гордиан приказал не только перевернуть повозки, но и сковал их одну с другой длинными цепями. Укрывшись за импровизированным препятствием, на линии вагенбурга укрепились мушкетеры. А за ними, ровными компактными прямоугольниками, значительно меньшими по размеру, чем бригады Бавена, встали алебардщики и пикинеры.

Между тем мерное движение королевских полчищ привело к результату, на который так надеялся Гор. Так как редуты выдавались вперед от основной линии Армии Свободы почти на километр, то центр войска Бавена уперся в них, однако фланги, не имеющие перед собой подобного препятствия, продвинулись дальше и разорвали единый строй. Сухопутный «таран» сработал!

Гор понял, на что показывал его вестовой: третий и четвертый редуты смотрели прямо в бок пикинерским терциям. Стальные бригады шагали плотно и представляли собой идеальную мишень для кулеврин, искушая своей беззащитностью.

Упускать такую возможность не стоило, тем более что артиллеристам в дальних ромбах по большому счету пока делать было нечего – атаке подверглись только первые два редута. Вскочив на коня, Гордиан что есть мочи бросился туда.

В это время расстояние между пикинерами Бавена и линией вагенбурга стремительно сокращалось. Трэйт не имел серьезных орудий, поскольку вся артиллерия в этот день стояла на «ромбах», однако мушкетеры присутствовали в избытке. Возы и телеги в длинной цепи обороны были просто утыканы стрелками, и каждый боец при этом имел при себе по три-четыре заряженных мушкета. Перезаряжать в ходе боя предполагалось только один из них. Остальные три предназначались исключительно для первых секунд боя, чтобы дать по атакующему врагу максимальное количество залпов за единицу времени. И вот, как только рубеж для прицельного огня был пройден, дула мушкетов неспешно поднялись, выискивая свои жертвы!

Первый ряд мушкетеров лежал на земле, второй стоял, упав на колено, третий – пригнувшись, а четвертый – в полный рост. По командам офицеров, скоординированным сигналами горнов, мушкетеры дали залп, отбросили первый мушкет и дали второй, третий, четвертый – и только потом начали перезаряжать свое последнее оружие.

Огонь мушкетеров, данный «накатом», нескончаемой волной сокрушительных залпов, с близкого расстояния по плотным рядам, был страшен. Менее чем за минуту тысячи тел пали к ногам своих товарищей, сраженные пулями сервских ружей. Однако мужество королевских солдат, штурмовавших редуты, не смог поколебать даже огонь чудовищных картаун, и было наивно надеяться, что их товарищей перед вагенбургом устроят залпы всего лишь мушкетов.

Шагая по трупам своих товарищей, пикинерские терции, эти адские машины разрушения и убийства, созданные военным гением Господа Хепри для покорения стран и континентов, неустрашимо перли вперед. Вот мушкетеры Трэйта дали последние залпы. Вот, пристегнув штыки, они устремились назад, за возы и телеги под прикрытие своих алебардчиков, образуя за ними вторую линию обороны. Вот первые шеренги атакующих бригад подошли к возам, бросились на них и... остановили свое движение.

Телеги, поставленные «на попа», представляли собой в некотором смысле довольно нелепое и смешное препятствие. Каждый пехотинец в отдельности преодолел бы его без труда. Однако скованные возы невозможно преодолеть строем! Уткнувшись в вагенбург, терция внезапно теряла свою сплоченность, а организованный бой мгновенно превращался в хаотическую резню.

Пикинеры первых рядов со своим длинным оружием оказались просто обречены, ибо стоять в мешанине сражения с трехметровой пикой в руках вне упорядоченного боевого строя – самоубийство по определению! Кроме того, в этой ситуации им противостояли бойцы на перевернутых возах, располагавшиеся почти на метр выше атакующих. В результате очень скоро сражение превратилось в жестокую, кровавую и совершенно не управляемую схватку, в которой обе стороны брали не столько умением и сноровкой, сколько натиском и яростью. И хотя королевские солдаты имели преимущество опыта, алебардчики-сервы имели преимущество в высоте и держались стойко, раз за разом отражая наскоки королевской пехоты, в целом размен в этой страшной партии шел почти на равных, павший серв падал к одному зарубленному пикинеру. Ряды оборонявшихся сокращались с каждой секундой, но и силы нападавших таяли прямо на глазах.

Вскоре, не выстояв в истребительной мясорубке, королевские полчища откатились, оставив на алебардах оборонявшихся кровавую пену и на поле брани горы тел, практически сравнявшиеся по высоте с телегами вагенбурга.

В тот же момент алебардчики и пикинеры повстанцев также соскочили с возов, но не в сторону врага, а назад, уступая место своим стрелкам. Те выбегали навстречу, укреплялись за повозками и тут же палили, не дожидаясь команд офицеров.

Вскоре от первой линии остались одни ошметки, судьба первого королевского эшелона была практически решена. Но в это мгновение к месту непрекращающейся резни подошел второй эшелон. По нему уже некому было стрелять, и свежие полки бросились на штурм.

В первые же секунды их бешеный натиск и ярость, порожденная видом павших и раненых товарищей, чьи бездыханные или стенающие тела усеивали широкой полосой

пространство перед вагенбургом, почти сокрушили измотанную линию обороны. Вражеские ряды то тут, то там вскарабкивались на повозки, буквально сметая с них сервов, затем прыгивали, разрубали алебардами сковывающие их цепи и растаскивали примитивные укрепления Армии рабов. Затем группы ожесточенных схваткой бойцов острыми клиньями вгрызались в образовавшиеся разрывы, перемалывая защитников. Казалось, еще немного – и сервы не выдержат, побегут, настолько разительным было проявленное регулярной армией превосходство в рукопашной.

Кровавая линия, на которой топтались и умирали десятки тысяч людей, оказалась натянута как струна, колеблясь то в ту, то в другую сторону, вибрируя под натиском пехотных колонн и с каждым содроганием разбрасывая в стороны вместо музыкальных аккордов брызги истерзанных человеческих тел. Неустойчивое равновесие на мгновение застыло над полем, и чаши весов, измеряющих удачу каждой из армий, закачались, готовые склониться в сторону наступающих от малейшего усилия.

Бавен глядел на развернувшуюся перед ним картину боя в подзорную трубу, не отходя от палатки. С момента, когда его терции сделали первый шаг навстречу врагу, он смотрел на завораживающее и жуткое полотно сражения, не отрывая глаза от окуляра. Наконец, когда вагенбург был прорван, он отодвинул запотевшее стекло от налившегося кровью ока, потер ладонью лицо и взглянул на стоящих позади него офицеров.

Те стояли неподвижно, также не отрывая взглядов от жестокой рубки на левом фланге Армии рабов. Было ясно, что судьба сражения может решиться буквально в следующие несколько минут. Если пехотные терции Бавена прорвут оборону на левом фланге повстанцев, битва будет выиграна. Конный резерв рейтар ворвется в образовавшийся прорыв, выйдет на широкое пространство прямо в тыл врагу и копытами своих коней по горло вобьет в степной ковыль беззащитных пехотинцев.

Бавен поднял руку со сложенными вместе указательным и средним пальцами. Штабной офицер, увидев знакомый жест, застыл, не отрывая глаз от командира.

– Третью линию – в бой! – скомандовал Бавен и лихим жестом устремил свои сложенные пальцы в направлении левого фланга сервов.

Тысячи людей вздрогнули. Штабной офицер двинул бровями, вестовые понеслись вниз с холма к стоящим в ожидании терциям третьего эшелона. И последняя пехотная линия карательной армии мерным шагом двинулась к остаткам вагенбурга.

Задышавшись от бега, Гор достиг четвертого редута, перебрался через ров, вскарабкался на вал и запрыгнул внутрь укрепления. Бойцы стрелковой дивизии, засевшие на ретраншементах, смотрели на него. Их было немного, тех, кто первыми услышал его прерывистое дыхание и видел то, как Тринадцатый пророк сначала на лошади, а затем на своих двоих преодолел почти километр от первого редута до четвертого. И, пачкаясь в земле, перелез через вал и ров.

Стараясь успокоить дыхание, Гор молча прошел через весь редут, растолкал сгрудившихся бойцов, залез на земляную насыпь, смотревшую прямо в бок смешавшимся вражеским терциям, взглянул на кипящую там горячую рубку.

Затем лихо прыгнул, подозвал капралов орудийных расчетов и по возможности просто объяснил, что ему от них требуется. Те подтвердили, что всё поняли, разбежались по батареям и принялись подталкивать людей и разворачивать пушки.

Все орудия, которые можно было снять с других направлений, немедленно перенесли на левый вал укрепления. Перемещались преимущественно длинноствольные кулевины и мортиры, поскольку имели приемлемый вес и их перенос не требовал больших усилий и времени. Тяжеленные осадные картауны, для установки которых требовалось специально готовить земляной вал и замурованную в нем огромную деревянную колоду-балку, Гор велел не трогать. С другой стороны, с мест не снимались и легкие полукулевины. Их могла перекатить с места на место всего пара бойцов, однако били они слишком близко и могли попросту не достать до топчущихся перед вагенбургом пикинеров Бавена.

Одновременно с началом перемещения батареи Гордиан послал вестового к пятому

редуту, стоящему на одном уровне с вагенбургом Трэйта. Крайние орудия этого редута могли достать до места баталии и поддержать попытку Гора. Вот только, успеют ли они изготовиться к огню до того, как левый фланг рухнет? Гор еще раз осмотрел место сражения и третий эшелон Бавена, гулко ступающий по полю тяжелыми сапогами.

От линии вагенбурга их отделяло уже не более двух сотен шагов, и скоро третий эшелон Бавена обрушился на обороняющихся, словно удар тяжелого топора. Натиск последней, третьей, волны был действительно страшен – линия сражения тут же дрогнула и изогнулась как готовая лопнуть тетива, натяжение которой усиливалось с каждой секундой. Глубина атакующих терций составляла пятьдесят человек, а вместе с остатками первых двух эшелонов превысила сто рядов, каждый из которых давил на марширующих впереди. В первых рядах даже мертвые пикинеры оставались стоять, зажатые между бойцами Трэйта и наседающими сзади товарищами.

С дружным уханьем, упираясь плечом и наверху шлема в закрытую кирасой спину впереди идущих братьев по оружию, пикинеры шаг за шагом оттесняли защитников уже несуществующего вагенбурга. Пики и алебарды удерживались сразу десятком рук и вылетали вперед, подгоняемые силой четырех или пяти человек, которую невозможно было отразить. Они пробивали доспех, как картон, прошивая своим острием по паре человек сразу.

Бавен все правильно рассчитал. Место было слишком узким, и офицерам его атакующих колонн не пришлось растягивать фронт, чтобы охватить всю оборонительную линию противника. Напротив, пехотные колонны королевских пикинеров из-за узости пространства чуть не сталкивались одна с другой, маршируя плечом к плечу, кираса к кирасе.

Подойдя к вагенбургу, где пространство между каменистым склоном справа и редутами слева оказалось самым узким, терции смешивали ряды, превращаясь в одну огромную расхристанную массу, страшной глубины и чудовищной силы. Ни о каком порядке и построении в таких условиях уже не могло быть и речи. К тому же свою лепту в смешивание построений вносил сам вагенбург, разрушавший движение строем. Однако в такой тесноте это уже не было необходимым.

Пикинеры королевских терций просто давили своей массой вперед. Перли, задыхаясь от ярости, на узкую линию защитников, стаптывая роты и полки Трэйта один за другим, как стадо слонов стаптывает кустарник.

Еще несколько минут, и вагенбурга уже практически не существовало. Изломанной линией телеги и возы были раскиданы по всему кровавому отрезку сражения, от каменистых холмов до редутов, в совершенно хаотическом порядке. Сковывывавшие их железные цепи были разорваны, а сами повозки оказались попросту разбиты наседающим человеческим морем на куски, либо засыпаны кровавыми телами.

– Первый редут пал, – сообщил Гору подбежавший вестовой, но тот даже не обернулся, тщательно выцеливая по насечкам ствола ближайшую плотную толпу пехотинцев. Редутов построено пять, и остальные четыре должны задержать врага достаточно надолго, чтобы он смог сделать хотя бы залп по атакующим терциям пикинеров.

Согнувшись чуть ли не вдвое, Гордиан сосредоточенно вглядывался в мушку заряженного орудия, совмещая специальную прицельную планку с целиком, корректируя дальность и горизонт. Наклон по высоте, обеспечивающий необходимый для успешного выстрела угол, регулировался специальным воротом, управляющим примитивным клином, а направление по горизонту просто поворотом всего орудия. Получалось не слишком удобно, но наконец орудие устремило свое огнедышащее жерло прямо в гущу атакующей толпы. Гордиан оторвался от ствола и взглядом obeжал всю только что установленную на левом валу батарею.

Кулеврины и мортиры были готовы, а орудийные наряды ждали только сигнала к открытию бешеного шквального огня. В это же время над пятым редутом, в котором также велась подготовка к огневому бою, взметнулся алый флаг, означавший готовность к стрельбе по противнику. По большому счету, последние тягостные минуты Гор ждал только этого

сигнала. Взоры капралов были устремлены на него.

Набрав в легкие воздух так, что, казалось, сейчас треснут ребра, он исторг из недр груди крик, дикий и яростный как рык раненого животного.

– Ого-о-нь! – проорал Гордиан, срывая горло.

Две сотни фитилей прикоснулись к вингидам.

Две сотни свинцовых жерл с шумом выдохнули пороховой смрад.

И в копоти этого смрада, в дыму и пламени воздух прорезали две сотни злобных чугунных ядер.

Недаром Гор заставил своих бойцов потратить несколько драгоценных минут на тщательное выцеливание: ядра били не в бок атакующим колоннам, а прямо в их гущу. И хотя промахнуться по огромному человеческому морю было попросту невозможно, именно этот исключительно точный удар в центр смешавшихся терций, прямо перед прогнувшейся линией обороны, в одно мгновение решил судьбу этой последней пехотной атаки.

Потерявшие поддержку из глубины, первые шеренги наступающей пехоты тут же дрогнули, смешались и откатились назад, оставив за собой сотни трупов, утопающих в лужах крови.

Попавшие под залп пикинеры сразу ослабили натиск. Урон, нанесенный огнем орудий, был не слишком велик по сравнению со всей их огромной массой, но велика была растерянность.

Палили по ним не с фронта, а с боку и с верху, с позиций, которые лежали вне направления их движения. Если бы стрельба велась с атакуемых позиций, возможно, это только усилило бы натиск на линию обороны, но удар артиллерии был нанесен во фланг.

В отчаянном и великолепном броске, которым стала атака третьего пехотного эшелона, полки и роты смешались в один плотный клубок, распутать который под сосредоточенным огнем артиллерии в эти краткие завершающие мгновения боя было уже невозможно. Гор понял, что для сосредоточенных залпов и скоординированного огня просто нет времени и велел расчетам кулеврин стрелять по ближайшим целям, а мортирным командам – по-прежнему хлестать картечью центр вражеского скопления.

Орудия еще раз отрегулировали направление своего огня, выбрав новые мишени, и с размеренной частотой принялись изрыгать смертоносный огонь по плотной толпе пикинеров. Смешанная толпа, метнувшаяся было в сторону исторгающих пламя редутов, тут же откатилась обратно встреченная ядрами и жестокой картечью.

В принципе такой колоссальной массе войска ничего не стоило дойти под сосредоточенным огнем до укреплений Тринадцатого пророка, но для этого требовалась согласованность действий. Согласованность, которую невозможно придать смешавшимся частям, стоящим под жестоким артиллерийским обстрелом. В атаку бросались лишь беспорядочные группы, стоящие ближе всего к редутам и составленные из бойцов различных полков. Основной порыв пикинеров по-прежнему был направлен вперед, на линию обороны Трэйта.

Гор злобно усмехнулся и продолжил обстрел.

Теперь в центре пикинерской массы творилось просто нечто невообразимое, здесь царил Ад. Мечущиеся в тесноте королевские солдаты стояли так плотно, что ни один свинцовый шарик из картечного подарка не бил мимо, безошибочно находя свою цель и сшибая наземь по два-три человека каждый.

Ряды окончательно смешались. Пикинеры не могли одновременно атаковать в нескольких направлениях, бросались в стороны, а большей частью стояли на месте, топчя готовое стать их общей могилой поле. Стояли в том страшном бездействии, которое не допустимо на войне. Бавен терял свою пехоту в огромном, на полполя котле.

Гордиан отошел от перегретого ствола, уступая место штатному бомбардиру, и посмотрел вокруг. Левый фланг удалось отстоять, это ясно. В центре пехотные подразделения Бавена, овладевшие ценой огромных потерь первым редутом, пытались взять второй. Теперь, когда восемьдесят процентов пехоты Бавена истреблены или добиваются

артиллерией перед левым флангом Трэйта, за безопасность редутов не стоит беспокоиться. У Бавена просто не хватит пехотинцев, чтобы с такими потерями овладеть всеми пятью земляными ромбами.

Но что происходит с кавалерией? Гордиан развернулся и устремил свой взор на великолепное конное каре, атакующее правый фланг рабской армии.

Сердце его упало – ничего еще не было решено!

Все это время события на правом фланге разворачивались очень стремительно и не слишком удачно.

Сначала тяжелая кавалерия Бавена одновременно с первым эшелоном пикинеров, атаковавших в этот момент левый фланг Трэйта, начала разворачиваться для атаки. Конные жандармы, в полном доспехе и тяжелом плаще, с глухим шлемом-бацинедом, с карабинами в руках и тяжелыми кавалерийскими палашами, висящими на бедрах, медленной рысью приближались к противнику для короткого и несокрушимого броска.

Доспехи жандармов были черны как вороново крыло, а плащи были алыми как кровь.

Огромная кавалерийская масса постепенно заполнила все пространство от атакуемых пехотой редутов до великой реки, превращая зеленое поле травы в черно-красный человеческий океан.

Правый фланг сервов был короток, и здесь также поставили линию вагенбурга, призванную защитить солдат Республики от атаки врага. Линия скованных цепью возов тоже начиналась от редутов, но шла не до вод Кобурна, а до рощи, раскинувшейся вдоль берега.

Флангом командовал бывший лавзейский габелар Крисс. Перед началом королевской атаки он забрался на перевернутую телегу и с тягостным чувством наблюдал за наползающей тучей всадников – лучших всадников континента.

Не желая размениваться на мелочи и надеясь сразу сокрушить оборону сервов, шательены в штабе Бавена (во главе, разумеется, с лордом Хавьером) настояли, что в атаку в первых рядах пойдут не конные рейтары, имеющие более легкое вооружение, а эскадроны жандармов, набираемые исключительно из благородных дворян.

Хавьер видел, что перед линией вагенбурга орудия полностью отсутствуют, к пальбе же мушкетеров он изначально относился с презрением. Не было сомнений, что, несмотря на удивительную фантазию предводителя рабов, этого пресловутого «рабского маршала», догадавшегося перевернуть возы и насыпать валы на поле, королевская тяжелая кавалерия сокрушит сервов-новобранцев как тяжелый молот разбивает хрупкое стекло.

Вагенбург, безусловно, в состоянии замедлить движение жандармов, но остановить его – никогда! Бавен пытался возражать, предлагая двинуть вперед сначала рейтар, чтобы хоть немного подавить мушкетеров огнем карабинов и пистолей, но потом сдался и выдал Хавьеру полный карт-бланш на командование кавалерией.

В принципе, он тоже был уверен, что его лихая конница (неважно рейтары или жандармы-шательены) легко сокрушит ненадежную линию из перевернутых телег и сервов-молокососов, а потому отдать всю конницу в руки Хавьера у него был свой резон. Ведь в случае, если вперед пойдут жандармы с Хавьером во главе, то, даст бог, ублюдка свалит шальная пуля. Тогда и пререкаться в будущем станет не с кем.

Так что генерал со спокойной совестью отдал соответствующее распоряжение своим офицерам, и Хавьер отправился к эскадронам.

То, что предводительствовать в атаке жандармов должен самый знатный из зачисленных в полк господ шательенов, было старой дворянской традицией. Она не распространялась только на самого короля и командующего армией, однако внутри самих гвардейских полков обычай оставался нерушим. Командующий кавалерией всегда шел впереди рыцарского строя и первый врзался во вражеские шеренги.

В принципе Хавьер был достаточно осторожным человеком, даже несколько трусливым, и старался не подставлять себя под пули по пустякам. Однако главным стимулом его такой красивой и такой никчемной жизни являлась бесконечная и безудержная бравада. Именно она – эта дикая смесь чувства гордости и болезненного тщеславия – заставляла его

выходить на ристалища для драк с консидориями за титул чемпиона авеналий. Именно она повела его сегодня во главе десятков тысяч закованных в латы жандармов на штурм рабских укреплений.

И надо отдать должное, выехав сегодня на поле битвы, лорд Хавьер Садият Арес, герцог де Катрюшен и коннетабль Его Величества Вечного Короля был просто великолепен.

В черных доспехах, украшенных золотым тиснением, в развевающемся по ветру алом плаще на плечах с пряжкой из крупного бриллианта, он двинулся вперед на огромном вороном жеребце, держа правую руку поднятой вверх и согнутой в локте, на манер рыцаря, когда-то увиденного им на старинной гравюре. Именно так выезжал на битву во главе своих полчищ сам Господь Хепри. Позади него с огромным черно-золотым штандартом гвардии ехал рослый знаменосец, поддерживая древко своей почетной ноши обеими закованными в латы руками.

Следуя за своим предводителем, очень медленно, спокойным и благородным шагом жандармы вышли на дистанцию атаки и развернулись по полю огромным каре напротив правого фланга армии рабов.

Хавьер опустил руку, красивым театральным жестом извлек из ножен украшенный серебром и платиной палаш, воздел его вверх и тронул коня кончиками шпор. Могучее животное заржало, нутром предчувствуя предстоящее горячее дело, и чуть ли не с места перешло с шага в галоп, хрипя и грызя удила в предвкушении боя. Вместе с движением командира вся огромная масса конницы, словно на мгновение застывшая в молчании перед атакой, взорвалась криками людей и хрипами надсаживающихся в беге животных.

Взревели рожки, и тысячи сверкающих палашей взлетели к сияющему в небесах солнцу. Чудовищная сила рухнула по скатам холмов на нелепые укрепления сервов, чтобы смешать их с землей и пылью под копытами жеребцов!

Укрепившиеся за телегами и возами мушкетеры, так же как их товарищи на другом конце поля, дали залп из первого мушкета, отбросили оружие, дали залп из второго, третьего, схватились за четвертый и...

Разница между кавалерией и пехотой оказалась чудовищной. Пока на правом фланге пикинеры прошагали едва ли десяток метров, жандармерия пролетела все сто! Мушкетеры даже не успели отстрелять из второго и третьего мушкета, как грозные всадники оказались перед возами.

Бросив лишнее оружие и вцепившись в единственный оставшийся для боя мушкет, стрелки бегом отхлынули от телег, спасаясь от наступающей конницы. На их место тут же стали заступать алебардчики и пикинеры, но движениям их не хватало скорости – ведь пехотинцам нужно было не столкнуться друг с другом и перемещались они организованными группами, а не сплошным потоком. Поэтому жандармы оказались на линии одновременно с ними.

Еще не все алебардчики успели занять свои места на возах, а лихие всадники уже вскочили на телеги, бешено вращая мечами. Огромные скакуны играючи перелетали через цепи, сковывающие возы, и обрушивались на подбегающих к вагенбургу пехотинцев. Организованная оборона оказалась сорвана в одно мгновение, и Крисс, не дожидаясь прорыва, был вынужден тут же ввести в бой свою вторую, а затем и третью линию.

И все же вагенбург замедлял этот натиск противника. Всадники преодолевали его достаточно легко, однако при этом замедляли бег своих великолепных скакунов, лишаясь основного преимущества атакующей кавалерии – скорости, помноженной на массу. Жандармы не сшибали пехотинцев, как привыкли, своей тяжестью и бешеным галопом, а рубились на месте, кружась волчком.

Алебардчики встали плотной стеной, действуя своим страшным оружием и нанося всадникам ужасные, разваливающие удары. Мелькали в сумасшедшем темпе минуты, сопровождаемые глухими ударами падающих на землю тел и скрежетом пронзающего доспехи металла. Однако жандармы оказались слишком хороши, а сервы – слишком неопытны, и натиск железнобокой конницы медленно, но неуклонно оттеснял

сопротивляющуюся пехоту назад, дальше от вагенбурга. Спешившиеся жандармы прямо за ними разрубали седельными мечами сковывающие телеги оковы и растаскивали возы в сторону, освобождая, таким образом, путь следующим за ними волнам всадников. Давление нарастало.

Гор видел все это с высоты земляной насыпи своего редута, и мысли металась в его голове.

Хорошая пехота, вооруженная на манер солдат Крисса – длиннодревковым оружием типа алебард и протазанов, должна была искрошить потерявшую натиск кавалерию в мелкое рагу. Однако этого не случилось, видимо, сказывалась личная подготовка кавалеристов и солдат-рабов – шательены, привыкшие с детства к седлу, и вчерашние рабы принадлежали к слишком разным бойцовским категориям. Великолепные всадники казались многорукими, многоногими чудовищами! Они расстреливали растерянного врага сначала из своих карабинов и пистолетов, а затем – валили пехоту палашами, рубя наотмашь с шеи до бедра.

Жандармов, конечно, тоже сбивали с седел в огромных количествах, однако каждый шательен уносил с собой по троице пехотинцев. За изрубленной волной кавалерии следовала другая, а за ней – еще одна. И каждая такая волна оттесняла сервов все дальше и дальше от вагенбурга, проходы в линии возов и телег становились шире, а пространство поля, на котором шла рубка, – всё увеличивалось.

Так же как и на левом фланге несколькими минутами ранее, бой приближался к своей критиче-ской точке. Гордиан смачно сплюнул и подозвал к себе офицеров.

– Развернуть орудия! – приказал он и бросился к укрепленным на лафетах стволам.

* * *

А Бавен в это самое время нервничал.

Схватка на правом фланге шла почти сорок минут. Сейчас, когда на левом фланге сервов поражение его пехоты казалось почти бесспорным, судьба сражения должна была решиться его кавалерией здесь, на правом крыле.

Но кавалерия продвигалась слишком медленно, и слишком велики были потери. Атака явно задыхалась, и наметанный глаз генерала уловил, что с отходом от вагенбурга пространство между лесом и редутами стало шире, жандармы вынуждены атаковать на большем фронте, размазывая свои эскадроны и уменьшая давление. Медленно, как будто на плечах лежал какой-то тяжелый груз, генерал повернулся к штабному офицеру.

– Им нужна поддержка, – то ли спросил, то ли заявил он.

Офицер печально скользнул быстрым взглядом по рядам стоящих у подножия холма полков.

– У нас остались только рейтары, Ваше превосходительство. Две роты охраны, а также обслуга обоза. Четыре рейтарских полка – это ваш последний резерв, сэр. Прикажете ... распорядиться?

Бавен отвернулся и окатил поле мрачным взором. Что ж, кто не рискует, тот не побеждает никогда.

– Да, – хрипло выдохнул Бавен. – Прикажу – рейтаров в бой! Нужно поддержать жандармерию. Там есть просвет между ними и этими необычными земляными укреплениями. Пусть свежие полки атакуют мимо них, в самый центр противника. Прорвем их строй, и победа будет наша. Исполняйте!

Офицер умчался, а старый генерал, сам не понимая зачем, вытащил из ножен свою саблю и вложил обратно. Проверил, как выходит, ведь чем черт не шутит? Может, сегодня и самому драться придется, а если нет – так хоть зарезаться.

В этот момент нечто странное коснулось слуха бывалого вояки. Что такое? Новые залпы? Крики атакующих? Проклятия смертельно раненных? Хрипы гибнущих лошадей? Нет, то была тишина.

Относительная тишина гремевшей по километровому полю резни. Крики были. И был

боевой клич, и свист пуль, и визжание ружейной картечи. Но смолкли орудия.

С дрожью в ладонях Бавен поднял свою «подзорку».

На третьем, четвертом и пятом редутах, не смятых еще натиском его умирающей пехоты, орудия не стреляли. Всеми силами артиллерийских расчетов они разворачивались направо!

Тем временем рейтары выехали на поле и рассеялись облаком, заполняя крупами своих коней и собственными цветастыми плюмажами все пространство между редутами, рекой и «кипящей» линией сражения.

Свежие и не измотанные предшествующей двухчасовой мясорубкой легкие кавалеристы выезжали на битву не так помпезно, как шательены, но с не менее серьезными намерениями. Для потрепанных сражением полков Трэйта новая (и последняя) атакующая волна казалась чем-то неодолимым. Еще? Да сколько можно!

Развернувшись «лавой», легкая кавалерия короля прошла сквозь никем уже не обороняемый вагенбург, вышла на открывшееся за ним пространство и, пропустив сквозь строй откатившиеся по команде назад остатки шательенской конницы, швырнула себя на врага. Вагенбурга тут не было, как не было и организованных полков. Оставшиеся в живых защитники правого крыла, выстроившиеся вместе с ними спешившиеся драгуны, переброшенные с других направлений пикинеры и алебардчики стояли тонкой линией, пошатываясь от усталости и ненасытного упорства атакующего противника.

Бавен вывел свой последний резерв. Но у сервов – резерва не было вообще.

Свежие отряды бешеным галопом вонзились в разрушенный вагенбург и принялись топтать жалкую линию обороны.

Но артиллеристы Гора уже завершили перенос и установку орудий, и те дали залп. Уже в который раз огнедышащие чудовища исторгли из своих жерл картечь и обрушили ее на головы атакующих!

Сейчас картечь била по наступающим не на излете, а почти что в упор, ведь под углом сорок пять градусов кулеврина-двенадцатифунтовка достает почти на километр, а сейчас расстояние составляло от силы метров пятьсот.

И рейтары, а с ними остатки жандармов рухнули на поле тысячами вместе со своими конями.

Бавен вытер холодный пот. То, чего он ждал эти несколько минут, глядя на выход из лагеря своих последних эскадронов, все-таки случилось. Огнедышащие редуты сервов сделали свое дело. На зажатые в тисках между рекой и лесом компактные, «сбитые» ряды его кавалеристов в несколько залпов вылился смертоносный свинец. А в отличие от атакующих на левом фланге пехотинцев, количество которых измерялось почти сотней тысяч, число королевских кавалеристов все же было не столь велико. Рейтар в атаку вышло всего шестнадцать тысяч. Пехотинцев на левом фланге оставалось около сорока тысяч и жандармов на правом – от силы сотен двести.

Колоссальные потери этого дня, понесенные как атакующей, так и обороняющейся стороной, делали незначительное число свежих рейтар резерва существенным фактором в сражении полумиллионной солдатской массы. Но для того чтобы смешать их с землей, потребовалось всего несколько добрых залпов. Бавен глядел на измызганные в кровавый прах свои отборные эскадроны и только сильнее стискивал челюсти.

То, что вытворял на поле этот поганый серв, было немыслимо! Никогда еще великолепные эшвенские бригады не расстреливали из пушек. Всегда стреляли только они, ибо ни одна нация кроме Эшвена, не имела в этом проклятом мире доступа к технологиям храмов Хепри, к электричеству и Хеб-седу, к клонированию и нуль-синтезу, к пороху и мушкетам! Почти идеальная, несокрушимая военная система, отработанная столетиями победоносных войн, созданная на самой заре истории гением Господа Хепри впервые на человеческой памяти оказалась сокрушена – его же оружием! И кем? Погаными сервами, впервые увидевшими кулеврину едва ли месяц назад!

Бавен покачал головой. Кривая усмешка судьбы – именно ему, сенешалю Артоша и

знаменитому воеводе, выпала кошмарная честь стать пионером в этой сомнительной практике!

Позор. Слезы подкатили к глазам. Комок застыл в горле.

Но нет, подумал он, нужно сдержаться, обстрел продолжается, и пока он рефлексировал здесь в своей ставке, там на истоптанном ковыле с каждым новым залпом гибнут сотни бойцов!

Спасительное решение трепетало в его голове как подраненная дробью птица. Спасительное решение – единственное и... презренное.

– Назад! – заорал Бавен. – Назад!

И развернулся к своим офицерам.

– Поле потеряно, – внезапно севшим голосом произнес он, – но не потеряны полки! Вестовых – к рейтарам! Третий полк выходит за линию действительного огня противника, перестраивается и прикрывает отход. Остальные выдвигаются на тракт. Остаткам пехоты выдвигаться туда же. Двигаемся на юг, к Бургосу, организованно и быстро. Дезертиров стрелять на месте! И вывозите обоз, к чертовой матери, вывозите!

Остатки кавалерии откатились назад. Преследуемые только пехотой и спешенными драгунами, оставшиеся в живых после яростного обстрела королевские всадники быстро оторвались и начали со всех ног улепетывать с поля боя, покрывшего их вечным позором.

Кони под рыцарями задыхались, да и сами изнуренные, окровавленные и униженные поражением от рабов бойцы глотали открытыми ртами воздух, то ли от бешеной скачки, то ли гнева и ужаса, захлестнувших само их существо.

* * *

– Сэр, они отходят! Слишком быстро, наши не успевают догнать!

Гор кивнул.

– Вижу.

После очередного залпа орудия перезаряжались. Буквально через минуту стволы рванут снова, однако... однако этот залп судя по всему будет последним, поскольку после еще одной перезарядки отступающие королевские всадники выйдут из зоны действительного прямого огня.

Отступающая «лава» королевских рейтар была развернута к ним самым краем, тонким боком вытянутой в струну линии. Ядра не долетали и до середины. Часть рейтар, попавшая под обстрел, рассеялась, откатившись ближе к реке, однако основная масса конников, оказавшаяся за линией огня, продолжала отступать с поля вполне безнаказанно.

Несколько десятков пар глаз из ближайших орудийных расчетов устремились на своего командира, или на своего пророка-освободителя, словно спрашивая, позволим ли уйти противнику?

Гордиан мотнул головой.

– Примкнуть штыки! – вскричал он. – Берем рогатки – и в поле.

Мушкетеры вышли несколькими компактными колоннами. Уцелевших всадников, как жандармов, так и рейтар, оставалось порядка двадцати тысяч сабель. Пехотинцев Бавене на левом фланге – сорок.

И триста тысяч трупов всех остальных...

Большая часть защитников редутов и, прежде всего артиллеристов, осталась на своих позициях, продолжая поливать свинцом остатки пикинеров на левом фланге и замешкавшихся на правом всадников. Гор взял только «лишних», тех, кто не обслуживал орудия, тех, кто не стрелял. Он вывел свой ничтожный отряд во фланг и в лоб отступающей «лаве», чтоб задержать их бег лишь на несколько минут и дать драгунам возможность Крисса настигнуть и добить удирающего противника.

Мушкетеры встали в линию, разбившись как всегда на роты по шесть шеренг в глубину сомкнутой колонной поперек поля, и выставили перед собой рогатки на крестовинах.

Первый ряд привычно упал на колени. Второй встал пригнувшись. И третий – в рост.

* * *

Хавьер в этот день уцелел чудом. Возможно, его спасла счастливая звезда, сделавшая его шательеном Эшвена и бессмертным лордом, а возможно, то, что после красивого выхода во главе конной «лавы» он держался преимущественно середины строя, вызывая презрительные взгляды товарищей по оружию и безусловное одобрение своего собственного инстинкта самосохранения.

Окончательная смерть ему не грозила, это да, но деньги, деньги – Хеб-сед стоил дорого. Поэтому отступал он первым. Впрочем, оставаться первым тут было трудно. Отступающие неслись во весь опор, выполняя команду Бавена, и, что греха таить, подстегиваемые страхом перед очередным залпом ужасных «рабских» орудий.

Еще немного, еще метров двести, и линия, за которой огонь кулеврин так смертелен, останется позади. Но вдруг они встали – первые ряды осадили коней, вторые налетели на них сзади, сталкивая с седел людей и сбивая с ног могучих животных.

Посреди поля, за искусственным палисадом из остро отточенных жердей, ровной линией стояли презренные во всяком войске стрелки. Без поддержки алебардчиков, без копыеносцев – только ружья.

Хавьер взревел во всю мощь своих легких, а вместе с ним, то ли повторяя его клич, то ли провозглашая свой, сама собою взревела еще тысяча шательенских глоток.

Проклятые сервы! Совсем обнаглели? Выходить мушкетерским строем против жандармерии и рейтар?

И конница ринулась в бой. Сражение проиграно, да, но этих мы стопчем!

Лорд Хавьер пришпорил вороного, и лихой скакун одним махом перелетел через палисад из рогаток. Вместе с лордом это сделали еще несколько всадников и, размахивая мечами, врубались в мушкетерский строй.

Внезапно перед лордом возник мушкетер. Один, даже без клинка, всего лишь с мушкетом. И сделал выпад ружьем! Сначала лорд даже не понял сути маневра, не сделал ни попытки уклониться, ни отбить удар, лишь направил скакуна ближе, чтобы достать глупца палашом и тут... его животное мощным движением вскинулось и осело наземь, тяжело заваливаясь на бок. Мелькнул мушкет, на стволе которого, сверкая багряным, был закреплен клинок, напоминающий острие алебарды.

Над головой грянул залп. Сплошным накатом три ряда заряженных мушкетов выпалили картечью в упор. Пять рядов кавалерии рухнули наземь. Оставшиеся, кто избежал ранений, закружились на месте, не решаясь атаковать. Где-то чуть далее, примерно метрах в трехстах от образованного мушкетерами живого заслона, на пятки отступающим рейтарам и жандармерии наступал Крисс: «мешок» закрылся, отступление провалилось.

Немного придавленный трупом собственной лошади, лорд Хавьер судорожно пытался выбраться. В голове его был закреплен шунт, обеспечивающий передачу сознания в ближайший храм Хепри для осуществления очередного Хеб-седа, однако если сервы успеют *вырезать* устройство у него из виска (а эта процедура была возможна), то он лишится своего бессмертия напрочь.

Хавьер дергался, пытаясь отодвинуть тушу коня, но ничего не получалось.

– Вам помочь, сударь? – один из мушкетеров-рабов присел перед ним на корточки.

– Если возможно, сударь, – словно в припадке заорал шательен. – Хотя какой ты «сударь», сервская рожа...

И осекся – перед ним был Фехтовальщик. От ненависти, переполнившей его горло, Хавьер аж захрипел.

– Какая честь, – воскликнул серв – вы, сударь, меня узнали. И, как вижу, в ваших краях все хорошо с Хеб-седом, ибо последний раз я видел вас коленопреклоненным и с каленым клинком где-то в области сердца, не так ли?

Еле сдерживая кипящую внутри злость, Хавьер выдавил с угрожающим львиным рыком:

– Я это, братец, тоже помню. И не забуду, уж ты поверь. И я требую реванша! Так что, если в тебе, отродье, осталась хоть капля чести, то позволь мне выбраться. Скрестим клинки в честном бою! Тогда в Бронвене ты, братец, не слишком честно меня одолел. Совесть-то не мучает?

– Совесть? – Гордиан дернул бровью. – Странно, что вам, сударь, знакомы такие хорошие, добрые слова. Что же до поединка...

Гор привстал и, стараясь не выпускать поверженного Хавьера из поля зрения, устало посмотрел во-круг. Окруженные рейтары спешивались и сдавали оружие. Где-то далеко за спиной улепетывал по тракту, пыля в небеса, старина Бавен. На левом фланге, где сдавшихся пикинеров уже успели разоружить, ликовали сервы.

Руки и ноги болели, готовые отвалиться. Горло, не промоченное с утра и росинкой, горело, как паровозная топка. Глаза, разъеденные пороховым дымом и гарью, сильно слезились. Честный бой? Да иди ты к черту.

– Извини, – сказал Гор. – Сегодня не подаю.

Он вытащил клинок, перехватил его обеими руками и аккуратным движением пришил голову лорда к крупу его благородной лошади. Через висок человека – к бедру животного. Одновременно превращая «бессмертный» шунт в лом из железа.

Потом снял треуголку, взъерошил волосы и поплелся к редутам.

Хотелось пить и умыться. В редутах была вода.

* * *

Пошатываясь после пережитого, Гордиан устало побрел от редутов мимо тысяч тел, лежащих разноцветным ковром по всему полю. Такого количества мертвечины он не видел никогда прежде. Ташское поле казалось скромной усыпальницей по сравнению с развернувшимся вокруг титаническим кладбищем. Люди и лошади, останки разбитых возов, исковерканные доспехи, обломки пик, разрубленные головы в смятых рокантах – все это на фоне солнечного, лучистого дня производило гнетущее впечатление.

Трэйт и остальные командиры из тех, кто уцелел в жестокой сече, уже подтянулись к палатке главнокомандующего, одиноко стоящей на небольшом возвышении сразу за местом, где всего час назад выстроилась последняя линия трэйтовских мушкетеров. За палаткой совершенно открыто и не менее одиноко лежало сваленное кучами добро, выгруженное из обозных возов, из которых сегодняшним утром был сооружен вагенбург, спасший по большому счету армию сервов.

Ящики с боекомплектom, мука, ранцы бойцов с личными вещами, войсковая казна, скрученные в плотные свертки палатки, инженерный инструмент – все это бесценное для марширующей армии богатство находилось под присмотром от силы нескольких сотен мужиков обозной obsługi, грумов и гаврошей. Все остальные были на поле, занимаясь делом – хоронили тела павших товарищей, собирали трофеи, обезоруживали и стогнали в компактные кучи многочисленных пленных.

Господа-шательены, атаковавшие правый фланг, предпочитали смерть позорной сдаче на милость своих вчерашних рабов и погибли почти все, однако пикинеры, увязшие на левом фланге, смятые и рейтары, смятые артиллерийским обстрелом, смотрели на ситуацию иначе, сдавались организованно и массово, а потому только их было взято почти восемь тысяч.

Рядом с пленными стояли согнанные в плотную тучу сотни лошадей и мулов, тащивших на себе все эти груженные возы.

Сняв шляпу и откинув полог, Гордиан Рэкс вошел в палатку маршала Трэйта. Там находились хмурый и насупленный Бранд, старик Рихмендер, Критий, герой сегодняшней баталии Крисс и, разумеется, сам Трэйт, а также еще пятнадцать старших офицеров текущей военной кампании, включая Дакера и Сардана. Все были увлечены беседой, активно что-то

обсуждая, а потому, не обращая на них внимания, Гор бросил мушкетерскую треуголку на ближайший стул, подошел к стоящей в углу раковине-бочонку с водой и шумно умылся.

Это была единственная раковина в армии, и остальные палатки подобными излишествами не обладали, так что он не смог сдержаться и с неописуемым наслаждением смыл с лица, шеи и рук копоть и кровь, которые за сегодняшнее утро и начало дня обильно покрыли его тело и одежду. Видимо, фыркание Гора при этом получилось настолько громким, что когда он оторвал свое лицо от висящего рядом полотенца, большинство из присутствующих в палатке людей смотрели на него.

Кто-то взирал явно неодобрительно, кто-то равнодушно. Сам же Трэйт молча показал Гору на стоящий перед ним стул и кивком головы велел садиться.

– Я продолжу, – сказал Трэйт с некоторым упреком и плохо скрываемой иронией, когда Гор опустил на стул, – ты не против?

Гор был не против – он виновато кивнул, и Трэйт продолжил.

– Еще раз, – сказал он, – благодарю офицеров за стойкость, проявленную полками в сегодняшней баталии. Я горд, что мне выпала честь командовать такими людьми! По всем законам, и военным, и человеческим, после жестокой драки, которую выдержали наши бойцы, причем выдержали с честью для нашей молодой Армии, частям нужен отдых. Выкатить пива, пожрать, поспать, подлечить раненых и прочее. Однако, судари мои, положение таково, что мы не можем позволить себе промедление. Надеюсь, все присутствующие понимают это. Бавен отошел с поля боя достаточно организованно – и с ним почти сорок тысяч бойцов. Если дать ему уйти, отдохнуть и укрепиться, успех дальнейшей кампании в Артоше будет под большим вопросом. Поэтому пить пиво и вручать награды мы будем позже. А сейчас вот что...

Он вновь развернул всем знакомую до боли карту Эшвена и ткнул пальцем в одно место, затем в другое:

– Здесь Рион, а это Бургос. До Риона отсюда менее недели пути, до Бургоса же, напротив, почти трехнедельный переход. Рион ближе, но Бургос – столица и именно туда направились остатки королевских рейтар и пехоты. Нам нужно идти за ними и достигнуть города раньше, чем они успеют приготовить его к обороне. С другой стороны, оставлять в тылу Рион с сильным гарнизоном мы не можем. Хотя Рион находится несколько в стороне от Большого кобурнского тракта, это второй по величине город Артошской марки, и он должен быть нашим.

Маршал разгладил рукой карту.

– Рихмендер предлагает нам разделить, – Трэйт показал взглядом на старика, – и двинуть основными силами на Бургос, а менее крупный отряд направить на Рион. Меня интересуют мнения других офицеров по этому поводу. Итак, что думаете?

Первым встал Крисс.

– Сложное решение, – начал он, – в Бургосе почти два миллиона жителей. В Рионе – более миллиона. И там и там стоят гарнизоны. Оба хорошо укреплены. Чтобы взять любой из городов, потребуется каждый солдат из тех, кто остался в строю после сегодняшней бойни, а их осталось не так много. Результатов по всей армии я не знаю, но могу сказать за своих: в драгунских полках сейчас каждый второй украшает поле. А твоим пикинерам, Мишан, наверняка пришлось еще хуже. Думаю, нужно всей армией идти на Бургос и не морочить себе голову.

– Понятно, – кивнул Трэйт, – что скажет Совет?

Представителем Совета в походе, как и в прошлый раз, был Сабин.

Вилик поднялся со своего места, величавым движением поправил алый плащ на своем плече и вздохнул:

– Я не всегда разделяю мнение военного командования, – тут Сабин зыркнул на Трэйта, – но в данном случае наши взгляды совпадают. Именно потому, что Рион так густо населен, он нужен Республике. Там живет почти миллион человек, говорит мастер Крисс. Напомню, что в подавляющем большинстве это – *миллион рабов* ! Рион должен быть взят!

Как представитель Совета, я настаиваю на этом.

Он сел.

Трэйт крикнул, остальные переглянулись. Гор равнодушно прикрыл глаза, втянул голову в плечи, поерзал и вообще опустился на стуле пониже и поудобней, намереваясь немного вздремнуть, пока старшие будут драть горло и спорить. Его вообще слегка мучило после пятичасовой мясорубки, и он не был готов к покорению высот логической мысли или глубокому стратегическому анализу.

– Да, – сказал маршал после некоторого раздумья. – Рион нам нужен. Быть посему!

Он встал.

– Господа офицеры?

Офицеры также дружно поднялись.

– У каждого из вас три часа на сборы. Сейчас четырнадцать часов. Нужно успеть пройти до сумерек хотя бы часть пути. Подготовьте свои полки. Соберите только необходимое. Раненые и больные с незначительным конвоем сопровождения – его возглавишь ты, Критий – отправятся обратно в Бронвену. Остальные силы я разделяю на два отряда. Стрелковый корпус и конная дивизия Крисса отправляются на Рион. Остальные – со мной на Бургос. Все, что не сможете или не успеете взять с собой, – бросьте. Мастер Гордиан?

Гор, до которого вследствие некоторой заторможенности после бессонной ночи и тяжелого дня еще не совсем дошел смысл сказанного, чуть не подпрыгнул от неожиданности.

– Я, господин маршал! – ответил он и встал, вытянувшись во фрунт.

– Второй отряд поведешь ты. Выступаем через три часа, одновременно и в двух направлениях... – Он ткнул пальцем в карту: – На Бургос, на Рион!

Глава 17

Растревоженная столица

Одиннадцатого дня месяца Табис тремя сотнями километров южнее затопленного кровью Шернского поля, после трехнедельных мытарств по полям и трактам, генерал Бавен во главе сорока тысяч рейтар и оставшихся после бойни пикинеров вошел в Бургос.

Столица бурлила как растревоженный проказниками-мальчишками муравейник, что Бавена нисколько не удивило. Он прекрасно знал, что даже при ускоренном марше любые армии движутся значительно медленнее чем новости, летящие из города в город со скоростью почтовых карет, скоростью горячих коней вестовых от различных властей предержащих особ, а то и скоростью частных курьеров от купцов и дворян с личными письмами к друзьям и родне.

В любом случае он нисколько не рассчитывал, что для жителей столицы мировой державы, которым без сомнения в ту пору являлось Эшвенское королевство, будет секретом известие о страшном поражении, понесенном славной королевской армией под Шерном. Соответственно и приема более радушного, чем тот, который обычно оказывают побежденным, он не ждал.

Когда после долгого перехода его солдаты в пропыленных камзолах вошли в ворота Бургоса на усталых ногах, их уже ждали!

Тысячи, десятки, нет – сотни тысяч людей (в основном сервов, но также и простых горожан) стояли по краям огромной улицы, протянувшейся от стен города к самому его центру – к Крепости Сгорающего Дракона, венчающей собой мост через Кобурн.

Сотни тысяч пар глаз, смотрели на них!

Свободные смотрели с презрением, сервы в ошейниках – с нескрываемым злорадством. А у стен Крепости их встретил сам префект – высокий импозантный мужчина, назначенный на должность сразу после отбытия Бавена из города. Префект имел благородное лицо, педерастические усики под длинным носом и расшитый золоченый кушак на талии. «Боже, –

подумал Бавен, – опять владетельная шательенская рожа! Ну а с другой стороны, чего я ожидал?»

Шательенская рожа, между тем, сделала шаг вперед и изящно шаркнула ножкой.

– Мастер Бавен? – спросил столичный префект вежливо, но со слишком уж прямой спиной, что явно свидетельствовало о сдержанном презрении к побитому сервами генералу.

– Это я, сударь, – отвечал Бавен, ни мало не смущаясь оскорбительных манер встречавшего, поскольку вещи гораздо более важные, чем его собственная честь и дальнейшая судьба, занимали его в этот момент. – А вы, насколько понимаю, новый префект города. Господин...?

– Господин де Люссак, сударь, Жорж де Люссак, к вашим услугам.

Бавен кивнул. К вашим услугам? Ну что ж, с этикетом пора было заканчивать, времени итак оставалось мало.

– Моим людям нужно место для размещения, сударь, – заявил он – корм для лошадей, возможность отмыться после многодневного перехода. И конечно же их нужно накормить.

Де Люссак дернул бровью.

– И только то? – ехидно поинтересовался он. – А как насчет женщин легкого поведения, сударь, и вина для подкрепления сил? Этого вашим чудо-богатырям не требуется? Ха!

Бавен съел оскорбление, даже не дрогнув. Ему было плевать уже на то, как к нему относятся все эти заносчивые шательены. Вестовые из арьергарда донесли, что Трэйт – так звали лидера восставших – не дождал даже нескольких часов после окончания баталии и скорым маршем выступил в сторону столицы. А значит, времени почти нет, враг вот-вот наступит ему на пятки. Поэтому плевать на оскорбления, плевать на все. Нужно было делать дело, спасти город!

Он поднялся на одну ступеньку вверх по лестнице, на которой стоял де Люссак.

– Ах, господин префект! – воскликнул он очень вежливо и, когда шательен взглянул ему в глаза, с размаху врезал высокомерному нарциссу кулаком в солнечное сплетение. Де Люссак охнул, качнулся, готовясь повалиться, но Бавен подхватил его сильными руками за шварник и поддержал.

– Спасибо, господин префект, за предложение, – продолжал Бавен, – в следующий раз почту за честь с вами выпить, но сейчас увольте. Время, знаете ли, военное, не до вина-с. Что же касается женщин легкого поведения, то тут я могу сказать только одно, – он наклонился к уху шательена, – еще раз мне что-то подобное предложишь, гнида, и я тебя использую как шлюху для своих чудо-богатырей. – И уже громче: – Это понятно вам, сударь?

Де Люссак кивнул, по-прежнему продолжая ловить ртом воздух: судя по всему, он понял. Бавен оттолкнул префекта, который не в силах устоять без поддержки, сел на ступеньки. От благородной заносчивости не осталось и следа.

– Согласно законам военного времени, – продолжил между тем Бавен, – при приближении неприятеля командующий действующей Королевской Армией объявляет столицу королевства на военном положении и берет под личный контроль работу всех гражданских учреждений. Все пожарные команды города, городские роты габеларов, комиссары городского ополчения должны прибыть к ратуше в течение часа! Нужно открыть арсеналы – у моих солдат почти нет боезапаса, нужно организовать работу по возведению дополнительных укреплений, эвакуации женщин и детей, сбору всех свободных горожан в отряды ополчения, приготовить орудия, составить продуктовый запас!

Де Люссак снова безвольно кивнул.

– Всех сервов, – продолжил Бавен, – согнать в бараки под контроль специального корпуса охраны с пультами. Ваши люди будут оказывать мне в этом все возможное содействие под страхом немедленного расстрела. Таков закон! Вам напомнить номер королевского ордонанса, сударь? Или, может быть, перечислить все полномочия военного сенешаля при осаде города? Например, возможность повесить любого, кто посмеет *не исполнять* мои приказы?

Шательен вздрогнул.

– Ну что вы, сударь, – прошептал он подавленно, – военное положение, я все понимаю. Так бы сразу и сказали....

* * *

Бургос был большим городом, точнее – очень большим, а еще точнее – самым большим городом этой части мира. Здесь проживало два миллиона человек, цифра немыслимая для страны со средневековым укладом хозяйствования, каким собственно являлся Эшвен, если не считать наличия на его территории храмов Хепри с оборудованием нуль-синтеза.

В городе имелись сотни огромных промышленных предприятий, на которых работали десятки тысяч мастеровых сервов. Здесь располагались сотни Дуэльных школ, Школ наложниц, бесчисленное количество торговых домов с шикарными лавками, роскошными магазинами и гигантскими складами.

Два миллиона людей ежедневно сновали по улицам этого человеческого муравейника, спеша по собственным делам, если речь шла о свободных гражданах Эшвена, по поручению господ, если говорить о рабах, или просто праздно прогуливаясь по многочисленным паркам и садам, если рассуждать о господах владетельных шательенах.

Все это суетливое великолепие окружала огромная Круговая стена, сложенная из обожженного кирпича и прореженная башенками с конусообразными крышами, узкими бойницами и решетками в застекленных проемах. Башенки эти были весьма куртуазны, красивы и издалика казались игрушками, настолько изысканно смотрелись их очертания с вычурными барельефами, ротондами и прочими причудами эшвенских архитекторов.

Впрочем, суета была уделом не всего города, а только большей его части, укрывшейся за вышеупомянутой круговой стеной. Внутри этих стен, ближе к реке, размещался еще и меньший по размеру Старый город, отделенный от остальной части Бургоса собственным укреплением – более массивным, старым и куда более внушительным, чем внешняя круговая стена.

Укрепление это отчасти было создано самой природой, ибо возвышался Старый город на нескольких высоких холмах, по неестественному капризу Божества возвышавшихся прямо над водами Великого Кобурна, между тем как остальные берега на десятки километров вокруг выстилали пологие косогоры и пляжи.

Эти холмы, в далекие, кажущиеся сейчас доисторическими, времена легендарный основатель Бургоса, король Евгений, прозванный за свою не подтвержденную письменными источниками легендарность попросту Древним, использовал для строительства ныне знаменитой на весь мир столицы.

Пользуясь высотой обрывов и холмов, здесь возвели внушительный каменный вал-стену, стену-обрыв, высотой от тридцати до сорока метров. На этой стене, так же как и на внешней круговой, через определенные промежутки располагались башни, которые в отличие от башен внешней стены игрушечными нисколько не казались.

Покоясь на чудовищных фундаментах, сложены они были не из кирпича, а из титанических каменных блоков, неизвестно каким образом положенных один на другой. По легендам основателю Бургоса вспомоществовало при возведении этих стен само Божество. Однако если бы демиург Корпорации Гордиан Рэкс мог порыться в электронных архивах местной церкви или если бы у него имелась возможность спросить об этом экстремальном строительном чуде у самого Господа Хепри, то дело вскрылось бы довольно легко. Ибо Евгений Древний был здесь совершенно ни при чем, и соорудил он на этих холмах свыше пяти тысяч лет назад всего-то жалкую деревянную стену. Наблюдаемый же ныне шедевр крепостных укреплений, достойный титанов и какого-нибудь сумасшедшего Вобана, возвел всего тысячу лет назад сам ныне обожествленный Двенадцатый пророк Хепри с применением высотных кранов и гравитационных транспортеров.

Именно здесь, за стенами Старого города располагались наиболее важные и известные

сооружения Бургоса – Центральный Собор, Ратуша, особняки и отели лордов-шательенов, богатейшего купечества и церковных иерархов, самые дорогие магазины и рестораны, самые лучшие публичные дома. К слову сказать, именно здесь стояли и мрачный, известный всем Пашкот-палас, так называемый «старый» Ново-Апостольский дворец Господа Хепри и резиденция кардинала Амира.

В центре же города, прямо на берегу Великого Кобурна, перед мостом Душ, возвышался над стремительными водами гордый и не менее стремительно вонзавшийся в небеса Замок Сгорающего Дракона, королевская цитадель, издавна служившая постоянной зимней резиденцией правителей континента.

Сначала, разумеется, она была резиденцией доисторических королей Артоша (да, да в те времена Бургос был столицей одного только лишь Артоша, а вовсе не всей планеты), затем – Апостола Хепри Святого, увековечившего величие Эшвена в созданной им всемирной империи, а затем переехавшего в Пашкот-палас. И, наконец, последние пятьсот лет – резиденцией Его Величества короля Бориноса Вечного – первого абсолютного властителя планеты после отказа обожествленного Хепри от светской власти.

Замок являлся не кирпичным или блочным, а монолитным строением из цельного бетона и также, разумеется, являлся творением Двенадцатого пророка и неизвестных этому миру технологий.

Таким образом, Бавен в процессе подготовки своих сил к обороне от приближающихся полчищ сервов имел три доставшиеся ему в наследство от архитекторов города укрепленные линии обороны – сравнительно слабую *Круговую стену*, окружавшую весь Бургос, внушительную старинную «внутреннюю стену», или *Старый город*, и, наконец, неприступный *Замок Дракона*, упирившийся прямо в реку над мостом через Кобурн.

Впрочем, при определенных обстоятельствах Бавен мог использовать и еще один архитектурный элемент, бывший к тому времени возведенным в непосредственных окрестностях города. Дело в том, что Его Величество король Боринос, видя, как разрастается город, либо проявил некоторую толику прозорливости, либо просто был знаком с жестокими урбанистическими законами роста крупных городов в будущем, а потому велел заложить в непосредственной близости от города огромный городской парк, дабы в последующие века город, разрастаясь, имел внутри себя зеленую зону для прогулок и отдыха горожан.

Ныне этот парк размещался за стенами столицы, однако в будущем должен был стать зеленым центром, «легкими» города. В этой зеленой зоне запрещалось строительство домов, земля здесь находилась в собственности короля и продавать ее, сдавать в аренду или еще каким-то образом использовать кроме как для частных прогулок, дуэлей и пикников не допускалось под страхом жестких наказаний. Парк так и получил название «дуэльного», «любовного» или «прогулочного» – это кому как нравится, ибо ни для чего более, как для уединенных встреч с той, другой или третьей из указанных целей он не годился.

Бавену больше нравилось название «дуэльный», тем более что оно более соответствовало предстоящему противостоянию двух армий.

«Дуэльный» парк окружала совсем уж невысокая стена, сложенная из глиняных кирпичей и приколоченных к ним деревянных щитов-решеток, увитых плющом и разнообразной растительностью. Как серьезное укрепление воспринимать ее было, конечно, нельзя – не только легкая полукулеврина, но и даже мушкет прошивали такую стену навывлет. Между тем Бавен, осмотрев в первые же часы своего пребывания в столице и парковое укрепление, и сам парк, пришел в восторг.

Дело в том, что город Бургос был очень велик, а периметр, который надлежало охранять, весьма растянут и войск, чтобы должным образом организовать оборону по всей протяженности, явно не хватало. В этом смысле парк являлся настоящим подарком судьбы для Бавена. Деревья сильно разрослись за триста лет правления Бориноса, стали весьма внушительны. Они отличались как высотой и толщиной, так и частотой произрастания. Поэтому ни развернуть здесь надлежащим образом артиллерию, ни произвести кавалерийскую атаку, ни построить пехотные колонны было невозможно.

В то же время расстояние от края парка до городских стен оставалось вполне достаточным и полностью простреливалось с городских укреплений как орудиями, так и мушкетами. Таким образом, использовать парк, чтобы незаметно под прикрытием деревьев подобраться к городу, враг не мог.

Для Бавена это значило одно: поставить вдоль стены напротив парка небольшой отряд горожан с мушкетами – и дело в шляпе. Ни строиться для штурма на коротком простреливаемом участке, ни делать подкопы через корни вековых деревьев Трэйт не сможет. А если и сможет – это потребует от него слишком больших усилий. Кроме того, самим своим существованием парк как бы разрывал всю линию осады, поскольку для осаждающего нормально контролировать плотно засаженный деревьями и напоминающий скорее лес, чем регулярный парк, столь протяженный участок было сложно. Это значило, что Бавен сможет посылать через этот «лес» вестовых для передачи сообщений, а возможно, вообще организовать подвоз продовольствия и боеприпасов, если другие королевские войска поспешат к нему на помощь. В общем – все выглядело не так уж плохо.

За три дня Бавен вывел из города всех женщин и детей, кроме тех, кто пожелал остаться добровольно. Таких, впрочем, нашлось немало. Да, шательены из города выехали почти все, однако вот прочий свободный люд – владельцы ремесленных мастерских и мануфактур, купечество в полном составе, аптекари и рестораторы, брадобреи и бакалейщики, держатели лавок и речных барж остались почти все. Что, в общем, и не удивительно – куда же убежишь от своего добра?

Бавен набрал с окрестных поместий и армейских магазинов продуктов, пуль и снарядов (воды ему не требовалось запасть – рядом протекала огромная река), организовал горожан в отряды ополченцев и разместил их на стенах. Сервов города после завершения работ по строительству дополнительных укреплений он согнал в огромные колонны, сомкнул ошейники в длинные незримые цепи, так чтобы один не мог отойти от другого (благо «хомуты» давали такую возможность), и отправил в сопровождении незначительного конвоя габеларов на юг, в Харторикс, то есть ближе к королю и от греха подальше. В городе остались только особо преданные рабы, которым их господа поручили присмотр за домами, и небольшой контингент ремонтных бригад, чтобы выполнять черную работу во время осады.

После этого, еще раз проверив, все ли сделано и все ли сделано ли хорошо, Бавен велел солдатам как следует выспаться перед осадой и приготовился ждать своего неожиданно грозного противника.

Впрочем, Мишан Трэйт не оправдал страхов королевского маршала – сервы двигались вперед слишком медленно, и сюрпризов Бавен не ждал.

По всем расчетам большей частью пехотная и не привыкшая к стремительным переходам Армия Свободы должна была подойти к столице еще примерно через пару дней, не раньше. Конные дозоры, высланные Бавеном на север и постоянно кружившие перед носом марширующих рабских колонн, присылали ему донесения о продвижении повстанцев по два раза на дню. Так что Бавен спокойно ждал своего врага и был готов ко всему или почти ко всему.

Глава 18

Ночной волк

Звезды сверкали на небосводе как тысячи светлячков. Их рассеянный свет тускло отражался в воде Великого Кобурна, переливаясь не только на гребнях размеренных речных волн, но и на изгибах кирас, хауберков, рокантонов, на металлических поножах и круглых щитах консидориев.

Бранд и тысяча отпетых головорезов, его отборный Лавзейский батальон резчиков по человеческой плоти, спускались по водам Кобурна, гонимые волнами великой реки. На юг, к стенам эшвенской столицы, плыли они.

На Бургос, столица ждет!

Они шли по волнам ночью, а днем скрывались от света Медиас Кордис, прятались в поросших зеленью бухточках. У Равных не было флота, и в этих условиях немногочисленные фрегаты Королевской речной флотилии полностью контролировали пространство главной водной артерии Эшвена.

Именно по этой причине, несмотря на все преимущества в использовании водного пути, и прежде всего, преимущества в скорости, Трэйт решил двигаться на Бургос пешком по большому артошскому тракту. К чести сказать, была и другая причина: для транспортировки столь большого войска, как Армия Свободы, требовалось и много перевозочных средств – лодок, баржей, паромов, просто плотов. А для их сооружения требовалось время. Между прочим, по той же причине от использования Кобурна для перевозки своих войск отказался и Бавен – фрегаты речной флотилии проблему не решали, а временем для строительства плотов после тотального разгрома под Шерном он не располагал.

Однако то, что невозможно для больших масс пехоты, возможно для сравнительно малых отрядов. Проехав по побережью в непосредственной близости от места битвы, Трэйт и специально выделенные им для этой цели финтендантские отряды с легкостью собрали количество водного транспорта, необходимое для перевозки Лавзейского батальона.

В частности, у местных рыбаков и перевозчиков священным именем Республики были конфискованы четыре гребные речные баржи различного тоннажа и размера, а также большая парусная лодка, скорее даже яхта, предназначенная для прогулок местного лорда-шательена. Суэта с поиском и конфискацией водных транспортных средств отняла у Трэйта почти сутки, однако он при всей торопливости, с которой войско готовилось к походу на Бургос, нисколько не жалел потраченного времени и пребывал прекрасном настроении.

Утром третьего дня после отбытия Армии Свободы из Шерна Мишан Трэйт вызвал к себе Бранда и, коротко переговорив с ним, отправил Лавзейский батальон на конфискованных плавсредствах в официально неизвестном, но понятном для всех направлении.

– Вот сердце Бургоса, – сказал тогда Трэйт, водя пальцем по плану города. – Ты высадишься вот здесь, на набережной столицы. Двумя отрядами, без промедления войдешь сюда и сюда. Первый отряд действует отвлекающим маневром в направлении на Пашкот-палас, что в Старом городе. Второй, как ты понимаешь, – сюда, в направлении Замка Дракона.

Подумав немного, Бранд заметил:

– Не рискованно идти на Бургос всего одним батальоном? Да еще по реке, где любой военный корабль утопит нас, как щенят.

– Великий Ра! – маршал сервов развел руками. – От кого я слышу эти слова?! Бранд Овальд, от тебя ли? Ты консидорий и чемпион. Каждый первый в твоём батальоне – такой же стремительный бронированный волк, как и ты. Кто выстоит против тысячи твоих ребят в неожиданной ночной схватке? Мушкетеры с багинетами или спешенные рейтары с кавалерийскими палашами? Да никто! Так что я посылаю вас не за смертью и не за подвигом, а за делом! Тут твердый расчет, прикинь! Вы пройдёте по Кобурну ночами, скрываясь от фрегатов речной флотилии днем. В здешних краях, как нам известно, всего три корабля, и они патрулируют участок огромной протяженности. Остальные двадцать фрегатов ждут либо значительно севернее, ближе к Бронвене, чтобы помешать нашим свободно переправляться на левобережье Кобурна, либо расположились значительно южнее, ближе к океану и ближе к королю. А от трех фрегатов, я надеюсь, вы сможете уберечься.

– Ну, если прятаться в бухтах, – промямлил великан, – то возможно.

– Далее, – продолжал маршал, – в отличие от нас и от Бавена, идущих на Бургос по тракту, твоему отряду не придется делать стоянки на переходе, чтобы отдохнуть и поесть, да и скорость, с которой ты пойдёшь по воде, значительно выше той с которой двигаются пешие или конные отряды. Поэтому я думаю вот что.

Трэйт провел кинжалом в ножнах по линии реки, голубеющей на карте, а затем – по коричневой линии тракта, изгибающейся левее.

– Ты будешь двигаться ночью, а я и Бавен – днем, – воскликнул он. – В этих условиях ты, конечно, не обгонишь Бавена, уж очень большая у него фора, почти полтора дня. Но меня ты обгонишь! Подумай, у Бавена полно легкой кавалерии. Он обязательно станет следить за моим продвижением и точно узнает, куда и когда я приду! А я торопиться уж слишком сильно не буду. Ты прибудешь в Бургос внезапно, тогда, когда тебя никто там не ждет. Высадишься на набережной – ее никто не охраняет, пройдешь к Пашкот-паласу одним отрядом, привлекая внимание. А другим – займешь замок. Большая часть регулярных полков и все ополчение будет стоять на стенах, я уверен, внутри города ни будет почти никого, кроме незначительных частей, которые Бавен желает сберечь на крайний случай. Они наверняка разместятся в замке. Твоя цель – ворваться внутрь, перерезать весь этот стратегический резерв и засесть в центре осажденного города!

Трэйт торжественно накрыл Бургос ладонью.

– После этого к городу подойду я, – завершил он, – и Бавен окажется в окружении!

– Но в чем смысл? – удивился Бранд. – Займу я замок или нет, вам все равно придется штурмовать город, высота и длина стен от моего присутствия не уменьшатся.

Трэйт рассмеялся:

– Уменьшатся, сынок, уменьшатся, и ты даже не представляешь насколько! Периметр, который надобно охранять Бавену, огромен, ему наверняка не хватает людей. Если же ты войдешь внутрь, ему придется охранять обе стороны периметра, ты разве не понял?! Количество людей на метр обороны у него уменьшится ровно в два раза. А это гораздо лучше, чем если бы стены города стали в два раза ниже или короче!

Бранд немного подумал, почесав в затылке.

– Я понял, – усмехнулся он наконец. – Разрешите выступать?

– Разумеется, разрешаю, – кивнул Трэйт, немного помолчал и добавил: – И знаешь что еще? Я тут сказал, что отправляю тебя за делом, а не за подвигом. Пожалуй, что я ошибся. Тут подвиг надобен, и, надеюсь, твои герои справятся. Так что ты уж не подведи меня, сынок. Не подведешь?

Бранд хмыкнул и мощным движением развел свои саженные плечи.

– Шутить изволите, мастер Трэйт, – сказал он как в старые времена перед призовым поединком. – Я ведь консидорий и чемпион. Надо сделать – сделаем!

Он сжал свой огромный кулак в подобие молота и, по-богатырски взмахнув им, разрезал этим «молотом» воздух.

– Не подведу!

Сейчас, подгоняемые ветром и стремительным течением волн, Бранд и тысяча закованных в сталь панцеров двигались к пустующим ночным пирсам столицы. Сначала парусник, а затем четыре гребные баржи миновали грузовые причалы и вышли к красивым набережным, украшенным фонтанами, стриженным газоном, а также многочисленными беседками и скамьями. Было видно, что в мирное время эти длинные, украшенные гранитом полосы были излюбленным местом отдыха свободных горожан и гостей города. Исключительно *свободных* – Бранд, например, множество раз за свою карьеру призового бойца бывавший в Бургосе, ни разу не удосужился попасть сюда, хотя сам город знал неплохо. Не то что бы сервов сюда не пускали, просто граждане, отдыхающие здесь, чувствовали себя не вполне комфортно, если рядом гуляли рабы, и для серва считалось предосудительным ходить по набережной без дела. Вот если напитки там продавать или обувь чистить господам гуляющим – дело другое.

Бранд хмыкнул. А тысячу сервов, да еще с мечами, да в полном доспехе разом, не хотите ли, сволочи?

Плавсредства шли без сигнальных огней, освещаемые только светом звезд да отраженным блеском редких городских фонарей и ламп из окон домов неподалеку от набережной.

Весла погружались в волны и снова поднимались, с каждым таким взмахом приближая суда к вожденному берегу. Мозолистые руки, привыкшие сжимать меч и копье, без труда справились с таким делом, как орудование длинным барочным веслом.

Набережная Бургоса была весьма широка, а потому баржи и парусник, на котором, кстати, стоял во весь свой рост Бранд, врезались в песчаный грунт один за другим, разместившись рядочком, как выбравшиеся на морской берег отдыхать тюлени. В продолжавшейся почти полной тишине Бранд обнажил свой меч и первым прыгнул на берег.

Первый шаг сделан – они в Бургосе.

Сказать, будто высшие королевские офицеры (Бавен, например) являлись полными идиотами – просто невозможно. Сказать такое – значит погрешить против истины. Королевский маршал весьма достойно подготовил город к отражению штурма и осады со стороны приближающейся рабской армии. Вся соль была в том, что у него, как почти и у всякого полководца во все времена, не хватало средств для ведения кампании, в данном случае – живой силы и орудий.

Городской периметр Бургоса был слишком велик, а количество людей, которых Бавен собрал с учетом ополченцев и войск, выведенных с поля битвы под Шерном, хотя и приближалось к ста пятидесяти тысячам, явно не хватало для контроля столь протяженной линии обороны. Потому с направлений, на которых удар не ожидался (это прежде всего касалось стен напротив «дуэльного» парка и набережных Кобурна), боевые подразделения были убраны, там оставались только немногочисленные дозорные и патрули.

Именно они и заметили высадившихся, но вместо того, чтобы броситься в контратаку или, по крайней мере, незамедлительно известить городские власти о вражеском десанте, местная дружина, являвшаяся, кстати, дружиной рыбацкой общины Бургоса, пирсы которой располагались левее набережной, заспешили к высадившимся, причем с самыми что ни на есть радостными, а вовсе не враждебными намерениями.

Дело в том, что жители столицы искренне переживали за судьбу своего города и посему очень живо интересовались любыми новостями о продвижении вражеской армии к стенам Бургоса. Как ни пытался Бавен скрывать информацию о скорости марша рабских полчищ, весь город был осведомлен о том, что «этот ужасный Трэйт» находится не менее чем двух дней пути от города. К тому же помимо армии Трэйта Бургос ждал и еще одну армию – армию короля, который вне всяких сомнений, побуждаемый лучшими монаршими намерениями о защите собственных граждан, должен был выступить для защиты своей столицы. Слухи об этом раздувались до немыслимых размеров, люди ждали прибытия огромного флота, трехсоттысячной, нет, миллионной армии Его величества Бориноса, но, увы, только Бавен знал, что все это лишь слухи: король не только упорно не отвечал на его просьбы о помощи, но и вообще не отвечал. Опять же по слухам, распускаемым уже в окружении генерала, это тотальное молчание грозило Бавену скорой расправой или, по меньшей мере, длительной и тяжелой опалой либо отлучением от армии.

Именно по этим причинам жители Бургоса не ждали Трэйта так рано, но давно и яро ждали короля. Поэтому никому из дружинников, патрулирующих в этот скорбный час набережную родного города, и в голову не пришло, что на баржах может быть вражеский десант – его приняли за первый королевский отряд, прибывший для поддержки осажденных.

Дружинники в количестве двадцати человек, неловко сжимая непривычные для рыбацких рук алебарды и мушкеты, дружно и радостно бежали по песку. Консидории же Бранда спрыгивали на землю и, обнажая оружие, строились компактными квадратами для атаки. Сердца их также горели чувствами, однако несколько другого сорта – более кровавого цвета с оттенками темного в глубине.

Местный дружинный начальник бежал впереди. Был он несколько тучен, запыхался и во время бега старался смотреть скорее себе под ноги в песок, чтобы экономить силы, однако по мере приближения, интерес к тому, как выглядят первые в его городе королевские десантники, превозмог усталость, и он поднял голову, на ходу в полутьме всматриваясь в

нежданных гостей.

Он увидел темные гребни волосяных плюмажей, угловатые доспехи, сомкнутые щиты. И огромные мечи, превышавшие по ширине привычные пикинерские кошкодеры как минимум вдвое.

Широкие плечи и мрачные глаза. Ближайшая из темных фигур и самая массивная из них широко шагнула к дружиннику, блеснув сталью оружия.

Такое кузнечное великолепие панцирного доспеха, по мнению дружинника, кануло в лету уже, по меньшей мере, пять сотен лет назад. Так выглядели рыцари эпохи Валька, а еще – консидории, выступавшие во время авеналий на потеху горожанам.

Начальник замедлил шаг – что это? Консидории? Рабы?!

Дружинник открыл рот, не смея сам себе признаться в страшной ошибке.

– Да как вы посмели? – только и выдохнул он. – По какому праву?

Почти не спеша, Бранд медленно поднял и резко опустил меч.

– Вот мое право! – сказал он, и голова дружинника покатилась по песку. – В атаку, братцы!

И железная волна накрыла несчастных рыбаков, сметая их как волна сметает рисунок на песке пляжа – неотвратно и очень быстро.

* * *

Сразу же после стычки с рыбацким ополчением, которую-то и боем назвать было нельзя, батальон разделился на две части. Одна двинулась в сторону Пашкот-паласа, снося на своем пути все, что попадалось на улицах старого города и разбрасывая по ходу заранее приготовленные зажигательные заряды на крыши и в окна домов, а другой отряд, менее крупный, но из более подготовленных бойцов, включая самого Бранда, двинулся в сторону королевского замка, расположенного прямо над берегом Кобурна.

Замок Сгорающего Дракона представлял собой узкий «стакан» высоченных стен, внутри которого, как палец внутри кольца, стоял головокружительно высокий донжон города, или по-простому «Урбана». По слухам – самое высокое здание в королевстве, да, пожалуй, и на всей планете-каверне.

Ворота «стакана», внешней замковой стены, были заперты, однако несколько гранад, связанных между собою, легко решили эту проблему. В обычной ситуации при мушкетном огне из бойниц крепости подобраться вплотную к воротам для установки гранадной мины было бы невозможно, однако ночное время, неожиданность нападения и, как следствие, полное отсутствие организованной обороны сделали свое дело.

Пройдя через врата и узкий, зажатый между тридцатиметровыми стенами двор, консидории оказались внутри донжона перед длинной, стремительно взлетающей ввысь спиральной лестницей, ведущей сквозь двадцать пять шестиметровых этажей к самой вершине цитадели. Опять же в обычных условиях пройти по этой лестнице как организованным отрядом, так и в одиночку было бы откровенным самоубийством – лестница простреливалась со всех верхних двадцати пяти этажей со всех сторон.

Так было всегда, но не сейчас. Стремительным галопом, перескакивая в своем тяжелом доспехе через две ступени сразу, часть консидориев рванула вверх, стремительно и неудержимо. Но пока по ним никто не стрелял, две пары караульных, оглушенных спросонья взрывом гранадной мины, консидории зарубили прямо у входа во дворе.

Но Бранд понимал: это самое «пока» продлится недолго. Скоро проснувшиеся от взрыва дежурные по казармам поднимут спящих стрелков, скоро те схватят мушкеты, забьют в стволы пули и огненный шквал обрушится на головы атакующих консидориев с лестничных площадок.

В донжоне замка-небоскреба было двадцать пять обширных этажей. По сведениям, рассказанным еще в лагере под Шерном одним из рабов, некогда служившим здесь половым, нижние десять этажей постоянного персонала не имеют, не имеют бойниц и используются

главным образом как склады, как темница и как различного рода технические помещения. Основные же казармы бойцов гарнизона должны находиться с десятого по восемнадцатый этаж. По одной кольцевой казарме на каждом и по двести человек в каждой казарме, итого – тысяча шестьсот человек.

В дополнение к ним во внешней стене цитадели, отделенной от донжона только уже упомянутым узким кольцевым двориком, имелись собственные казармы и казематы, рассчитанные еще человек на пятьсот.

Итого получалось где-то две тысячи сто бойцов при полной загруженности казарм. Однако осада – это странное время. Наверняка большая часть стрелков гарнизона цитадели сейчас находилась на стенах вокруг города, а здесь оставалась от силы половина, а то и треть от постоянного состава. Как бы там ни было, четырехсот консидориев, которых Бранд привел с собой для взятия крепости, должно было хватить – если они успеют подняться на двадцать пятый этаж раньше, чем солдаты казарм на восемнадцатом смогут взяться за оружие.

Следующие за восемнадцатым два этажа занимали помещения для прислуги и кухня, а вот пять последних назывались загадочным словом «пентхаус» и являлись той самой пресловутой бургосской резиденцией Его Величества. Здесь размещались королевские кабинет, приемные, холл и знаменитая Желтая гостиная, где узким кругом приближенных лиц отмечались наиболее значимые события в жизни короля и государства.

Пока мимо великана пробегали консидории первой десантной партии, Бранд искал то, про что говорил ему Гор – двери, открываемые «внутри стены», туда, где с другой стороны нет выхода. Он сначала не понял, когда демиург-консидорий рассказал ему про них, но как выяснилось, найти эти странные «двери» оказалось несложно – шесть массивных двухстворчатых металлических дверей располагались попарно вокруг спиралевидного лестничного пролета.

Выходили эти двери действительно «в никуда», ибо с другой стороны толстенной стены, в которую они углублялись, не было на первый взгляд ничего, кроме идеально положенной штукатурки.

Слуга-половой, ставший их инструктором по проникновению в королевские замки, пояснил, что для подъема на этаж не обязательно пользоваться спиральной лестницей. Люди, живущие на верхних этажах (не только король, но даже его личные слуги и уж конечно солдаты и офицеры гарнизона), пользуются для этого странными приспособлениями, именуемыми ими «лифтус», коих в здании имеется ровно шесть штук.

Причем один из них по определению доступен только для короля и еще два – только для обитателей верхних семи этажей. Остальные могут использоваться офицерами гарнизона, но только до восемнадцатого этажа.

Лифтус открывают «руки» – так сказал ему Гор и объяснил, что делать. Бранд осмотрелся. Один из валявшихся на входе трупов имел нашивки офицера на изуродованном взрывом мундире. То, что надо! В принципе, сгодился бы и рядовой, но офицер – надежней. Одной рукой рывком Бранд поднял труп и точным движением меча отсек ему правую руку.

Он подошел к ближайшим дверям и приложил отсеченную ладонь к панели слева от створок. Панель мигнула, и створки плавно раздвинулись, словно приглашая внутрь. Бранд хмыкнул – тайная техника, черт побери.

Стремительно пройдя с отрубленной рукой вдоль всех створок, Бранд открыл пять дверей из шести. Шестая была украшена личным вензелем короля и, очевидно, «рукам» служивых не подчинялась. Ладно, хватит им пяти.

– Так, – сказал он, – Ордан, твой первый лифтус, Сима – второй, Листар – третий, Паден и Руфий – четвертый и пятый. Каждый взял себе по отрубленной руке, будете ими открывать створки.

Он еще раз заглянул в ближайшую дверь. Помещения за створками выглядели достаточно просторными – примерно четыре на пять метров.

– В каждый лифтус по двадцать человек, – приказал Бранд. – Влезете! Первая партия на

восемнадцатый этаж. Вторая – на шестнадцатый и далее через один. Бегом!

Он взмахнул рукой, и консидории устремились внутрь.

Здесь началась резня, только немного отличавшаяся от расправы над ополченцами – не ожидавшие нападения солдаты были настолько деморализованы, что не оказывали серьезного сопротивления.

Буквально через двадцать минут к Бранду спустился по лестнице один из его лейтенантов.

– «Пентхаус» чист, сэр, – доложил он.

Вскоре подтянулись офицеры с других этажей.

– Восемнадцатый этаж чист.

– Семнадцатый и шестнадцатый тоже, сэр.

– Нижние этажи наши. Что дальше, командир?

Командир вздохнул – казавшаяся невозможной операция, похоже, была близка к завершению.

– Что там, Сардан? – спросил он у вестового.

– Всё нормально, сэр, взгляните.

Вместо комментария один из офицеров показал окровавленным мечом в окно. Бранд повернулся.

В двух кварталах от цитадели арсенал Бургоса, самый большой склад боеприпасов и оружия в Артоше, полыхал, как сухие дрова.

* * *

Пока Бранд возился с королевским замком, Сардан Сато вел по городу второй отряд лавзейских консидориев к казармам и складам городского арсенала. Они располагались примерно в двух кварталах от набережной на территории, огороженной невысоким забором в крупных каменноблочных строениях с двухскатной крышей.

Быстро пройдя по едва разбуженным шумом улицам, Сато достиг цели через десять минут и, стремительно перерезав вялую охрану, ворвался внутрь.

Арсенал в Бургосе был большой, а потому охранялся не просто выделенной под это дело охраной, нет. Он был совмещен с настоящей воинской частью, примерно в две тысячи мушкетеров, или, как сказал бы Гордиан, в две тысячи штыков. Десять казарм и в каждой – по роте мушкетеров в двести человек. В расчете на это, как и предполагалось по первоначальному плану, Сато вел с собой десять полусотен отборных консидориев.

Распределив полусотни по казармам, Сато во главе последней полусотни устремился к самой дальней из всех. Дальняя казарма имела на пару минут больше времени, чтобы проснуться и осознать факт нападения, и все же двигались королевские вояки слишком медленно и слишком медленно думали.

Когда лавзейцы ворвались через распахнутые пинками двери вовнутрь, враг только-только продрал глаза и схватился за разряженные на ночь и бесполезные без пуль мушкеты.

Опытные консидории, мастера клинкового боя, спустя секунды оказались в самой гуще мушкетеров и начали резать их, как волки режут кур в курятнике. В относительной тесноте помещений длинные, почти полуметровые мушкеты совершенно не соответствовали понятию «оружие» и годились для боя с мечами профессиональных рубак так же хорошо, как кривые палки подобной же длины, то есть – никак.

На какое-то время казарма наполнилась проклятиями, криками дерущихся и стонами умирающих, но вскоре все стихло. Пол помещения покрылся слоем наваленных как попало обезображенных трупов с резаными ранами и отсеченными конечностями, обильно фонтанирующих кровью, по которой ходили, скользя по лужам, разгоряченные резней консидории в доспехах. Из боссонцев не пострадал никто.

Сардан Сато вытер лоб и вложил клинок в ножны. Теперь оставалось поскорее поджечь склады и уходить – именно этот разгоревшийся пожар вскоре увидел Бранд из окна донжона-

небоскреба.

Дело было сделано.

* * *

Бавен пребывал в бешенстве. Ночной десант на набережную города лишил оборонявшихся не только чувства безопасности и деморализовал оборонявшихся – он лишил их военных запасов!

Пули, ядра, гранаты, запасные мушкеты, бранкугели, алебарды, багинеты, мундиры и епанчи, портупей, сабли, пехотные кошкодеры, кавалерийские палаши, пистолы и карабины. Дьявол! Даже солдатские матрасы и пустые мешки для песка, – они лишились даже этого! Не говоря уже о рыбных и мясных консервах, полуфабрикатах для солдатских кухонь, запасов спирта, маринованных овощей, соли, сахара, хлебной муки (катастрофа!) и медикаментов.

Это было хуже, чем поражение под Шерном.

Но на этом обрушившиеся за несколько предрассветных часов бедствия не закончились. Возбужденный титаническими взрывами арсенала пожар разнес свое пламя по четырнадцати кварталам. Ветер в это время дул с реки, и сегодня он прогнал огонь пожарища с востока на юго-запад насквозь через город до самых городских стен.

Бавен выехал на место, где огонь остановился и печальным взором обежал обугленные остовы. Чудесная внешняя стена прогорела на протяжении пяти километров. Куртуазные крыши башенок обрушились, лестницы внутри стен превратились в жалкие обугленные головешки, что же касается запаса ядер и пороха, скрытого за стенами, то взрыв разнес кирпичное укрепление в нескольких местах.

Утром следующего дня на горизонте, как и ожидалось, показались длинные вереницы Армии рабов. Это был Трэйт, черт бы его побрал! Рабский маршал.

Бавен посмотрел на бывших рабов сквозь огромные проломы в стене. Восстановить линию обороны с учетом его возможностей было не сложно, но на это требовалась хотя бы пара суток, которых у него уже не осталось. Он подозвал своих старших офицеров, вытянувшихся по струнке, и жестом поманил к себе седоусого начальника штаба артиллерии.

– Вы вот что, милейший, сервы будут здесь через несколько часов. Срочно снимайте орудия с внешней стены. А вы, – он обратился к пехотным офицерам, – почистите мне Бургос. Максимально, все, что возможно: прежде всего – боезапас, провиант, ценности. Все собираем в Старом городе. Отсиживаться будем там, остальное сдадим. Это все. Исполнять!

Один из офицеров, как видно из благородных, подпоясанный позолоченным кушаком, чуть задержался. Он был не только шательеном, но и коренным уроженцем столицы, и ему было откровенно жаль сдавать великий город, который ни разу за тысячелетия не брали враги.

– Но как же внешние кварталы, сударь? Вы отдадите их столь презренному противнику?

Бавен задрожал. Развернувшись к говорившему, он с размаха врезал ему кулаком в лицо. Ему хотелось так же врезать любому из шательенов, с кем ему приходилось общаться – ведь всё это происходило по их милости.

– Исполнять, я сказал! Не обсуждается!

Глава 19

Один миллион голов

В пять утра четвертого дня месяца Фаменот Гордиан Рэкс начал переправу через Кобурн возле местечка Тарбит немного севернее Риона. Бойцы соорудили тысячи плотов, и огромная воинская масса, цепляясь за нити проброшенных над водой канатов, двинулась

через реку как туча саранчи. Переправа заняла почти семь часов, но уже к концу дня шестьдесят тысяч сервов, перейдя воды Кобурна, быстрым маршем достигли Риона и развернулись перед стенами города многокилометровым каре.

На всем протяжении пути, от великой реки до поля перед городом, местность оставалась совершенно «чистой», и марширующая армия рабов не встретила ни конных разъездов, ни засад, ни секретов. С тем большим удивлением, уставшие после столь стремительного броска воины взирали сейчас, стоя по колено в высокой луговой траве, не только на стены невиданно большого города, но и ... на огромную королевскую армию, возникшую перед ними.

Это был сюрприз. Страшный сюрприз.

Гор и Крисс выехали немного вперед, мимо рядов своих солдат, рассматривая противника и столицу Северного Артоша. Ни старому, опытному габелару, ни тем более другому, юному консидорию, появившемуся в этом мире всего лишь год назад, бывать здесь раньше не приходилось. Рион являлся крупным, но не знаменитым городом всемирного королевства.

Авеналии, где блистали своим мастерством бойцы-консидории, обычно обходили его стороной, стремясь либо в Бургос, который считался главным городом Эшвена, либо в Бронвену, которая считалась родиной авеналий.

На взгляд какого-нибудь праздного наблюдателя, путешествующего по стране в свое удовольствие, Рион не производил серьезного впечатления. Огромный и грязный, с низкими стенами и без выдающихся архитектурных сооружений, он выглядел совершенно обыденно. Крупный промышленный и торговый центр, не более того. Однако с точки зрения Гордиана, Крисса и еще шестидесяти тысяч пришедших с ними бойцов сейчас все выглядело несколько иначе.

Протяженность стен и величина скрывавшегося за ними титанического средневекового мегаполиса, оказались настолько велики, что поневоле заставляли задуматься об осуществимости предпринимаемого ими мероприятия даже без огромной армии защитников, стоящих сейчас перед ними.

– Забавно, – сказал Крисс, обладавший несколько «черным» чувством юмора, – навскидку их тут не меньше миллиона. Боюсь, – он кивнул на телеги обоза, – нам даже досок на гробы не хватит.

– Но это же невозможно! – вклинился в разговор Никий, только что вернувшийся из конного авангарда. – Мои разъезды были высланы вперед на несколько дневных переходов. Сообщений о том, что к Риону движутся силы поддержки, не было. Черт! Да это безумие какое-то, мы не могли не заметить миллионную армию, идущую нам навстречу!

Гор закрыл глаза и медленно выдохнул.

– Они и не шли нам навстречу, – глухо произнес он, – это не армия, Ник. Это горожане.

Он передал Криссу подзорную трубу, тот взглянул и в свою очередь передал трубу Никию.

Перед скромной по сравнению с этим человеческим морем шестидесятитысячной армией сервов одним гигантским прямоугольником на самом деле стояли... рионские рабы.

Фабричные сервы в фартуках и рабочих накидках, сельские сервы в широкополых шляпах, сервы-торговцы в добротных камзолах с цветным шитьем.

Миллион человек – кошмарный сон.

В мозолистых ладонях каждый из них сжимал примитивное средневековое оружие – двуручные мечи и дротики, длинные кинжалы и пики, проржавелые щиты, сабли и короткие кошкодеры. Впрочем, множество людей держали в руках только годный для драки рабочий инструмент – топоры для рубки деревьев, вилы и даже мясницкие ножи.

Мушкеты и алебарды отсутствовали. То были не солдаты, то была просто орда.

– Я не понимаю, – развел руками Никий, – ведь это сервы, какого черта они нас так встречают?!

– Ты не догадлив, – криво усмехнулся Гордиан, – они все в ошейниках. Присмотрись!

Он ткнул перчаткой в стоящие напротив вражеские ряды, а следующим движением пришпорил коня и помчался галопом вдоль линии своих солдат, увлекая тем самым Крисса, Никия и еще десяток старших офицеров за собой.

– Не расслабляться! – заорал Гордиан сопровождающим. – Мушкетерским полкам строиться поротно! В две линии от Кобурна вдоль луга! Постарайтесь вытянуть до края рощи хотя бы первую линию! Кавалерийские эскадроны – на фланги! Авангард – на правый, аррьергард – налево! Кавалерия резерва – в усиление правого крыла... Да, и обоз! Отгоняйте телеги назад, для вагенбурга нет времени! Шевелитесь, тысяча чертей!

Подстегнутые гневом предводителя, Крисс и большинство офицеров, командующих полками, немедленно разлетелись исполнять приказы. Только Никий, командовавший его личной охраной, а также соответственно вестовыми штаба и составлявшими эту охрану, остался с другом-командиром.

– Невозможно, невозможно, – шептал он, прижавшись к лошади, что мчалась галопом за скакуном павшего демиурга, который судорожно разбрасывал по полю свои роты и эскадроны. – Почему?!

Гордиан обернулся.

– А ты не понял? – Он снова скривился. – Впрочем, так же как я... Я дурак!!! То, что мы видим перед собой, этого следовало ожидать! В Рионе живет свыше миллиона человек. Из них сервов – восемьсот—девятьсот тысяч, среди них женщины и дети. Еще тысяч сорок – горожане и обыватели, которые никогда не держали в руках оружия. Потом там есть два полка габеларов примерно по четыре тысячи алебард в каждом. И едва ли две тысячи из оставшихся это кавалеристы-шательены с настоящим боевым опытом. Ты не понял, Ник? В гигантском городе всего две тысячи вояк, знающих, с какой стороны подходить к мушкету и палашу! Получается, что если считать только *нормальных солдат*, их в тридцать раз меньше чем нас! Периметр города огромен, защищать его с такими жалкими силами просто невозможно, один боец будет приходиться на десять метров изношенной стены, даже если привлечь *всех* свободных. Единственный выход для префекта города – использовать против нас своих сервов! Именно это он и сделал!

Гор почти задохнулся от злости на самого себя.

– А теперь подумай, – продолжил он, – подумай, Ник, можно ли использовать сервов в ошейниках при осаде? Нет! Они не станут наводить на своих освободителей орудия и брать мишень в прицел, не будут кидать нам на головы камни и лить смолу, а если и будут, то не так яростно! Совсем не так, как это делают при отчаянной обороне! Но рабов можно вывести в поле, ты слышишь, Никий! Разбить их на батальоны, замкнуть все хомуты батальона на один пульт в руках, допустим, командира из числа свободных, который остается позади своих сервов-бойцов, и погнать их вперед с оружием в руках. И они будут драться, ведь мы станем по ним стрелять! Отступить раб не может – сразу последует болевой импульс, но атаковать – вполне. Они пошлют их на нас в рукопашную, Ник, наших братьев! – Тут он дико захохотал. – Вот это будет резня, мой друг, вот это будет резня!

Между тем огромная масса рионских сервов, словно подтверждая его слова, понукаемая короткими разрядами из «хомутов», медленно двинулась вперед, сползая с окружавших город холмов, как тягучая и вязкая живая лава. Сервы Риона не соблюдали рядов и не держали шеренг. У них не было ни унифицированного оружия, ни тем более навыков его использования.

Но у них была *сила массы*, неистребимая, страшная, дикая мощь водной стихии, смывающей дома с берегов. То была сила землетрясения, цунами, метеорита, вес грозной скалистой груды, который неизмеримо превосходит все, что пытается ей противостоять. И этой силе, просчитал Гордиан, понадобится всего один час, чтобы пройти от холмов до края луга, на котором скручивался в кольцо обоз рабской армии. Через час миллион сервов сомнет, ломает, да просто затопчет жалкие шесть десятков тысяч бойцов, что стоят между ней и этим самым обозом под стенами артошской столицы!

Гордиан Рэкс промчался сквозь ряды своих полков и взлетел на холм, за которым

располагался обоз. Здесь, в самой высокой точке рельефа из ближайших доступных, он спрыгнул с коня.

С некоторого возвышения человеческое море рионцев можно было рассмотреть целиком. Медленно приближающийся к ним прямоугольник из вражеских сервов имел почти такую же протяженность по фронту, как и развернувшаяся Армия Свободы, – около двадцати километров, – что объяснялось, разумеется, шириной поля, на котором стремительно раскручивался сюжет внезапной баталии.

Справа поле упиралось в небольшой ручей, протекавший по длинной канаве до самого Кобурна, а слева – в тисовую рощу, плавно переходящую затем в лесной массив, чередующийся с пастбищами и полями. Однако в глубину вражеское построение превосходило линию Армии Свободы в несколько раз! Сомнений нет, сопротивление в данном случае просто бесполезно, эта масса сожрет войско Гора, даже не икнув. Ни боевые навыки, ни воинская дисциплина, ни изощренные тактические приемы в данном случае не помогут – ровное поле, армии сближаются стенка на стенку, лоб в лоб. И нет времени для маневра. Да и какой к черту маневр при таком раскладе! Бежать разве что.

– Никий, послушай меня, – Гордиан говорил быстро, почти глотая слова, – времени уже нет. Сейчас я попробую впасть в транс. Знаешь что это? Я как бы усну, а ты сделай вот что. Во-первых, мне нужна постоянная охрана, поскольку в течение получаса я не проснусь, даже если меня будут резать. Оставь один взвод, остальные – в бой. Поскольку Крисс занят со своими драгунами на правом фланге, центральное командование я временно возлагаю на тебя.

Во-вторых, попытайся, насколько возможно, оттянуть наше поражение и бегство с поля. Мы разделены на две линии. Первая скоро сблизится с врагом, но вторая должна отойти чуть назад, к краю поля, чтобы увеличить расстояние. Орудия, которые мы везли с собой, поставь между двумя линиями, а не перед первой – на это уже не хватит времени. Мы будем бить навесом через головы наших солдат в самую гущу атакующей массы. При такой тесноте построения эффективность поражения будет просто потрясающей, картечь должна лечь *идеально*. Боже мой, что я говорю! В общем, ты понял. Ты понял?! Действуй!

Никий, улыбаясь, кивнул:

– Я понял, босс. Ты сожжешь все хомуты на расстоянии, как обычно делаешь в освобожденных поместьях. Расстегнем ошейники рионцев – и дело с концом. Получится миллион сервов против горстки свободных. Мне нужно только продержаться до этого момента.

Гордиан покачал головой.

– Не думаю, что все настолько просто, – севшим голосом ответил он. – Моя сила увеличилась по сравнению с Кербулем и даже Бронвеной, однако миллион ошейников – это слишком много для меня и сейчас. Максимум, что мне удавалось до этого, если ты помнишь, – это две тысячи человек за один раз. Две тысячи человек, Ник, не больше! Мне трудно объяснить тебе, но чтобы расстегнуть электронное устройство силой мысли, нужно сосредоточиться на нем. Я могу концентрироваться на «хомутах» либо по одному, но тогда это займет три-пять секунд на каждый, либо деактивировать их большой группой, единым усилием. Первый вариант, как ты понимаешь, для нас неприемлем: не хватит времени. Однако и второй – тоже, ошейников слишком много, я не смогу сконцентрироваться на всех сразу. Да я сомневаюсь, что это вообще возможно! Одновременная работа с сотней устройств считается рекордом даже в моем высокотехнологичном мире, где полно *Тшеди* - профессионалов! А то, что я делал в Боссоне, освобождая сервов по две тысячи одновременно, – это уже предел возможностей пси-оператора, по большому счету. Так что...

Улыбка сошла с лица Никия. Юношеское лицо сделалось суровым.

– Я понял, – повторил он спокойно. – В конце концов мы все когда-нибудь умрем. К смерти и победе готов – таков девиз консидориев, верно?

Он сделал паузу, потом сжал плечо Гордиана сильной ладонью.

– Я продержусь, сколько смогу, брат. А ты уж постарайся.

Падший бог кивнул, и Никий, резко развернувшись, стал спускаться с холма.

* * *

В это мгновение гигантская колонна рионских сервов и первая линия Армии Свободы с ревом столкнулись. Началась резня!

Мушкетеры Гора, отточенными движениями, уклоняясь от ударов, фехтуя штыками и дробя черепа прикладами, собирали кровавую жатву. Каждый здесь прикрывал плечо каждого и отработанные месяцами упорных тренировок навыки *организованного штыкового боя* сжигали шеренги навалившегося массой противника, как огонь бумагу. Солдаты демонстрировали высочайший класс, доступный местной полевой пехоте. Это было тем более очевидно, что противостояла им разношерстная масса дилетантов, собранных в аморфную толпу. Плохо вооруженная, не обученная, гонимая в бой лишь насилием хозяев и страхом перед смертью от болевого разряда.

Штыки солдат Свободы вонзались в незащищенные доспехами тела нападающих, раз за разом обагряясь «братской» кровью рионских сервов. В жуткой мешанине из терзающих друг друга тел больше не осталось людей, не было мыслей, никто не думал о том, кто перед ним: серв, который пришел освободить, или серв, который должен был стать освобожденным. Только звери, ревя и стелая, разили и гибли от рук друг друга: нет братьев на войне, но есть враг!

Медленно-медленно линия нападавших таяла, под огнем мушкетов, под ударами их штыков, под гулкими хлопками картечи, что обильно посылала артиллерия «свободных» через головы первой линии в самую гущу атакующей колонны. Однако уже спустя пятнадцать—двадцать минут стало ясно, что успех «свободных» является лишь иллюзией. Миллионная масса рионцев оказалась слишком велика, чтобы потеря даже десяти тысяч бойцов стала хоть сколько-нибудь ощутимой для ее воистину фантастической численности.

Штыки мушкетеров первых рядов вонзались в плоть уже десятого, двадцатого врага, кураж и ярость, питавшие их мужество, сменились усталостью и болью.росло число раненых, росло число убитых. Поток рионцев казался бесконечным. И мушкетерам первых рядов уже становилось дурно только от вида трупов, влажными холмами лежащих перед ними.

Первая линия войска Гора стала медленно отступать.

* * *

Красное. Красное. Красное.

Тонкие вены энергий пронзали воздух.

Веки были опущены, но Гор ВИДЕЛ!

Медиаз Кордис, сверкающий над головой приглушенным алым, как сквозь тонированное красное стекло.

Блики розовых облаков и багровое небо, подернутое темными потоками ветра.

Вот он почувствовал. Все.

Гор взлетел.

Нет, тело осталось по-прежнему внизу, на траве в окружении драгун, стоящих с палашами наголо, однако сознание мчалось вперед, в вышину, ближе к красному солнцу и темным ветрам под багровыми небесами. Под облаками он развернулся и посмотрел вниз.

Отсюда, с поднебесной высоты все выглядело несколько иначе. Меньше. Отчетливей. Все поле теперь лежало под ним как на ладони. Только сейчас Гор заметил, за спинами рабов и тонкой линией охранников-габеларов боевые порядки вражеской армии не заканчивались.

В короткую, но мощную линию тремя большими батальонами за спинами рабов стояли свободные граждане Риона, вооруженные до зубов. Почти на каждом была великолепная пикинерская пехотная кираса, красивая с золотом кавалерийская каска с огромным

плюмажем, по два мушкетерских пистолета на поясе, жандармский палаш, рейтарский кинжал и заряженный мушкет в руках. У некоторых – даже пара мушкетов, один в ладонях, другой за спиной на ремне. Да, оружейные склады и арсеналы города, судя по всему, были весьма велики – и почистили их не слабо. Однако умеют ли пользоваться господа свободные граждане всем этим добром? Вряд ли.

Горожане стояли неплотными, «кривыми» квадратами, по двенадцать-тринадцать тысяч человек в каждой. Итого – сорок тысяч бойцов, то ли пикинеров, судя по латам, то ли стрелков, судя по мушкетам в руках. Более идиотского построения и манеры вооружаться Гор не видел.

Если господа свободные горожане собрались драться в рукопашную, то зачем им мушкеты без штыков? А если стрелять, то зачем становиться могучей квадратной пикинерской колонной в сорок-пятьдесят рядов? Впрочем, когда впереди тебя миллион туш пушечного мяса, можно, наверное, не сильно напрягаться по поводу тактических приемов.

В принципе, ход мыслей горожан, приведший к такому построению, был Гору понятен. Квадратная пикинерская колонна была традиционным строем пехоты, другой они не знали, вот и встали так. А поскольку драться врукопашную никто из мирных обывателей не умел, взяли в руки мушкеты вместо пик и алебард, без штыков естественно, поскольку на складах таковых не имелось.

Чуть ближе, между тремя большими батальонами горожан и титаническим прямоугольником рионских рабов, тонкой-тонкой линией растянулись восемь тысяч габеларов, исполняющих роль охранников при атакующих Армию Свободы рабах. Капитаны габеларских рот сжимали в руках пульты от бредущих впереди «ошейных» сервов и контролировали их движение.

С правого фланга относительно взгляда со стороны Армии Свободы стоял маленький отряд шательенов ровно в две тысячи клинков на великолепных скакунах – больше кавалерии враг не имел. Ни орудий, ни резервов также не было. Забавная армия, подумал Гордиан. Если бы не рабы, он порвал бы это горе-воинство как матерый пес домашнюю шавку. Но, увы!

Гигантский прямоугольник из рионских сервов между тем, по-прежнему уверенно теснил тающие ряды первой линии войска Гордиана. Орудия палили, как бешеные, поливая наступающих дождем из картечи. Не переставая, залп за залпом, гремели мушкеты сопротивляющихся и умирающих солдат Армии Свободы. Штыки влетали в тела и выпархивали обратно уже испачканные красным. Тысячами падали от этих ударов рабы и свирепели, видя, как рушатся рядом на землю их товарищи и друзья. Теперь их уже не гнали, они рвались в бой сами, подстегиваемые не только страхом перед ошейниками, но и ненавистью к убийцам товарищей.

Насилие порождает насилие!

Только сейчас Гор с ужасом различил, что в наступающей толпе едва ли четверть состоит из мужчин, вооруженных пусть примитивным, но все же оружием. За плотными рядами атакующих торговцев и мастеровых, слуг и фермеров, вперемишку вместе со взрослыми мужчинами шли женщины и дети, многие – прижимая к груди младенцев, схватившихся маленькими руками за тонкие полоски электронных хомутов, сжимавших шеи их матерей и сестер. Тысяча тысяч людей гнались на убой, как скот, как огромное стадо овец, бредущих на заклание в скотобойню.

Экс-господь сконцентрировался, он должен сделать хоть что-то! Хотя бы попытаться.

Сознание устремилось вниз.

Один хомут, два, двадцать, сотня, тысяча, больше. Больше!.. Две тысячи стальных замков уместились в его сознании и щелкнули, открываясь.

К-нокк – стукнули микро-затворы из системного металла об отбойник замка. Две тысячи сервов из первой линии замедлили ход. Ошейники сползли с их шей под собственным весом и пали на землю. Движение в этой части колонны чуть застопорилось, но лишь совсем немного.

Две тысячи человек, стоящие на передовой, по-прежнему шли вперед не в силах остановиться. Огромная масса их товарищей подпирала сзади, а «освободители», стоящие напротив, поливали свинцом и потчевали штыками! Азарт сражения оказался слишком велик, чтобы свобода воли всего лишь для двух десятых процента от общей численности убивающих друг друга людей смогла сдержать пламя яростной рукопашной. Спустя минуту растерявшиеся освобожденные либо пали под ударами товарищей с обеих сторон, либо присоединились к дерущимся.

Гордиан выругался: ладно, придется попробовать по-другому.

Сознание его метнулось дальше, проплыв над рядами рионцев в самый конец их чудовищной двадцатикилометровой колонны.

Ближе, ближе. Отлично!

Прямо под ним проходили последние ряды огромной медленно движущейся массы. В основном здесь были женщины и дети, безоружные, слабые, но их не подпирали в спину ряды бредущих на убой товарищей и не лупила в грудь и в голову картечь и штыки «свободных».

Разум Гора снова вскипел! Один хомут, три, тридцать, сотня, тысяча, больше. Больше... Почти три тысячи хомутов щелкнули застежками и пали на землю. Три тысячи бывших рабов застыли в немом ступоре, глядя на страшные орудия человеческого насилия под своими ногами.

Растерявшиеся габелары, идущие следом на расстоянии примерно полусотни метров от последних «рабских» рядов, замедлили шаг и стали недоуменно переглядываться друг с другом. Пальцы некоторых автоматически легли на кнопки пультов, и, подчиняясь незримому импульсу, задние ряды дружно грохнулись наземь, сраженные электрическим током. Но освобожденные остались стоять во весь рост.

– Убить! – прозвучала в застывшем воздухе ледяная команда старшего офицера и пришедшие в себя габелары хладнокровно подняли свои мушкеты.

В следующее мгновение грянул залп картечи и три тысячи женщин, детей, стариков со снятыми хомутами и просто оказавшиеся рядом сервы в еще «нормальных» ошейниках тяжелой грудой повалились на землю. А многокилометровая туша колонны продолжала идти, как будто и не заметив кровавой расправы. Три тысячи мертвецов? Царапина на теле кита.

На долю секунды Гор как бы застыл в воздухе, и если бы он мог в этот момент почувствовать свое тело, его кожа покрылась бы холодной испариной, а мышцы задрожали от ощущения полной беспомощности.

Его дар, божественный дар, его *избранность*, которой он гордился с самого первого дня своего появления в мирах Корпорации, оказалась ничем на этом поле. Меньше чем тысяча мушкетов в руках ничемных городских габеларов.

Дьявол! Черной пантерой Гордиан метнулся дальше, через ряды, над колышавшимися в движении серыми массами бредущих на смерть рабов к самому краю колонн.

Да. Вот здесь. Самый край. Справа лес и рядом нет габеларов со смертоносными мушкетами. Попробуем.

Он снова напрягся. Секунда, две, три, пять – и еще три тысячи хомутов щелкнули своими замками.

И тут сервы не растерялись! Здесь были все вперемешку, не только женщины, но и мужчины, с оружием в руках. Немедленно сбившись в кучу, они устремились к тисовой роще, что шумела свежей весенней листвой всего в пятистах метрах от них. А остальные сервы, оставшиеся с неснятыми хомутами, тут же растянулись, прикрывая своими телами освобожденных, и те, что есть мочи, припустили бегом к спасительному лесу. Получилось!

Гор вновь сконцентрировался, готовясь освободить еще одну партию рабов, но в этот момент лихая шательенская конница, жандармы, стоящие на фланге, с свистом и гиканьем припустили в погоню за беглецами. Часть сервов из колонны, с неснятыми хомутами на шеях кинулась, было, им наперерез, но пальцы охраны легли на кнопки пультов и болевой импульс швырнул осмелевших рабов на землю. Беглецы остались в одиночестве. А спустя

мгновения кавалерия настигла их. Жандармы с лету дали дружный залп из карабинов, а потом бросились на беглецов с обнаженными палашами. Женщины и дети гибли под копытами коней, мужчины падали с разрубленными головами. Гор мысленно застонал. Что делать? Что делать?! Казалось, решения не найти...

* * *

Префект, наблюдавший за атакой «своих» рабов через подзорную трубу, удовлетворенно крикнул и с довольной миной повернулся к старшим офицерам – ну, каково?

Похоже, его расчет оказался верным. Этим горе-воjakам, вонючим сервам, поднявшимся против своих, богом данным господ, ничего не остается кроме как сдохнуть под грязными пятками своих же товарищей по несчастью. «Его» рабы просто затаптывали обороняющуюся мушкетерскую линию одной своей массой!

Но больше всего в этой ситуации его забавляли жалкие потуги вражеского командира повлиять на атакующую колонну своими способностями медиума. Со своего резного кресла, поставленного на некотором возвышении над полем баталии, его превосходительство господин префект прекрасно видел, как то тут, то там по несколько тысяч сервов лишались своих ошейников и как эти попытки решительно пресекались специально проинструктированными на этот случай солдатами охранения. Фехтовальщик, говорите? Пророк? Апостол Свободы? Легендарный воин?

Легендарный идиот! Миллион человек – это миллион человек, и ничего тут не сделать!

Префект взмахнул рукой.

– Кончайте с этим! Усилить натиск! – И откинулся на спинку резного кресла с полным удовлетворением в душе, жалея, что не приказал взять с собой вина. Ведь перед ним разворачивалось такое зрелище, а горло промочить было нечем.

Габелары охранения, повинуясь переданным по цепочке приказам, повернули тумблеры на пультах от хомутов, усиливая болевое воздействие на своих «подопечных», и масса рионцев гигантским спрутом метнулась вперед, как единый живой организм. Толпа напирала, невзирая на пули и картечь, с полным презрением к смерти. Сотрясаемые электрическими разрядами несчастные рабы бежали на своего врага, бросая оружие, затаптывая друг друга, захлебываясь пеной, слезами, давясь истошными воплями и судорожно глотая воздух ртами, искривленными от боли!

Штыки мушкетеров отчаянно взметнулись в воздух и дернулись в великолепном выпаде, поддержанным тридцатью тысячами пар рук. Тридцать тысяч рионцев повисли на отточенных стальных штырях, но толпа не остановилась. Под давлением задних рядов, повисшие на мушкетных штыках трупы, продолжали давить на оборонявшихся. На краткое мгновение обе силы уравнились, дрожа от напряжения... и рухнули в сторону мушкетеров!

Чудовищная масса, налезая последующими рядами на передовые, сметала с лица земли своих противников, буквально вбивая их в грунт вместе с трупами товарищей. Бесчисленные женские, мужские и даже детские тела накрыли остатки первой линии обороны. Тридцать тысяч бойцов «свободы» оказались втоптаны в землю миллионом рабов...

– Вино, господин префект? – поинтересовался гарсон. – Э-э, бутылка нашлась у кого-то из ополченцев. Полный бокал, сэр?

Префект поморщился.

– Разбавь водой, дурак! – брезгливо произнес он. – Я не пью крепкое, ты же знаешь.

Слуга подлил воды.

– Готово, сэр. Теперь изволите?

Господин префект поднял полный бокал и посмотрел на развернувшуюся перед ним кровавую бойню. Вино было красным.

– Чудно, – сказал он, – просто чудно.

На расстоянии примерно километра от резного кресла префекта вторая линия Армии Свободы готовилась к схватке. Перед тем как впасть в транс, Гор разделил свое войско на две неравные части. Одна из них была больше, протяженной и пересекала все поле сражения от одного края до другого, являясь первой линией обороны. Состояла она только из мушкетеров, вставших одним сплошным боевым порядком без брешей и без деления на батальоны. Теперь эта линия была уничтожена.

Оставшиеся тридцать пять тысяч составляли вторую линию Гора и кавалерию флангов. Она стояла отдельными батальонами, отдельными эскадронами и включала помимо стрелков из мушкета также артиллеристов и драгун, развернувшихся справа и слева от позиций пехоты, но с численным перевесом на правом крыле.

Здесь стоял Крисс. Его конь приплясывал.

Бывший лавзейский габелар оторвал взгляд от медленно приближающегося пешего противника и повернулся к адъютанту.

– Ну что, сударь? – негромко поинтересовался он. – Я чувствую, пора что-то менять. Как насчет прорыва вдоль рощи?

– Во фланг рионским сервам, сэр?

– С ума сошли? Для них наша атака, что комариный укус. – Крисс криво усмехнулся. – Берите шире, сударь: пройдем по краю поля, пощупаем габеларов с пультами.

– Но там же шательены, мастер Крисс!

– И что?

– Вы сказали, их там стоит почти полк, а это две тысячи кирасир!

– Но нас три тысячи, а это на тысячу сабель больше.

– Но это же жандармерия, сэр! Шательены, с рождения приученные к коню и доспеху! И к палашу! Да разве мы сможем?

– Если сильно захотим, сударь, если сильно захотим!

Крисс поглубже нахлобучил драгунскую шляпу и постучал себя сжатым кулаком по суконному мундиру на груди.

– А жалко, что у нас нет кирас и касок, верно? Пригодились бы сейчас.

– И не говорите, сэр.

Но Крисс уже не слушал. Он натянул поводья и развернулся.

– Поэскадронно! – трубным голосом проревел он. – Рысью вперед! Двинулись!

Глава 20

Рионская кровь

Гор пришел в себя и приподнялся на локте, осмотрелся и встал. Голова гудела.

За холмом примерно метрах в трехстах начинались задние ряды второй и последней линии его мушкетеров, а за ней, занимая все огромное луговое пространство до города Риона, колыхалась безразмерными жировыми складками чудовищная колонна рионских сервов. Море людей!

Но сам холм, на вершине которого стоял Гордиан, был практически пуст. Рядом осталось только несколько человек вестовых из числа драгун, составлявших личную маленькую кавалерию Гора.

Он подозвал их к себе.

– Армия гибнет, сэр, – прокричал с ходу один из них. – Нужно отходить!

– Будут распоряжения, сударь? – спокойно спросил другой.

Гор потер глаза. Посмотрел по очереди на вытянувшихся по струнке бойцов.

– Да, – сказал он, – будут распоряжения. У кого-нибудь в седельных сумках найдется алкоголь?

В воздухе повисла тишина.

– Что вы собираетесь делать, сэр?

– А вы не расслышали? Я собираюсь выпить.

Один вестовой кинулся к седельной сумке и вернулся с фляжкой.

– Вот хайранский самогон, командир, – сказал он. – Степняки пьют его перед боем для храбрости. Говорят, он придает бойцу бешеную ярость.

После бесплодных попыток с помощью пси-способностей повлиять на ход сражения, ярости Гор уже хватало и так, но, в принципе, поило годилось. Экс-господь уже протянул раскрытую ладонь, чтобы взять флягу, как подошел второй вестовой, пожилой уже офицер и бывший консидорий.

– Карабанский абсент, сударь, – произнес он с гордостью и протянул толстую стеклянную бутылку звящего черного цвета, – смертельный напиток.

Гор с сомнением посмотрел на бутылку.

– Так уж и смертельный? – Он невесело рассмеялся. – И сколько оборотов?

– Семьдесят пять, сударь. Жидкий огонь. Но лимона нет, как, впрочем, и сахара.

– К дьяволу лимон и к бесу сахар! – Гор выругался. – Консидории пьют так! Спасибо!

Он выдохнул и приложился к горлышку.

Огненная жидкость раздирала скребком горло, жгла в груди, но Гор не отрывался. Способностью *Тшеди* были сверхчувства, а чтобы почувствовать сложное, нужно забыть про простое. Он пил. Пусть физические чувства притупятся, но обостряются другие, смотрящие в реальность *не глазами* !

В продвинутом мире Нуль-Корпорации для пробуждения способностей *Тшеди* использовались комбинированные химические наркотики, опробованные опытом тысячелетий, но каждый из богов-экстрасенсов Универсальных Систем знал с первых классов спецшколы, что простейшим методом усиления дара является алкоголь. Это не увеличит его мощь в разы, но хоть немного, хоть чуть-чуть!

Через минуту слегка обалдевший Гор уже присел на траву и поставил рядом бутылку абсента, пустую наполовину. Его мутило. Внутренности, казалось, обработали кислотой и наждачкой. В висках стучал молот.

Гор махнул охране рукой, чтобы отвернулись, и упал на землю, закрывая глаза.

Работаем!

Небо кружилось вместе с облаками. Гор закрыл глаза.

Снова красное, красное.

Красное в оттенках темного. Красное в оттенках голубого.

В голове бил колокол, настоящий набат, и алкоголь раскаленной лавой растекался по артериям.

Разум медленно приподнялся над телом, как будто бы сел и осмотрелся. Медленно. Плавно.

«Тук-тук. Тук-тук». – Это пульс. С тех пор как Гор залпом одолел половину бутылки, пульс бил как бешеный. Однако сейчас он становился все тише. Пульс замедлялся. «Тук-тук». Вот так: «Тук... Тук...»

Еще мгновение, и он смотрел на себя как бы со стороны, отделившись от материального носителя. На почти мертвое тело в луговой траве в окружении нескольких кавалеристов. Но лишь мгновение. Время поджигало.

А теперь вверх!

Он снова взлетел над огромным полем и медленно ползущей ордой рионских рабов. Наступающая колонна действительно превратилась в орду, поскольку хаотичное движение по пересеченной местности через горы трупов размывало и без того никак не спаянную дисциплиной и выучкой толпу, все больше и больше делая ее похожей на миллионоглавое мигрирующее стадо обезумевших животных.

Гор замер в воздухе где-то посередине между лучами Медиас Кордис и распластанной по полю огромной человеческой массой. Итак, ваш финальный выход, сударь, сказал он

себе. На бис.

Он сконцентрировался. Еще. Так сильно, что из несуществующих висков засочилась кровь вместо пота. Еще. Несуществующее горло сорвалось в крик, в ошметки раздирая связки. Еще! Несуществующие глаза лопнули, выкатившись из глазниц вскипевшими белками. Еще. Еще. Еще. Разум размазался, Гор тянулся изо всех сил, пытаясь охватить чудовищное бесконечье электронных хомутов своим ничтожным человеческим сознанием. И... оставил это. Невозможно. *Невозможно!*

Масса была слишком велика. В огромном квадрате, медленно пожирающем метры лугового ковыля и Армию Свободы, рабов было слишком много.

* * *

Центр второй линии Армии Свободы составляли brave мушкетеры в количестве двадцати шести тысяч штыков. Артиллеристы, числом где-то около сорока сотен бойцов, несколько минут назад оставили свои кулеврины, стоявшие перед линией, и отбежали за мушкетеров. Здесь, встав с обнаженными пехотными тесаками и с протазанами наперевес, они составили как бы небольшой резерв этого жалкого остатка армии.

Рионские рабы приближались.

– Примкнуть штыки! – проорал Никий офицерам. – Зарядить мушкеты! Изготовиться к залповому огню! Первый ряд – на колени, второй – пригнувшись, третий – прямо! Стрелять по команде! Держись, ребята! Не посраим славу армии! Не посраим Республику!... Товсь!

Идеально ровная линия мушкетеров припала головами к прикладам. Никто не дрогнул. Стояли спокойно, не шевелясь, глядя через мушку прицелов на прущую на них миллионоглавую смерть, которая приближалась с неумолимостью ползущего по рельсам локомотива. Остатки Армии Свободы приготовились к своему последнему залпу.

К смерти и победе готов! Никий взмахнул рукой.

И залп грянул.

* * *

Тем временем Крисс и три тысячи драгунских сабель, пройдя вдоль рощи, оказались прямо перед эскадронами кирасир, стоявших ровным рядом поперек свободного лугового пространства.

Шательены, если и удивились внезапному появлению врага, то вида нисколько не подали. Дворяне, в бога душу мать! Потомственные рубаки.

Надо отдать им должное, никто из великолепных всадников в позолоченных доспехах не дрогнул. Ни один плюмаж не качнулся в панике, ни один скакун не дернулся, тронутый нервными шпорами хозяина. Ни один палаш не покинул ножен.

«Красавцы, – подумал Крисс, – чтоб вас...»

Его драгуны, севшие в седла всего полгода назад, безусловно, тоже были хорошо подготовлены – три месяца усиленных тренировок, три месяца войны. Верховая езда – на отлично, стрельба из мушкета – на пять. Вот только что значат эти шесть месяцев по сравнению с двадцатью или тридцатью годами опыта, стоящими за плечами каждого из шательенов. Дворяне садятся в седло раньше, чем начинают ходить. В год или два девочки шательенки впервые берут в руки тряпичных кукол в шелковых одеждах, а мальчики в это же время – крепкие деревянные палаши, чтобы носить их в ножнах, учиться мгновенно выхватывать и бить ими друг друга во имя будущей славы родины. Люди, с рождения преданные войне! Машины боя. На коне и в полном доспехе жандарм непобедим. Это азбука. Только пуля остановит такого, свинец картечи или ядро кулеврины.

Адъютант Крисса, совсем недавно споривший с ним по поводу бессмысленности данного предприятия, с сомнением покачал головой. Атаковать *таких* бездоспешными

драгунами, имея всего лишь полуторное превосходство в численности – чистой воды самоубийство, это скажет каждый, хоть немного знакомый с воинским искусством. О чем только думает наш командир?

Но Крисс не думал, он действовал.

– Развернуться! – скомандовал бывший лавзейский габелар, и три тысячи его всадников развернулись широким полумесяцем, охватывая фланги несколько более малочисленного противника.

– Нечетным спешиться! – полторы тысячи драгун спрыгнули с коней и, отдав поводья десятому номеру каждого десятка, припали на колено или встали во весь рост, прислонив головы к мушкетам.

– Остальным – штыки отомкнуть! Выходим рысью на дистанцию действительного огня вражеских карабинов. Пятьдесят метров. Залп вплотную. Затем делаем вольт и отходим. Вперед!

Три тысячи конных мушкетеров приблизились к кирасирам. Закованные в броню вражеские эскадроны тем временем немного перестроились, выдвинув вперед более молодых и неопытных бойцов, а задние ряды составив исключительно из ветеранов. Затем, такой же медленной рысью (стремительный бросок галопом должен последовать только на последних метрах дистанции) кирасиры гордо двинулись навстречу своему презренному врагу.

Сто метров, пятьдесят...

– Залп! – заорал Крисс, и его команду в голос повторили конные капралы.

Полторы тысячи мушкетов взметнулись в воздух, пространство заволочло дымом. Гулкий хор полутора тысяч мушкетов перекрыл все звуки. Не глядя на скрытый густым пороховым дымом результат «отстрелки», Крисс не медля ни секунды, велел своим развернуться.

– Вольт влево! – скомандовал он.

Полторы тысячи лошадей вильнули крупами через левое плечо и галопом помчались назад.

В это самое мгновение первые ряды жандармерии, сраженные злой картечью, свалились из седел. Те же, что остались живы после зубодробительного расстрела в упор, рефлекторно вскинули свои карабины, замедлили ход (стрелять на скачущей лошади невозможно) и выстрелили в ответ. Дистанция была пятьдесят метров, и теоретически короткоствольные крупнокалиберные кавалерийские карабины, предназначенные для пробивания стальных доспехов навывлет, могли бы достать улепетывающих конных мушкетеров. Однако практически кирасиры падали через густой дым, не видя целей, дистанция для стрельбы была предельно возможной, да и сами криссовские драгуны на полной скорости стремительно вылетели из зоны поражения. Поэтому залп жандармерии оказался аховым. Всего несколько конных сервов вылетели из седел, а остальные ушли верхом невредимыми.

– Тысяча чертей! – заорал наблюдавший с холма господин префект, привстав в своем резном кресле. – Почему жандармы не атакуют?! Атакуйте же! Ну!

Как будто услышав этот пламенный призыв, великолепные шательены ринулись вперед. Ни паники, ни страха среди них не было. Проезжая над трупами товарищей, они спокойно покачивались в своих раззолоченных седлах. Да, жандармерия уступает драгунам в огневой мощи, но в прямом контакте всегда возьмет верх – только бы достать противника! Сплотив сильно поредевшие шеренги, бешеным галопом, пылая яростью, жандармы устремились в погоню.

Крисс меж тем отходил не спеша. Его легкие всадники могли запросто уйти от преследователей, сидевших на крупных, тяжелых жеребцах и в тяжких доспехах, однако он держал расстояние, подстегивая тем самым азарт преследователей.

Вот его кавалерия домчалась до своих спешенных товарищей и вот, промчавшись между пешими стрелками, встала на месте за их сгорбленными спинами.

– Выровнять строй! Поэскадронно! Промежутки шире! Изготовиться к стрельбе!

Всадники Крисса сбились в компактные ровные кучки эскадронов, оставляя между ними широкие промежутки для отступления спешенных драгун.

А те в это время, как обычные мушкетеры, встали в три ряда, каскадом, нависая один над другим. Жандармы мчались на них, покрываясь пеной. Дистанция быстро сокращалась.

Сто пятьдесят метров. Сто. Пятьдесят.

– Залп! – заорал Крисс.

Залп... Пехота стреляет не так как всадники. Всадники бьют в один ряд, стрелки стоят широко, поскольку конь и место для его разворота занимают интервал такой же, что требуется для тройки пеших стрелков. Тренированное животное, даже стоя на месте, волнуется и подрагивает, ствол дрожит, картечь или пуля ложатся неровно.

Пехота же стоит каскадом в три ряда, и значит, *в девять раз* более смертелен ее огонь! И стреляет пехотинец прицельно, тщательно сжимая крепкими руками длинноствольный мушкет, упертый жестким прикладом в неподвижное тренированное плечо.

Залп! Залп! Залп!

Три ряда жандармов вылетели из седел как будто снесенные ветром. Кровь разлетелась в стороны, как брызги, принесенные свежим бризом.

Но движение не замедлилось. Жандармы, эти машины-убийцы, как будто не замечали потерь. Еще несколько мгновений – и они врежутся в строй мушкетеров, и тогда...

Схватив оружие, спешенные драгуны рванули назад, под защиту конных и, пробежав между ними, стали вскакивать в пустые седла своих коней.

– Четным – залп! – прозвучала очередная команда.

Изготовленные за время залпа пехоты, мушкеты конных драгун снова вздрогнули, повинаясь легким касаниям спусковых крючков. Картечь снова вылетела из стволов, и новую порцию трупов вырвало из раззолоченных седел.

Жандармы в ответ не стреляли – им было нечем: в пылу атаки они не могли перезарядить карабины.

– Драгуны, рысью – вперед! Приготовить пистолы!

Конные сервы двумя волнами спокойным шагом потянулись навстречу врагу. У каждого в седельных сумках имелось по два пистолета.

Пятьдесят метров. Тридцать. Десять.

– Огонь! Огонь!

Два залпа слились в один. Лошадь чуть влево – пали из правого пистоля. Бросай в кобуру. Затем лошадь чуть вправо – бей из левого. Правую руку на эфес.

Ну вот и все, решил Крисс. Вот и все.

– Сабли наголо! – крикнул он. – Вперед!

Три тысячи сабель вылетели из ножен.

Эскадроны сшиблись с бешенством двух напористых ураганов. Закованные в броню профессионалы-убийцы и бывшие огородники, слуги и мастеровые, севшие в седла полгода назад. Мощь против дисциплины. Презрение против ненависти. А еще – мастерство против просто числа: из двух тысяч шательенов почти две трети лежали мертвыми на земле, сраженные свинцом, а еще пара сотен истекала кровью, оставаясь в седле.

Три тысячи драгун, почти не имевших потерь, не считая пары десятков товарищей, сраженных залпом карабинов в самом начале боя, окружили жандармов плотным кольцом, набрасываясь по трое-четверо на одного шательена.

* * *

Выпад! Никий вытащил шпагу из груди мертвеца.

Маленькая женщина, бросившаяся на Никия с кухонным топором, была пронзена прямо в сердце, однако продолжала дрожать – электрические разряды, бившие из «хомута» на шее, сотрясали тело рабыни конвульсивными судорогами даже после смерти.

Оттолкнув несчастную плечом, Никий коротким замахом вонзил клинок в тело следующего. Пораженный им серв на этот раз оказался мужчиной – крепким низкорослым стариканом с вилами в руках и ржавым шлемом на голове. Человек хрюкнул и, также дрожа от электрического тока, медленно осел на землю тяжелым скособоченным мешком.

Шумно выдохнув от усталости, Никий вытащил шпагу, отступил на шаг и оглянулся. Каждый из его хорошо обученных бойцов убил уже по несколько человек, но все бесполезно – поток атакующих казался неисчислимым. То тут, то там солдаты повстанческой армии, доведенные до иступления усталостью и казавшейся мистической неистребимостью врага, падали под ударами примитивного оружия или просто падали, задавленные вражеской массой, не в силах более поднять меч или сделать штыковой выпад.

Линия обороны таяла. Обежав взглядом остатки своего воинства, Никий понял, что до поголовного истребления его полков осталось совсем немного. Может, еще полчаса. А может быть – меньше. В некоторых местах мушкетеры Армии Свободы были полностью истреблены, и аморфная человеческая масса их противников пробила, таким образом, линию обороны, выйдя прямо к холмам, за которыми стояли телеги брошенного обоза.

Выкрутив уставшую двигаться кисть, Никий ловким движением разрезал горло ближайшему противнику и резко развернулся к следующему. Отпрыгнул, увернувшись от копейного удара, и тут же выпрямился, пробив в выпаде грудь неловкого копьеносца. Но что это? Боже! Клинок застрял в кости, и Никий, оттолкнувшись от падающего тела ногой, с силой вырвал свое оружие. Неудачно.

С коротким щелчком клинок треснул у основания, оставив молодого офицера с одним лишь эфесом в руках. В то же мгновение перед ним оказался следующий противник – огромный детина в заводском фартуке и с гигантским двуручным молотом. Если бы у Никия была шпага, он бы в первое мгновение просто захохотал, увидев эту картину – молот слишком тяжел, чтобы использовать его в реальной драке. А уже во второе мгновение – пробил бы идиоту трахею. Но в руках был только эфес, бесполезный против такого тяжелого оружия.

Вот и все, приятель, скоро умирать. Молот взметнулся в воздух, чтобы вбить его голову вниз по самые плечи.

* * *

Крисс взревел! Обычно спокойный, габелар всегда дрался очень продуманно и очень осторожно. Отмеряя удар, готовил следующий. Отражая атаку, продумывал собственный бросок. Но сейчас все было по-другому – жестче, быстрее.

Всего несколько минут назад, когда эскадроны сшиблись, ему казалось, что вот она, победа, в руках. Из двух тысяч шательенов большая часть валялась на земле, а более чем четырехкратный перевес в численности должен обеспечить его драгунам шанс в сабельной рубке.

Роковая ошибка! Похоже, что шательены превзойдут его ребят даже при раскладе один к десяти! Казалось, вражеские кони должны были устать после долгого галопа под жестоким огнем картечи, ведь в галоп уходят только с последним броском, а эти – в бешенстве и с пеной у рта пролетели не останавливаясь почти триста метров. Но скакуны шательенов оказались достойны своих наездников. Промчавшись с закованными в железо всадниками на спинах, великолепные животные врезались в строй его драгун как несколько сотен чугунных таранов. Сила сшибки была такова, что первые ряды конных мушкетеров Армии Свободы просто снесло как от орудийного залпа. Остальные тут же потеряли кураж и удаль, замедлили ход и напор, смешались и принялись отчаянно рубиться, неумело состязаясь с шательенами в игре, к которой те были привычны с рождения.

Палаши. Сабли. Палаши. Неугомонное мельтешение стали. Хрипы кусающихся коней. Удары копыт. Стоны раненых, потерявших руки. Бульканье мертвых, потерявших головы.

Да, Крисс просчитался. От картечных залпов пали только наиболее молодые рыцари,

построенные впереди, а более опытные рубаки, матерые волки далеких походов, ветераны бесчисленных войн Эшвена остались вне досягаемости свинца. И сейчас эти ветераны *вырезали* его бойцов как опытные живодеры бессмысленное стадо баранов.

Сам Крисс был ранен уже несколько раз – порез руки, бедро, пронзенное палашом, множество царапин сквозь крепкое сукно мундира. От смерти его спасло только «продуманное» вхождение в бой: он врезался в драку в окружении нескольких телохранителей, которых заранее выбрал для себя из числа наиболее тренированных бойцов, однако большая часть из них уже была мертва.

«Дьявол! – подумал Крисс. – К черту страх! Нужно биться!»

Вместе с тремя драгунами, волею битвы оказавшимися рядом с ним, он кинулся на ближайшего шательена четверо к одному.

Жандарм поднял коня на дыбы.

Мгновение. Копыта его коня сшибли наземь первого драгуна с раздробленным черепом.

Мгновение. Движение палаша – снесло голову второму.

Мгновение. Третий боец, от толчка коней грудью в грудь, кувыркнувшись, вылетел на землю. С горящими торжеством глазами ветеран-шательен, с огромным плюмажем на шлеме, в великолепной кирасе, отделанной чернью и золочением, развернулся к оставшемуся в одиночестве Криссу.

Весь в крови и брызгах расплесканной плоти, он казался ожившим изваянием кровожадного Бога Войны из туманной древности Эшвена. Грозный и несокрушимый, ночной кошмар, пришедший днем за своей дьявольской данью. Шательен поднял палаш и одновременно бедрами тронул коня, направляя его к застывшему на лошади противнику. Красавец!

Пистолеты разряжены, мушкет за спиной – тоже. Бросаться на такого с саблей? Увольте. Крисс выхватил гранату и, рванув запал, швырнул ее врагу, одновременно заваливаясь на бок, за тело собственной лошади.

Прогремел взрыв! Шлем с красивым плюмажем несколько раз кувыркнулся в воздухе, а лошадь командира драгун рухнула на землю, погребая под собой седока. Оттолкнувшись руками и ногами, Крисс вылез из-под несчастного животного.

Левая часть тела у его скакуна отсутствовала напрочь, торчали обнаженные изломанные ребра. Красавец же шательен превратился в кучу мяса в исковерканном железе – вот тебе и Бог Войны.

На несколько секунд оставшись единственным живым в очищенном взрывом пространстве, Крисс получил передышку. Вытер пот. Вытер кровь. Посмотрел вокруг. Всюду гремела сеча. Если точнее – жандармы резали его драгун.

Ярость и горячка боя куда-то ушли. Спокойно прикинув, Крисс осознал для себя простой факт – до гибели его отряда оставалось всего несколько минут. Сервы, конечно, не побегут – не тот случай, слишком велика их ненависть к шательенам.

Их просто вырежут. Всех.

* * *

С поднебесной высоты Гор видел гибель своего воинства. Как и предполагал где-то внизу верный Никий, с высоты это виделось отчетливей и очевидней. Атакующая орда сервов оказалась слишком велика, а горстка шательенов – слишком великолепна. Голова Гора была готова расколоться от напряжения, но вместить в нее более пары-тройки тысяч устройств он не мог. Снова и снова он обегал колыхающееся море рионцев, тот тут то там срывая ошейники с рабов и с тем же успехом. С хладнокровной неумолимостью габелары расстреливали освобожденных и продолжали гнать свое «пушечное мясо» на убой, дальше, к остаткам его армии.

Красное.

Гор не знал, что видит перед собой – фон его зрения *Тшеди* или кумач крови, заливающей поле?

Красное было везде. Красное было повсюду.

Холодными голубыми огоньками мигали в этом багряном аду только пульты габеларов, время от времени подтверждающие радиосигналами болевые импульсы на портативные компьютеры «хомутов». Удивительно, но на такую колоссальную массу ошейников потребовалось не слишком то много пультов. Сознание автоматически зарегистрировало примерно пять сотен этих поганых устройств.

Пять сотен?!

Гор мысленно выругался так длинно и многоэтажно, как никогда в жизни. Решение было элементарным. Рухнув вниз, он коснулся первого пульта. Затем второго. Третьего. Все пятьсот легко уместились в голове, перемигиваясь голубыми огоньками, попискивая и тихонько жужжа.

Странные ощущения. До этого ему приходилось мысленно работать только с койнами и то, что он делал сейчас, происходило впервые. Схемы несколько отличались, и все же оба устройства были частью единой системы и были схожи в принципе.

Вот блок управления.

Гор ткнулся раз, два. По непонятным причинам, возможно, из-за наличия пароля, вход был недоступен. А вскрывать пароль времени уже не было.

Ну и к черту! Гор двинулся дальше по линиям – вперед!

Коммуникации, коммуникации. Процессор.

Еще коммуникации. Схемы памяти.

Дальше. Тут передатчик.

Вот! Блок питания.

Он напрягся из последних сил, стараясь отдать приказ – *отключить!*

* * *

От первого удара Никий увернулся, и молот, направленный крепкой рукой мастерового, лишь легонько задел плечо. От этого «легкого» касания плечо мгновенно онемело, и правая рука, повисшая безвольной плетью, выпустила оставшийся от его оружия витой шпажный эфес.

Никий отпрыгнул. Попятился. Обычно за каждым скачком назад следовала стремительная атака, и Никий, как и всякий консидорий, мог отлично координировать свои движения в этом вечном танце из отскоков и нападений. Но сейчас, не имея возможности атаковать, не имея оружия, он несколько растерялся. Сапог зацепился за валявшийся труп убитой им женщины с кухонным топором, и Никий, этот отменный боец с немалым для его лет боевым опытом нелепо взмахнул руками и повалился на землю.

Мастеровой серв приблизился, снова поднимая молот, и спасения на этот раз не ожидалось. Но вдруг молот замер и опустился в сторону. Огромный мастеровой, чье лицо все эти краткие мгновения схватки было искажено гримасой боли, застыл как истукан. Напряжение спало с его лица, растерянные глаза в недоумении уставились на противника, а его ошейник – больше не искрил!

Косясь на раба, Никий осмотрелся. Повсюду сражение замирало, а неисчислимые массы марширующих сервов постепенно замедляли ход и останавливались на месте. Хомуты не пали на землю, как это бывало обычно, когда Гор раскрывал их замки, однако они явно больше не били своих носителей током. Где-то далеко габелары, недоуменно и со страхом переглядываясь, снова и снова нажимали на кнопки обесточенных пультов, пытаясь заставить сотни тысяч рабов двигаться дальше.

Никий понял одно – у его Апостола получилось!

Вскочив на ноги, вне себя от восторга, он вышиб молот из рук недавнего врага, затем обнял его и заорал:

– Свобода, брат! Свобода! Ура!

Мастеровой медленно улыбнулся черными от пыли губами, а потом кивнул.

И в тот же миг тысячи стоящих рядом людей взорвались неистовым криком. Многотысячная толпа взревела, и шляпы мушкетеров, железные проржавелые шлемы рионских рабов, просто сжатые кулаки избежавших смерти людей разом взметнулись в воздух.

– Свобода! Ура!

* * *

Схватив метавшегося по полю чужого коня, Крисс вскочил в седло и с высоты увидел нечто странное: жандармерия, практически уничтожившая его войнство, стремительно разворачивалась и покидала поле сражения.

Он посмотрел назад и немного левее. Центральная масса рионцев, состоящая из сервов под хомутами, медленно разворачивалась. Это выглядело так, как будто штормовое море, катившее грозные валы на запад, внезапно решило изменить движение волн и погнало их на восток.

Тонкая линия габеларов, до этого так успешно контролировавшая эту миллионноголовую силу, в панике разбежалась, бросая мушкеты и ставшие вдруг бесполезными пульты.

«У него получилось!» – мелькнула в голове единственная мысль. Слава божеству!

Пришпорив скакуна, Крисс бросился собирать по полю остатки драгун.

* * *

Префект выронил из рук бокал вина. Сердце его бешено застучало, а за спиной заволновались ряды изготовленных к бою горожан. Миллион его сервов разворачивался для атаки – спиной к армии бунтовщиков и лицом к нему.

Префект вздрогнул.

«У этого проклятого Апостола получилось!» – очень четко осознал префект. Ну что же...

Что бы там ни было, отключенные хомуты все еще висели на шеях рабов.

Префект щелкнул пальцами.

– Да? – склонился гарсон.

– Мой пульт, – процедил шательен.

Левой рукой, самыми кончиками ухоженных пальцев, он взял протянутую ему тонкую пластиковую панель и мизинцем правой легонько нажал на кнопку, под которой было написано: «Освобождение».

Освободить!!!!

В первое мгновение ни Никий, ни окружавшие его солдаты Свободы даже не поняли, что случилось – казавшиеся «мертвыми» ошейники просто коротко мигнули.

И только спустя какие-то доли застывших в потоке времени секунд тела «освобожденных» рионцев тысячами бездушных мешков стали падать на землю. Ни всполохов электрического тока, ни треска разрядов не было – одним незримым касанием хомуты взымали последнюю страшную дань.

Сотни тысяч сервов свалились мертвыми, покрыв обширную долину между великим городом и великой рекой ковром из мяса в изорванной одежде.

Дальнейшее произошло слишком быстро: без всякой команды Армия Свободы сорвалась с места. Несмотря на разделявшее их расстояние, мушкетеры и артиллеристы, драгуны и обозная прислуга с рычанием преодолели все поле бегом и врезались в дрожащие от вида развернувшегося перед ними пира смерти городские батальоны.

Кто-то стрелял в них, кто-то пытался драться. Префект, столь эффектно уничтоживший

в один миг население собственного города, решился даже собрать возле себя габелар и выстроить их «правильной» бригадой.

Но все оказалось тщетно – ненависть перехлестывала через край, и солдаты Свободы сами теперь напоминали подхомутных сервов, не ведающих страха, не боящихся боли, не верящих в картечь.

А всего через час они уже стояли под стенами Риона.

Но город был мертв.

Сотни тысяч сервов лежали на поле.

Пятьдесят тысяч свободных лежали у его стен.

И только горсточка шательенов улепетывала по Большому тракту в сторону Бургоса и Литавры.

Тридцать тысяч уцелевших в бойне мушкетеров Армии Свободы мутными взглядами отошедших от опьянения наркоманов взирали на крупнейший город Центрального Артоша – огромный и совершенно обезлюдевший.

Рионская кровь, стекающая из миллиона тел, заливала Кобурн. Король-река рычал от ужаса и неистово хохотал, стуча в берега, врываясь в мелкие прибрежные бухточки, заливая болотца и мели безумными водяными бурунами!

Вода стала алой...

Глава 21

Склеп миллиона трупов

После взятия крупнейшего города Артошской марки, каковым по всем параметрам до недавнего времени являлся Рион, стрелковый корпус Гора стал обладателем воистину богатейшей добычи. Склады города ломились от продовольственных и промышленных запасов, от холодного оружия и доспехов. Про ювелирные изделия, добытые в лавках и богатых домах, про золото в монетах из банков и сейфохранилищ Гор даже не вспоминал – их невозможно было сосчитать.

Фехтовальщик смачно сплюнул. Злоба переполняла его до краев. Единственным, что интересовало полковника в эти ужасные дни, были, безусловно, ядра и орудия. Картауны, требовавшиеся Армии Свободы для взятия городов. Кулеврины и мортиры, нужные ей для «работы в поле», а также мушкеты. Только это – *необходимость работать* – еще позволяло ему жить. Сквозь сжимающее горло чувство потери Гор следил за сборами своего огромного обоза.

Опустевший, обескровленный город зиял среди зеленеющих весенних полей как страшный пугающий склеп. Тридцать тысяч оставшихся в живых после бойни пушкарей и мушкетеров бродили по нему как горсточка муравьев в танцевальном зале. Они обирали склады, собирали телеги в огромные подвозы и сколачивали обоз для маршала Трэйта. Работали молча – да и что говорить? Миллион трупов, только малую часть из которых удалось к этому моменту захоронить в земле и обратить в прах в огне не затухающих ни на день костров, были красноречивей любых самых громкогласых ораторов.

В один из долгих дней, заполнявших их бессмысленное топтание в городе мертвых, к Гору подошел Крисс, командовавший «погребальными» командами. Трупы погибших, начавшие разлагаться, все это время источали свой яд в воды Кобурна и в землю вокруг Риона. Смерд над Великой рекой и долиной стоял такой, что не хотелось жить.

– Нужно отправляться, – сказал габелар, убирая с лица ватно-марлевою повязку и отирая покрытый испариной рот, – такими темпами мы не закончим погребение и за год. Склады ободраны, артиллерийская часть обоза готова. Трэйту под Бургосом нужны пушки и ядра, так что пора выступать.

– Угу, – сказал Гор, – бросить поле и бросить город? – Он покачал головой. – Нет уж, Крисс, мы не смогли сберечь жителей города, так давай хотя бы их нормально дохороним. Склады опять же. Провинция ведь огромна! Да, город мы ободрали, однако склады и

арсеналы из шато и крепостей, что в дальних префектурах, свезены нами не все. Обоз не готов.

Крисс присел рядом с товарищем на край телеги.

– Тогда давай опять разделимся, – предложил он. – Бери что готово, бери артиллерию, мушкетеров из артиллерийских полков и отправляйся. Это, примерно – тысяча двадцать бойцов и тысяча повозок. После Шерна и после Риона вряд ли кто-нибудь на пути от Риона до Бургоса посмеет угрожать такому отряду. А я покончу с дальними складами, оставлю в городе гарнизон, чтобы продолжить захоронение, и выйду вслед за тобой примерно через неделю. Дольше ждать нам нельзя. Ну, принимается такой план?

Выгоняя из легких удушливый, пропитанный трупным смрадом воздух, Гор прокашлялся. Жить действительно не хотелось, на душе было гадко.

– Принимается, Крисс, – сказал он глухо и нахлобучил на голову мушкетерскую треуголку. – Завтра с утра выступаю.

Крисс посмотрел на подавленную узкоплечую фигуру Гора, внезапно улыбнулся и хлопнул товарища по плечу.

– Экий ты злобный! – сказал он бодро. – Не кипятись. Жизнь дерьмо, но это не повод, чтобы вонять самому, разве нет?

Экс-господь помолчал, потом усмехнулся, скривив усталое, изможденное лицо. Крисс был совсем юн по сравнению с собственным истинным возрастом, – габелару исполнилось лет сорок от силы. Однако грустная мудрость и неистребимый «черный» юмор этого человека, казались Гору иногда чем-то более старым и прочным, чем сотворенные им самим искусственные планеты и звезды.

– Это верно, – согласился демиург, выделив из фразы друга то, что соответствовало его настроению. – Жизнь дерьмо, но ведь мы всегда об этом знали. И ты прав, это не повод, чтобы расстраиваться!

* * *

«Жизнь дерьмо», – подумал Бавен, медленно сползая по колу вниз. Кал и кровавые ошметки плоти обильно вытекали из него бурными ручьями по грубо обтесанному дереву. Однако, в отличие от Жернака, Бавен не кричал, он умирал молча. И гордо. Насколько это вообще возможно в подобном положении. Так что Его Величество Единый король Артоша, Артоны и Арана Боринос Первый Победоносный мог быть доволен.

С одной стороны.

Но с другой! Конечно, старый генерал бил все рекорды по выдержке, которые извращенный эшвенский самодержец когда-либо фиксировал в истории казней на колу, однако то, *как* умирал бывалый вояка, слегка раздражало.

Бавендох молча. Не пискнул даже, когда ему всаживали кол в зад, вот же сучий потрох. И это сейчас, когда все, кажется, валится из рук и так нужна релаксация!

Боринос закатил глаза и отвернулся от умирающего генерала – не интересно. Старый дерьмоед был бледен как гной на нарыве, напрягался, как при сильном запоре и... И это было все – он не кричал!

Его величество сплюнул и вышел со двора.

Бавена к нему привели вчера. Многочисленные шательены, состоявшие при штабе развенчанного великого полководца, дружно подставили своего военного предводителя, накатав на него коллективную кляузу, которую тут же поддержал собственным доносом сенешаль Де Люссак. Тот самый, которого Бавен изволил бить перед ратушей.

Да, грехов за Бавеном собралось много.

Потерял армию под Шерном.

Без боя сдал внешний рубеж столицы.

Оскорбляет шательенов с префектами.

Что тут рядиться? Вердикт был простой – на кол!

Королевские гвардейцы, набранные из таких же шательенов, поздним вечером пробравшись через порталы храмов (закрытые для перемещения армий, но доступные лицам, действующим по поручению кардинала), проникли в Бургос, еще не обложенный сервами плотной стеной, и арестовали старого генерала. Тот, в общем, не сопротивлялся. А хотя мог бы, говорят, что армейские офицеры и рядовые строевых полков в нем души не чают, несмотря на последние неудачи.

Но он не сопротивлялся.

Поэтому взяли и посадили на кол.

На этой мысли король остановился и совсем не по-королевски почесал свой рыжий загривок. После смерти Бавена он оказался перед одной нешуточной проблемой: кто поведет в бой войска? Лорды-шательены, блистающие на балах и готовые столь резво завалить любого выскочку из «не их» среды, сами для командования армиями не годились – не тот уровень, да и опыта никакого.

В Антике, Тысячеградье и Эльбинике, собрав оставшихся после прошлого рекрутского набора бойцов со всех гарнизонов, король снова укомплектовал войска. Не так много, как их сдохло по вине Бавена под Шерном, но все же достаточно, чтобы защитить свою старую столицу – почти сто тысяч голов. Но доверить это воинство какому-нибудь безмозглому шательену он опасался.

Бавен, Бавен. Это имя обычно упоминалось в длинном списке замечательных эшвенских полководцев, прославивших свою родину, прославивших мощь королевства. И заслуживших себе бессмертие как в военной истории, так и (отчасти) в лабораториях храмов. Кто еще жив из этих великих вояк?

Боринос перебирал уже по пальцам. Бавен, Оттон, Сардис... Оттон!

Голова короля заработала. Генетически модифицированный «под менеджера» Корпорации королевский мозг со скоростью хорошего процессора перебирал хранящиеся в нейронных цепях страницы досье. И имя услужливо всплыло в памяти как труп из отравленного врагом колодца.

Его величество резко развернулся, и секретарь, семенивший следом, чуть не наскочил на вытянутый монарший перст.

– Вот что, милейший, – сказал тиран-изувер, – свяжитесь с храмами и найдите-ка мне генерала Оттона, он сидит у нас субпрефектом где-то в Силломарисе, что в Карракошской марке. Я назначаю его командующим новой карательной армии. Пусть немедленно пакует чемоданы, мчится в Бургос и принимает войска! И, да – армия выступает в Бургос уже сегодня и будет ждать его там. Не медлите, сударь, не медлите!

Секретарь кивнул и пулей вылетел из апартаментов.

А уже под вечер сто пятьдесят тысяч солдат и офицеров наспех сколоченной новой армии короля поднялись на корабли и отправились по Кобурну на север – в направлении к Бургосу, где командовал Трэйт.

Часть третья

Урок штыкового боя

Глава 22

Спецназ Его Святейшества Кардинала

Викарий с видом побитой собаки стоял перед Амиром, который был вне себя. Результат операции по захвату Фехтовальщика, проведенной спецназом на вилле Брегорта под Бронвеной, оказался просто провальным. На все это еще можно было смотреть сквозь пальцы полгода назад, когда оставалась надежда на военное подавление восстания, но теперь, после разгрома королевской армии под Шерном, перекрыть неудачу «темных арбалетчиков» военным успехом короля стало невозможно.

Фехтовальщик снимал ошейники, и армия взбесившихся сервов свободно шастала по всему королевству. У Амира даже не находилось слов, чтобы описать сложившееся положение. К концу года он должен будет выйти на очередной сеанс связи с Апостолом Хепри, а сказать ему по поводу порученного задания просто нечего.

Амир метался из угла в угол, время от времени зыркая на вытянувшегося в струнку викария злобным взглядом людоеда. Причем такого, который предпочитает есть мясо сырым.

– Так, – повторял он, – так, так. Все к одному. Ты, братец, погубил лучший взвод спецназа под Бронвеной, а этот идиот Бавен допустил разгром своей армии кучкой вонючих рабов! И как мне работать? Как мне работать, я спрашиваю?!

– Монсеньор, – начал викарий, восприняв гневный окрик господина не просто как очередной выброс адреналина, а как вопрос, – я уже сообщал вам, что никто из наших аналитиков не мог даже предположить, что вооруженные луками и мечами дикари справятся с целым взводом современных автоматчиков. Что же касается недавнего военного поражения под Шерном, то эта ситуация вообще находится в компетенции королевского штаба. Я не контролирую ведение войны Бориносом, монсеньор.

– А что ты контролируешь? Собственный хрен? Что делать, я тебя спрашиваю?!

– У нас остаются еще целый батальон спецназа с автоматическим оружием и клерикальные полки мушкетеров. И ваша гвардия, красноплащники. Материальные же ресурсы церкви вообще практически не ограничены. Мы победим, это не подлежит сомнению.

– Я это и сам понимаю, болван! Мне нужны конкретные рекомендации, а не бляение про мощь церкви и королевства.

Викарий вздохнул. Он уже привык к постоянным вспышкам гнева со стороны шефа, и все же в последнее время перманентная ярость кардинала, пожалуй, перехлестывала через край. Королевскую армию разбили, но он-то при чем?! Викарий порылся в ежедневнике, пошуршал листками. М-да...

– Я предлагаю провести еще одну спецоперацию по захвату Фехтовальщика, монсеньор, – сказал он после некоторого раздумья. – По данным космического мониторинга армия сервов сейчас разделилась. Большая часть во главе с так называемым маршалом Свободы, его зовут Трэйт, если вы помните, захватила столицу Бургос, а меньшая часть во главе с самим Фехтовальщиком позавчера утром вышла из Риона. Численность этой части всего около двадцати тысяч человек, преимущественно артиллеристы и мушкетеры. Сказать по-честному, это даже не армия, а большой артиллерийский корпус и обоз – они тащат орудия и боеприпасы, а также мушкеты, порох и корм для коней. И вряд ли могут считаться самостоятельной военной единицей.

Викарий постучал по ежедневнику ручкой.

– Так вот, – продолжил он, – если мы нанесем удар всеми силами батальона автоматчиков, да в чистом поле, где нечего поджигать, как на той злополучной вилле, он не сможет отбиться. Кроме этого я предлагаю провести операцию ночью и использовать ноктовизоры, приборы ночного видения. Тогда у бунтовщиков шансов не будет вообще!

Амир после внятного предложения викария немного успокоился. За долгие годы своего кардинальства он немного поотвык думать сам о практических вещах, таких как учет нюансов при проведении конкретных боевых операций. Большую часть времени он отдавал политике и тешил себя мыслью, что призван заботиться о проблемах глобальных, в масштабе своей немаленькой епархии, занимавшей целый континент. Викарий думал по этому поводу несколько иначе – он полагал, что Амир просто стар, но его мнения, разумеется, никто не спрашивал.

Кардинал еще раз сделал круг по кабинету и остановился перед подчиненным, вперив в него взгляд.

– Значит, они разделились, – повторил он за викарием, – действительно, это шанс. Десять тысяч – не двести. Однако ночью сервы могут засесть в укрепленном пункте. Днем

же они идут по тракту, совершенно открытые для огня автоматов. Полагаю, нам следует напасть днем.

Викарий пожал плечами: «Старый тупой кретин», – подумал он.

– Как вы решите, монсеньор, – заявил он вслух. – Прикажете выступать?

Амир криво улыбнулся, скривил губы и вдруг захохотал:

– Ну уж нет. Чтобы ты запортил мне и эту операцию? Отнюдь! Я сделаю все сам, а ты займись вот чем...

И с этими словами Амир ткнул пальцем в карту Бургоса, висевшую на стене.

* * *

Кардинал смотрел на экран монитора. С космического спутника колонна рабских артиллеристов выглядела как размытый длинный пунктир.

Амир добавил приближение, затем еще и еще. Прошелся вдоль линии. Искомый субъект ехал определенно в голове колонны, пропустив вперед только передовой разъезд. Так и есть – всадник на гнедом жеребце, с мечом на поясе и мушкетом за спиной очень напоминал проклятого Фехтовальщика.

Кардинал сделал запрос, и компьютер, немного пожужжав, выдал отчет: «Полная идентификация. Гор Брегорт. Серв, «призовой боец», легкий вес, I.№ 650-257-891, инициирован 12-го дня месяца Фаменот в Кербульском храме, генетический код...» Амир закрыл окно справки – и так достаточно. Это был тот, кого он искал.

Прокрутив ручку телефонного аппарата, кардинал набрал внутренний номер и отдал приказ.

Охотничья команда «темных арбалетчиков», составленная из бойцов специального назначения, которую Апостол в свое время разрешил создать при Бургосской курии, постоянно размещалась в султанате Эльбиника. В единственной провинции планетарного королевства, где церкви принадлежала не только духовная, но и светская власть. Для расположения спецназа было выделено отдельное обширное поместье, несмотря на то что количество «арбалетчиков» числом не превышало батальона в четыре сотни бойцов. Однако эти четыреста человек являлись на протяжении столетий той силой, которая внушала врагам церкви по всему континенту страх и ужас. Кардинальский спецназ имел на вооружении модифицированное огнестрельное оружие – автоматы, как их называл сам Хепри, и каждый боец заменял собою роту, а то и полк мушкетеров.

Спецназ нападал внезапно, обычно ночью, мгновенно перемещаясь по всему Эшвену через порталы Храмов, а непосредственно по району операции – на лошадях. Он наносил неотразимые удары по заговорщикам и бунтовщикам, еретикам и ослушникам, забирая во тьму неугодных церкви шательенов и должностных лиц, и никто, включая самого короля, не смел противиться этим служителям рока в черно-зеленой камуфляжной форме.

Так происходило всегда, вплоть до того злополучного дня, шесть месяцев назад, когда взвод неукротимых автоматчиков с приборами ночного видения и лазерными прицелами, рациями и спутниковой связью не был перебит сбежавшими рабами из луков, перерезан мечами и переколот кинжалами. Этот позор лежал теперь на каждом из спецназовцев, и все они, как один, кипели ненавистью к Фехтовальщику, погубившему их товарищей. Тогда уложили тридцать человек, включая командира батальона, Пса Рутгера, и хотя матрица Рутгера сохранилась, кардинал не горел желанием его воскрешать.

Идиоты должныдохнуть – это первое правило естественного отбора! Это правило, кстати, касается и викария. Надо бы давно сменить ублюдка, обнаглел, сволочь, до невозможности. Да, не на кого положиться – вокруг одни бездари. Святой Хепри, с кем приходится работать! Но незаменимых людей нет, – успокоил себя кардинал, – и сегодня он возглавит операцию сам. Он покажет негодяю-викарию, как проводятся захваты вражеских полководцев, а потом вообще отправит помощника в длительную ссылку куда-нибудь в отдаленный храм. Надо демонстрировать подчиненным, что глава курии может обойтись и

без них.

Амир спустился вниз в обширный ангар, где уже стояли, вытягиваясь во фронт, его лучшие секретные бойцы. Автоматическое стрелковое оружие было достоянием церкви, и только клерикальный спецназ мог использовать это смертоносное достижение неизвестных умельцев. Если эти падут, то заменить их до специального разрешения самого Господа будет нечем. Хепри лично посвящал бойцов в свой спецназ и лично вручал им в руки оружие. Поэтому потеря каждого – это страшная потеря. Воскрешал спецназовцев также только сам Господь.

Спецназовцы выглядели браво – просторные пятнистые штаны со множеством карманов, такого же покроя куртки, высокие ботинки на шнуровке, бронированные каски, а на плечах короткие стволы автоматов с дисковым барабаном под пули.

Бойцов имелось ровно семьсот пятьдесят человек, поскольку кардинал собрал для проведения операции не только штатных стрелков специального назначения, но и весь обслуживающий персонал батальона, допущенный Господом к работе с автоматическим оружием. Повар, системник, электрик, старший механик, операторы видеонаблюдения, вестовые и десяток кадетов – все эти люди понадобятся сегодня. В качестве противника будет не две сотни мечников, как тогда под Бронвеной, а настоящий армейский корпус числом почти двадцать тысяч человек. В прошлый раз его викарий послал на захват Фехтовальщика слишком мало бойцов, за что и пострадал.

Он, кардинал Бургоса, такой ошибки не совершит.

После короткой разъяснительной речи Амир махнул рукой и лично со своего шунта активировал портал в ближайший храм. Дружно громыхая ботинками, семьсот пятьдесят автоматчиков выбежали на расстрел десяти тысяч мушкетеров и пушкарей.

Охота началась!

Глава 23

Дикая охота

Гордиан Рэкс посмотрел на солнце, прикрывая рукой уставшие глаза. Приближался полдень, беспощадное солнце выжигало лица беспощадным загаром, а тела изнурялись жаждой. Полки брели по дороге уже пять часов, следовало бы остановиться и дать людям роздых, но нельзя. Положение у Трэйта критическое, и с каждым часом оно будет ухудшаться.

Упряжки лошадей медленно влекли по грунтовке пушки, и кнут уже не помогал. Артиллеристы и мушкетеры старались давить на лафеты орудий, чтобы хоть как-то пособить взмысленным лошадам. Если бы не артиллерия, походная колонна могла бы двигаться быстрее, покрывая в день по двадцать, а то и двадцать пять километров – такова была средняя норма для одного перехода в Армии Свободы, однако наличие тяжелых осадных орудий, мортир и кулеврин делало быстрый марш невозможным. В результате, несмотря на максимальные усилия людей, до пригородов Бургоса оставались еще почти сутки пути.

В начале похода Гордиан вместе с Рашимом, которого под Рионом ранило в предплечье, ехал в голове колонны под знаменем корпуса. Однако вскоре, когда люди стали изматываться от многочасового толкания тяжелых кулеврин и воев, Гор по своему обыкновению, так восторгавшему подчиненных, спрыгнул с лошади, скинул мундир и принялся помогать бойцам. Рашим из-за своей раненой руки остался под знаменем.

Из бессмысленного ступора, в котором Гор с упорством ишака наваливался на лафет влекомого орудия, его вывел стук лошадиных копыт. К кулеврине подскакал Никий, отвечавший за конные разъезды, и что-то проорал, указывая рукой на восток. Гордиан оторвался от опостылевшего лафета и глянул в том направлении. Из-за ближайшего пригорка в полукилометре от тракта наперерез его артиллерийской колонне неслись всадники числом, как тут же прикинул Гордиан, около восьми сотен. Намерения всадников выглядели явно не мирными, поскольку неслись они с гиканьем, прищипывая коней, как

королевские кирасиры перед атакой, но ехали без знамен, что для обычного кавалерийского полка или эскадрона было неправильно.

«Идиоты», – спокойно подумал Гор. В его колонне насчитывалось почти двадцать тысяч бойцов, из которых три четверти составляли мушкетеры. На что они надеются, на хлеб-соль? А картечь из мушкетов не желаете?

– Изготовиться к бою! – бодро приказал он вестовым, и те живо разбежались по линии.

Команда пролетела назад и вперед по всему протяжению колонны. Люди даже как-то обрадованно останавливали измученных коняжек, срывали с возов мушкеты и, отирая пыльные лица рукавами, заряжали оружие пулями и картечью – все же какой-никакой, а передых. В огромной головной части колонны, находившейся далеко от пригорка, откуда летели нежданные кавалеристы, солдаты просто застыли у подвоз и орудий рядом с нераспряженными лошадами. Короткий же отрезок, на который нацеливалась атака конников, строился в боевом порядке.

Часть мушкетеров выбежала вперед и, припав на колени, тщательно выцеливала всадников, которые, впрочем, были еще слишком далеко, чтобы стрелять.

Вторая линия, хаотично разбросанная между стоящими в походном порядке орудиями, целилась стоя. Некоторые из особых выдумщиков взобрались даже на подводы и кулевины, нарушая тем самым установленный порядок огневого боя, но оказавшись выше первых двух рядов почти на метр с соответствующим увеличением дальности стрельбы. Гор не возражал. Вместо мушкета он схватил подзорную трубу – стрелков и так хватало – и стал рассматривать всадников внимательнее.

В первое же мгновение что-то удивило его. Со вторым мгновением пришло осознание. Их форма! – мелькнула мысль. – Это не камзол и епанча, это... *камуфляж!* Вид одежды налетавших кавалеристов взбудоражил в его мозгу вполне конкретные воспоминания – поход на Бронвену, поместье Мии Брегорт. Эти воспоминания несколько не вязались с кавалерийской атакой, но вязались с другим элементом – с оружием нападавших!

Мушкеты атакующих были слишком коротки даже для кавалерийских обрезаков, они имели компактные приклады, а на стыке ствола и приклада – короткие металлические бочки. Сомнений не осталось. В руках ублюдков были настоящие автоматы с барабанными или, как их еще называли, дисковыми магазинами!

Адреналин ударил Гордиану в кровь, и сердце бешено застучало.

– Ложись! – заорал он, что есть мочи, своим мушкетерам. – На землю! Огонь леж! – но те не услышали его, а если и слышали, то не поняли команду, поскольку стрелять с земли в этом мире было *не положено*. Гор, продолжая орать, бросился к ближайшим стрелкам и руками стал валить их в дорожную глину. Вокруг его повозки до мушкетеров стал доходить смысл команды, и они начали падать на землю сами.

Слишком медленно! Расстояние до всадников было уже метров двести. Казалось, еще секунда – и грянет дружный залп мушкетов, а атакующие идиоты остановят свой резвый полет, захлебнувшись кровью, однако залпа не последовало. Точно рассчитав дистанцию, на самой грани дальности стрельбы примитивных мушкетов, кавалеристы осадили коней, рассеиваясь по полю широким каре, и начали расстрел.

Почти восемь сотен длинных автоматных очередей прошили воздух. Звенящие в раскаленном воздухе пули пронеслись две сотни метров, отделяющих каре от живых мишеней, и впились в тело походной колонны. Кавалеристы целились плохо, да и не особо прицелившись, паля с коня от бедра из трясущегося автомата. Однако скорострельность и плотность огня у их оружия была слишком велика.

Первый ряд мушкетеров, построенный, как положено, плотной шеренгой, свалился как линия из фишек домино, красивым ровным рядочком, от вида которого у Гора по позвоночнику пробежали мурашки.

«Как косой! – мелькнула мысль. – Их срезало как косой!» Он упал на землю, крича ближайшим бойцам и показывая им рукой – на землю! Делай, как я!

Очередь хлестнула над головой, и он вжался лицом в прохладный и влажный дерн,

слыша, как рядом валяются тела.

Несколько десятков предприимчивых мушкетеров, вытянувшихся во весь рост на кулевринах и возах, снесло как бумажные фигурки ветром. Свинцовый вихрь пронесся по рядам, прошивая внутренности и дробя кости.

Вместе с людьми падали лошади, причем чаще и больше, чем их хозяева, поскольку стояли вдоль дороги, развернувшись к нападавшим боком. И редкая пуля, пронзив мушкетера или пушкаря, не находила свое успокоение внутри лошадиного крупа или груди. Гор оставался, пожалуй, единственным, кто упал живым, а не мертвым или раненым, поскольку имел неперешибаемый инстинкт пехотинца иного времени – заваливаться вниз при плотном огне скорострельного оружия.

Для мушкетеров Эшвена падать на землю перед врагом было делом унижительным и незнакомым. Дационы в тренировочном лагере приучали своих бойцов при огне противника выпрямляться во весь рост и стрелять в ответ самому. Военная наука сыграла сейчас с его корпусом жестокую шутку, и половина бойцов ближайшего отряда валялась замертво.

Туше. Приподняв голову, он увидел, как кавалерийское каре, прекратив стрельбу, во весь опор несется к расстрелянному отрезку колонны, а именно – к месту, где продолжало колыхаться под легким ветерком знамя корпуса. Под знаменем, рядом с совершенно очумевшим от происходящего знаменосцем, гарцевал Рашим в своем мундире полковника и с перевязанной правой рукой. Гор посмотрел направо, затем налево.

Выходило, что полковое знамя и красиво одетый Рашим оказались своего рода *центром* обстрелянного отрезка колонны, а значит, именно этот центр и был предметом атаки всадников. Сейчас Рашим, знаменосец и еще около десятка бойцов вокруг них оставались единственными уцелевшими на том участке. Ближе к краю атакуемого сектора походной колонны, в том числе и в том месте, где сейчас находился Гордиан, солдаты определенно пострадали меньше.

По большому счету, Рашим и десяток ближайших бойцов остались в полном одиночестве против восьми сотен всадников. Гордиан покачал головой – если бы он не полез толкать пушки вместе с бойцами-артиллеристами, он находился бы сейчас там же, рядом со знаменем в таком же полковничьем мундире и под прицелом врага. По-видимому, атака была нацелена лично на него, Гордиана Рэкса, Апостола Свободы, а не против его армии. Действительно, если бы нападавшие рассчитывали истребить конкретно сам войсковой корпус, им следовало перезарядить оружие и продолжать расстрел с безопасной дистанции, двигаясь вдоль дороги параллельно линии батальонов. Значит, хотят взять его, но перепутали с Рашимом из-за знамени и полковничьего мундира.

Гордиан осмотрелся. Автоматный огонь был плотный, однако автоматчики стреляли все же со значительной дистанции, да и было их для длинного отрезка не слишком много, ибо восемь сотен и двадцать тысяч – это разнопорядковые числа. То тут, то там, спрятавшись за телегами и орудиями, а то и просто, как сам Гор, вжавшись в землю, лежали его мушкетеры – те, кто услышал его команды, или просто догадливые ребята.

Гор пополз вдоль линии к ближайшему бойцу и разъяснил, что делать. Постепенно оправившиеся от шока сервы отрывались от земли, осматривали мушкеты и, лежа или укрывшись за бронзовыми стволами и дубовыми колесами кулеврин, изготавливались к бою. Короткими перебежками бойцы из необстрелянной части колонны перемещались к Гору, занимая места павших от автоматных очередей товарищей. По обочине дороги – и справа и слева – протянулась неглубокая канава, на дне которой плескалась местами мутная грязная жижа. Ни секунды не сомневаясь, Гор дал приказ передовой линии мушкетеров залечь в канаву. Те поколебались – валяться в грязи было не в обычае эшвенских солдат с красивыми мундирами, однако возражать никто не посмел, и мушкетеры дружно залегли в естественный окоп.

Сам Рашим, слегка опешивший после произошедшей вокруг него бойни, наконец сориентировался, пришпорил коня и, махнув знаменосцу, помчался вместе с ним в сторону Гора. «Не успеет», – подумал тот и продолжил выстраивать мушкетеров.

Вторая линия залегла между колесами кулеврин и за возами. Каждый мушкетер взял с воза по два-три ружья – одно в руки, второе и третье справа, заряженные и готовые к бою.

У Гора мелькнула шальная мысль – развернуть пушки и пальнуть по нападавшим орудийной картечью, однако он тут же отменил ее, поскольку на расчехление и зарядание уйдет слишком много времени, да и орудийная прислуга во время обслуживания орудий станет великолепной мишенью для плотного огня автоматчиков.

– Стрелять по моей команде! – приказал Гордиан вестовому, и команда понеслась по рядам; мушкетеры застыли, держа пальцы на курках своего оружия.

В это время автоматчики настигли Рашима и десяток его бойцов. Не выдержав нервного напряжения, некоторые из бегущих сервов пальнули пистолями в сторону атакующего каре, но практически без потерь для последних. Автоматчики же до этого времени не стреляли, не желая, по всей видимости, зацепить шальной пулей главную мишень – офицера в полковничьем мундире. И все же, заметив первые выстрелы в свою сторону, они тут же дали ответный залп.

Стреляли как на стрельбище – мишени располагались открыто, прямо перед нападавшими. Первые же пули выкосили почти всех из незначительного отряда. Покачнулось знамя и, как-то спазматически дернувшись в слабеющих руках простреленного насквозь знаменосца, опало на землю.

Внезапно за конными телами нападающих мелькнула одинокая фигура Рашима и блеснул его меч. Он не был консидорием и не мог считаться мастером рукопашного боя в полном смысле слова, как Дакер, Карум или даже Гор, однако класс дуэльной школы показал себя.

Прежде чем его лошадь свалилась от автоматной очереди, он, орудуя левой рукой и прижав раненую правую к груди, свалил одного из нападавших лихим ударом кавалерийского палаша наотмашь, до седла. Всадники тут же отхлынули и полоснули по рубяке свинцом. С простреленными ногами, придавленный лошадью, Рашим более не мог сопротивляться, и пара автоматчиков спрыгнула с коней, подняла его и осмотрела. Видимо, опознание прошло неудачно – один из кавалеристов достал барабанный пистолет и прострелил истекающему кровью полковнику голову. Брызнув мозгами, тот завалился на дерн.

Те из всадников, кто спешил, снова взлетели на коней. Остальные перестали толпиться вокруг взятого участка и снова растянулись по полю длинным каре, огибая отряд Гордиана, отрезанный от головной части колонны справа.

Гордиан покачал головой. По большому счету Рашим спас их всех, поскольку возня с его опознанием и убийством заняла почти пять минут, и за это время уцелевшие офицеры с Фехтовальщиком во главе смогли подготовить оставшихся после расстрела стрелков к новому огневому бою.

Когда конные автоматчики спустя пару минут подлетели к усыпанной трупами дороге, лейтенанты дали отмашку, и залп мушкетов очистил множество седел. Одновременный мушкетный залп на коротком отрезке дали всего двести или триста мушкетеров, так что если бы конные автоматчики навалились покрепче, все было бы кончено, линия обороны пала и Гора взяли бы в плен. Однако спецназ кардинала – а в том, что это был он, Гордиан не сомневался – привык действовать без потерь, и гибель нескольких десятков товарищей, видимо, обескуражила нападавших. Каре спешно развернулось и, на ходу отсоединяя расстрелянные магазины, отъехало на безопасное расстояние.

Пробежав глазами по остаткам своего отряда, Гор с удивлением нашел Никия. Честно признаться, он полагал, что старый товарищ пал, поскольку почти все конные сервы лежали на земле вместе с преданными животными, сраженные автоматными очередями. Никий сообщил, что его коня действительно подстрелили, но сам он остался жив, поскольку упал за скакуном, а не перед ним, и предназначавшиеся человеку автоматные пули достались быстроногему другу. Гордиан порадовался за приятеля и тут же отправил Никия в начало походной колонны с указаниями к действию.

Повинуясь команде, три батальона мушкетеров, похватав с подвоз по паре запасных мушкетов и распиханный по ранцам боезапас, прибежали из головной части колонны к обстрелянному участку, на котором суеился Гор. Остальная колонна, упиравшись в лафеты орудий, продолжила путь по тракту.

Всадников с автоматами было не так много. Значит, если их цель – сам Гордиан Рэкс, а не его артиллерия, то подводы и орудия смогут спокойно уйти. В качестве цели на ближайшие несколько часов Гор определил для основной колонны ближайшее поместье, окруженное обширными виноградниками и видневшееся в двух-трех километрах далее по тракту. Сам бывший демиург вместе с подошедшими к месту обстрела тремя батальонами мушкетеров остался на дороге.

Солдаты быстро добились раненых лошадей, сдвинули трупы, а также подводы и пушки, которые уже некому было тащить в плотную баррикаду. С тел погибших товарищей был быстро снят боезапас и оружие, сами тела оттащили подальше от дороги и оставили, поскольку хоронить было некогда и чревато увеличением числа подлежащих захоронению тел. Затем всякое движение прекратили, и три тысячи мушкетных стволов застыли, глядя дульными срезами в колышавшееся море степного ковыля.

Наблюдая за маневрами, казалось бы, беззащитного против современного автоматического оружия, но необычайно активного противника, офицеры конных автоматчиков посовещались и после того, как колонна сервов разделилась на две части, кавалеристы также разделились, и их небольшой отряд поскакал вдогонку основным силам сервов. Однако вскоре, расстреляв по магазину и положив множество лошадей и орудийной прислуги, отряд вернулся, поскольку понял, что методичный расстрел большого пехотного корпуса силами одной автоматной роты – задача слишком долгая и утомительная, а кроме того, она никак не согласуется с основной целью – захватом Апостола рабов.

Бросив прямо на тракте лишенные тягловой силы возы и орудия, громоздкая походная колонна с Никием во главе медленно поползла вперед к спасительным виноградникам и садам.

В это время основные силы автоматчиков совершали очередной наскок на Гордиана и его мушкетеров. Укрывшись в канаве, бойцы отрезанного отряда палили залпами по наседавшим кавалеристам, отбрасывали первый мушкет, хватались за второй, тут же палили и брались за третий. Три мушкетных выстрела, конечно, не шли ни в какое сравнение с автоматной очередью, однако недостаток скорострельности ручного оружия Гор с лихвой компенсировал числом своих стрелков. И на ближней дистанции его огонь производил сокрушительное действие! Дальность же стрельбы автоматов также не могла сыграть решающей роли, поскольку канава, возы и пушечные лафеты достаточно надежно прикрывали солдат Тринадцатого пророка. Время от времени всадники насакивали на укрепившихся вдоль дороги мушкетеров, но, получив по рогам и оставляя во влажном травяном море кровавые островки человеческих тел и лошадиных туш, откатывались назад. Кавалеристы попытались атаковать сразу с двух сторон, затем – атаковать с флангов, вдоль дороги, но Гордиан перестроил линии своих мушкетеров в «круговую», растащил возы, перегораживая тракт, и с кровавыми потерями для обеих сторон отбил все атаки. Ситуация заходила в тупик.

* * *

Кардинал наблюдал за происходящим на экране монитора и тихо плевался. Ситуацию усугубляло то, что в первой же решительной атаке на укрепившихся по тракту мушкетеров погиб вновь назначенный командир спецназа и теперь кардиналу некому было отдавать команды и не на кого орать. Более всего его раздражала путаница, из-за которой по совершенной случайности захваченный в самом начале операции серв в полковничьем мундире оказался не Апостолом восставших, а всего лишь одним из старших офицеров корпуса.

Матерясь в рацию на связного, Амир приказал прекратить хаотичные налеты и захватить предводителя сервов одним решительным ударом, не считаясь с потерями. Кавалеристы нехотя сконцентрировались для броска. Чтобы собственные пули не могли повредить нападавшим, решено было атаковать не по всему периметру, а с одной стороны, нацелив конные эскадроны на точку, где находился Тринадцатый пророк. Половина автоматчиков при этом спешилась, и на каждую лошадь сели по два человека. Затем перегруженных двойным весом скакунов построили в линию, и всадники перезарядили автоматы.

Гордиан видел, как, находясь на безопасном расстоянии, конный спецназ строится компактной группой, а офицеры старательно рассматривают линии его мушкетеров в современные для демиурга навороченные бинокли. Большинство биноклей смотрело в его сторону, так что цель следующей атаки не оставляла сомнений. Он спешно переместился в центр своих позиций, подозвал к себе дополнительные взводы мушкетеров, рассадив их за возами и бронзовыми тушами кулеврин, а целую роту стрелков заставил залечь за трактом, создав таким образом, резерв на случай прорыва линии обороны.

Наконец всадники сорвались с места, словно разом подстегнутые невидимым кнутом. Не прозвучало ни звука горна, ни гортанной команды старшего офицера. «Радиосвязь», – подумал Гордиан. У него не было сомнений, что каждый спецназовец снабжен миниатюрной рацией.

Не имея подобных технических возможностей, Гор просто дал отмашку вестовому – и команды понеслись по рядам. «Готовься!» – дружно проорали лейтенанты, и подразделения стрелков разом выставили мушкеты в сторону нападавших.

Триста метров.

Ружейные стволы дрожали в воздухе, старательно выцеливая жертвы среди маленьких приближающихся фигурок.

Двести пятьдесят метров.

Враг вышел на линию огня, но стрелять пока рано, пуля достанет цель лишь наизлете.

Двести метров.

Дистанция! «Пли!»

Первый залп прогремел, и маленькие фигурки стали выпадать из седел. В этот момент всадники разделились. Часть из них, те, что сидели вторыми, попадали с лошадей на землю, но не от мушкетных пуль, а по собственной инициативе. Действуя также, как трейтовские драгуны, спешившиеся бойцы рассеялись по полю, вжались в землю и полоснули автоматными очередями по линии сервов. Без особого результата, однако заставив мушкетеров прижать головы к земле и лафетам. Оставшаяся часть кавалеристов, то есть собственно всадники, огрызаясь короткими очередями, повернула назад.

Атака, таким образом, внезапно превратилась из конной в пешую. В первое мгновение это напугало Фехтовальщика, поскольку всадники представляли собой куда лучшую мишень, чем вросшие в землю пехотинцы, по которым залповый огонь неэффективен, но поделаться ничем было нельзя.

Гор собрал вокруг себя часть артиллерийской прислуги, посадил ее за возами и велел перезаряжать мушкеты для передовой линии стрелков. Мушкетерам же было приказано стрелять не залпами, а по индивидуальной готовности, тщательно выцеливая свои жертвы. Бой окончательно превращался из отражения лихой кавалерийской атаки в затянувшуюся позиционную перестрелку.

Прошел почти час. Мелкими перебежками, прикрывая друг друга огнем, рассыпавшиеся по полю автоматчики медленно, но упорно приближались к позициям сервов. Мушкетеры огрызались как могли, и множество тел в пятнистой форме снова развалились на земле перед дорогой, но теперь уже без конных туш, а в одиночку. Наконец автоматчики вышли к тракту почти вплотную и принялись полосовать свинцовым дождем залегших сервов почти в упор. Под кинжальным огнем автоматов передовая линия мушкетеров прекратила стрельбу, не в силах даже оторвать голову от земли.

Автоматчики еще раз сменили магазины и рванули в короткий бросок, покрыв отделяющее их от дороги расстояние за несколько секунд. Встречного залпа не прозвучало, поскольку все стрелки Армии Свободы, потрясенные скорострельностью противника, валялись в пыли или засели за лафетами, не в силах даже выглянуть наружу.

Достигнув линии, автоматчики начали «резню». Видя пятнистые мундиры прямо перед собой, мушкетеры поднимались в штыки, однако тут же выкашивались огнем автоматов. Как понял Гордиан, местный спецназ в принципе не признавал рукопашной схватки и целиком полагался на мощь своего оружия. А зря: в атаку на позиции сервов было отправлено всего три сотни автоматчиков – ровно половина от уцелевших в предыдущих атаках спецназовцев. Гор же в центре своих позиций имел почти тысячу штыков и две сотни резерва, залегших в траве за линией дороги.

По знаку Фехтовальщика из-за воза протрубил рог, и вся эта масса разом поднялась. Без всякого строя, одной ревущей толпой мушкетеры бросились в контратаку! Каждый солдат бежал, делал выстрел и кидался на врага со штыком. Автоматчики выкосили первую шеренгу, затем вторую, но на третьей и четвертой запас магазинов иссяк, и пятая линия вбила автоматчиков в дерн и исколола штыками!

В этот момент, видя близкое фиаско своих пеших товарищей, оставшиеся эскадроны конных автоматчиков бросились в стремительную атаку.

Стрелять по ним было некому, однако и сами конные автоматчики не решились полосовать массу сервов, смешанную с бойцами в камуфляже, из своего смертоносного, но не слишком разборчивого оружия. Всадники влетели в плотную толпу и принялись расстреливать сервов из автоматов короткими сериями в упор. Но в столь плотной мешанине преимущества автоматов сводились почти на «нет» численностью хуже вооруженного, но упрямого противника.

Всадников сшибали с коней одиночными выстрелами пистолей и ударами штыков. Понимая неминуемый крах операции, несколько групп спецназовцев решились на прорыв, пытаясь достать Гора, раздававшего команды из задних рядов. Они сбились плотной кучей и, очищая себе путь автоматными очередями, рванулись к цели. Впервые за время затянувшейся перестрелки перед ним оказались не рассеянное по полю каре и не вжавшиеся в землю пехотинцы, а плотная кавалерийская масса, упорно пробивающая тесными рядами сбившихся в толпу пехотинцев.

Гор подал знак, и из травы за трактом поднялась резервная рота. Ее первая линия метнулась вперед и плюнула в сторону атакующего конного клина гранатами из бомбард, но тут же была выкошена автоматами.

Гранаты перелетели через головы первых всадников и приземлились под копытами лошадей в самой гуще их строя. Гулко бухнуло – ошметки человеческих тел и изувеченные лошадиные трупы разбросало в стороны. В центре атакующих эскадронов зияли страшные пустые дыры, где вместо бодро гарцующих кавалеристов стелился страшный покров из рваного мяса, щедро сдобренный красным.

Не дожидаясь, пока противник оправит свои ряды, рассеянные взрывами гранат, резервная рота изготовилась к стрельбе. Вторая линия припала на колено, третья пригнулась, четвертая вытянулась в рост – и все вместе грянули тройным залпом. Десятки автоматчиков и лошадей рухнули наземь. Дальнейшее уже было за пределами какого-либо контроля. Уцелевшие автоматчики продолжали палить вокруг, почти не разбирая, куда и в кого стреляют. Ряды резерва рассеялись под автоматным огнем и стали еще одной частью неуправляемой толпы, кромсающей всех, кто попадался под руку.

Все окончательно смешалось, и в этом диком хаосе, в каком-то шизофреническом припадке люди иступленно расстреливали друг друга, кололи штыками и рубили саблями, скользя по окровавленным трупам, которые лежали уже не кучами, а настоящими холмами из свежей плоти!

Внезапно несколько конных автоматчиков, несмотря на сопротивление сервской пехоты, все же преодолели расстояние до воза, за которым укрывался импровизированный

штаб Гордиана Рэкса, состоявший из него самого, трех вестовых и горниста, сидевших за телегой.

Гор выпалил в первого из пистоля, не глядя, попал или нет, отбросил разряженное оружие и достал меч. Рядом упал горнист, затем по очереди трое вестовых, сраженных автоматным огнем. Один конный автоматчик перепрыгнул с коня на повозку и, выкатив бешеные глаза, навел на Гордиана ствол автомата. Второй гарцевал рядом, расстреливая ломящихся к нему со всех сторон мушкетеров, бросившихся спасать своего Апостола.

Почти не задумываясь, действуя скорее на уровне рефлексов, чем осознанной оценки ситуации, Гор метнул свой меч в автоматчика на возу. Клинок полетел косо и лишь разодрал солдату плечо, рассек мышцы и задел кость. Боль наверняка была сильная, однако всадник даже не вскрикнул, а только дернулся и выронил оружие, оставшись, впрочем, верхом и каким-то чудом удержавшись в седле. В это время кто-то из сервов достал лошадь второго автоматчика из мушкета, и тот завалился на бок вместе с конем. Раненое животное забилось в агонии, выбрасывая седока из седла и топча подвернувшихся под ноги людей. Выброшенный из седла кавалерист встал, пошатываясь, но тут же оказался насажен сразу на несколько штыков.

Пара счастливо улыбающихся мушкетеров подбежала к Гору, полагая, что тот спасен. Но тут всадник на возу достал одной рукой из-за пояса барабанный пистолет и снял обоих выстрелами в голову – сервы даже не успели понять, что произошло. Не сбавляя темпа стрельбы, спецназовец на возу выстрелил Гору по ногам.

Привыкший уклоняться от меча и секиры, Гордиан инстинктивно понял, куда последует выстрел, и подпрыгнул буквально за мгновение до того, как пули полоснули по земле там, где он только что стоял.

Чертыхнувшись, всадник прицелился выше, и Гор понял, что следующий выстрел придется уже не по ногам, а в голову, поскольку стрелок, видимо, разочаровался в возможности взять Апостола восставших живьем. Как в замедленной съемке Гордиан смотрел на поднимающийся ствол. Руки были пусты, и он был совершенно безоружен перед лицом своей смерти. Звуки исчезли...

Но в следующее мгновение по ушам ударил гром выстрела – чей-то мушкет выпалил картечью в голову конного стрелка. Теперь его тело сидело на лошади *без головы*, медленно покачивая плечами в такт движениям дрожащего и почти обезумевшего от постоянной пальбы животного. Странно, но пистолет в правой руке обезглавленный спецназовец продолжал держать и даже рефлексорными движениями бедер сжимал и разжимал бока бедного скакуна. Как живой, надо же! – отвлеченно подумал Гордиан. Вид всадника без головы вызвал у него внезапные ассоциации с каким-то хорошо известным ему, но давно позабытым литературным героем.

В этот момент еще один конный автоматчик был ссажен с лошади ударом штыка, и крик умирающего отвлек экс-демиурга от анализа литературных ассоциаций. Схватка вокруг, такая яростная в начале, медленно затихала, сменяя боевой рев атакующих подразделений на стоны раненых и умирающих людей, а также предсмертное ржание животных.

Еще через несколько минут хаотичной потасовки все было кончено.

Оставшиеся автоматчики, в основном те, кто не пошел в атаку, а остался со свободными лошадьми на безопасном расстоянии, продолжали гарцевать по периметру. Гор без труда насчитал всего два десятка всадников – остальные лежали вокруг его отряда, в траве и на дороге.

Спустя еще полчаса уцелевшие спецназовцы отступили, быстрым галопом удалившись в ту же сторону, откуда появились несколько часов назад.

Гор велел изловить возможно большее количество свободных лошадей, оставшихся от «темных арбалетчиков», запряг их в возы, собрал оружие с трупов, бросил тяжелые орудия, оставил без погребения тела павших и ускоренным маршем двинулся к поместью, где уже укрылись основные силы его корпуса. День клонился к вечеру, однако в том, что кровавые

дела на сегодня еще не закончены, Гордиан нисколько не сомневался. Почти на каждом трупе поверженного автоматчика он находил ноктовизоры – приборы ночного видения, и это значило, что ночью ситуация может измениться кардинально. Вздумай кардинал атаковать не днем, на марше, а в ночное время, успех нападения был бы обеспечен.

Ночью эффективность мушкетного огня станет практически равна нулю, а это значило, что Гору следовало хорошо подготовиться к предстоящей схватке.

* * *

Кардинал метался из угла в угол, меряя шагами комнату наблюдения. К сожалению, оборудование комнаты, связанное с космическими спутниками, было слишком секретным, и доступ к нему имел лишь очень ограниченный круг людей, а именно два оператора, чьи трупы лежали сейчас на поле перед походной колонной проклятого Фехтовальщика, и отстраненный от дел викарий. А также, разумеется, и лично он, кардинал Бургоса.

В результате заменить Его преосвященство на этом посту сейчас было не кем, а обстоятельства требовали срочного вмешательства.

Что делать?

В долгой клерикальной практике Амира случалось, что рота автоматчиков смещала с престолов монархов и заставляла парламенты гигантских держав трепетать перед властью церкви, однако сегодняшние события шли вразрез с его устоявшимися представлениями о способностях этой квазирелигиозной организации.

Кардинал вполне отдавал себе отчет, что причиной гибели семисот двадцати бойцов клерикального спецназа является его собственная увлеченность. Если бы он не посылал в атаку своих солдат так безоглядно, вполне возможно, большая часть уцелела и сейчас, в ночное время, смогла бы сделать то, что не представлялось возможным при свете дня, а именно атаковать ослепшего на ночь противника, используя ноктовизоры. Но что сделано, то сделано. Воскресить без позволения Господа Хепри своих спецназовцев Амир не мог, однако в его распоряжении оставались и другие силы...

Он опустил во вращающееся кресло и, оттолкнувшись ногами, резко развернулся к экрану. Быстро пробежал пальцами по клавиатуре и пробудил из летаргии Священный легион.

Легионеры ворочались в своих летаргических камерах, медленно приходя в себя после почти десятилетнего сна. Крышки камер автоматически раздвинулись, и огромные тела поднялись, вставая на ноги в узком коридоре. Матово-белесая слизь, в которой они пребывали во сне, тяжелыми сгустками сползала по коже, обнажая гипертрофированную мускулатуру торса и уродливых конечностей. Повинуясь беззвучной команде, пробежавшей по нейрошунтам, биороботы синхронно развернулись и, чеканя шаг, двинулись на выход.

Закончив пробуждение киборгов, Амир вышел во двор поместья, которое до последнего времени служило местом дислокации клерикального спецназа. Увы, до возвращения Господа новых автоматчиков ему не видать и поместьем придется побыть под надзором немногочисленной хозяйственной прислуги. Во дворе толпились бойцы его личного эскорта, гвардейцы кардинала, «красноплашники», ровно тридцать два всадника – один «полный корнет», или полуэскадрон. Остальные подразделения кардинальской гвардии пребывали снаружи, на обширном лугу, обильно поросшем цветущими васильками.

За исключением всего пары десятков бойцов, дежуривших сейчас в Пашкот-паласе, перед поместьем собрался весь гвардейский полк кардинала в полном составе. Четыре тысячи опытных рубак в черных мундирах и в алых с золотой оторочкой плащах. Все, как на подбор, красавцы и великаны. В отличие от гвардии короля, подбиравшейся исключительно из дворянских отпрысков, в гвардию кардинала набирались рекруты из среды простолюдинов за рост, ширину плеч и прочие телесные габариты. Все они проходили жестокое обучение в закрытых клерикальных лагерях по индивидуальной программе и после двух лет тренировок превращались в бойцов, на порядок превосходивших по выучке и

технике владения оружием обычного королевского солдата. И если гвардия Бориноса считалась последним доводом Его величества, то эти красноплащные всадники, вне всякого сомнения, должны стать последним доводом Его преосвященства.

Подвели коня, и кардинал взлетел на него с лихостью хайранского бедуина. В почти позабытом прошлом, в те немыслимо далекие годы, когда Господь Хепри только появился в мире Невона, Амир был одним из его старших офицеров и командовал кавалерией. Сейчас он уже не чувствовал себя тем беспечным рубакой, который некогда лихо бросался в кавалерийские атаки и безудержной личной отвагой заслужил уважение Божества, однако кураж остался. Пришпорив вороного, кардинал выехал за ворота, и четыре тысячи гвардейских глоток дружно приветствовали своего господина могучим ревом.

Глава 24

Капкан для красного петуха

Артиллерийский корпус Гордиана Рэкса пребывал в целом в весьма плачевном состоянии. Почти половина орудий оказалась брошена в поле, из них почти все – тяжелые осадные картауны и большая часть двенадцатифунтовок. Оставшиеся в распоряжении корпуса легкие мортиры, погруженные на спины осликов, и шестифунтовые кулеврины для картечного боя были хороши для навесного обстрела во время осады или в полевых баталиях, однако для сокрушения стен укрепленного Бургоса не годились.

Некоторые из старших офицеров, в частности Никий, смотрели на ситуацию весьма позитивно, восхищаясь уже тем, что Гордиан и три его батальона вообще выбрались из передраги с конными автоматчиками живыми и сумели спасти хотя бы свои жизни и раненых, а на пушки уж плевать. Однако Тринадцатый пророк подобной радости не разделял.

С одной стороны, им, конечно, удалось выжить в схватке с более мощно вооруженным противником, с другой – задание, с которым артиллерийский корпус вышел ускоренным маршем из Риона, полностью провалено и осадных орудий Трэйт не получит. Но самое главное – Гордиан не сомневался, что ночью последует еще одна атака кардинала, которая может оказаться последней в жизни как для него лично, так и для его солдат.

Поместье, ставшее их временным лагерем, окружало плотное кольцо виноградников и садов, которые могли послужить отличным укрытием для его мушкетеров. До полной темноты еще оставалось почти три часа, и это время Гор использовал по полной программе.

Он разделил солдат на смены и рассадил по кустам с боезапасом в ранцах и двумя-тремя заряженными мушкетами. Все сервы из поместья были освобождены от рабских ошейников, женщины, старики и дети немедленно выдворены с минимальным скарбом, а мужчины принудительно рекрутированы в Армию Свободы. Каждому выдали по мушкету и посадили в дальней линии виноградников в качестве передового заслона. Меж кустов и садовых деревьев расставили имевшиеся у них легкие полевые пушки. Гор ожидал атаки автоматчиков в рассеянном строю, а потому заряжать велел картечью, а не ядрами.

Артиллеристы тщательно пристрелялись по определенным местам перед позицией и могли теперь бить точно, ориентируясь на промежутки между большими охапками соломы, разложенными по периметру поместья, в шахматном порядке. Беспольные в предстоящем бою мортиры, предназначенные для навесной стрельбы и не способные стрелять прямо по наступающим линиям, были убраны в центр позиции к возам обоза и незначительному резерву, состоящему из раненых мушкетеров, а также коневодов, сдерживающих развьюченных осликов и лошадей.

Отборный отряд лучших и наиболее преданных лично ему бойцов Гор вооружил трофейными автоматами. Дисков к этому оружию собрали не так много, но на несколько длинных очередей каждому из сервов-автоматчиков патронов должно было хватить.

Спустя три часа выставленный вперед дежурный дозор доложил, что к поместью прямо по тракту мимо усеянного трупами поля приближается значительная кавалерийская масса, по

оценке – около четырех тысяч сабель, и небольшая колонна очень рослых пехотинцев, по-видимому облаченных в панцирные доспехи. Никакого оружия, издали напоминающего автоматы, с которыми сервам пришлось столкнуться днем, в руках вражеских кавалеристов не замечено.

Доклад разведчиков обескуражил Фехтовальщика. Безусловно, отсутствие автоматического оружия давало определенные надежды – судя по всему, у кардинала просто не осталось больше автоматчиков, однако самоуверенность противника, решившегося нападать на двадцатитысячный корпус с четырьмя тысячами сабель, внушала серьезные опасения. Как показала прошлая атака, кардинал не мог похвастать избытком тактического мастерства, однако и на полного идиота не походил. Возможно, у него в рукаве есть новый туз, совершенно неизвестный сервам.

Как бы там ни было, в очередной раз решил для себя Гордиан, следует исходить из фактического положения дел. Если сделано все, что можно сделать в данной ситуации, значит, не о чем и беспокоиться, поскольку будущее от тебя уже не зависит.

Спустя тягостные пятьдесят минут первые кавалеристы показались перед виноградниками. С передовых линий засевших меж кустов мушкетеров выбежало несколько человек с зажженными факелами, подпаливая стога, раскиданные тут и там вдоль периметра. Сухая солома вспыхнула ярким веселым пламенем, играя причудливыми тенями по скошенной траве, по кустам, деревьям и освещая окружающее пространство дрожащим оранжево-желтым огнем.

В свете горящих стогов Гордиан видел, как пространство перед помещьем стало заполняться всадниками. Отборные откормленные лошади с сидящими на них крупными людьми в алых плащах и щегольских шляпах гарцевали под роскошным знаменем с развевающимися на ветру букколинами. На знамени плясал хорошо узнаваемый даже с такого расстояния черный дракон, пожираемый пламенем, вышитым на полотнище красными и золотыми нитями.

– Гвардия, – сказал стоящий рядом с Гором неразлучник Никий, – это Красная гвардия кардинала.

Гор оторвал подозрную трубу от глаза и удивленно посмотрел на Никия.

– Ну ты глазастый, – подивился он, – ты как знамя-то разглядел? Его и в оптику видно еле-еле.

– Знамя? Какое знамя, мастер Гор, я вижу алые плащи на всадниках, вот и все. Оптика тут не нужна, ведь таких тряпок во всем Эшвене больше никто не носит. Видно, Его преосвященство совсем дошел до ручки, если выставил против бывших рабов своих телохранителей. Кстати, судя по ширине колонны, там сейчас весь кардинальский полк.

– Знаешь, – сказал Гордиан, снова прикладывая трубу к глазу, – я не удивлюсь, если среди гарцующих перед нами всадников пребывает и сам кардинал Амир.

– Да ну?

– Вот те и да ну. Вообще, тебе не кажется странным, он решился атаковать нас всего с четырьмя тысячами сабель? Не маловато ли? Ночь там или не ночь, а ведь мы снесем этих придурков картечью за пару залпов, если вздумают атаковать. Не бессмертные же они, в самом деле!

– Полагаю, у него есть для нас сюрпризы.

– Согласен. Знать бы, какие.

Ответ на последний вопрос им пришлось ждать недолго. Сюрпризы стали появляться из-за линии кавалеристов спустя буквально десяток минут, так сказать, «во плоти». Никий крикнул, а Гордиан покачал головой.

Мерно маршируя по основному тракту, к повороту на узкую грунтовку, ведущую к помещью, разворачивалась небольшая по сравнению с кавалерийской массой кардинальского полка колонна пехотинцев. Внешне они очень походили на боссонцев Бранда, поскольку были полностью закованы в тяжелый панцирный доспех. Однако на этом сходства заканчивались.

Броня покрывала бойцов с головы до пят, и даже узкая прорезь глухого ведрообразного шлема, казалось, была закрыта толстой стеклянной пластиной. Бронированные листы не только на торсе, но и на конечностях солдат скреплялись какими-то подвижными металлическими соединениями, не оставляя в доспехе даже щелей, которые можно было бы достать мечом или штыком.

Но более всего поражал рост пехотинцев. Их плечи возвышались над плюмажами и перьями на шлемах и шляпах самых высоких кавалеристов, во весь рост сидящих в седлах своих коней. А ведь в гвардию кардинала, насколько знал Гордиан, брали не карликов. Как минимум три – три с половиной метра, прикинул он, оценивая рост нового врага. Настоящие великаны!

Гор вспомнил книги, прочтенные им в лавзейской библиотеке во время, казавшееся теперь, после Ташских болот, Шерна и Риона, прошлым столетием. Конечно же это Священный легион – неуязвимые, несокрушимые бойцы, разрушающие стены крепостей голыми руками. Вот он, козырь кардинала! Двух сотен таких вояк хватит с лихвой, чтобы передуть всех его мушкетеров или, по крайней мере, чтобы разогнать их как толпу безоружных подростков. Четырем тысячам гвардейской кавалерии останется только веселая охота за уцелевшими сервами и, собственно, арест Гора и других офицеров.

В это время, совершенно не обращая внимания на приближающуюся пехоту, гвардейцы кардинала рассыпались по окружающему пространству привычным для атак кавалерии порядком – широким рассеянным каре, бойцы которого держали в руках не сабли, а изготовленные к бою короткие обрезанные мушкеты, по непонятным причинам именуемые в мире Невона кавалерийским карабином.

Вперед двинулось всего несколько полных подразделений. Остальные же гвардейцы остались стоять на недоступном для огня расстоянии, сбившись в большую темную массу, освещаемую неверным светом горящих стогов.

Разведка, понял Гордиан: двинувшиеся вперед гвардейцы проводили рекогносцировку местности, чтобы оценить позиции противника, и были готовы сразу же отступить в случае прицельного огня. Действительно, всадники разведки растянулись по полю почти вдоль всего доступного обзору периметра обороны и быстрым аллюром устремились в центр. Кто-то из его лейтенантов дал отмашку – и в сторону несущихся всадников прогремели одиночные и залповые выстрелы. Кто-то из гвардейцев упал, кто-то выстрелил в ответ, но большинство, достигнув опасного участка, отхлынуло назад, зафиксировав засады мушкетеров, залегших в кустах и за деревьями.

Когда разведка вернулась, четырехтысячная масса гвардейцев спешила и, явно подражая тактике автоматчиков несколькими часами ранее, быстрыми перебежками распространилась по окружности и залегла вдоль периметра.

Гордиан удивился: даже обычного пехотинца в мире Невона трудно было убедить лечь в своем красивом мундире на землю, а тем более ползти по-пластунски, собирая дорожным военным крашенным сукном пыль с дороги.

Королевский гвардеец за подобное предложение, наверное, тут же зарубил бы командира, отдавшего подобный «унизительный» приказ, сочтя это оскорблением чести. Однако красноплащники легли на землю молча и дружно, как будто делали это каждый день. А затем, марая пурпурные плащи с золотым шитьем, уверенно поползли вперед. Перед линией горящих стогов, впрочем, им пришлось остановиться, поскольку при дальнейшем продвижении их фигуры слишком ярко освещались пламенем и представляли даже в положении лежа хорошую мишень для оборонявшихся. Укрывшись в тени, недоступные вражеским пулям бойцы кардинальской гвардии вжались в грунт, не шевелясь и словно чего-то ожидая.

К этому моменту бронированная пехотная колонна трехметровых великанов дошагала до грунтошки и разом остановилась, вбив обутые в железо ступни в дорожную пыль.

Стальные подошвы ударили в утопанную дорогу!

Затем, повинаясь какой-то незримой и неслышимой команде, прямоугольник

бронированных воинов дружно развернулся и тяжелым шагом двинулся по направлению к линии обороны.

Киборги, а в том, что это были модифицированные бойцы, Гор уже несколько не сомневался, шли плотной колонной, совершенно синхронно поднимая и опуская ноги. Шеренги наступающего пехотного порядка смыкались настолько тесно, что плечо любого из биороботов отделяло от плеча его товарища расстояние едва не в один сантиметр. Такой способ построения противника представлялся идеальным для стрельбы картечью, однако Гордиан внезапно засомневался в эффективности своей артиллерии.

Люди были расставлены им по местам еще час назад, все команды отданы и в принципе ему нечем было командовать кроме своего собственного отдельного отряда, расположенного в центре позиции. Но для этого отряда колонна была еще слишком далеко и ввязываться в бой пока не представлялось возможности. Вместе с Никием, стоящим тут же, им оставалось только наблюдать, как сработает созданный и отлаженный ими механизм обороны.

Механизм сработал!

Колонна двинулась меж двух горящих стогов, разметав третий, пришедшийся точно на середину их движения. Бойцы-великаны прошли сквозь пылающую кучу сена, даже не пошатнув идеальную линию своего строя. Гордиана, впрочем, это не удивило – на то и киборги.

Однако дальнейшее выбивалось из нормального хода событий.

Пушки пальнули четко, разом выплюнув раскаленные шарики картечи в сторону своего врага. Колонна представляла собой слишком хорошую мишень, да и орудия, расставленные в виноградниках, были пристреляны по центру созданных стогами интервалов, поэтому ни один залп не прошел мимо.

Под Шерном Гор видел, какое действие оказывает прямое и близкое попадание картечного гостинца из шестифунтовой кулеврины в плотную пехотную массу. Это похоже на удар мухобойкой по густому скоплению насекомых. Центр атакующей колонны должно было смыть словно волной, накатившей на фигурки вылепленных из прибрежного песка солдатиков. Железные кирасы, рокантоны и даже щиты, обитые стальными полосами, не могли на таком расстоянии прервать смертоносный полет свинца. Но сейчас ничего не случилось!

Картечь отскакивала от нагрудников и ведрообразных шлемов атакующих великанов как горох от стены, не оставляя даже вмятин и сколов.

Колонна киборгов перла вперед. Скорость ее движения оставалась небольшой – закованные в сталь ноги поднимались все-таки не слишком быстро, но само движение было мерным и безостановочным.

Не прекращающие палить артиллерия и мушкетеры первой линии оставались на своих местах до последнего, никто не покинул свой пост, пока колонна, сламывая виноградники, не вступила непосредственно на их позиции. И тут оказалось, что киборги вооружены не только руками в бронированных перчатках.

Раздвинулись металлические листы на правом бедре каждого великана, и из бронированных недр в правые руки киборгов вынырнул длинный металлический цилиндр. Гордиан заметил, как с одного конца цилиндрика вынырнуло длинное лезвие и перекладина гарды, превратившая его в подобие огромного двуручного меча. Длина меча составляла почти два метра – легко вращать подобным орудием вряд ли смог бы даже Бранд с его силой и статью.

Взяв свои телескопические мечи двумя руками за цилиндр-рукоять и держа их вертикально и прямо перед лицом, как во время рыцарского парада, киборги вонзились в линию пристегнувших штыки мушкетеров!

Первые из сервов были сражены даже не мечами. Киборги Священного легиона просто отшвыривали их с позиций пинками, словно кошек или нашкодивших щенков – тяжелыми мешками с переломанными позвоночниками и ребрами несчастные бойцы Армии Свободы отлетали метров на десять от этих страшных ударов.

Затем в ход пошли чудовищные мечи. Чтобы эффективно орудовать ими, колонна немного рассеяла свои ряды, увеличив расстояния между первой и второй шеренгами до нескольких метров. Первая шеренга таким образом выполняла функцию своеобразного волнолома, описывая своим оружием гигантские полукруги и восьмерки, разрубавшие попавших под размах сервов на ровные половинки; вторая и последующие шеренги по-прежнему маршировали, держа мечи «по-парадному» вертикально вверх перед лицом. При этом выдвижение вперед первой линии киборгов нисколько не повлияло на четкость и слаженность движений в колонне. Легионеры следующих за первой шеренг по-прежнему маршировали синхронно, плечом к плечу, соблюдая между собой идеально равное расстояние.

Мерно шагающая «колонна смерти» с монотонностью отлаженного механизма приближалась ко второй линии обороны. Никий тронул командира за плечо, и Гор оторвал взгляд от завораживающей работы этого истребляющего его людей «комбайна». Никий показывал на спешенных гвардейцев, которые, прикрываясь ползущим вперед легионом, продвигались всё ближе и ближе к позициям сервов. Еще немного, и легионеры-великаны прорвут последнюю линию обороны, а поток следующей за ними гвардии кардинала хлынет в обреченное поместье.

* * *

В это мгновение кардинал Амир, гарцующий на своем вороном вместе с приближенными офицерами на дальней высотке перед поместьем, показал стоящему рядом полковнику гвардейцев в направлении двух центральных зданий, между которыми размещался широкий проход внутрь усадьбы. Именно там расположился обоз и резерв сервов. И именно туда направляли свою железную поступь киборги легиона.

Здания, сложенные из серого кирпича, представляли собой примитивные коробки с двускатными крышами наверху и узкими окнами-бойницами в стенах. Высота обоих зданий была такова, что они стояли почти вровень с огромным пальцем башни-донжона, возвышающейся над всей территорией поместья. Наверняка именно там укрылся ненавистный церкви Фехтовальщик.

– Взгляните, сударь, – сказал Амир полковнику, тыча пальцем уже в донжон, – минут через двадцать Священный легион дойдет до внутреннего двора, и наше дело можно считать завершенным. Как только не станет их командиров, сервы разбегутся. Однако, сударь, для меня важно следующее. Там, в донжоне или около него, где-то в центре позиции, находится наша цель – небезызвестный вам Апостол восставших, Гор Фехтовальщик. Его обязательно нужно взять живым!

Амир перевел дух и принялся загибать пальцы.

– Во-первых, – заявил он, – пустите крупные разъезды вокруг поместья, чтобы он не ушел, если вздумает скрыться, затерявшись среди отступающих. Сервов много, так что в разъезды придется выделить, как минимум, половину наших людей. Во-вторых, составьте ударный кавалерийский отряд не менее чем в тысячу сабель. Вместе с ним мы будем двигаться прямо за колонной Священного легиона и за нашими гвардейцами почти след в след, чтобы, как только последний рубеж обороны падет под ударом легиона, немедленно атаковать отступающих в конном строю и найти среди них Фехтовальщика.

– Ударный отряд вы можете считать сформированным, монсеньор, – полковник склонил голову в полупоклоне. – Это первые тридцать эскадронов полка – они готовы и стоят прямо за нами.

– Тем лучше. Собирайте их и выдвигаемся в тыл легионерам.

Красивым жестом кардинал Амир поправил плюмаж на шляпе – сегодня он был в форме гвардии, а не в сутане понтифика – и дал шпоры своему вороному.

Отряд в тысячу сабель, громыхая сбруей, поскакал за ним.

Оставив Никия наблюдать за ходом этой сумасшедшей баталии, Гордиан Рэкс развернулся и спокойным шагом вошел внутрь центрального здания, с крыши которого они обзревали окрестности, сел в кресло и потер виски. Принимая во внимание относительно небольшую скорость продвижения легиона, до полного поражения и истребления доверенного ему Советом виликов стрелкового корпуса есть еще, по крайней мере, минут тридцать—сорок.

Как говорили в его родном городе Доростоле в мире под названием Каталаун, полный трындец. Взгляд упал на недопитую бутылку с вином, стоящую на столе. Мозг услужливо подсказал – вокруг шато виноградники. Есть вино, а возможно – тинза, виски, коньяк – и вообще что-то такое, что может гореть.

В голове всплыл кадр с ползущими по полю танками и пехотой, бросающейся на железнобокие машины с бутылками зажигательной смеси. Гор вскинулся, крикнул стрелков резерва, столпившихся в центре двора бесполезной массой, и спустился вместе с ними в подвал...

Первые поднятые Гором мушкетеры резерва с бутылками зажигательной смеси в руках выбежали на позиции уже спустя десять минут. Импровизированные сервы-гренадеры устремились вперед густым потоком, поскольку стрелять по ним было некому, да и времени на осторожные перебежки просто не оставалось. Они быстро покрыли расстояние до гибнущей под ногами киборгов второй линии обороны и буквально закидали лишенных стрелкового оружия легионеров-великанов своими пылающими снарядами.

Легион вспыхнул как сухой лес, густо покрывшись оранжевыми языками пламени. Из «гренадеров» не пострадал почти никто, поскольку разгоряченные боем мушкетеры двигались значительно быстрее, чем закованные в бронебойные латы киборги.

Громогласное «Кхарра!» прокатилось по рядам сервов. Легион замедлил движение и встал. Пламя скакало по плечам и шлемам, по нагрудным кирасам и металлическим спинам людей-великанов. Блистающие никелированные панцири покрывались чернотой от нагара и копотью от дыма. «Даже если не сгорят, они должны задохнуться» – с надеждой подумал Гордиан и велел выдвигаться второй партии бойцов с зажигательными бутылками, поскольку в центре колонны горели еще не все киборги.

Повинуясь команде, сервы бросились вперед, раскручивая бутылки над головой, как гусары сабли во время конной атаки, и что-то крича в неистовом кураже.

В этот момент по рядам легионеров прошла волна. По-прежнему стоя на месте, колонна разделилась на три части.

Каждая вторая и третья шеренги двинулись соответственно направо и налево.

Плотный строй превратился в линию.

То, как это было сделано, нисколько не вязалось с представлениями Гордиана о действиях пехоты в критической ситуации, когда каждый из бойцов сгорает заживо, почти обезумев от болевого шока. Под ложечкой засосало в предвкушении чего-то рокового и неотвратимого. Киборги взмахнули мечами и шагнули вперед с прежней четкостью комбайна смерти.

Гор тихо застонал. В этот момент вторая линия сервов-гренадеров достигла легионеров. Бывшие рабы метнули свои бутылки, и почти ни один не промахнулся. Пламя заиграло ярче, но этот пиротехнический эффект уже не мог никого обмануть. Легионеры накрыли метателей самодельных гранат смертоносными веерами вращающихся мечей, и разрубленные человеческие тела десятками ложились на землю – бойня продолжалась!

Сервы держались стойко. Многие из мушкетеров, понимая полную бессмысленность подобных действий, пытались брать латников на штык. Десятками они кидались на пылающих великанов, палили в упор из мушкетов, скользили кошкодерами и штыками по гладким панцирям – и десятками же падали, сраженные страшным оружием киборгов.

Тем не менее яростная контратака рабов не прошла даром. Мушкетеры Гора

практически засыпали своими телами путь надвигающейся линии легионеров, и те замедлили движение, спотыкаясь о трупы, увязая в человеческих останках. Десятки одновременных мушкетных залпов не могли их поразить, но заставляли пошатнуться даже самых рослых из великанов-убийц, а некоторые из них даже падали от количества врезавшегося в их панцирь свинца. И хотя они тут же поднимались, строй ломался, и линия вынуждена была равнять ряды, прежде чем снова начать размеренное и убийственное продвижение к третьей линии обороны. На несколько тяжких мгновений наступление Священного легиона замедлилось.

Гор понимал, что долго сдерживать противника, заваливая его путь телами собственных бойцов, он не сможет. Во-первых, у людей не хватит мужества и выдержки, а во-вторых, у него просто не хватит *численности* бойцов. Под ногами легионеров уже лежало почти четыре тысячи мушкетеров, и число павших стремительно росло с каждой секундой.

От центра оборонительной позиции – главных зданий поместья – наступающих киборгов отделяло уже не более пары сотен метров. В следующие минуты должно решиться все. Горящие тела киборгов освещали собой пространство вокруг, ночь превратилась в ужасающее подобие дня, и Гору уже не нужна была подзорная труба, чтобы разглядывать врага во всех подробностях.

Линия киборгов немного замедлила шаг перед основными зданиями поместья и вновь отлаженно и четко сбилась из широкой линии-цепи в плотную колонну, чтобы пройти меж двух строений во внутренний двор. Глядя на марширующих легионеров, вновь вставших квадратным строем, Гор автоматически еще раз пересчитал их.

В продольном ряду пятьдесят человек, в поперечном – четыре. Ровно две сотни.

Всего две сотни! Против его оставшихся шести тысяч стрелков. Неужели никак не сдюжить?

Один из его бойцов, с зажатой в руке обыкновенной разрывной, а не зажигательной «гренადой», подскочил к ближайшему легионеру. Тот тут же снес смельчаку голову мечом, однако зажатая в руке гренада разорвалась, обдав гипертрофированного рубаку взрывной волной. Тот был слишком тяжел и устоял, лишь немного покачнулся и снова двинулся вперед, выписывая двуручником круги и восьмерки. Но Гор смотрел не на вихрь смерти, выписываемый мечом, а на металлический нагрудник киборга. Под копотью и нагаром отчетливо была видна *вмятина*, оставленная взрывом.

В первые мгновения боя Гор подозревал, что доспех легионеров покрыт тонким слоем ишеда – системного металла, неразрушимого в обычных условиях никаким оружием. Но теперь он внезапно понял, что церковь поскупилась на своих легионеров и перед ним всего лишь «обычный» доспех, сработанный из молибденовой или высокоуглеродистой стали. Необычайно прочный, но все же поддающийся механическим повреждениям при достаточной мощности удара!

Пули отскакивают от панциря. Картечь тоже. Возможно даже ядра, доставшие легионера на расстоянии, для него достаточно безопасны. А вот выстрел осадного орудия в упор, причем не картечью, а тяжелым ядром, будет пожалуй эффективен. Гор мысленно прикинул ударную силу выстрела из мортиры, принимая во внимание сечение ствола и низкое качество пороха. Как бы ни были здоровы легионеры, толщина их панциря не может превышать пяти—восьми миллиметров, иначе двигаться будет совершенно невозможно. Значит – мортиры смогут достать киборгов.

Как всегда в такой ситуации, сердце Гора совершенно успокоилось, а голова работала четко и даже как-то излишне отвлеченно. Внезапно он стал смотреть на бой как бы со стороны, наблюдая не кровавую картину ожесточенной резни, а компьютерную игру с эффектом присутствия и соответствующей графикой.

Он подозвал вестовых офицеров и прошел за здания, на обширный плац, где стоял обоз и мортиры. Мортиры всегда предназначались для навесной стрельбы и, по мнению местных спецов, для работы в поле совершенно не годились. Начать с того, что стволы мортир вообще не устанавливались в горизонтальном положении и стрелять могли только под углом

вверх или под тем же углом вниз, например, по тяжелой осадной технике во время обороны крепостей. Кроме того, ядра мортир слишком тяжелы, и в поле стрелять подобными снарядами было попросту невозможно. Дальность полета тяжелого ядра из широкого жерла такого орудия не превышала пятидесяти метров, и десяток мушкетеров с легкостью выкашивал орудийный расчет мортиры еще до того, как она могла начать стрелять, надеясь поразить кого-нибудь своим огнем в открытом поле.

Поэтому почти всегда мортиры использовали исключительно для навесной стрельбы картечью. Однако калибр мортир совпадал с калибром тяжелых кулеврин и осадных картаун, а тяжеленные чугунные ядра последних вполне подходили для коротких стволов этих мини-гаубиц.

Быстро объяснив орудийной прислуге, что нужно делать, Гордиан подключился к работе одного из расчетов. Орудия быстро расчехлили и подняли наверх, на стены и крыши нескольких центральных зданий, выбив стекла окон и проломив стволами орудий тонкие перегородки мансард. При чудовищно широких дульных срезах, стволы мортир были короткими, а вес — относительно невелик, поэтому силами нескольких человек на одно орудие Гору удалось оперативно поднять мортиры на стены.

С осадными картаунами такой номер не прошел бы, поскольку при том же калибре толщина и длина стволов, а также размер пороховой каморы были значительно больше. Этаж или крыша попросту бы провалились под их весом.

Поэтому, отставив картечь в сторону, Гор велел заряжать гаубицы осадными ядрами для картаун, но только чугунными и железными, оставив каменные ядра без дела валяться на возах и телегах. Спустя десять минут все было готово, и жерла мортир уставились своими черными глотками в проходы между двумя основными зданиями, свесившись с крыши и мансард.

Гордиан быстро спустился вниз, оставив за старшего над мортирными расчетами Самсона (того самого лейтенанта, под командованием которого в прошлую военную кампанию он ошивался в Ормском полку), и бросился внутрь двора — расставлять немногочисленные уцелевшие после схватки с автоматчиками кулеврины. Затем, по команде Гора, мушкетеры все еще пытавшиеся контратаковать надвигающуюся колонну Священного легиона, раздались в стороны и откатились назад в широкий проход, ведущий прямо в глубь обширного двора внутри поместья.

Марширующий легион устремился следом.

Широкий проход меж двух зданий перекрывал невысокий забор, являвшийся препятствием для любого желающего пройти внутрь. В заборе были широкие двухстворчатые ворота, через которые дружным потоком и откатились внутрь двора отступающие мушкетеры. Однако то, что является препятствием для мыши, не является препятствием для слона. Настигающий мушкетеров легион прошел сквозь кирпичную кладку забора как бронированный танк сквозь соломенную хижину, оставив за собой только изломанные руины и осколки кирпича! Колонна вошла в проход, уставившись наверх шестью ведрообразных шлемов в заряженные глотки нависающих сверху мортир.

— Огонь! — услышал Гор громовую команду Самсона откуда-то сверху. Мортиры дружным залпом обрушили свои заряды на головы марширующих легионеров!

Великаны, которых ядра достали прямым попаданием, буквально складывались в лепешку, выплескивая из щелей между сложившимся в складочки металлом кровавые густые брызги из плоти раздавленных тел. Те же ядра, которые не попадали прямо в голову киборгам, ложились рядом, вырывая в земле огромные ямы, в которые марширующие строем легионеры валились горами.

Упавшие, впрочем, вставали, но привыкшие действовать на относительно ровной поверхности, не шли вперед, дальше от опасного участка, а старались выровнять разрушенный залпом строй, что было практически невозможно, ибо пространство между двумя зданиями превратилось уже практически в лунный пейзаж, состоящий из наложенных друг на друга глубоких рытвин и высоких подъемов. Во всяком случае, легионеры топтались

на месте достаточно долго для того, чтобы Самсон успел еще раз перезарядить свои орудия, чуть-чуть их перенацелить и дать еще один залп по узкому пространству, на котором стояли, падали и ползали повалившиеся железные чудовища.

Залп! Грохот! Дым...

На этот раз попытку подняться сделали едва ли несколько десятков бойцов из бывших двухсот. Но Гор понимал, что и эти ничтожные десятки, неуязвимые для пуль и штыков мушкетеров, остаются смертельно опасными для его изрядно поредевшего за минувший день корпуса. Он посмотрел на прислугу стоящих перед ним немногочисленных кулеврин и сам дал команду на стрельбу по готовности.

Кулеврины выплюнули свои ядра вперед и прямо в киборгов, поднимающихся всего в нескольких метрах от них, из рытвин и котлованов. Ядра кулеврин были легче, чем ядра мортир, и били не сверху, а прямо. В нагрудный доспех, который наверняка был прочнее, чем защита иных частей тела. И все же залп даром не прошел. Гор видел, как пущенные с короткого расстояния снаряды отрывали поднявшимся людям-роботам руки в суставах, ломали ноги, сносили головы или просто отшвыривали назад, оставляя на широкой бронебойной кирасе, закрывающей грудь, здоровые вмятины от попаданий.

Но снова почти десяток бронебойных бойцов поднялся из вскопанной снарядами земли. Остаток легиона вылез из котлованов, встал строем и с неумолимостью стихии двинулся к сгрудившимся в центре двора мушкетерам.

Проклятье! – подумал Гордиан. – Похоже, нам все-таки придется сдохнуть сегодня. Двигаясь, как в тумане, он выкрикивал команды и видел, как его измученные, но по-прежнему brave стрелки судорожными резкими движениями, двигаясь как заведенные механизмы, в страшной спешке прочищают стволы кулеврин и подносят снаряды.

И понимал – не успеют: слишком коротко расстояние, слишком медленно перезаряжаются орудия. Еще несколько мгновений – и легионеры вырвутся из узкого прохода, обрушив свои огромные мечи на мушкетеров, которые не в силах противопоставить им ничего кроме мужества и готовности к смерти.

Но знакомый звук внезапно вырвал его из багрового тумана, в котором плыла голова.

– Огонь! – услышал он вновь не голос, а рык Самсона. Гулко ухнули с крыш мортиры, но их мощные ядра вонзились не в плечи и головы легионеров – те ушли уже достаточно далеко, чтобы бить по ним прямо сверху, – а *в стены зданий* по обеим сторонам изуродованного взрывами прохода.

Тяжкий гул прокатился вокруг. И мрачные тяжелые фасады обоих строений медленно рухнули, пластами, этаж за этажом.

И Гор понял. Чтоб не палить «по косой» в спины продвинувшихся вперед легионеров, Самсон решил ударить наверняка. Его стрелки навели мортиры с осадными ядрами не на оставшихся киборгов, попасть по которым из примитивных орудий было необычайно тяжело, а на основания противоположных зданий. С крыши правого он велел палить по фундаменту левого строения и наоборот. Тяжелые осадные ядра, пущенные с высоты, разворачивали внутренности обоих домов. Пять многотонных этажей разом обрушились на остатки Священного легиона. Вместе с ними с крыш полетели железнобокие мортиры и их стрелки, их ядра и пороховые заряды. Страшный взрыв, слившийся со звуками разрушающихся строений, накрыл мушкетеров Свободы. А когда дым и пыль рассеялись, кулеврины уже были перезаряжены и готовы к встрече, на случай, если кто-то из рукотворных чудовищ остался в живых.

Гордиан выждал несколько минут, но руины безмолвствовали – Священный легион пал.

Оставив артиллерию наблюдать за остатками зданий, Гордиан созвал к себе автоматчиков и кинулся расстреливать спрятавшихся за развалинами гвардейцев кардинала...

Тысяча гвардейцев следовали за Священным легионом почти вплотную. Впереди двигались тонкой цепью спешенные гвардейцы с мушкетами, а за ними – кавалеристы.

Сначала ударный отряд Амира перемещался в рассыпном строю для уменьшения потерь от возможного мушкетного огня, однако перед двумя огромными зданиями, закрывавшими вход в поместье, всадники перестроились в плотную колонну, чтобы пройти сквозь проход, образованный стенами этих строений.

Амир, уверенный в том, что схватка практически закончена и от победы его отделяет всего лишь шаг, следовал впереди отряда, всматриваясь вперед, дабы не упустить проклятого Фехтовальщика, которому оставалось одно – искать спасения в бегстве. Внезапные и резкие залпы мортир с крыш и мансард застали Его преосвященство врасплох. Такого поворота событий Амир не ожидал, поскольку, наблюдая из космоса, знал: все картауны оставлены его врагом на поле после схватки с автоматчиками, кулеврин очень мало, а мортиры годятся лишь чтобы стрелять навесом.

Увидев, как неуязвимые легионеры один за другим превращаются в груды скомканного металла с сочащимися из щелей внутренностями, он чуть не поддался панике. Но легионеров не зря называли «священными» – под чудовищным огнем почти десятков киборгов устоял и вышел из зоны обстрела с крыш. Еще несколько мгновений – и они должны были смять обессиленных сервов, стоявших прямо перед ними внутри открывшегося внутреннего двора. Однако тут грянул новый взрыв, и кирпичный обломок, слетевший с высоты почти двадцать метров, ударил кардинала по голове.

* * *

После уничтожения Священного легиона схватка длилась недолго. Вооруженные автоматами стрелки Тринадцатого пророка резво перебрались через обломки и выкосили пытавшихся атаковать их в конном строю гвардейцев менее чем за несколько минут. Тела в роскошных алых накидках усеяли развалины только что рухнувших зданий и окружающие их виноградники.

Впрочем, большая часть красноплащников, пущенная в обход места сражения, по всей видимости, с целью пресечь возможное хаотическое бегство сервов после взятия внутреннего двора, все же ушла. Их оставалось почти три тысячи человек, но Гор не жалел. «Ударные» всадники кардинала, брошенные на штурм внутреннего двора, и большая часть спешенных стрелков были либо скошены автоматными пулями, либо сдались на милость победителя. Всех сдавшихся согнали в кучу в центре разрушенного поместья и разоружили, отбирая не только мушкеты, но и множество вещей, которыми гвардия запасалась, выезжая на войну. Изысканные кинжалы, даги, пистолеты с позолотой, ремни, стилеты, маленькие седельные секиры – все это во множестве изымалось у горемычных вояк, брошенных своим кардиналом в самое пекло огневого боя.

Кстати, отсутствие самого кардинала среди согнанных в круг пленных очень настораживало Гордиана, ведь по всем свидетельствам выходило, что Амир вел свой ударный отряд сам. Взяв пару сговорчивых гвардейцев для опознания и нескольких мушкетеров, Гор спешно отправился на поиски Его преосвященства и после недолгого брожения по обломкам и перед ними обнаружил искомое тело.

Амир валялся возле лошади, в несколько неестественной позе, но не настолько неестественной, чтобы можно было сделать вывод о переломе позвоночника. Гор перевернул потенциальный труп на спину и приложил два пальца к шейной артерии.

Пульс определенно прослеживался. Кардинал был жив.

«Можно начинать верить в собственную святость, – подумал тогда Гор, – надо же как везет». Он велел отнести Амира в центр полуразрушенной позиции, связать и беречь как собственную печень. Поговорить с главой Бургосской курии можно будет утром, когда тот придет в себя. Пока же имелись и другие дела.

Утро, впрочем, не заставило себя ждать. Всего через полчаса заалел рассвет, и стоящий рядом Никий тронул Фехтовальщика за руку. Апостол рабов обернулся и сквозь прищур глаз увидел, как на вершины холмов, словно ангелы в лучах восходящего солнца, выезжают

конные отряды.

Над всадниками реяли синие знамена Армии Свободы – это двигались авангарды Крисса.

Эпилог под стук молотка

Искусственное Мироздание. Континиум Твердого Космоса. Пятое Пафира 4380 года. Южный Артошский тракт

Кардинал Амир сидел на диване в позе, которую в первый момент можно было принять за расслабленную. Если бы не кровавые проломы в зубах, зияющие во рту, а также перебинтованные пальцы руки, только что отбитые молотком, можно было подумать, что он всего лишь отдыхает на подушках.

С некоторых пор Гор сделался довольно грубым человеком и не любил молчаливых собеседников. По счастью, несмотря на долгую жизнь, славное офицерское прошлое, высокую церковную должность и видимую властность поведения, Амир не оказался стойким. Он сдался быстро, его даже не пришлось пугать калеными прутьями и углями, специально приготовленными Никием на этот случай. Десять минут работы в местной столярке – и все. Его высокопреосвященство стал необычайно говорлив и добродушен.

Гор смотрел на клерикала в упор. Его взгляд был полон истинно божественной ненависти, а в голове бурлили мрачные мысли. То, о чем поведал ему Амир, не вызывало воодушевления.

С момента своего пробуждения в новом мире Гора интересовало множество вещей. Прежде всего то, какое место занимает Невон-143 в Искусственном Мироздании, причины своего пробуждения именно здесь, а также то, по чьей вине это произошло. На второй и третий вопрос у Амира не нашлось ответов – в этом Гор убедился, как ему казалось, доподлинно, ибо пальцы рук он разбивал Амиру последовательно – фаланга за фалангой, и тот вряд ли мог врать. А вот на первый вопрос ему дали развернутый ответ.

Один миллиард лет назад, когда некий множественник по имени Аннубис создал первый кластер Корпорации Нулевого Синтеза, он уже не являлся новичком в деле Сотворения. На момент создания Корпорации, почитаемой ее жителями единственной реальностью Искусственного Мироздания, творение Аннубиса уже включало в себя сто сорок три независимых континиума вселенных, каждый из которых он назвал «новым», или – «невоном», на своем древнем божественном языке.

Корпорация стала всего лишь сто сорок четвертым из них!

«Невон-0144» – так называлось она в закрытом списке Аннубиса.

В отличие от Континиума Корпорации, «Невон-0143», или Эшвен, в котором возродился Гор после неудачного Хеб-седа, имел более почтенный возраст. Жители сто сорок третьего Невона именовали свой мир «Твердым Космосом», и название это представлялось Гору более чем верным.

«Твердый Космос» являл собой извращенный аналог «Корпорации Нулевого Синтеза». Как и во вселенных Нулевого Синтеза, тут широко применялись традиционные для всех «невонов» технологии клонирования, Хеб-седа, нейрошунтования и создания материи из Нуля. Однако вместо промышленных центров здесь присутствовали храмы, вместо «менеджеров» – клерики, вместо Торгового союза планетарных государств – единое на весь Твердый Космос вселенское королевство.

Но все это казалось Гордиану не самым главным отличием. Суть состояла в ином: место космического пространства, заполненного вакуумом и межзвездной пылью, тут занимала бесконечная космическая *твердь* !

Внутри этой тверди, как пустые пузырьки в воде, плавали планеты-каверны – вывернутые наизнанку миры. Миры эти именно плавали, поскольку с течением

миллионолетий, они плавно смещались по орбитам вокруг друг друга.

Каждый пузырь окружала сначала земная кора, затем твердая и сухая мантия, и, наконец, весь этот твердый «орех» плавал в бесконечном по всем направлениям океане из расплавленной под чудовищным давлением бескрайней космической магмы.

Сначала Гор не поверил – такого «вывернутого» космоса просто не могло быть в природе, ведь давление магмы, прежде всего, должно было выплеснуться внутрь каверн, внутрь плавающих воздушных пузырей-миров, в которых проживали люди. Все планеты-каверны должны были перестать существовать сразу после сотворения!

Но Амир пояснил: внутри «ореха» из мантии и земной коры, внутри заполненного воздухом гигантского планетарного пузыря сияет солнце-ядро. Диаметр оно имеет явно недостаточный для генерирования внутри себя термоядерных реакций, однако – горит. Почему? Потому что над головами жителей Эшвена светит не настоящее солнце, а огромная электростанция, получающая энергию от Нуля! Внутри Медиас Кордис и подобных ей «внутренних» звезд находятся пустующие залы с огромными машинами, ведущими наблюдения за подконтрольными планетами, а также – машины, поддерживающие силовые поля, защищающие мантию и кору «ореха» от давления извне.

Представив себе всю эту картину, Гордиан покачал головой.

В Твердом Космосе, бесконечном, как и любая «обычная» звездная вселенная, кружили миллионы миров-каверн, или миров-пузырей. Они складывались в настоящие галактики и скопления галактик, возможно, не такие большие по численности составляющих их объектов, как звездные структуры «обычного» космоса, но по сути весьма похожие. Галактики миров-каверн кружились в бесконечной тверди, заполненной плотной, сжатой давлением магмой. В вечном, очень медленном, но неудержимом, почти мистическом хороводе.

Однако это было не все. В каком-то смысле Невон-0143 повторял Корпорацию даже в определенных мелочах. Ибо в Твердом Космосе плавали не только пузыри, сотворенные лично Аннубисом, но пузыри, сотворенные самой храмовой системой. Эта система, так же как и промышленная система Нуль-Корпорации, размножала сама себя!

Первым «пузырем» Твердого Космоса стал Эшвен-1, центральная планета-каверна, тот самый мир, в котором очнулся Гор, в котором имелся Боссон, стояла Лавзея и сумасшедший король Боринос строил свою столицу на заросших камышами болотах. Эшвен значило «камень», и потому Гор счел название символичным, поскольку Эшвен-1 стал первым камнем в фундаменте огромного мироздания.

Внутри Эшвена неувядающим светом горел Медиас Кордис – полужвезда, полуженергостанция, полукорабль. Пройдя в Медиас Кордис через порталы храма, Амир, если возникала нужда, мог надуть в космосе новый «пузырь», определив его местоположение в бесконечной тверди. Гравитационные силы слишком медленно распространялись во вселенной, полностью заполненной материей, а потому появление рядом с одной из планет-каверн ее новой соседки не слишком влияло на вулканическую активность первой. К тому же обе планеты защищались силовыми полями, генерируемыми их «звездами», а значит, опасаться землетрясений в связи с новым «сотворением» не приходилось.

Через портал Медиас Кордис выпускал своего двойника в указанное место пространства, тот надувал вокруг себя силовое поле, создавая таким образом внутри космической Тверди пустующую каверну шарообразной формы. Ее заполнял синтезированный тут же воздух, а затем «звезда» повторяла программу Богов-Роботов Корпорации – на поверхность пузыря выпускались «семена жизни» в форме замороженных в лед аминокислот, и время локально ускорялось, до того момента, как на поверхности мира-каверны не появлялись первые человеческие общины, достигшие определенного уровня культурного развития. После этого время замедлялось, на поверхность новоиспеченного мира приземлялись громадины храмов, кардинал открывал порталы, и войска бессмертного короля отправлялись в погоню за новыми колониями и рабами!

Как и вселенная Корпорации, местная система была в некотором смысле абсолютна и

совершенна. И это значило, что бунт сервов, поднятый Гором, с его странной способностью расстегивать разумные ошейники эшвенских рабов, в любом случае обречен на провал.

– Сколько бы побед вы не одержали, – восклицал кардинал, прижимая изувеченную руку к дрожащей груди, – вам не проникнуть в храмы, а это значит, не получить оборудования для синтеза материи и миров. На вашей стороне всего лишь непобедимая армия, на нашей – технологии синтеза и клонирования! Ваша доблесть – ничто по сравнению с нашей наукой!

Гор смеялся и бил его по лицу.

Однако внутри него смеха не было. В этот час ситуация показалась ему безвыходной более чем в тот день, когда он впервые осознал себя бесправным худосочным рабом на кухне лавзейского поместья. Мушкетеры и шпаги бессильны против клонических колб и синтетических аппаратов.

Но он продолжил свой допрос.

О строении оставшихся ста сорока двух невонов Амир рассказать не мог – он там никогда не бывал. Согласно спискам, энциклопедиям и каталогам, Невоны были разнообразны – от совершенно плоских вселенных, до таких вычурных, как «Нуль-Корпорация» или «Твердый Космос». Однако различались невоны не только строением, но и функционально.

Так, например, континиум Корпорации считался самым передовым, а потому и *последним* континиумом Искусственного Мироздания. Скорость «размножения» кластеров Нуль-Корпорации значительно превышала скорость роста Твердого Космоса и всех прочих вселенных. («Еще бы, – подумал Гор, – ведь в Нулевом Синтезе производством миров занимались роботы, а не люди!») Кроме этого, Корпорация представляла собой самый передовой мир в смысле развития техники, науки и искусства – это тоже было понятно, ведь в ней действовала самая совершенная в этом смысле экономическая система.

Образование в Корпорации являлось тотальным и доступным, работников интеллектуального труда имелось много, все открытия патентовались и гарантировали огромные дивиденды в случае их практической применимости. Более того, только удачные изобретатели могли стать во вселенных Нулевого Синтеза богатыми людьми. Всех остальных ждали безработица и «добровольное рабство», необходимое для продления жизни и реинкарнации. Так что свободным людям из Континиума Корпорации приходилось слишком много «работать головой», чтобы сохранить свое платное бессмертие и свободу.

Результаты, как говорится, были налицо – вселенные «Нуль-Синтеза» порождали невероятное количество технических открытий и произведений искусства, фильмов, книг, невероятных архитектурных сооружений и бесконечное море новых потребительских товаров каждую долю секунды своего миллиардолетнего существования.

Континиум Корпорации, по мнению Амира, стоило бы назвать «миром потребления и прогресса». Твердый Космос в этом смысле казался совсем другим: Эшвен, по словам кардинала, был «Миром Приключений».

Постоянные, бесконечные средневековые войны в колониях, схватки флотов, восстания покоренных народов, дуэльные турниры, скачки и стычки, гладиаторские бои, гаремы наложниц, шпаги и пистолеты – все это на фоне блистательного королевского двора вкупе с роскошными поместьями шательенов, их титулами и роскошью быта представляли собой великолепное поле для самореализации любых, самых авантюрных натур.

Гор спросил, является ли функциональная характеристика невонов домыслами Амира, или...

– Или! – сказал Амир, давясь от боли в поломанных пальцах. – Все невоны были созданы Божеством для себя! Их функции – вот причина для сотворения Континиумов и Мирозданий, все остальное – лишь внешний антураж.

«Корпорация Нулевого Синтеза», она же Невон-0144 стала передовым миром, которым Бог покрывал свои амбиции к безудержному росту владений человечества и прогрессу цивилизации.

А «Твердый Космос», он же Невон-0143 стал местом его досуга. По мнению Амира, в истории Эшвена не раз и не два зафиксированы случаи, когда Творец путешествовал по вселенскому королевству в качестве обычного человека. В основном – богатого шательена, получающего удовольствие от приключений, развлекающегося в поместье с наложницами, на балах – с роскошными дамами, на войне – с врагом, а в мирное время – на дуэлях с консидориями.

При последних словах Гордиан на секунду задумался, припоминая Хавьера, однако задерживаться на этой мысли не стал – ему стало страшно, и продолжил расспросы. Теперь, когда картина Творения оказалась более или менее ясна, он задал главный вопрос – о Творце...

В Континиуме Корпорации Творец звался «Богом Смерти», а здесь, в Твердом Космосе, он был «Богом Света». Почему? Ответ на этот вопрос интересовал Гора довольно давно. И Амир, пожалуй, являлся самым лучшим из собеседников, кто смог бы удовлетворить этот интерес. Однако глава Бургосской курии и соответственно всей Эшвенской Церкви ничего толком не смог на это ответить. Но кое-что интересное в его рассказе все же прозвучало.

Давным-давно, когда только был создан Твердый Космос, верховным божеством на всех планетах-пузырях почитали мрачного Бога Смерти – так же как в Корпорации. Однако ровно три тысячи лет назад произошла перемена. С экранов храмовых мониторов, через которые обращался к своим служителям Бог Смерти и Тьмы – Творец Мироздания, явился *Другой*, представившийся церковникам Богом Света – реинкарнацией старого Божества. Имя свое он прочел как Хепри-Ра, и, поскольку альтернативы у храмовников не было (Бог с экрана управлял техникой храмов – силовыми полями, клоническими цехами и аппаратами синтеза), в честь нового Господа изменили культ. Население Эшвена никогда не испытывало особой религиозности по отношению к своему старому Богу-Творцу, преклоняясь скорее перед его реальным могуществом, чем перед его божественной святостью, а потому замена произошла легко.

Храмовников, однако, это не спасло. В мир явился Двенадцатый Апостол – Хепри, назвавший себя олицетворением Хепри-Ра на земле. Он создал новое королевство и полностью сменил всех клериков на высших постах. Именно тогда, три тысячи лет назад, Амир получил свой пост вселенского кардинала – до этого он подрабатывал у Апостола адъютантом в штабе кавалерии.

Чем объяснялась подобная смена культов, Амир объяснить не мог.

Бог Смерти умер, но явился Бог Света.

Услышав об этом, Гор задумался и на сей раз – надолго. В перемене Божеств что-то было – но он не мог понять *что!* Еле различимая, почти подсознательная уверенность протянула в его голове тончайшую нить между странным фактом смены культов в храмах Твердого Космоса и исчезновением Учредителя Корпорации в родном ему мире. Ответ на загадку, послужившую началом всех его бед, казался ужасающе близок, Гор чувствовал это, но... Логика молчала, ей попросту не хватало фактов.

Гордиан задумчиво посмотрел в окно: звезды вокруг искусственного светила, превратившегося на ночные часы в «луну», светили совсем как в «обычном» космосе – ярко, но сумрачно, навевая мысли о вечном. Судя по цвету «луны», было уж далеко за полночь. В палатках, кольцом окруживших полуразрушенное поместье и виноградники, дремали драгуны Крисса и его мушкетеры. Завтра в дорогу, подумал Гордиан, следовало отдохнуть. На сегодня он итак узнал слишком много.

Кинув Амиру фляжку с брэнди, чтобы запить боль в изломанной руке, Гор отдал распоряжения конвоирам и завалился спать.

А на следующий день, подобрав валявшиеся вдоль тракта пушки и наскоро похоронив мертвых, оба корпуса длинной чередой тяжело нагруженных повозок потянулись на юг. Теперь Гор ехал в середине строя в окружении охраны и вестовых. Знамя восстания не развевалось над его головой, а, напротив, пронзало небеса в авангарде, где вместе с бывалыми

мушкетерами тянулась в бесконечную даль по тракту разудалая песня восставших сервов. Подобное размещение внутри строя не слишком импонировало самому Гору, однако война есть война и рисковать понапрасну он более не хотел.

Пламя восстания по-прежнему бушевало на просторах Эшвена сокрушительной бурей, цунами, гоняя по древним трактам многоголовые армии, состоящие из десятков, а то и сотен тысяч вооруженных убийц. Короткий бой, который Гор выиграл вчера у кардинала, сражаясь одним мушкетерским корпусом против гвардейского полка и двух сотен бронированных легионеров, казался чем-то незначительным по сравнению со всей этой титанической круговертью. И все же бой многому научил Тринадцатого пророка. Забота о безопасности и отсутствие сомнений стали главными из новых уроков. Амир поспешил, и вот результат: со связанными руками и ногами, с кляпом во рту и с заблокированным от Хеб-седа шунтом он валялся в ближайшей телеге гниющим мешком с соломой. Кардинал сейчас беспомощен и бесполезен: нейрошунт его отключен и не поддерживает контакт с Сетью. Силовые поля вокруг храмов не пропустят пленника внутрь. Нуль-портал не откроется перед захваченным в заложники иерархом. Жизнь Его Высокопреосвященству, казалось бы, сохранена только для одного – публичной казни на площади под презрительные окрики поднявшихся на бунт сервов...

Так думали спутники Гора. Но сам падший бог до дрожи в пальцах надеялся на иное. Как ни смешно, но вчерашний ничтожный бой и последовавший вслед за ним почти случайный захват кардинала Амира являлся *главным событием* последнего года войны – Гор это отчетливо сознавал.

И пусть для служителей церкви жизнь Амира теперь ничто, но для него самого и для преданных кардиналу людей эта жизнь – жизнь *бессмертного существа* – должна являться непревзойденной ценностью. А значит...

А значит – вперед!

Бог Гор рассмеялся. Впервые за два долгих года пребывания в Твердом Космосе у падшего демиурга появился ничтожный шанс на победу.

Продолжая размышлять о деталях нового плана, Гордиан Рэкс дал шпоры разленившемуся гнедому. Как будто позабыв о собственной безопасности, Рэкс вырвался из круга телохранителей и помчался вдоль линии марширующих рот к полковнику Криссу. Им многое следовало обсудить, а до города Бургоса, самого большого мегаполиса этого мира и величайшей из когда-либо построенных в нем столиц, их маленькой армии оставалось миновать всего восемь дневных переходов...

И наутро девятого дня Гор и Крисс увидели священные стены Бургоса.

В голубые небеса над великим городом тучными жирными червяками устремлялись ввысь дымовые столбы. Когда-то белые облака, плывущие над широкой долиной Кобурна, темнели рваными полосами и походили на печную отрыжку. Ветер разносил по округе ужасающий трупный смрад, и даже сама земля, казалось, была напитана липкой и скользкой копотью...

Внизу копошились вражеские полки.

Гор и Крисс опоздали... И теперь новые, кровавые и ужасающие приключения ждали их впереди!

Продолжение следует!

Приложения

Приложение 1

Штатная численность подразделений Эшвенской Королевской армии

ПЕХОТА

Деление пехоты является классическим для описываемого периода эшвенского военного искусства. Структура королевской армии, численность и устройство ее подразделений складывались веками в соответствии с применяемой эшвенами бригадной (терционной) тактикой ведения боя. В соответствии с этой тактикой пехота строится на поле большими квадратными колоннами в шахматном порядке и состоит из следующих видов подразделений.

Тяжелая пехота (пикинеры и алебардщики):

1. Полк, или регимент. Включает 10 800 человек и состоит из 3 пикинерских бригад (терций).
 2. Пикинерская бригада, или терция. Включает 3600 человек и состоит из 12 рот.
 3. Рота. Включает 300 человек и состоит из 10 капральств по 30 человек в каждом.
- Построение пикинерской бригады на поле – квадрат со стороной 60 человек.

Легкая пехота (мушкетеры):

1. Полк (регимент). Включает 12 960 человек, состоит из трех мушкетерских бригад.
 2. Мушкетерская бригада. Включает 4320 человек, состоит из 12 мушкетерских рот (фирфинлейнов).
 3. Мушкетерская рота (фирфинлейн). Включает 360 человек, состоит из 6 караколей.
 4. Караколь. Включает 60 человек, состоит из двух капральств по 30 человек в каждом.
- При построении в поле одной пикинерской терции соответствует один фирфинлейн мушкетеров. Фирфинлейн становится перед квадратом пикинеров отдельными караколями, шириной десять человек и глубиной шесть.

КАВАЛЕРИЯ

В соответствии с эшвенской тактикой боя королевская кавалерия делится на два вида: тяжелую (жандармы) и легкую (рейтары). Однако подразделения и тех и других имеют одинаковую численность и состоят из следующих типов подразделений:

1. Кавалерийский полк (регимент). Включает 960 человек, состоит из трех эскадронов.
2. Кавалерийский эскадрон. Включает 320 человек, состоит из 10 корнетов.
3. Кавалерийский корнет (полный корнет). Включает 32 человека ровно. Так называемый «полукорнет» – 16 человек.

Приложение 2

Штатная численность подразделений Армии Свободы

ПЕХОТА

После реформ 4380 года пехота рабов была разделена на полки, которые при необходимости объединялись в бригады и корпуса. Однако в рассматриваемый период (Рабская революция 4380–4382 годов) командование восставших несколько раз меняло структуру и численность своих военных подразделений и после знаменитой реформы, постоянно экспериментируя как с вариантами тактических построений, так и со структурной организацией сервского войска. Однако в целом основная часть военных сил Республики состояла из следующих видов подразделений:

1. Корпус. Включает 12 800 человек, состоит из 4 полков.
2. Бригада. Включает 6400 человек, состоит из 2 полков.
3. Полк. Включает 3200 человек и состоит из 4 батальонов.
4. Батальон. Включает 800 человек и состоит из 4 смешанных рот.
5. Рота. Включает 200 человек и делится на 4 плутонга (полусотни).
6. Плутонг (полусотня). Включает 50 человек и делится на 2 капральства.
7. Капральство. Включает 25 человек ровно.

Кроме основного деления, корпуса, бригады и даже отдельные полки могли сопровождаться дополнительным «корволантом» (корпус вестовых и разведки), включающим до 400 всадников, то есть четыре полные сотни.

КАВАЛЕРИЯ

Вся кавалерия в рабской армии на протяжении всех лет войны была исключительно драгунской, то есть состоящей из конных мушкетеров, неуклюжих наездников, очень часто спешивавшихся перед схваткой для огневого боя и дравшихся как обычные пехотинцы.

Драгуны сервов объединялись в следующие типы подразделений:

1. Кавалерийский корпус. Включает 4000 человек и состоит из 4 полков.
2. Кавалерийская бригада. Включает 2000 человек и состоит из 2 полков.
3. Драгунский полк. Включает 1000 человек и состоит из 10 эскадронов (сотен).
4. Эскадрон. Включает 100 человек. Так называемый «полуэскадрон» (полусотня) включает 50 человек.

Ввиду никчемности драгун в сабельной рубке каждый драгун вооружался мушкетом, саблей, а также (помимо них) двумя или четырьмя отличными пистолетами, расположенными в седельных кобурах (первая пара) и в кобурах на поясе (вторая пара).

АРТИЛЛЕРИЯ (стрелковый корпус Гора Фехтовальщика) – в бригады не формировалась и состояла из:

1. Артиллерийский полк. Включает 2640 человек, 4 батальона-батареи.
2. Батальон-батарея. Включает 660 человек, 4 канонирские роты и 1 бомбардирскую роту.
3. Канонирская рота (кулеврины и мортиры). Включает 132 человека, 22 орудия.
4. Бомбардирская рота (картауны). Включает 132 человека, 11 орудий.

Бойцы стрелкового корпуса считались конными мушкетерами.

И хотя реально во время войны на всех стрелков лошадей не хватало, сугубо теоретически вся артиллерия Армии Свободы является конной артиллерией.

Глоссарий

АВЕНАЛИИ – специальные «Летние», или «Малые игры», ежегодно проводимые префектами в каждой марке (провинции) Эшвенского королевства. Авеналии состоят только из индивидуальных боев-единоборств, так называемых призовых дуэлей. Гордиан Рэкс в теле кадета Гора Фехтовальщика является чемпионом малых боссонских авеналий 4380 года – последних, когда-либо проводившихся при королевской власти. *Королевские авеналии* – «Зимние игры», или «Большой турнир», проводимый ежегодно в столице королевства Бургосе под патронажем Его величества Единого короля. Включает в себя не только призовые дуэли между чемпионами марок, но и крупномасштабные массовые поединки между целыми отрядами (полусотнями) тяжеловооруженных гладиаторов. В 4380 и 4381 годах Большие игры в Эшвене не проводились в связи с великим Боссонским бунтом, в котором, собственно, и были задействованы все потенциальные участники Больших Авеналий – консидории бойцовских школ.

АННУБИС, УЧРЕДИТЕЛЬ КОРПОРАЦИИ, БОГ СМЕРТИ, УЧРЕДИТЕЛЬ НУЛЯ – вся власть над машинерией Искусственного Мироздания принадлежит легендарному основателю Нуль-Корпорации – загадочному Учредителю, Богу Нуля и Смерти. Учредитель действительно является фигурой мифического, если не сказать мистического масштаба. Информация о его происхождении и биографии отсутствует в глобальной Сети, остальные сведения – отрывочны и неточны. Местонахождение и внешность его неизвестны. Личность

и история – не описаны. Цели и предпочтения – не ясны.

Бесспорными считаются только два факта: в начале времен Учредитель изготовил первого нуль-робота, создал первую искусственную вселенную и инициировал таким образом процесс «размножения» кластеров Корпорации. Впрочем, это утверждение ничем не подтверждается, кроме самого существования искусственных кластеров.

Второй факт, однако, более неоспорим: Учредитель незримо присутствует в Глобальной Сети и обладает в пределах Нуль-Корпорации практически беспредельной властью. Доказательства? Все крупные решения Правительства, Экклесии или Ареопага Нуля имеют силу только после их подтверждения электронной подписью Учредителя.

И он их подтверждает. Миллиарды решений. Каждый день.

АНТИЙСКАЯ ЛОШАДЬ – особая порода скакунов в Эшвенском королевстве. К моменту начала боссонского бунта широко распространена по всем кавернам Твердого Космоса. Внешне напоминает единорога – необычайно красивое, грациозное и выносливое животное, но с двумя козлиными рогами.

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА (а. е.) – исторически сложившаяся единица измерения в Корпорации. Согласно данным исторических сайтов, считается, что 1 а. е. равна отрезку между центрами масс Древней Земли и звезды, вокруг которой та когда-то кружилась. Таким образом, 1 а. е. есть радиус орбиты, при котором на планете земного типа, находящейся в системе звезды класса «G», температура и условия будут соответствовать условиям, пригодным для проживания человека. Таким образом, 1 а. е. – это строительный стандарт при создании обитаемых планет.

Примечание : согласно принятому в Нуль-Корпорации Классификатору постоянных величин 1 а. е. в абсолютном значении составляет 149 597 870 610 километров.

БАЦИНЕД – разновидность глухого «рыцарского» шлема. Визуально характеризуется вытянутым вперед забралом, напоминающим клюв. Обычно украшался роскошным плюмажем, перьями, конским волосом или металлическими статуэтками, имитирующими родовой герб.

БОГ-РОБОТ – разумная машина, созданная Учредителем Корпорации для сотворения вселенных. Особая архитектура Искусственного Мироздания вообще и Корпорации Нулевого Синтеза в частности требует особых средств расширения и экспансии. Важнейшим из таких «средств» на заре Сотворения стал бог-робот. Эти совершенно автономные фабрики-творцы, создают вселенные (огромные, замкнутые в себя пространственно-временные ячейки, заполненные звездами) в автоматическом режиме, руководствуясь заложенной в них «вечной» программой – без усталости и без передышки, каждую секунду каждую минуту, каждый час, каждый день. Существование богов-роботов позволяет Искусственному Мирозданию бесконечно расширяться, не требуя при этом контроля со стороны Человечества.

ВИЛИК – управляющий поместьем, главный раб. *Провилик* – заместитель вилика, управляющий отдельным хозяйством внутри шато. После начала восстания вилики и провилики Боссонского края, провинции, где вспыхнула великая рабская революция Эшвена, и входившие до начала восстания в подпольную Партию Равных, составили высший исполнительный орган рабской революции – Совет виликов, управляющий армией и принимающий важнейшие кадровые и политические решения.

ВОБАН, СЕБАСТИАН ВОБАН (1633–1707 гг. от рождения Иешуа) – легендарный основатель французской теории фортификации, перевернувшей науку о ведении войн в XVII–XVIII веках по доисторическому летосчислению. Автор классического труда «Книга об атаке и обороне крепостей» – фундаментальной и, пожалуй, лучшей работы того времени, обобщающей богатейшую практику ведения войн и осад.

ГАБЕЛАР – букв. «охранник», «телохранитель», «стражник». В Эшвенском королевстве существовало множество категорий лиц, объединенных этим названием, но выполняющих функции, совершенно не идентичные. Префекты городов, например, и земские наместники содержали целые габеларские роты и даже батальоны, выполнявшие в

городах функции местной полиции общественной безопасности, ППС, ОМОНа и т. д. Сенешали марок в состав своих армий включали габеларские полки, выполнявшие функции войск заграждения и охраны границы. Рядовые же и, скажем так, «местечковые» лорды-шательены имели в своих шато габеларские полусотни во главе со старшинами, для поддержания порядка в среде собственных рабов. Примечательно при этом, что в первом и во втором случае габелары набирались из свободных. А третьем, последнем, – естественно, из рабов.

ГЛОБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СЕТЬ (сокращенно – ГИС), или Сеть Корпорации – транскосмическая информационная система, сокращенно – «Глобальная Сеть», или «ГИС»; аналог Интернета, совмещенного с системой общего образования, банковской системой, а также и системой тотального социального контроля, регистрации и слежки.

ГОР – Гордиан Оливиан Рэкс, сокращенно – Г.О.Р., он же Хор, он же Гармахис, он же Гор Бехдетский. Бог мести в протоегипетской мифологии, убийца Сета, зачатый матерью от трупа отца – Владыки Мертвых.

ДАЦИОН – тренер «призовых» бойцов. Ланиста консидориев. *Старший дацион* – обычно управляющий Дуэльной школой.

ДЕМИУРГИ – Акционеры Нуль-Корпорации, создатели вселенных-кластеров, разыгрывающие богов перед жителями созданных ими планет, являются на самом деле обычными человеческими существами: бессмертными, почти бесконечно могучими, благодаря немыслимому для простых «смертных» богатству – владению акциями Нулевого Синтеза, но все же не более чем людьми. Их псевдобожественность имеет под собой единственное основание – деньги и технику Корпорации.

ДУЭЛЬНАЯ ШКОЛА – специальное закрытое заведение при эшвенских шато, предназначенное для подготовки консидориев, будущих участников призовых боев или призовых дуэлей. *Призовая дуэль* – индивидуальный бой с применением холодного (преимущественно клинкового) оружия на авеналиях или в частном порядке за денежный или иной приз, назначаемый владельцами одного или обоих претендентов, или же организатором турнира.

ЕПАНЧА КОНСИДОРΙΑ – особый плащ красного цвета, узкий и короткий, доходит до колен, чтобы не затруднять движений. В Боссоне епанча выдавалась призовым бойцам при посвящении в консидории. Кадет мог стать консидорием и соответственно обладателем епанчи либо по окончании трехлетнего курса обучения в Дуэльной школе, либо по совершении умопомрачительного подвига, например победоносного боя с уже прославленным бойцом. В переносном смысле епанча – предмет абсолютной гордости каждого консидория и невообразимой зависти каждого кадета. У Гора, например, этот предмет одежды подобных чувств не вызывал.

ЖАНДАРМ, ЖАНДАРМЕРИЯ – старинное название тяжелой рыцарской кавалерии. Вопреки распространенным среди обывателей представлениям жандарм – это не только толстый усатый дядка-полицейский, жующий «конфискованный» крыжовник и следящий за порядком в провинциальном городе позапрошлого века. Истинный смысл слова «жандарм» – это великолепный воин, рыцарь, слава и гордость Средних веков! Тяжеловооруженный всадник с пикой из легендарной эпохи, когда на полях сражений почти тысячелетие господствовала исключительно конница. Гитлер сравнивал свои танковые «кулаки» с эскадронами средневековых жандармов. «Бронированные и несокрушимые» – это про них. Рыцари! Дворяне!

ИШЕД, он же «ишед-оливин», он же «шесаит»: (1) Изначальное, более приземленное значение слова «оливин» (*хим.*) – магнезиально-железистый силикат, представляющий основную магматическую породу планет земного типа, необычайно распространенный в верхних слоях мантии. На поверхности встречается в виде вкраплений в базальтах. Наиболее известная разновидность – хризолит, ярко-желтый иногда желто-зеленый драгоценный камень с кристаллической структурой в виде цепей из октаэдров. (2) Согласно легендам,

ишед-оливин – это металл из крови демонов, крови «Падших Богов», металл Бога-Творца Атума. Убив демонов, Атум творит мир из внутренностей, склеивая их кровью «ишед». (3) В данном случае под «ишедом» имеется в виду так называемый «системный металл» – особый вид необычайно твердого вещества (т. н. «абсолютной материи»), синтезируемого Нуль-Корпорацией. Не поддается никакому механическому или химическому воздействию. Его можно лишь «сотворить» или аннигилировать внутри аппаратуры Нуль-Синтеза. Но главное свойство – емкость, окруженная ишедом, обладает способностью «поглощать» пространство. Поэтому используется ишед в основном для космических станций с нуль-портами переходов. Технология создания этого «системного металла» доступна только Нуль-Корпорации.

КАВЕРНА, ПЛАНЕТА-КАВЕРНА – многочисленные шарообразные пустоты, расположенные внутри «каменной тверди» Твердого Космоса (Эшвен), заполненные годной для дыхания атмосферой. На внутренней поверхности таких миров-пузырей проживают люди, в центре «пузыря» горит звезда или же группа звезд. Каверны Эшвена объединяются в «группы каверн», «скопления групп каверн» и даже «твердые галактики», в полном соответствии со структурой «обычных» звездных вселенных. Медленно, с течением миллиардов лет галактики перемещаются в «каменном» пространстве, ползут и вращаются друг вокруг друга. Связь между кавернами осуществляется через порталы внутри храмов Хепри. Гравитация на поверхности поддерживается искусственно. От «схлопывания» под воздействием внешнего давления каменной Тверди каверны удерживают силовые поля, которые также генерируются храмами Хепри. Твердый Космос, таким образом – абсолютно искусственное образование, существование которого невозможно без участия церкви.

КАРАКОЛЕ (караколь) – традиционный боевой порядок мушкетеров, шесть—восемь шеренг в глубину, позволяющий, несмотря на медленность заряжания оружия вести относительно непрерывный огонь.

КАРТАУНА – тяжелое широкое мощное осадное орудие, название происходит от слов «короткая», «толстая» (в отличие от длинных и узких кулеврин), имеет длину 2–3 метра, весит от 5 тонн; предназначено для метания чугунных и даже каменных ядер, применяемых при осаде городов или чудовищных картечных «подарков», буквально выкашивающих пехоту. Традиционно используется при разрушении крепостей, лафета не имеет, для стрельбы устанавливается на «балку» – специальную платформу, укрепленную на земле сваями. Картауны весом свыше 10 тонн зачастую назывались *суперкартауны* и метали ядра весом более 400–500 кг. Максимальный известный вес суперкартауны – 32 тонны. Представьте, как она лупила!

КОЙН – дословно «хомут». Эшвенское название электронного ошейника для рабов и животных.

КОЛИШЕМАРД – своего рода «переходное» оружие между малой трехгранной шпагой (рапирой) и тяжелым одноручным мечом. Имеет *широкий* клинок в части, близкой к эфесу (примерно восемь—десять сантиметров), – для увеличения силы парирования, а в остальной части – *узкий* граненый клинок для укола.

КОНСИДОРНИИ – букв. «знаменитые». «славные». Дерущиеся на авеналиях дуэлянты. Гладиаторы Эшвена, профессиональные поединщики, спортсмены-бойцы. Преимущественно мечники и стрелки.

КОРПОРАЦИЯ – «Корпорация Нулевого Синтеза», «Корпорация Человека», «Нуль-Корпорация», «Корпорация Нуля», «Нуль-Синтез» или же просто «Нуль». Полное официальное название – «Производственно-коммерческое объединение предприятий Нулевого Синтеза»; организация, создающая искусственные вселенные, искусственных людей, искусственное пространство и время. Грандиозная надгосударственная промышленная и торговая структура, сотворившая все существующие в Искусственном Мироздании вселенные, сдающая большую их часть за ренту или распродавшая меньшую их часть в руки частных владельцев. Происхождение – неизвестно, точная дата возникновения – также.

КОШКОДЕР – кацбальгер (Katzbalger). Самое распространенное оружие панцерной пехоты в мирах Невона-0143. Короткое мощное прямое лезвие односторонней заточки с S-образной гардой.

КУЛЕВРИНА – от Couleuvre – «змея», «уж» – длинноствольное орудие полевой артиллерии среднего калибра. Стандартный вес кулеврины в Эшвенской армии – 12 фунтов.

ЛАВЗЕЯ – боссонское шато лорда-шательена Рэя Брегорта, знаменитое училище консидориев, ставшее вместе с Ормом и Кидоной основой и началом будущей Республики Равных.

МАРКА – основная административно-территориальная единица, «провинция» в Эшвене. Условно все Единое Королевство разделено на марки, обширные регионы, созданные по границам покоренных государств и управляемые сенешалями. Марки, в свою очередь делятся на префектуры и управляются префектами. Однако помимо марок в состав Королевства на территории Бургосской епархии также входят вассальные домены:

- церковный домен провинция Эльбиника,
- домен крон-принца провинция Карабан,
- республиканский союз Тысячеградья,
- столичный округ Бургос и Литавра.

МЕДИАС КОРДИС (Medias Cordis) – огромная звезда, освещающая сферу Невон изнутри. Дословно название переводится просто и без изысков – «центральное светило», или на древнем поэтическом «ashven» – «Свет Господа в центре Небес».

НЕВОН-143 – официальное название вселенной Твердого Космоса (Эшвен) в каталоге Искусственного Мироздания.

ОРДОНАНС – закон Эшвенского королевства, утвержденный королем и распространяющий свое действие на все земли Короны (в отличие от местных и провинциальных законов, издаваемых префектами и сенешалями и действующих только на территории соответственно марок и муниципалитетов).

ОРМА и **КИДОНА** – два шато Северного Боссона, Дуэльные школы, на основе которых формировались первые полки сервской армии.

Под «системой заводов» имеются в виду **ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ НУЛЯ** – стальные планеты или планетоиды, являющиеся основой для производства *кластера*, т. е. отдельного изолированного пространства для размещения звезд и планет. ИЦ Нуля – это космическая фабрика, склад, бронированный военный корабль и огромный город в одном корпусе.

ПОЛНЫЙ КОРНЕТ – воинское подразделение легкой кавалерии, состоящее из тридцати двух всадников; полукорнет включает шестнадцать всадников.

ПРОГРАММНЫЕ КЛОНЫ, **ПРОГИ** – промышленные клоны, память и личности которых выращены программистами Нуля в т. н. «программных мирах» – особых виртуальных вселенных, генерируемых для получения из них готовых человеческих матриц. Такие миры создаются по заказу Кадрового департамента (молитва Призывания) исключительно как математическая информационная модель и реально не существуют. В фабриках по клонированию КД выращиваются затем миллионы взрослых и здоровых человеческих тел. И для сокращения затрат по их воспитанию и образованию в мозг выращенных таким образом генетических клонов (т. е. не клонов конкретного человека, а искусственно созданных человеческих организмов с разным генетическим кодом) помещаются сознание и память людей из Программных миров. Обычно – выдающихся индивидов – ученых и воинов, администраторов и талантливых ремесленников, художников и избранных манекенщиц, артистов и медиков. И конечно же – программистов и инженеров.

РОКАНТОН – пикинерский шлем особой обтекаемой формы с металлическими «отворотами» по бокам.

СЕНЕШАЛЬ – букв. военный губернатор, командующий военным округом. Глава всех наличных вооруженных сил в марке (провинции) Эшвена.

СОЛИД – крупнейшая денежная единица Эшвенского королевства. Делится на

сестерции и даты .

ТЕРЦИОС (Tercio) – «терция», «бригада» – проматерь современной бригады и полка, крупное «полевое» воинское формирование, представляющее собой квадратную колонну, по 30, 40, 50, 60 человек в шеренге (как по фронту так и в глубину). Происхождение самого термина «терция» не вполне понятно. Вероятно, связано с тремя родами войск традиционной организации средневековой армии (тяжелая пехота, легкая пехота, кавалерия). Терциос теоретически составляют треть эшвенской армии.

ТШЕДИ – единый термин, применяемый в Искусственном Мироздании для обозначения экстрасенсорных и сверхъестественных способностей человека. Слово происходит от протоегипетского синонима, обозначающего букв. «маг», «колдун». «Джедаи» из «Звездных войн» Дж. Лукаса, по всей видимости, имеют то же происхождение (*авт.*) .

ФАРМУТИН – один из месяцев протоегипетского календаря, который, кстати, практически не отличается от современного. Фармутин соответствует июлю. Всего календарь египтян включал двенадцать месяцев: «Messori», «Tot», «Pafir» (зимние месяцы), «Atir», «Noyuk» и «Tabis» (весенние месяцы), «Mehir», «Famenot», «Farmutin» (летние месяцы), «Pahon», «Painet», «Apifis» (осенние месяцы).

ХЕБ-СЕД – в ПротоЕгипте, праздник середины жизни, «тридцатилетие», перерождение фараона или божества. Ритуальный бег по пустыне, демонстрирующий его молодость и силу. Дословно – «Смерть Бога». В смысле – Смерть и Возрождение. «Король умер – да здравствует Король!» В данном случае имеется в виду описанная ранее традиция демиургов Нуль-Корпорации проводить ритуальную реинкарнацию каждые триста шестьдесят лет.

ХЕПРИ – одно из отражений Ра на Земле (*протоегип.*) . Бог Света.

ШАТО – букв. можно перевести как поместье, вилла, замок. В мире Невона-0143 «шато» – это гигантский «ges omnium», имущественный комплекс, дающий право именоваться лордом-шательеном, владетельным вельможей, принадлежащим к числу высшего дворянства и обладающим сонмом неисчислимых привилегий. В самом общем варианте шато обязано включать в себя: 1) земли; 2) административные, жилые и хозяйственные здания; 3) рабов и 4) титул.